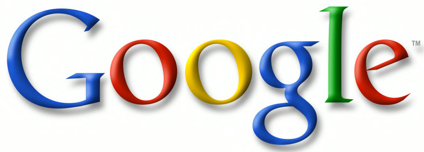
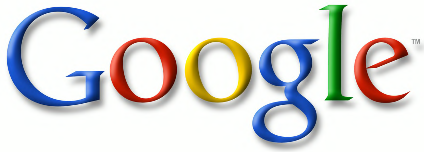

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТЪ ПЕТРА I ДО СМЕРТИ ГОГОЛЯ.

(для учащихся).

СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НОВГОРОДСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая подъяч., д. № 39.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Октября 1877 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе исторіи литературы можетъ быть плодотворно только при основательномъ знакомствѣ съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, и потому, издавая настоящій очеркъ, мы вовсе не имѣли въ виду дать учащимся учебникъ, который они заучивали бы наизусть безъ всякой самостоятельной съ ихъ стороны работы. Подъ руководствомъ преподавателя учащіеся знакомятся съ историческимъ ходомъ отечественной литературы съ помощью всесторонняго разбора образцовъ, предлагаемый же очеркъ есть только конспектъ необходимый какъ для справокъ, такъ и для повторенія пройденнаго курса. Въ составъ очерка вошли какъ главные представители нашей литературы: Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ и Гоголь, такъ равно и второстепенные, произведенія которыхъ даютъ возможность полнѣе представить движеніе литературы въ различные періоды ея развитія.

С. Бураковскій.

Новгородъ,
1-го Октября 1877 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Преобразовательная эпоха.

ВВЕДЕНІЕ.

Преобразовательная эпоха.

Общій взглядъ на два главныхъ періода русской литературы: до Петра и послѣ Петра. — Реформы Петра относительно образованія и просвѣщенія. — Оригинальныя и переводныя сочиненія. — Сподвижники Петра. — Литературная дѣятельность Ѳеофана Прокоповича и его враги. — Свѣтскіе писатели: Посошковъ и Татищевъ.

Исторію русской литературы можно раздѣлить на два главныхъ періода: древній до Петра и новый—съ Петра и до настоящаго времени. Каждый изъ періодовъ имѣетъ свои отличительныя черты. Литературныя произведенія допетровской эпохи всѣ почти безъ исключенія проникнуты церковно-религіознымъ характеромъ. Одни изъ нихъ объясняютъ священное писаніе и догматы христіанской вѣры, другія проповѣдуютъ нравственность, наконецъ—третьи обличаютъ вѣроисповѣданія, несогласныя съ православіемъ, говорятъ противъ ересей, которыхъ въ Россіи особенно было много въ XIV и XV столѣтіяхъ. Такое направленіе литературы древняго періода обусловливается тогдашнею жизнію, въ которой, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, на первомъ планѣ стояли только религіозныя стремленія; развиваясь отдѣльно отъ общеевропейской цивилизаціи, мы были чужды и тѣхъ разнообразныхъ интересовъ, которые могла бы возбудить въ насъ литература народовъ, далеко опередившихъ насъ по степени своего образованія. Отчужденность отъ общеевропейской жизни заставляла нашихъ предковъ сосредоточиваться исключительно на вопросахъ, возбужденныхъ условіями русской жизни, чѣмъ и объясняется духовный характеръ древней нашей литературы. Кромѣ того, писатели въ теченіе всей почти до-

петровской эпохи выходили изъ духовнаго сословія, такъ какъ ему одному доступно было образованіе; что-же касается до массы, то она лишена была возможности посѣщать академіи и школы.

Со вступленіемъ Петра Великаго на престолъ предпринимается обширная реформа: жизнь русскихъ, а за нею и литература мѣняютъ свое направленіе. Главною задачею реформы было возвысить Россію въ политическомъ отношеніи путемъ скорѣйшаго сближенія съ Западомъ, гдѣ можно было найти образцы для подражанія. Такъ какъ невѣжественность и грубость народа считались главною причиною нодостатковъ нашей жизни, то преобразователь и обратилъ серьезное вниманіе на распространеніе просвѣщенія, которое до того времени оставалось для многихъ недоступнымъ. Лучшими средствами къ достиженію цѣли Петръ Великій считалъ: во 1-хъ, учрежденіе школъ и, во 2-хъ, изданіе и распространеніе сочиненій. Петръ смотрѣлъ на науку съ практической точки зрѣнія. Нуждаясь въ людяхъ способныхъ къ той или другой отрасли государственной службы, онъ открываетъ спеціальныя учебныя заведенія, каковы напр.: Навигаціонная школа въ Москвѣ и Морская Академія въ Петербургѣ, основанныя съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей къ морской службѣ. Собственно для народнаго образованія при Петрѣ ничего не было сдѣлано, такъ какъ цифирныя, или элементарныя школы, благодаря, съ одной стороны насильственнымъ мѣрамъ, съ другой невѣжеству общества, еще неосознавшаго необходимости просвѣщенія, не имѣли никакого успѣха и со смертью Петра прекратили свое существованіе. Чтобы болѣе сблизить Россію съ Европой въ умственномъ отношеніи, Петръ В. составляетъ, по совѣту Лейбница, проэктъ Академіи Наукъ по образцу западно-европейскихъ учрежденій подобнаго рода. Академія была открыта уже послѣ смерти Петра, въ 1726 году и членами ея были нѣмецкіе ученые, приглашенные правительствомъ. Для болѣе быстраго распространенія необходимыхъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, Петръ Великій не удовлетворился одною типографіею, которая еще раньше его существовала въ Москвѣ, но далъ привилегію голландскому типографщику Тессингу печатать книги свѣтскаго содержанія на русскомъ языкѣ и высылать ихъ въ Россію, ввелъ для удобства новый гражданскій шрифтъ, оставивъ церковный, или славянскій для книгъ религіознаго содержанія. Изъ оригинальныхъ сочиненій петровскаго времени извѣстны были: 1)

Ариѳметика Магницкаго, 2) Юности честное зерцало и 3) Приклады, како пишутся комплименты разные. Ариѳметика, составленная Магницкимъ, въ теченіе долгаго времени считалась однимъ изъ самыхъ популярныхъ учебниковъ. По примѣру старинныхъ школьныхъ книгъ авторъ приложилъ къ своему сочиненію виньетку, изображающую храмъ, въ срединѣ котораго нарисована женщина въ коронѣ и съ ключемъ, олицетворяющая собою ариѳметику; пять ступеней, ведущихъ къ ней, изображаютъ пять начальныхъ ариѳметическихъ дѣйствій: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Храмъ поддерживается колоннами, которыя означаютъ геометрію, стереометрію и другія математическія науки, а внизу надпись: «Ариѳметика что дѣетъ, на столбахъ то все имѣетъ». Въ началѣ книги Магницкій помѣстилъ длинное витіеватое предисловіе, въ которомъ говоритъ о различіи между человѣкомъ и животнымъ, и разъясняетъ, какую пользу приноситъ человѣку изученіе наукъ вообще и ариѳметики въ особенности. Подобныя предисловія необходимы были въ то время, такъ какъ наука только что начиналась въ Россіи. Всякій разъ составители учебниковъ должны были доказывать полезность тѣхъ или другихъ знаній, въ важности которыхъ сомнѣвались многіе, еще непонимавшіе просвѣтительнаго значенія науки. Книга «Юности честное зерцало» была издана по повелѣнію Петра Великаго и пользовалась тогда большимъ почетомъ. Сочиненіе отличается дидактическимъ характеромъ: въ немъ заключается рядъ правилъ относительно житейскихъ обхожденій. Но эти правила, какъ и слѣдуетъ ожидать, касаются только одной внѣшности и часто доходятъ до смѣшнаго. Такъ составитель руководства совѣтуетъ юношамъ обрѣзать ногти, не облизывать перстовъ, во время ѣды не чавкать подобно свиньѣ, не дѣлать забора изъ костей вокругъ тарелки, и т. п. Въ «Прикладахъ, како пишутся комплименты», помѣщены образцы писемъ въ различныхъ случаяхъ. Эта книга была изъ числа первыхъ книгъ, напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ.

Благодаря непосредственному участію Петра Великаго въ дѣлѣ развитія просвѣщенія, литература того времени обогатилась довольно значительнымъ числомъ переводовъ лучшихъ сочиненій иностранныхъ писателей, каковы, напр.: «О законахъ войны и мира»—Гуго Гроція, «Увѣщанія и приклады политическіе»—Юста Липсія, «Введеніе въ исторію европейскихъ народовъ»—Самуила Пуфендорфа и другія.

Въ настоящее время переводы эти имѣютъ то значеніе, что представляютъ обильный матеріалъ для знакомства съ литературнымъ языкомъ, господствовавшимъ въ эпоху Петра Великаго. Интересуясь тѣмъ, что происходило на Западѣ, Петръ Великій изыскивалъ всѣ возможные способы для сближенія общества съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ изданіе газеты «Русскія вѣдомости», чего до того времени не существовало въ Россіи. Извѣстія, которыя прежде помѣщались въ рукописныхъ курантахъ, составлявшихся изъ посольскихъ донесеній и доступныхъ только для двора, теперь повелѣно печатать для всеобщаго свѣдѣнія. Начало изданія русскихъ вѣдомостей относится къ 1703 году. Газета печаталась въ Москвѣ и состояла изъ двухъ отдѣловъ, въ первомъ печатались извѣстія о русскомъ государствѣ, во второмъ, на подобіе нынѣшней иностранной корреспонденціи, сообщались извѣстія о событіяхъ заграничныхъ. Новое періодическое изданіе расходилось въ количествѣ 1000 экземпляровъ. При Петрѣ-же появился и первый русскій календарь (1708); кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній, въ немъ помѣщены были краткія наставленія о различныхъ болѣзняхъ, о томъ, въ какіе дни каждаго мѣсяца пускать кровь и т. д.

При всей трудности дѣла, предпринятаго Петромъ, ему однакожъ удалось привести въ исполненіе часть своихъ плановъ, благодаря тому, что въ обществѣ нашлось нѣсколько людей, понимавшихъ необходимость просвѣщенія въ Россіи. Главнымъ сподвижникомъ Петра въ области литературы является Ѳеофанъ Прокоповичъ, профессоръ богословія и философіи въ Кіевской духовной академіи. Петръ Великій умѣлъ всегда выбирать людей. Посѣтивъ Кіевъ, онъ ознакомился съ Ѳеофаномъ, замѣтилъ въ немъ человѣка талантливаго и съ обширнымъ образованіемъ, и, съ учрежденіемъ Св. Синода, назначилъ Ѳеофана Прокоповича вице-президентомъ. Несмотря на то, что школы, въ которыхъ получилъ образованіе Ѳеофанъ, отличались схоластическимъ характеромъ, но такое направленіе школы не повліяло на дальнѣйшую его литературную дѣятельность. Ѳеофанъ всегда оставался врагомъ схоластиковъ, признавалъ ихъ людьми отставшими, проводящими время въ безполезныхъ умствованіяхъ. Направленіе литературной дѣятельности Ѳеофана Прокоповича лучше всего обнаруживается въ его проповѣдяхъ. Старинная проповѣдь, заключая въ себѣ разъясненіе общихъ вопросовъ религіи и нравственности,

излагалась обыкновенно витіевато-напыщеннымъ языкомъ, который, изобилуя искуственными метафорами и другими риторическими фигурами, часто не былъ понятенъ для массы. Проповѣдь Ѳеофана Прокоповича въ этомъ отношеніи значительно отличается. Желая ознакомить общество съ реформами, предпринятыми Петромъ, и для большинства непонятными, Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своихъ проповѣдяхъ касался какой нибудь реформы Петра и старался разъяснить ея сущность и необходимость для общественнаго благосостоянія. Такое содержаніе проповѣди придавало ей современный интересъ, чего мы не замѣчаемъ въ старыхъ произведеніяхъ подобнаго рода. Чтобы скорѣе достигнуть цѣли, Ѳеофанъ Прокоповичъ насколько возможно, старался выражаться яснѣе и проще, избѣгалъ схоластическихъ хитросплетеній и часто свои чтенія приправлялъ значительною дозою юмора, свойственнаго ему какъ малороссу. Ѳеофанъ Прокоповичъ не старался подражать тѣмъ проповѣдникамъ, которые при всякомъ случаѣ выражали свои восторги и чувства,—напротивъ: его проповѣдь, или слово всегда отличались спокойнымъ тономъ, такъ какъ цѣлью было не возбудить то или другое впечатлѣніе въ слушателяхъ, а разъяснить имъ значеніе событія, взятаго какъ матеріалъ для проповѣди. Во всѣхъ своихъ словахъ Ѳеофанъ является сторонникомъ просвѣщенія, ратуетъ за преобразованія Петра Великаго, показываетъ пользу и значеніе науки для жизни, и часто употребляетъ всю силу своего юмора, чтобы представить въ смѣшномъ видѣ людей, державшихся обычаевъ старины и смотрѣвшихъ на все новое какъ на что-то еретическое. Кромѣ проповѣдей, Ѳеофану Прокоповичу принадлежитъ составленіе Духовнаго Регламента, въ которомъ разъясняется сущность и значеніе коллегіальнаго управленія Церковью, введеннаго Петромъ взамѣнъ прежняго патріаршества. Разсмотрѣніе этого труда должно быть отнесено собственно къ исторіи православной Церкви.

Сочувствіе Ѳеофана реформѣ Петра, его постоянно насмѣшливое отношеніе къ людямъ противоположной партіи вызвали къ борьбѣ многочисленныхъ его враговъ. Надо сказать, что большинство духовенства вообще враждебно отнеслось къ преобразованіямъ, видѣло въ нихъ пагубное искорененіе всего стараго, которое для многихъ казалось священнымъ. Многіе считали опаснымъ сближеніе русскихъ съ европейскимъ просвѣщеніемъ, сближеніе, за которое такъ настой-

чиво ратовалъ Петръ Великій и его сподвижники. Немудрено, что лица, принадлежавшія къ партіи приверженцевъ старины, враждебно отнеслись и къ дѣятельности Ѳеофана Прокоповича, тѣмъ болѣе что онъ не разъ позволялъ себѣ высказывать неодобрительные отзывы о русскомъ монашествующемъ сословіи. Изъ многочисленныхъ враговъ Ѳеофана Прокоповича особенно выдаются: Маркеллъ Радышевскій, архимандритъ Юрьскаго монастыря; Ѳеофилактъ Лопатинскій и Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій, блюститель патріаршаго престола. Маркеллъ Радышевскій неодобрительно отозвался о Ѳеофанѣ и назвалъ еретическою книгою букварь, составленный Ѳеофаномъ подъ названіемъ «Первое ученіе отрокомъ», между тѣмъ этотъ букварь былъ принятъ во всѣхъ школахъ, и отличался несомнѣнными преимуществами, такъ какъ заключалъ въ себѣ толкованія на молитвы и заповѣди, чего не было въ прежнихъ азбукахъ. Ѳеофилактъ Лопатинскій архіепископъ Тверской, былъ товарищемъ Ѳеофана по школѣ, и они въ одно время состояли преподавателями Кіевской духовной академіи. Но различіе въ убѣжденіяхъ, при одинаковомъ положеніи въ качествѣ членовъ вновь учрежденнаго св. Синода, вызвало ихъ на отчаянную борьбу. Когда Ѳеофанъ въ 1712 году написалъ книгу «Иго Господне неудобоносимо», то Ѳеофилактъ написалъ возраженіе подъ названіемъ «Иго Господне благо», гдѣ и высказалъ ту мысль, что богословское ученіе Ѳеофана Прокоповича во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ православія. Борьба между двумя талантливыми проповѣдниками окончилась печально для Ѳеофилакта Лопатинскаго: по проискамъ Ѳеофана, онъ былъ осужденъ судомъ тайной канцеляріи и посаженъ въ крѣпость. Ѳеофанъ никогда не щадилъ своихъ враговъ и, дѣйствуя съ энергіею, не пренебрегалъ даже дурными средствами, чтобы уничтожить ихъ для торжества своей идеи. Стефанъ Яворскій принадлежалъ къ числу лучшихъ проповѣдниковъ петровской эпохи; но его проповѣди почти всѣ касаются общихъ религіозныхъ вопросовъ, притомъ излагаются по всѣмъ правиламъ школьной риторики, которая, какъ извѣстно, больше обращала вниманіе на форму, чѣмъ на содержаніе. Свое несочувствіе къ преобразованіямъ Петра Яворскій выразилъ въ «Словѣ о храненіи Заповѣдей Господнихъ», сказанномъ по поводу учрежденія фискаловъ. Здѣсь онъ аллегорически подъ видомъ свирѣпаго моря, выступающаго изъ береговъ, изображаетъ насильственный характеръ реформъ, изъ кото-

рыхъ многія, по его мнѣнію, нарушають священныя права закона. Свое нерасположеніе къ дѣятельности Ѳеофана Прокоповича Стефанъ Яворскій выразилъ въ сочиненіи «Камень вѣры», гдѣ, разбирая ученія Лютера и Кальвина, намекаетъ на Ѳеофана, будто бы сочувствовавшаго протестантству.

Изъ числа послѣдователей Ѳеофана Прокоповича, пользовались извѣстностію Гавріилъ Бужинскій, переводчикъ многихъ книгъ, Симонъ Кохановскій и Ѳеофилъ Кроликъ. Изъ сочиненій послѣдняго заслуживаетъ особеннаго вниманія слово, сказанное въ Ревелѣ въ день Благовѣщенія. Оно проникнуто обличительнымъ характеромъ. Ѳеофилъ нападаетъ на ханжество и лицемѣріе, на наружное благочестіе тѣхъ, которые удаляются въ лѣса подъ видомъ душевнаго спасенія, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью избѣгнуть службы.

До сихъ поръ мы говорили о лицахъ духовнаго сословія, такъ или иначе писавшихъ о всемъ, что происходило въ эпоху преобразованій. Но, благодаря реформѣ, обратившей вниманіе и на свѣтское образованіе, явилось нѣсколько дѣятелей изъ среды свѣтскихъ людей, которые, вполнѣ сочувствуя идеямъ Петра, въ то же время пріобрѣли извѣстность своими учеными трудами. Во главѣ такихъ стоятъ: Посошковъ и Татищевъ. Крестьянинъ села Покровскаго, Иванъ Посошковъ главнымъ образомъ извѣстенъ своею книгою «О скудости и богатствѣ», гдѣ съ большими подробностями изображаетъ картину общественной жизни въ эпоху Петра Великаго. Во всѣхъ сословіяхъ, по его мнѣнію, царитъ малообразованность и невѣжество, мѣшающія установить въ отечествѣ лучшій порядокъ вещей. Обращаясь къ положенію русскаго сельскаго духовенства, бытъ котораго хорошо былъ знакомъ автору, Посошковъ находитъ, что невѣжество этого сословія во многомъ содѣйствуетъ развитію расколовъ и паденію благочестія въ массѣ. Заведеніе училищъ, въ особенности для низшаго духовенства,—вотъ первое средство для достиженія народнаго благосостоянія. Несмотря на то, что Посошковъ, какъ человѣкъ, вышедшій изъ крестьянской среды, лишенъ былъ образованія (что и замѣтно иногда въ его сочиненіи), однако онъ простымъ здравымъ смысломъ глубоко вникъ въ недостатки русской жизни и сумѣлъ высказать много здравыхъ мыслей по поводу различныхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ. Такъ, изобразивъ жалкое состояніе правосудія въ Россіи, Посошковъ предлагаетъ составить новое уло-

женіе, которое было-бы разсмотрѣно и оцѣнено представителями всѣхъ сословій въ государствѣ. Книга «О скудости и богатствѣ» подверглась преслѣдованію со стороны тайной канцеляріи, и авторъ ея, несмотря на всю его честность и любовь къ отечеству, былъ осужденъ и умеръ въ крѣпости въ 1727 году.

Василій Никитичъ Татищевъ (1689—1750) принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые отправлены были Петромъ для образованія за границу. Вернувшись на родину, Татищевъ посвятилъ себя государственной службѣ, занималъ различныя должности, но въ свободное время продолжалъ заниматься наукою, читалъ сочиненія знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, какъ то, Гоббеса, Беля, Маккіавелли и другихъ. Главнымъ трудомъ Татищева считается его «Россійская Исторія», напечатанная въ пяти томахъ уже послѣ смерти автора. Книга Татищева замѣчательна прежде всего тѣмъ, что была первымъ историческимъ сочиненіемъ, составленнымъ по образцу западно-европейскихъ историковъ того времени. Конечно, сочиненіе Татищева нельзя назвать исторіею въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь: оно представляетъ собою сводъ лѣтописныхъ сказаній, снабженный подробными объясненіями, обнаруживающими въ авторѣ основательное знакомство съ историческими матеріалами и съ состояніемъ этой науки на Западѣ. Дѣлая объясненія къ лѣтописи, Татищевъ, между прочимъ, вставляетъ свои замѣчанія относительно различныхъ сторонъ государственной жизни и притомъ часто намекаетъ и на современный ему порядокъ вещей. Такъ онъ вооружается противъ невѣжества тогдашняго общества; смѣется надъ суевѣріемъ, господствующимъ въ немъ и перешедшимъ отъ предковъ; неодобрительно отзывается о тѣхъ проповѣдникахъ, людяхъ стараго убѣжденія, которые, вмѣсто ученія о вѣрѣ Христовой и благонравіи, трактуютъ о какихъ-то преданіяхъ и законахъ, выдуманныхъ ими для собственнаго удовольствія. Въ примѣчаніяхъ Татищевъ не разъ позволялъ себѣ высказывать довольно рѣзкія сужденія о приверженцахъ старины, объ ихъ узкомъ пониманіи религіи и нравственности, и вѣроятно это обстоятельство было причиною того, что авторъ былъ заподозрѣнъ, какъ человѣкъ опасныхъ убѣжденій, и исторія появилась уже послѣ его смерти. Несмотря на то, что трудъ Татищева не былъ собственно исторіею, однако онъ значительно содѣйствовалъ дальнѣйшему успѣху русской исторической науки, тѣмъ болѣе что

составитель открылъ многіе важные источники, какъ, напр., «Русскую правду» и Судебникъ Ивана IV, приложивъ къ нимъ обстоятельныя примѣчанія. Изъ другихъ сочиненій Татищева наибольшею извѣстностію пользуется его «Духовная», оставленная сыну и написанная въ 1733 году.—По своей цѣли, это произведеніе отчасти напоминаетъ памятникъ старинной литературы, именно «Домострой» Сильвестра, въ которомъ собраны совѣты о правильномъ образѣ жизни. Безъ сомнѣнія, совѣты Татищева, какъ представителя болѣе образованной эпохи, значительно отличаются отъ домостроевскихъ наставленій, возникшихъ подъ вліяніемъ совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ. Прежде всего Татищевъ обращается къ религіи и совѣтуетъ сыну для основательнаго знанія Закона Божія читать книги, не только относящіяся къ православной вѣрѣ, но и такія, въ которыхъ содержатся разъясненія основъ католицизма и протестантизма, что весьма необходимо тогда, когда приходится вести пренія съ иновѣрцами. Кромѣ Закона Божія, по мнѣнію Татищева, молодому человѣку слѣдуетъ изучать: ариѳметику, геометрію, нѣмецкій языкъ, русскую исторію, законы военные и гражданскіе, знаніе которыхъ необходимо для каждаго, въ особенности для посвятившаго себя государственной службѣ. Характеризуя различные роды послѣдней, Татищевъ совѣтуетъ сыну быть вѣрнымъ государю и отечеству, и помнить главное правило: ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣляли, не отрицайся, и на что самъ не называйся. Наставленія относительно обязанностей гражданской службы заставили Татищева коснуться, между прочимъ, вопроса о взяточничествѣ, или о лихоимствѣ, какъ его тогда называли. Авторъ завѣщанія отличаетъ взятки отъ вознагражденія, которое получаетъ чиновникъ за правильное рѣшеніе какого нибудь дѣла. Какъ помѣщикъ, Татищевъ въ своемъ завѣщаніи касается вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Не сомнѣваясь въ совершенно законномъ существованіи крѣпостнаго права, въ чемъ были убѣждены всѣ образованные люди того времени, Татищевъ однако совѣтуетъ сыну обращать вниманіе на образованіе крестьянъ, чему значительно можетъ помочь образованный сельскій священникъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи настолько, чтобы онъ могъ посвятить себя дѣлу просвѣщенія простаго народа.

Періодъ первый (Ломоносовскій).

Жизнь и сочиненія Кантемира. — Труды Тредьяковскаго по теоріи языка и словесности. — Ломоносовъ какъ главный представитель перваго періода. — Біографія Ломоносова. — Обозрѣніе его литературныхъ и ученыхъ сочиненій. — Послѣдователи Ломоносова: Херасковъ, Петровъ, Костровъ и Поповскій. — Эпоха Екатерины II. — Литературные и педагогическіе труды Екатерины, Бецкаго и Дашковой. — Державинъ какъ представитель современной лирики. — Основаніе русскаго театра и Волковъ. — Ложноклассическая драма и литературная дѣятельность Сумарокова. — Представители современной комедіи: Лукинъ, Княжнинъ, Аблесимовъ. — Жизнь и сочиненія Ф. Визина. — Эпическая поэзія и ея представители: Майковъ, Богдановичъ и Хемницеръ. — Журнальная литература и біографія Новикова.

Первымъ писателемъ, со времени дѣятельности котораго начинается исторія новой русской литературы, былъ Антіохъ Кантемиръ (1709—1744). Сынъ молдавскаго господаря, переселившагося въ Россію послѣ прутскаго мира, по желанію Петра, Антіохъ Кантемиръ получилъ блестящее образованіе, благодаря отцу, который и самъ былъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій и какъ знатокъ многихъ языковъ. Еще въ дѣтствѣ Кантемиръ, подъ руководствомъ наставника священника Анастасія Кондоиди, изучилъ древніе языки и зналъ ихъ въ совершенствѣ. Кромѣ того, отецъ самъ занимался съ нимъ философіею и математикою. Въ 1723 году Димитрій Кантемиръ умеръ, оставивъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ того изъ сыновей, который больше всего успѣетъ въ наукахъ, причемъ указывалъ на младшаго Антіоха, какъ на юношу особенно даровитаго. Отецъ не ошибся въ сынѣ. Съ открытіемъ въ Петербургѣ академіи въ 1726 г., Антіохъ Кантемиръ слушалъ тамъ лекціи нѣмецкихъ ученыхъ и въ томъ же году перевелъ съ французскаго критическое описаніе Парижа и Фран-

цузовъ. Первымъ оригинальнымъ произведеніемъ Кантемира было «Симфонія на псалтырь», трудъ, вызванный, по словамъ самого автора, частнымъ изученіемъ псалмовъ Давида. Какъ человѣкъ многосторонняго образованія, Антіохъ Кантемиръ, безъ сомнѣнія, скоро сталъ на сторонѣ той части современнаго общества, которая, понимая вполнѣ значеніе науки, искренне сочувствовала преобразованіямъ Петра и его просвѣтительной дѣятельности. Кантемиръ сближается съ Өеофаномъ Прокоповичемъ, какъ съ главнымъ представителемъ реформаціонной эпохи. Когда, по проискамъ князя Голицына, члена верховнаго тайнаго совѣта, наслѣдство въ количествѣ 10 тысячъ душъ перешло къ старшему брату, Антіохъ остался почти безъ всякихъ средствъ и существовалъ только небольшимъ жалованьемъ, которое онъ получалъ по званію офицера преображенскаго полка. Къ этому времени относится стихотвореніе Кантемира, къ другу, Өеофану Прокоповичу, гдѣ онъ, подъ видомъ овецъ и козлищъ, представилъ двѣ партіи и утѣшалъ друга, что скоро наступитъ для нихъ благодатное время, намекая этимъ на герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, которую, какъ извѣстно, рѣшено было пригласить на русскій престолъ. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, положеніе Кантемира нѣсколько измѣнилось. Императрица наградила его нѣсколькими имѣніями, которыя могли обезпечить его въ матеріальномъ отношеніи. Чрезъ посредство князя Черкасскаго, Кантемиръ назначенъ былъ резидентомъ въ Лондонъ и переселился туда въ 1732 году.

Съ этой поры и до самой смерти ему пришлось проводить время въ самыхъ усиленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, неразлучно соединенныхъ съ дипломатической карьерой. Несмотря на то, Кантемиръ продолжалъ заниматься наукой, которая была для него цѣлью жизни, велъ переписку съ Академіею Наукъ, перевелъ трактатъ «Фонтенеля о множествѣ міровъ», изучалъ сочиненія Горація и Анакреона. Черезъ шесть лѣтъ Кантемиръ переведенъ былъ посланникомъ въ Парижъ и, продолжая свои научныя занятія, скоро сблизился съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ ученыхъ, какъ-то: Мопертюи, Монтескье и др. Мопертюи былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ друзей нашего писателя: подъ его руководствомъ Кантемиръ занялся алгеброю, и съ такимъ успѣхомъ, что написалъ по этому предмету цѣлую книгу, оставшуюся въ рукописи. Изучая тѣ произведе-

нія, которыя появлялись тогда на Западѣ, Кантемиръ не переставалъ слѣдить и за тѣмъ, что происходило въ русской наукѣ и литературѣ. Такъ, ему были извѣстны разсужденія Тредьяковскаго и Ломоносова по вопросу о русскомъ стихосложеніи, хотя силлабическій размѣръ сохраненъ былъ Кантемиромъ. Усиленныя занятія наукой ослабили и безъ того разстроенный организмъ писателя: онъ сталъ чувствовать боль въ желудкѣ, которая, постепенно усиливаясь, обратилась въ водяну. Несмотря на совѣты врачей и пользованіе минеральными водами, Кантемиръ не вынесъ болѣзни и умеръ въ 1744 году, на 36 году отъ рожденія. Кантемиръ, какъ по образованію, такъ и по образу мыслей, принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени. Лично знавшій Петра и хорошо понимавшій, къ чему стремился великій преобразователь, онъ совершенно справедливо видѣлъ все спасеніе Россіи въ распространеніи просвѣщенія путемъ науки. Въ одной изъ своихъ сатиръ, рисуя идеалъ гражданина, Кантемиръ высказываетъ мысль, что каждый истинный гражданинъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ, работать для общихъ интересовъ отечества. Зная хорошо, къ чему ведутъ человѣческія страсти, сатирикъ доказываетъ, что каждый человѣкъ находитъ счастіе въ душевномъ спокойствіи, и чтобы удержать страсти, нарушающія спокойствіе, необходимо посвятить себя научной дѣятельности. Находясь всю жизнь въ высшемъ кругу, занимая постъ посла за границей, Кантемиръ тѣмъ не менѣе любилъ жизнь уединенную, именно потому, что она даетъ возможность всецѣло посвятить себя наукѣ и литературѣ.

Кантемиръ извѣстенъ въ исторіи русской литературы прежде всего своими сатирами. Онъ не былъ поэтомъ; произведенія его, написанныя тяжелымъ силлабическимъ размѣромъ, не отличаются художественными достоинствами, но за то въ нихъ заключается много указаній на нравы и состояніе общества, современнаго великой реформѣ, и чрезъ то сатиры Кантемира получаютъ весьма важное историческое значеніе. Тогдашняя русская жизнь давала много матеріала для сатиры. Съ одной стороны стояли ярые приверженцы старины, доведшіе до слѣпаго обожаніе всего, что напоминало допетровскую Русь съ ея длинными бородами и широкополыми кафтанами; съ другой—образовалось и новое поколѣніе, которое съ презрѣніемъ относилось къ обычаямъ предковъ, но само, въ свою

очередь, достойно было насмѣшки за нелѣпое подражаніе европейской роскоши и модѣ, изъ-за котораго трудно было усвоить хорошія стороны западной цивилизаціи. Такимъ образомъ, самыя историческія условія — выработали двоякаго рода типы, очень мѣтко и вѣрно изображенные въ сатирахъ Кантемира. Взглядъ на цѣль и значеніе сатиры заимствованъ Кантемиромъ изъ иностранныхъ образцовъ и выраженъ имъ въ предисловіи къ первой сатирѣ. Согласно съ ученіями римскаго поэта Горація и французскаго критика Буало, на сатиру смотрѣли какъ на такой родъ поэзіи, который, осмѣивая въ шутливой формѣ недостатки и пороки людей или какого нибудь общества, въ то же время имѣетъ цѣлью исправить нравы, не упуская изъ виду поученіе. Такъ понималъ сатиру и Кантемиръ, почему у него въ каждомъ произведеніи встрѣчается рядъ нравственныхъ сентенцій, большею частію заимствованныхъ изъ произведеній западныхъ моралистовъ. Всѣхъ сатиръ Кантемира — девять. Онѣ обыкновенно носятъ два названія, изъ которыхъ одно указываетъ на форму сатиры, другое на ея содержаніе.—Писаны онѣ риѳмованными стихами силлабическимъ размѣромъ, *основаннымъ на числѣ слоговъ.* Съ дѣятельностью Кантемира и прекратилось существованіе силлабическаго стихосложенія, которое занесено было къ намъ изъ Польши, но совершенно не свойственно русской рѣчи, въ которой, какъ извѣстно, грамматическое удареніе не остается постоянно на одномъ и томъ-же слогѣ. Осмѣивая многихъ изъ современныхъ лицъ, сатирикъ старался изображать нравы въ болѣе или менѣе загадочной и аллегорической формѣ, такъ что многія мѣста сатиръ были бы для насъ непонятны, если бы самъ авторъ не приложилъ къ нимъ подробныхъ примѣчаній. Не всѣ сатиры Кантемира имѣютъ въ виду представить русское общество: нѣкоторыя изъ нихъ касаются общечеловѣческихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ: пятая — на человѣческія злонравія вообще и шестая — объ истинномъ блаженствѣ. Прямое отношеніе къ современной русской жизни имѣютъ собственно слѣдующія сатиры: первая «Къ уму моему, или на хулящихъ ученіе» вторая «Филаретъ и Евгеній» — на гордость и зависть дворянъ злонравныхъ и затѣмъ сатира подъ названіемъ «Къ солнцу» гдѣ изображаются наши раскольники. Въ первой сатирѣ Кантемиръ осмѣиваетъ тѣхъ изъ невѣжественныхъ современниковъ, которые, не понимая значенія науки, находили ее вредною для государства. Жи-

выми красками рисуя картину тогдашняго общества, сатирикъ въ то же время изображаетъ и жалкое положеніе писателя, принявшаго на себя всю тягость просвѣтительной миссіи. Несмотря на то, что правительство цѣлымъ рядомъ благодѣтельныхъ реформъ старалось насадить въ Россіи просвѣщеніе, оно однакожъ весьма туго принималось обществомъ, еще глубоко вѣрившимъ въ преданія стараго времени. Въ образѣ Критона, Сильвана Луки и Медора сатирикъ и представилъ намъ различные кружки современнаго общества, разсуждавшіе каждый по своему о вредномъ вліяніи науки. Критонъ-ханжа—бранитъ науку за то, что она, по его мнѣнію, ведетъ за собою ереси и расколы, и что чрезъ нее будто-бы среди молодаго поколѣнія появилось неуваженіе къ священному чину, къ различнымъ обрядамъ Церкви. Критонъ возмущенъ свободомысліемъ современниковъ, и во всякомъ ученомъ, готовъ видѣть врага Церкви, совершенно не понимая, что не наука была причиною раскола, а напротивъ—невѣжество. Люди зажиточные, ищущіе одного лишь матеріальнаго довольства, обвиняли науку какъ такое занятіе, которое не приноситъ человѣку никакой выгоды, не обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи. Сильванъ отрицаетъ пользу математики, астрономіи, химіи, медицины, говоря, что человѣкъ и безъ нихъ можетъ жить въ довольствѣ и пріобрѣсть состояніе, о чемъ такъ хлопочутъ всегда люди практическіе. Но такое отношеніе къ наукѣ явно происходитъ отъ непониманія ея сущности, такъ какъ многое, чѣмъ мы пользуемся въ жизни, явилось какъ результатъ науки. Лука любитъ веселое общество, проводящее время въ пирахъ и наслажденіяхъ, и такимъ образомъ онъ непримиримый врагъ науки, разрушающей содружество людей и заставляющей ихъ проводить жизнь въ скучномъ уединеніи. Люди новаго времени высказывали также враждебные взгляды на науку. Медоръ, усвоивъ внѣшній лоскъ европейской жизни, поклонникъ роскоши и модъ, ненавидитъ ученыхъ за то, что они тратятъ много бумаги, которой не хватаетъ ему на завивку волосъ. Для него фунтъ хорошей пудры дороже всѣхъ сочиненій Сенеки и тому подобныхъ философовъ.

Если общество такъ относится къ наукѣ, то людямъ ученымъ приходится только молчать, не приводя никакихъ возраженій. Хотя умъ и говоритъ сатирику, что сужденія какихъ нибудь щеголей или ханжей не законъ для людей ученыхъ, но сатирикъ видитъ, что вра-

говъ науки слишкомъ много, и снова обращается къ изображенію ихъ. Большинство людей, занимающихъ ту или другую должность, думаютъ, что все дѣло во внѣшности. Предъ нами является сначала епископъ. Онъ надѣваетъ на себя расу, покрываетъ голову клобукомъ, а брюхо бородою и, гордо развалившись въ каретѣ, слегка благословляетъ проходящихъ, воображая, что въ этомъ-то и заключена вся сила. Наука ему кажется безполезною, такъ какъ и безъ нея можно получать доходы, на которыхъ, по его мнѣнію, зиждутся лучшія права Церкви. Далѣе сатирикъ, изобразивъ еще судью, который отрицаетъ необходимость науки для того, чтобы нажиться, снова обращается къ своему уму, совѣтуя ему молчать и, во избѣжаніе злой хулы, заниматься наукой въ уединеніи, въ тиши кабинета.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Кантемиръ, какъ человѣкъ просвѣщенный, прямо обратился къ вопросу о наукѣ, такъ какъ она впервые являлась у насъ тогда цивилизующею силою, благодаря сношеніямъ съ Западной Европой. Изучая современную русскую жизнь, Кантемиръ въ то же время замѣчалъ, какое вліяніе оказывала на нее реформа Петра, и все, что подмѣчалъ, изображалъ въ своихъ сатирахъ. Вторая сатира состоитъ изъ разговора двухъ лицъ, изъ которыхъ одно (Филаретъ) изображаетъ человѣка добродѣтельнаго, а другое (Евгеній) человѣка стремящагося къ чинамъ и почестямъ и гордящагося знаменитостью своихъ предковъ. Евгеній злится на то, что теперь есть люди, которые возвышаются несмотря на свое низкое происхожденіе. Здѣсь сатирикъ явно осмѣиваетъ недовольныхъ табелью о рангахъ, которою Петръ хотѣлъ возвысить личныя заслуги каждаго, а не родовыя отличія.

Хотя сатиры Кантемира не были напечатаны при его жизни, однако онѣ пользовались извѣстностью въ рукописяхъ въ обществѣ того времени. Несмотря на то, что литературный языкъ былъ еще не обработанъ, изобиловалъ многими недостатками, Кантемиръ однако сумѣлъ придать интересъ своимъ произведеніямъ. Изображая картину современныхъ нравовъ, сатирикъ тѣмъ самымъ сблизилъ поэзію нашу съ жизнью, указалъ ей дальнѣйшее направленіе, а это уже не маловажная заслуга для развитія нашей литературы.

Съ именемъ Тредьяковскаго всегда соединяли имя бездарнаго стихотворца и при этомъ забывали о тѣхъ заслугахъ, которыя онъ оказалъ, какъ авторъ ученыхъ сочиненій и переводчикъ. Безъ со-

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ (Ломоносовскій).

Жизнь и сочиненія Кантемира. — Труды Тредьяковскаго по теоріи языка и словесности. — Ломоносовъ какъ главный представитель перваго періода. — Біографія Ломоносова. — Обозрѣніе его литературныхъ и ученыхъ сочиненій. — Послѣдователи Ломоносова: Херасковъ, Петровъ, Костровъ и Поповскій. — Эпоха Екатерины II. — Литературные и педагогическіе труды Екатерины, Бецкаго и Дашковой. — Державинъ какъ представитель современной лирики. — Основаніе русскаго театра и Волковъ. — Ложноклассическая драма и литературная дѣятельность Сумарокова. — Представители современной комедіи: Лукинъ, Княжнинъ, Аблесимовъ. — Жизнь и сочиненія Ф. Визина. — Эпическая поэзія и ея представители: Майковъ, Богдановичъ и Хемницеръ. — Журнальная литература и біографія Новикова.

Первымъ писателемъ, со времени дѣятельности котораго начинается исторія новой русской литературы, былъ Антіохъ Кантемиръ (1709—1744). Сынъ молдавскаго господаря, переселившагося въ Россію послѣ прутскаго мира, по желанію Петра, Антіохъ Кантемиръ получилъ блестящее образованіе, благодаря отцу, который и самъ былъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій и какъ знатокъ многихъ языковъ. Еще въ дѣтствѣ Кантемиръ, подъ руководствомъ наставника священника Анастасія Кондоиди, изучилъ древніе языки и зналъ ихъ въ совершенствѣ. Кромѣ того, отецъ самъ занимался съ нимъ философіею и математикою. Въ 1723 году Димитрій Кантемиръ умеръ, оставивъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначалъ своимъ наслѣдникомъ того изъ сыновей, который болѣе всего успѣетъ въ наукахъ, причемъ указывалъ на младшаго Антіоха, какъ на юношу особенно даровитаго. Отецъ не ошибся въ сынѣ. Съ открытіемъ въ Петербургѣ академіи въ 1726 г., Антіохъ Кантемиръ слушалъ тамъ лекціи нѣмецкихъ ученыхъ и въ томъ же году перевелъ съ французскаго критическое описаніе Парижа и Фран-

цузовъ. Первымъ оригинальнымъ произведеніемъ Кантемира было «Симфонія на псалтырь», трудъ, вызванный, по словамъ самого автора, частымъ изученіемъ псалмовъ Давида. Какъ человѣкъ многосторонняго образованія, Антіохъ Кантемиръ, безъ сомнѣнія, скоро сталъ на сторонѣ той части современнаго общества, которая, понимая вполнѣ значеніе науки, искренне сочувствовала преобразованіямъ Петра и его просвѣтительной дѣятельности. Кантемиръ сближается съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, какъ съ главнымъ представителемъ реформаціонной эпохи. Когда, по проискамъ князя Голицына, члена верховнаго тайнаго совѣта, наслѣдство въ количествѣ 10 тысячъ душъ перешло къ старшему брату, Антіохъ остался почти безъ всякихъ средствъ и существовалъ только небольшимъ жалованьемъ, которое онъ получалъ по званію офицера преображенскаго полка. Къ этому времени относится стихотвореніе Кантемира, къ другу, Ѳеофану Прокоповичу, гдѣ онъ, подъ видомъ овецъ и козлищъ, представилъ двѣ партіи и утѣшалъ друга, что скоро наступитъ для нихъ благодатное время, намекая этимъ на герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, которую, какъ извѣстно, рѣшено было пригласить на русскій престолъ. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, положеніе Кантемира нѣсколько измѣнилось. Императрица наградила его нѣсколькими имѣніями, которыя могли обезпечить его въ матеріальномъ отношеніи. Чрезъ посредство князя Черкасскаго, Кантемиръ назначенъ былъ резидентомъ въ Лондонъ и переселился туда въ 1732 году.

Съ этой поры и до самой смерти ему пришлось проводить время въ самыхъ усиленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, неразлучно соединенныхъ съ дипломатической карьерой. Несмотря на то, Кантетиръ продолжалъ заниматься наукой, которая была для него цѣлью жизни, велъ переписку съ Академіею Наукъ, перевелъ трактатъ «Фонтенеля о множествѣ міровъ», изучалъ сочиненія Горація и Анакреона. Черезъ шесть лѣтъ Кантемиръ переведенъ былъ посланникомъ въ Парижъ и, продолжая свои научныя занятія, скоро сблизился съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ ученыхъ, какъ-то: Мопертюи, Монтескье и др. Мопертюи былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ друзей нашего писателя: подъ его руководствомъ Контемиръ занялся алгеброю, и съ такимъ успѣхомъ, что написалъ по этому предмету цѣлую книгу, оставшуюся въ рукописи. Изучая тѣ произведе-

нія, которыя появлялись тогда на Западѣ, Кантемиръ не переставалъ слѣдить и за тѣмъ, что происходило въ русской наукѣ и литературѣ. Такъ, ему были извѣстны разсужденія Тредьяковскаго и Ломоносова по вопросу о русскомъ стихосложеніи, хотя силлабическій размѣръ сохраненъ былъ Кантемиромъ. Усиленныя занятія наукой ослабили и безъ того разстроенный организмъ писателя: онъ сталъ чувствовать боль въ желудкѣ, которая, постепенно усиливаясь, обратилась въ водянку. Несмотря на совѣты врачей и пользованіе минеральными водами, Кантемиръ не вынесъ болѣзни и умеръ въ 1744 году, на 36 году отъ рожденія. Кантемиръ, какъ по образованію, такъ и по образу мыслей, принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени. Лично знавшій Петра и хорошо понимавшій, къ чему стремился великій преобразователь, онъ совершенно справедливо видѣлъ все спасеніе Россіи въ распространеніи просвѣщенія путемъ науки. Въ одной изъ своихъ сатиръ, рисуя идеалъ гражданина, Кантемиръ высказываетъ мысль, что каждый истинный гражданинъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ, работать для общихъ интересовъ отечества. Зная хорошо, къ чему ведутъ человѣческія страсти, сатирикъ доказываетъ, что каждый человѣкъ находитъ счастіе въ душевномъ спокойствіи, и чтобы удержать страсти, нарушающія спокойствіе, необходимо посвятить себя научной дѣятельности. Находясь всю жизнь въ высшемъ кругу, занимая постъ посла за границей, Кантемиръ тѣмъ не менѣе любилъ жизнь уединенную, именно потому, что она даетъ возможность всецѣло посвятить себя наукѣ и литературѣ.

Кантемиръ извѣстенъ въ исторіи русской литературы прежде всего своими сатирами. Онъ не былъ поэтомъ; произведенія его, написанныя тяжелымъ силлабическимъ размѣромъ, не отличаются художественными достоинствами, но за то въ нихъ заключается много указаній на нравы и состояніе общества, современнаго великой реформѣ, и чрезъ то сатиры Кантемира получаютъ весьма важное историческое значеніе. Тогдашняя русская жизнь давала много матеріала для сатиры. Съ одной стороны стояли ярые приверженцы старины, доведшіе до слѣпого обожаніе всего, что напоминало допетровскую Русь съ ея длинными бородами и широкополыми кафтанами; съ другой — образовалось и новое поколѣніе, которое съ презрѣніемъ относилось къ обычаямъ предковъ, но само, въ свою

очередь, достойно было насмѣшки за нелѣпое подражаніе европейской роскоши и модѣ, изъ-за котораго трудно было усвоить хорошія стороны западной цивилизаціи. Такимъ образомъ, самыя историческія условія — выработали двоякаго рода типы, очень мѣтко и вѣрно изображенные въ сатирахъ Кантемира. Взглядъ на цѣль и значеніе сатиры заимствованъ Кантемиромъ изъ иностранныхъ образцовъ и выраженъ имъ въ предисловіи къ первой сатирѣ. Согласно съ ученіями римскаго поэта Горація и французскаго критика Буало, на сатиру смотрѣли какъ на такой родъ поэзіи, который, осмѣивая въ шутливой формѣ недостатки и пороки людей или какого нибудь общества, въ то же время имѣетъ цѣлью исправить нравы, не упуская изъ виду поученіе. Такъ понималъ сатиру и Кантемиръ, почему у него въ каждомъ произведеніи встрѣчается рядъ нравственныхъ сентенцій, большею частію заимствованныхъ изъ произведеній западныхъ моралистовъ. Всѣхъ сатиръ Кантемира — девять. Онѣ обыкновенно носятъ два названія, изъ которыхъ одно указываетъ на форму сатиры, другое на ея содержаніе.—Писаны онѣ риѳмованными стихами силлабическимъ размѣромъ, *основаннымъ на числѣ слоговъ.* Съ дѣятельностью Кантемира и прекратилось существованіе силлабическаго стихосложенія, которое занесено было къ намъ изъ Польши, но совершенно не свойственно русской рѣчи, въ которой, какъ извѣстно, грамматическое удареніе не остается постоянно на одномъ и томъ-же слогѣ. Осмѣивая многихъ изъ современныхъ лицъ, сатирикъ старался изображать нравы въ болѣе или менѣе загадочной и аллегорической формѣ, такъ что многія мѣста сатиръ были бы для насъ непонятны, если бы самъ авторъ не приложилъ къ нимъ подробныхъ примѣчаній. Не всѣ сатиры Кантемира имѣютъ въ виду представить русское общество: нѣкоторыя изъ нихъ касаются общечеловѣческихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ: пятая — на человѣческія злонравія вообще и шестая—объ истинномъ блаженствѣ. Прямое отношеніе къ современной русской жизни имѣютъ собственно слѣдующія сатиры: первая «Къ уму моему, или на хулящихъ ученіе» вторая «Филаретъ и Евгеній» — на гордость и зависть дворянъ злонравныхъ и затѣмъ сатира подъ названіемъ «Къ солнцу» гдѣ изображаются наши раскольники. Въ первой сатирѣ Кантемиръ осмѣиваетъ тѣхъ изъ невѣжественныхъ современниковъ, которые, не понимая значенія науки, находили ее вредною для государства. Жи-

выми красками рисуя картину тогдашняго общества, сатирикъ въ то же время изображаетъ и жалкое положеніе писателя, принявшаго на себя всю тягость просвѣтительной миссіи. Несмотря на то, что правительство цѣлымъ рядомъ благодѣтельныхъ реформъ старалось насадить въ Россіи просвѣщеніе, оно однакожъ весьма туго принималось обществомъ, еще глубоко вѣрившимъ въ преданія стараго времени. Въ образѣ Критона, Сильвана Луки и Медора сатирикъ и представилъ намъ различные кружки современнаго общества, разсуждавшіе каждый по своему о вредномъ вліяніи науки. Критонъ-ханжа—бранитъ науку за то, что она, по его мнѣнію, ведетъ за собою ереси и расколы, и что чрезъ нее будто-бы среди молодаго поколѣнія появилось неуваженіе къ священному чину, къ различнымъ обрядамъ Церкви. Критонъ возмущенъ свободомысліемъ современниковъ, и во всякомъ ученомъ, готовъ видѣть врага Церкви, совершенно не понимая, что не наука была причиною раскола, а напротивъ—невѣжество. Люди зажиточные, ищущіе одного лишь матеріальнаго довольства, обвиняли науку какъ такое занятіе, которое не приноситъ человѣку никакой выгоды, не обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи. Сильванъ отрицаетъ пользу математики, астрономіи, химіи, медицины, говоря, что человѣкъ и безъ нихъ можетъ жить въ довольствѣ и пріобрѣсть состояніе, о чемъ такъ хлопочутъ всегда люди практическіе. Но такое отношеніе къ наукѣ явно происходитъ отъ непониманія ея сущности, такъ какъ многое, чѣмъ мы пользуемся въ жизни, явилось какъ результатъ науки. Лука любитъ веселое общество, проводящее время въ пирахъ и наслажденіяхъ, и такимъ образомъ онъ непримиримый врагъ науки, разрушающей содружество людей и заставляющей ихъ проводить жизнь въ скучномъ уединеніи. Люди новаго времени высказывали также враждебные взгляды на науку. Медоръ, усвоивъ внѣшній лоскъ европейской жизни, поклонникъ роскоши и модъ, ненавидитъ ученыхъ за то, что они тратятъ много бумаги, которой не хватаетъ ему на завивку волосъ. Для него фунтъ хорошей пудры дороже всѣхъ сочиненій Сенеки и тому подобныхъ философовъ.

Если общество такъ относится къ наукѣ, то людямъ ученымъ приходится только молчать, не приводя никакихъ возраженій. Хотя умъ и говоритъ сатирику, что сужденія какихъ нибудь щеголей или ханжей не законъ для людей ученыхъ, но сатирикъ видитъ, что вра-

говъ науки слишкомъ много, и снова обращается къ изображенію ихъ. Большинство людей, занимающихъ ту или другую должность, думаютъ, что все дѣло во внѣшности. Предъ нами является сначала епископъ. Онъ надѣваетъ на себя рясу, покрываетъ голову клобукомъ, а брюхо бородою и, гордо развалившись въ каретѣ, слегка благословляетъ проходящихъ, воображая, что въ этомъ-то и заключена вся сила. Наука ему кажется безполезною, такъ какъ и безъ нея можно получать доходы, на которыхъ, по его мнѣнію, зиждутся лучшія права Церкви. Далѣе сатирикъ, изобразивъ еще судью, который отрицаетъ необходимость науки для того, чтобы нажиться, снова обращается къ своему уму, совѣтуя ему молчать и, во избѣжаніе злой хулы, заниматься наукой въ уединеніи, въ тиши кабинета.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Кантемиръ, какъ человѣкъ просвѣщенный, прямо обратился къ вопросу о наукѣ, такъ какъ она впервые являлась у насъ тогда цивилизующею силою, благодаря сношеніямъ съ Западной Европой. Изучая современную русскую жизнь, Кантемиръ въ то же время замѣчалъ, какое вліяніе оказывала на нее реформа Петра, и все, что подмѣчалъ, изображалъ въ своихъ сатирахъ. Вторая сатира состоитъ изъ разговора двухъ лицъ, изъ которыхъ одно (Филаретъ) изображаетъ человѣка добродѣтельнаго, а другое (Евгеній) человѣка стремящагося къ чинамъ и почестямъ и гордящагося знаменитостью своихъ предковъ. Евгеній злится на то, что теперь есть люди, которые возвышаются несмотря на свое низкое происхожденіе. Здѣсь сатирикъ явно осмѣиваетъ недовольныхъ табелью о рангахъ, которою Петръ хотѣлъ возвысить личныя заслуги каждаго, а не родовыя отличія.

Хотя сатиры Кантемира не были напечатаны при его жизни, однако онѣ пользовались извѣстностью въ рукописяхъ въ обществѣ того времени. Несмотря на то, что литературный языкъ былъ еще не обработанъ, изобиловалъ многими недостатками, Кантемиръ однако сумѣлъ придать интересъ своимъ произведеніямъ. Изображая картину современныхъ нравовъ, сатирикъ тѣмъ самымъ сблизилъ поэзію нашу съ жизнью, указалъ ей дальнѣйшее направленіе, а это уже не маловажная заслуга для развитія нашей литературы.

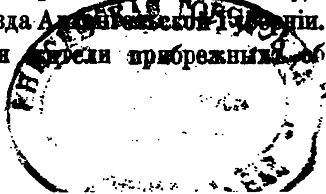
Съ именемъ Тредьяковскаго всегда соединяли имя бездарнаго стихотворца и при этомъ забывали о тѣхъ заслугахъ, которыя онъ оказалъ, какъ авторъ ученыхъ сочиненій и переводчикъ. Безъ со-

мнѣнія, его пиитическія творенія, подобныя безсмертной «Телемахидѣ», ниже всякой посредственности и объясняются только какою-то болѣзненною страстью къ стихоплетству, которою всю жизнь былъ зараженъ ихъ авторъ. Тредьяковскій писалъ и поэмы, и драмы, оставилъ массу мелкихъ стихотвореній, но все это не можетъ и войти въ исторію нашей литературы. Сынъ приходскаго священника въ Астрахани, В. К. Тредьяковскій (1703—1769) воспитывался сначала въ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Московской духовной Академіи. Все время ученія Тредьяковскій обнаруживалъ необыкновенное трудолюбіе. Въ 1726 г. онъ бѣжалъ изъ Москвы заграницу и прибылъ въ Парижскій университетъ, гдѣ и достигъ окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ. Тамъ онъ началъ и свою литературную дѣятельность переводомъ сочиненія «Ѣзда въ островъ Любви», въ которомъ аллегорически изображается пріятная и опасная сторона любви. По возвращеніи изъ-за границы, Тредьяковскій назначенъ былъ сначала переводчикомъ при Академіи Наукъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ Россійскія и Латинскія элоквенціи. — Изъ ученыхъ сочиненій Тредьяковскаго извѣстны: 1) Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи россійскомъ; 2) Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ; 3) Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой; 4) Разсужденія объ эпической поэмѣ; 5) Разсужденіе объ одѣ; 6) Разсужденіе о комедіи вообще. Мы видимъ, что сочиненія Тредьяковскаго относятся къ области теоріи языка и словесности и касаются самыхъ важныхъ вопросовъ. Тредьяковскій первый научнымъ образомъ объяснилъ сущность тоническаго стихосложенія, основаннаго на удареніи, и подтвердилъ свои выводы примѣрами изъ народной поэзіи, что весьма замѣчательно для того времени, когда многіе не подозрѣвали даже и существованія народной литературы. Въ теоріи поэзіи Тредьяковскій высказалъ много такихъ мыслей, которыя впослѣдствіи вошли въ учебники и теперь сдѣлались достояніемъ всякаго. Онъ не соглашался съ французскимъ критикомъ Буало, что поэзія есть искусство писать стихи, подражая природѣ, и утверждалъ, что поэзія и писаніе стиховъ — двѣ вещи совершенно различныя. По мнѣнію Тредьяковскаго поэтъ тотъ, кто творитъ, т. е. изображаетъ жизнь не такъ, какъ она есть, а идеализируетъ ее сообразно съ законами творчества. Такое опредѣленіе поэтическихъ сочиненій, встрѣча-

чающееся теперь въ каждомъ руководствѣ, въ то время было новостью, которая во всякомъ случаѣ возвышаетъ значительно ученую дѣятельность Тредьяковскаго. Странно только то, что, хорошо понимая различіе между писаніемъ стиховъ и поэзіею, Тредьяковскій все-таки продолжалъ писать свои безобразные вирши, не подозрѣвая, что это унижаетъ его достоинство какъ человѣка образованнаго и ученаго. Въ сочиненіи своемъ объ орѳографіи Тредьяковскій, разбирая подробно весь славянскій алфавитъ, приходитъ къ тому заключенію, что правописаніе должно быть основано не на этимологіи или обыкновеніи, а на произношеніи. Несмотря на ложный выводъ, къ которому пришелъ авторъ разсужденія, онъ однакожъ высказалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о раздѣленіи твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, о слитномъ употребленіи предлоговъ съ мѣстоименіями и именами, и о другихъ вопросахъ, касающихся русской орѳографіи. Что касается до личности Тредьяковскаго, то онъ всегда подвергался насмѣшкамъ. Еще Сумароковъ вывелъ его въ своей комедіи «Тресотиніусъ», гдѣ поднялъ на смѣхъ его орѳографическую теорію, и впослѣдствіи извѣстный нашъ романистъ Лажечниковъ, въ своемъ романѣ «Ледяной домъ», представилъ то жалкое положеніе, которое занималъ Тредьяковскій въ качествѣ придворнаго піиты. Грубыя отношенія къ нему Волынскаго не столько унижаютъ стихотворца, сколько обличаютъ вообще ту невѣжественную эпоху, когда положеніе каждаго писателя представлялось далеко не отраднымъ, какъ писалъ объ этомъ и Кантемиръ.

Главнымъ представителемъ литературы и просвѣщенія петровской эпохи является Ломоносовъ, дѣятельность котораго образуетъ собою цѣлый періодъ, и вызываетъ многихъ подражателей, какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ. Необыкновенное разнообразіе его дѣятельности объясняется характеромъ времени: цѣлью Ломоносова было дать образцы различныхъ родовъ сочиненій, обработать русскій языкъ, находившійся въ хаотическомъ состояніи, положить начало науки въ томъ видѣ, какъ она создавалась въ его время на Западѣ. Заслуги Ломоносова какъ просвѣтителя вообще не менѣе важны, чѣмъ и его многочисленные труды по части литературы и науки.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 году, въ деревнѣ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда Архангельской губерніи. Отецъ его былъ поморъ. Такъ называются жители прибрежныхъ областей

Бѣлаго моря, занимающіеся преимущественно рыбною ловлею. Еще въ дѣтствѣ Ломоносовъ ѣздилъ съ отцомъ на Бѣлое море, гдѣ знакомился со многими явленіями сѣверной природы, о которыхъ впослѣдствіи написалъ нѣсколько ученыхъ трактатовъ. Отецъ Ломоносова, какъ человѣкъ совершенно необразованный, не обращалъ никакого вниманія на воспитаніе сына, считая ученье—дѣломъ безполезнымъ. Но, несмотря на это страсть къ наукѣ обнаружилась рано въ Ломоносовѣ. Онъ скоро выучился церковной грамотѣ у сельскаго дьячка и считался лучшимъ чтецомъ во всемъ околоткѣ. Первыми книгами, которыя Ломоносовъ съ жадностью изучалъ, были: Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, Ариѳметика Магницкаго и Псалтырь, переложенный стихами Симеономъ Полоцкимъ. Еще въ дѣтствѣ обнаруживалась не разъ необыкновенная пытливость Ломоносова. Можетъ быть подъ вліяніемъ этого свойства ума, онъ увлекся расколомъ, въ то время существовавшимъ въ сѣверномъ поморьи. Занятія сына книгами пришлись не по нраву отцу и особенно мачихѣ, которая постоянно вооружала мужа противъ пасынка, называя его лѣнтяемъ и дармоѣдомъ. Съ одной стороны, упреки и притѣсненія родителей, съ другой—жажда знанія и страсть къ наукѣ заставили Ломоносова бѣжать изъ отцовскаго дома.

Въ 1731 году онъ приходитъ пѣшкомъ въ Москву, и поступаетъ сначала въ школу при Сухаревой башнѣ, а потомъ въ знаменитую тогда Славяно-Греко-Латинскую Академію. Въ академіи господствовала схоластическая наука, ученики упражнялись въ составленіи сочиненій по опредѣленной методѣ, изучали богословіе, философію, діалектику и риторику. Хотя Ломоносовъ и не особенно сочувствовалъ схоластической наукѣ, однако она оказала вліяніе на его послѣдующую литературную дѣятельность, которая замѣтно отличалась риторическимъ направленіемъ. Поступивъ въ академію безъ всякой подготовки, не зная ни одного языка, Ломоносовъ, благодаря своей геніальности и неимовѣрному терпѣнію, скоро усвоилъ академическій курсъ и даже превзошелъ многихъ изъ своихъ товарищей. Когда Ломоносовъ находился въ философскомъ классѣ, изъ Петербургской Академіи Наукъ пришло требованіе выслать 12 лучшихъ учениковъ для слушанія академическихъ лекцій. Въ числѣ этихъ двѣнадцати отправленъ былъ и Ломоносовъ. Но не долго ему пришлось оставаться въ Петербургѣ: академическое начальство, нуждаясь

въ химикѣ, свѣдущемъ и въ горномъ дѣлѣ, для отправленія въ ученое путешествіе по Сибири, постановило послать трехъ студентовъ за границу; и вотъ Ломоносовъ вмѣстѣ съ двумя другими студентами отправляется въ Марбургъ, славившійся тогда своимъ университетомъ, и тамъ продолжаетъ изучать науки подъ руководствомъ ученаго Вольфа. Разгульная жизнь тогдашняго нѣмецкаго студенчества повліяла значительно на образъ жизни Ломоносова. Онъ сталъ кутить, и такъ какъ казеннаго содержанія не хватало, то принужденъ былъ войти въ долги. Но разгульная жизнь не мѣшала Ломоносову усиленно заниматься дѣломъ: онъ въ короткое время такъ хорошо овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, что писалъ на немъ въ академію отчеты о своихъ научныхъ занятіяхъ. Профессоръ сообщалъ подробныя свѣдѣнія о жизни русскихъ студентовъ и въ каждомъ письмѣ отзывался съ похвалою о Ломоносовѣ, удивляясь его способностямъ. Изъ Марбурга Ломоносовъ перебрался въ Фрейбургъ для практическаго изученія рудниковъ, но столкновенія съ горнымъ совѣтникомъ Генкелемъ заставили его вернуться обратно. Въ 1740 году онъ женился на дочери портного Генриха Цильха, бывшаго церковнымъ старшиной и членомъ городской думы, и затѣмъ въ скоромъ времени отправился въ Петербургъ по предписанію академическаго начальства, которое на путевыя издержки выслало ему вексель въ сто рублей. Въ 1742 году Ломоносовъ, по просьбѣ, поданной имъ на Высочайшее имя, опредѣленъ былъ адъюнктомъ физики съ жалованьемъ въ 360 руб. въ годъ. Съ этого времени началась академическая дѣятельность Ломоносова и вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба, которую ему пришлось вести за науку и просвѣщеніе русскихъ. Академія Наукъ, основаная Петромъ, находилась тогда въ рукахъ Шумахера, человѣка, дѣятельность котораго была далека отъ цѣлей просвѣтительныхъ. Ломоносовъ, хорошо зная намѣренія Петра при основаніи такого учрежденія, какъ Академія, видѣлъ, что эти намѣренія не выполняются, что Академія не преслѣдуетъ образовательныхъ цѣлей, не содѣйствуетъ развитію просвѣщенія среди русскихъ, что имѣлъ въ виду ея основатель, и вся состоитъ изъ нѣмцевъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ не могли быть извѣстны потребности русскаго общества. Сочувствуя идеямъ Петра просвѣтить Россію, Ломоносовъ во имя этихъ идей рѣшается вступить въ борьбу съ Шумахеромъ и другими членами Академіи. Много пришлось вытерпѣть Ломоносову отъ этой

борьбы, такъ какъ пришлось ее вести одному противъ многочисленныхъ враговъ, но онъ съ твердостью все переносилъ, вполнѣ убѣжденный въ справедливости своихъ требованій. Назначенный въ 1745 году профессоромъ химіи, онъ хлопочетъ объ устройствѣ при Академіи химической лабораторіи, въ цѣломъ рядѣ донесеній заявляетъ о ея необходимости и только по прошествіи трехъ лѣтъ достигаетъ исполненія проэкта. Въ теченіе всей своей жизни Ломоносовъ обращалъ вниманіе на улучшеніе Академіи и въ особенности состоявшихъ при ней университета и гимназіи. Эти учрежденія существовали только по имени, не давали никакихъ результатовъ, находясь подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ канцеляріи, не заботившейся вовсе объ учебныхъ дѣлахъ. Ломоносовъ послѣ долгихъ усилій добился того, что учебные департаменты отдѣлены были отъ канцеляріи и ввѣрены его распоряженію. Хорошо понимая, что главная задача Академіи расширять предѣлы различныхъ знаній, онъ въ то же время справедливо полагалъ, что распространеніе наукъ въ Россіи возможно только тогда, когда Академія обратитъ вниманіе на увеличеніе числа образованныхъ русскихъ людей. Вступивъ въ управленіе учебными заведеніями, Ломоносовъ составляетъ нѣсколько проэктовъ, гдѣ предлагаетъ увеличить число учениковъ гимназіи прежде весьма ограниченное, дать право обученія дѣтямъ податнаго состоянія, составить правила для учащихся, поручить каждому наставнику представить краткій конспектъ своего предмета. Всѣ проэкты Ломоносова вызывали противодѣйствіе со стороны нѣмецкой партіи, которая сквозь пальцы смотрѣла на образованіе русскихъ и даже считала ихъ часто неспособными къ научной дѣятельности. Искренній патріотизмъ Ломоносова не могъ допустить подобной мысли: цѣль всей жизни этого неутомимаго дѣятеля была наука и ея распространеніе въ Россіи и понятна та раздражительность, съ какою онъ часто вооружался противъ притязаній нѣмецкой партіи во главѣ съ Шумахеромъ, и позволялъ себѣ рѣзкіе отзывы объ ученой дѣятельности Миллера и Шлецера, труды которыхъ пользовались извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Ломоносовъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ графа Шувалово, одного изъ образованныхъ русскихъ людей временъ Елизаветы Петровны. По мысли этихъ двухъ дѣятелей, основанъ былъ въ 1755 году университетъ въ Москвѣ. Въ отношеніяхъ къ Шувалову, Ломоносовъ всегда оставался человѣкомъ независимымъ, и никогда не

обнаруживалъ лести, свойственной тому вѣку. Ломоносовъ до конца жизни былъ ярымъ борцомъ за науку и просвѣщеніе, и не измѣнилъ своему убѣжденію, несмотря на массу препятствій и на многочисленность своихъ враговъ. «Я бы охотно молчалъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Теплову, и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣванію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь 20 лѣтъ (писано въ 1761 году) стоялъ за нимъ смолоду, на старость не покину». Въ этихъ словахъ вполнѣ выразился характеръ Ломоносова и направленіе всей его просвѣтительной дѣятельности.

Сочиненія Ломоносова главнымъ образомъ распадаются на два отдѣла: сочиненія литературныя и ученыя. Литературная дѣятельность Ломоносова началась еще во время пребыванія его въ Марбургскомъ университетѣ. Въ 1739 году онъ, подражая нѣмецкому поэту Гюнтеру, написалъ оду «На взятіе Хотина», гдѣ высокимъ слогомъ прославилъ побѣду русскаго оружія надъ турками. Лирическая поэзія Запада, современная Ломоносову и преимущественно французская, отличалась такъ называемымъ ложноклассическимъ направленіемъ, возникшемъ вслѣдствіе изученія произведеній классическихъ поэтовъ. Преобладающимъ родомъ поэзіи была ода, какъ выраженіе восторженнаго чувства поэта, при воспѣваніи какого нибудь важнаго событія. Французская критика, во главѣ которой стоялъ тогда Буало, составила цѣлый рядъ правилъ, заимствуя ихъ изъ образцовъ греческой и римской поэзіи.—Вслѣдствіе установленныхъ правилъ, поэзія получила риторическій характеръ, лишена была свойственной ей простоты и естественности, стихотворенія стали наполняться массою миѳическихъ именъ вмѣсто обыкновенныхъ названій предметовъ и всегда означались высокопарнымъ слогомъ. Ломоносовъ усвоилъ теорію французскихъ критиковъ и совершенно незнакомый съ произведеніями національнаго творчества, притомъ человѣкъ, занимавшійся поэзіею совершенно случайно, не могъ разумѣется придать

ей самостоятельнаго характера:—потому его литературныя произведенія получили ложноклассическое направленіе съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ установленныхъ старинной риторикой. Ломоносовъ былъ пѣвцомъ Елизаветы Петровны; во всѣхъ почти одахъ онъ съ восторгомъ прославляетъ ея царствованіе, и при этомъ выражаетъ свой патріотизмъ, такъ какъ съ воцареніемъ дочери Петра падаетъ въ Россіи нѣмецкій элементъ и возвышаются русскіе люди, подобные Воронцову, Шувалову и другимъ. Прославленіе Елизаветы, Петра Великаго, мысли о необходимости науки для русскихъ,—вотъ предметы, которые входятъ въ содержаніе лирической поэзіи Ломоносова. Въ одахъ стихотворецъ соблюдаетъ всѣ правила, установленныя риторикой: онѣ изложены высокимъ слогомъ, состоявшимъ изъ славянскихъ оборотовъ и выраженій, наполнены именами миѳическихъ боговъ и богинь, обставлены всевозможными риторическими фигурами, какъ напр.: фигуры вопрошанія, восклицанія и др. Хотя Ломоносовъ и не былъ поэтомъ по призванію, но въ его одахъ мы встрѣчаемъ выраженіе искренняго поэтическаго чувства, когда онъ воспѣваетъ картины природы, или говоритъ о задушевномъ своемъ предметѣ—о наукѣ. Изъ его небольшаго стихотворенія «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», гдѣ простымъ языкомъ нарисована картина сѣвернаго сіянія, видно что Ломоносовъ не только понималъ природу, благодаря своей учености, но и умѣлъ относиться къ ней съ чувствомъ глубокаго воодушевленія, искренне восторгаться при созерцаніи ея поэтическихъ картинъ. Ломоносовъ смотрѣлъ на оду какъ на самое лучшее средство проводить въ общество мысли о наукѣ какъ о предметѣ совершенно новомъ для него. Лучше всего эти мысли выражены имъ въ VIII похвальной одѣ, написанной въ 1747 г. на день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны. Здѣсь писатель, изобразивъ богатство физической природы Россіи, ея обширныя земли, указываетъ будущимъ русскимъ ученымъ на задачу ихъ дѣятельности распространить науку и просвѣтить ея свѣтомъ отдаленныя страны своего отечества.

Къ литературнымъ сочиненіямъ Ломоносова относятся еще двѣ трагедіи: 1) «Тамира и Селимъ», гдѣ изображается гибель Мамая; 2) «Демофонтъ» заимствованная изъ преданій о Троянской войнѣ; героическая поэма Петръ Великій (неоконченная), и дидактическое стихотвореніе въ формѣ посланія къ Шувалову «о пользѣ стекла». Тра-

тедіи Ломоносова лишены драматизма и далеко ниже произведеній другихъ современныхъ ему писателей, писавшихъ въ духѣ ложно-классическаго направленія. Письмо о пользѣ стекла можно считать образцовымъ сочиненіемъ въ ряду дидактическихъ произведеній того времени. Въ немъ авторъ высказываетъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей о наукѣ вообще, объ изученіи природы, объ умноженіи запаса научныхъ знаній, благодаря изобрѣтенію микроскопа и телескопа, которые дали возможность людямъ ученымъ совершить много открытій и узнать то, что прежде было почти или совершенно недоступно. Къ литературнымъ же сочиненіямъ Ломоносова относятся также два похвальныхъ слова Елизаветѣ и Петру. Форма слова была въ то время распространена и Ломоносовъ пользовался ею даже и для научной цѣли. Литературныя сочиненія Ломоносова не столько замѣчательны по своему внутреннему достоинству, сколько своимъ языкомъ, давшимъ образцы новаго литературнаго слога. Языкъ сочиненій, предшествовавшихъ Ломоносову, представлялъ смѣсь элементовъ русскаго и славянскаго съ примѣсью словъ иностранныхъ, въ особенности вошедшихъ въ употребленіе со времени петровской реформы. Ломоносовъ какъ своими теоретическими сочиненіями, такъ и образцами поэтическими указалъ границы употребленія русской и славянской рѣчи. Что касается до синтаксическаго строя языка, то Ломоносовъ сохранилъ преимущественно періодическую рѣчь, которая напоминаетъ собою латинскую конструкцію и вовсе не свойственна русскому языку по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее напр. въ похвальныхъ и ученыхъ словахъ Ломоносова. Вотъ для образца начало похвальнаго слова Елизаветѣ Петровнѣ:

«Есть-ли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на всероссійскій престолъ восшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елизаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось!» Безъ сомнѣнія такой строй

рѣчи отличается риторическою искуственностью, которая однако господствовала у насъ долгое время въ прозаическомъ языкѣ, которой слѣдовалъ и Ломоносовъ, выражавшійся въ обыкновенныхъ письмахъ совершенно другимъ языкомъ. Обычай, разъ установленный надолго сохраняется въ литературѣ, пока не найдется талантливый писатель и своими произведеніями не укажетъ новаго пути для развитія литературнаго слога.

Ученыя труды Ломоносова распадаются главнымъ образомъ на два отдѣла: сочиненія по теоріи языка и словесности и сочиненія по наукамъ естественнымъ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ: 1) Риторика, 2) Россійская грамматика, 3) Разсужденіе о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ и 4) Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства. Риторика во времена Ломоносова считалась однимъ изъ главныхъ предметовъ общеобразовательнаго курса. По словамъ автора, высказаннымъ имъ въ предисловіи къ своему труду, риторика состоитъ въ познаніи нужныхъ правилъ, которыя показываютъ подлинный путь къ краснорѣчію. Риторика указываетъ такимъ образомъ средства, съ помощію которыхъ можно придать слогу краснорѣчіе, устанавлять схему, или планъ, по которому должна быть развита данная тема, и подтверждаетъ все это примѣрами изъ сочиненій древнихъ и новыхъ писателей. Учебникъ риторики Ломоносова раздѣляется на 3 части: изобрѣтеніе, украшеніе и расположеніе. Подъ изобрѣтеніемъ разумѣется собраніе разныхъ идей, касающихся даннаго предмета; вторая часть учитъ о томъ, какъ изобрѣтенныя идеи выразить приличнымъ слогомъ, какъ усвоить чистоту и велолѣпіе слога; сюда входитъ разборъ такъ называемыхъ риторическихъ фигуръ, или тропъ, какъ-то: метафоры, синекдохи, метониміи, парафразиса, гиперболы и другихъ. Третья часть разсматриваетъ различные способы приведенія идеи въ опредѣленный порядокъ и излагаетъ ученіе о хріи или о тѣхъ логическихъ категоріяхъ (приступъ, причина, противное, подобіе) по которымъ должно быть расположено разсужденіе о томъ или другомъ предметѣ. Риторика Ломоносова, замѣчательная систематическимъ и яснымъ изложеніемъ и снабженная массою прекрасныхъ примѣровъ, по справедливости считалась лучшимъ руководствомъ и служила источникомъ для составленія подобныхъ учебниковъ, пока эта наука была предметомъ преподаванія въ нашихъ школахъ. Не менѣе риторики замѣчательна и Россійская граммати-

ка, составленная Ломоносовымъ. Труды по этой наукѣ Мелетія Смотрицкаго и Ададурова касались преимущественно языка славянскаго притомъ значительно уже устарѣли для того времени, и потому сочиненіе Ломоносова было единственнымъ въ своемъ родѣ. Ломоносовъ подробно объяснилъ значеніе и задачи грамматики, этимологическій составъ частей рѣчи и далъ такія опредѣленія, которыя и теперь повторяются въ руководствахъ безъ всякаго измѣненія. Воспитываясь въ духовной академіи, Ломоносовъ основательно изучилъ языкъ Славянскій и въ своемъ разсужденіи «о пользѣ книгъ церковныхъ» показалъ какое значеніе онъ имѣетъ для литературнаго слога. Этотъ послѣдній, по его мнѣнію, долженъ быть раздѣленъ на 3 рода: высокій, средній и низкій. Высокій слогъ состоитъ изъ выраженій, употребительныхъ какъ въ славянскомъ такъ и въ русскомъ языкѣ, при чемъ большее преимущество должно быть оказано элементу славянскому. Средній слогъ или штиль долженъ состоять изъ словъ больше употребительныхъ въ языкѣ русскомъ, славянскія слова хотя и могутъ входить въ этотъ слогъ, но надо соблюдать, чтобы рѣчь не выходила напыщенною. Низкій слогъ заключается въ употребленіи словъ и выраженій, которыхъ совершенно нѣтъ въ языкѣ славянскомъ. По словамъ Ломоносова русскіе должны изучать славянскій языкъ какъ потому, что на немъ написаны священныя книги, такъ и потому, что изученіе его удерживаетъ насъ отъ употребленія такихъ иностранныхъ словъ, которыя часто искажаютъ красоту нашего слога. Вопросъ о стихосложеніи, поднятый и разъясненный подробно Тредьяковскимъ былъ рѣшенъ на практикѣ Ломоносовымъ. Его произведенія написаны уже тоническимъ размѣромъ, согласіе котораго съ духомъ русскаго языка объяснено въ письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства, присланномъ въ академію одновременно съ одою на взятіе Хотина.

Хотя научныя сочиненія Ломоносова не входятъ собственно въ исторію литературы, но мы должны остановиться на нихъ, такъ какъ этими трудами Ломоносовъ оказывалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе нашего просвѣщенія вообще, приготовилъ нѣсколько учениковъ, которые продолжали дѣло своего учителя и тѣмъ самымъ способствовали развитію науки въ Россіи. Ломоносовъ прежде всего естествоиспытатель; его любимыми предметами были: физика, химія и металлургія. До Петра науки въ Россіи не существовало въ томъ ви-

дѣ, какъ она была уже развита на Западѣ. Петръ, вводя просвѣщеніе, прежде всего смотрѣлъ на науку съ утилитарной точки зрѣнія, искалъ въ научныхъ знаніяхъ прямаго приложенія къ жизни. Ломоносовъ высказывалъ тотъ же самый взглядъ. Объясняя тѣ или другія явленія изъ области физики и химіи, онъ всегда имѣлъ въ виду указать своимъ читателямъ на ту мысль, что наука удовлетворяетъ потребностямъ нашей жизни, содѣйствуетъ благосостоянію человѣка. Руководствуясь такою мыслью, Ломоносовъ старался всегда излагать научные вопросы въ болѣе или менѣе популярной формѣ, въ противномъ случаѣ они были бы совершенно недоступны нашему обществу, только что узнавшему о существованіи наукъ естественныхъ. Свои научныя теоріи, относящіяся къ области физики или химіи, Ломоносовъ основывалъ на строгомъ анализированіи явленій, чего мы не можемъ найти въ сочиненіяхъ предшествовавшихъ ему русскихъ ученыхъ, занимавшихся также изученіемъ природы. При томъ отдѣльныя, частныя знанія онъ умѣлъ привести въ стройную систему, которая дала ему извѣстность среди иностранныхъ ученыхъ, открыто заявившихъ мнѣніе о геніальности Ломоносова, о научномъ значеніи его трудовъ по части физики и химіи. Признавая пользу изученія наукъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей жизни, Ломоносовъ въ то же время видѣлъ въ наукѣ средство удовлетворять врожденной любознательности, доставлять уму и чувству пріятное занятіе. «Чѣмъ больше тайнства ея (науки) разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце». Такъ какъ Ломоносову приходилось впервые подробно объяснять явленія природы, изученіе которыхъ даже для людей образованныхъ того вѣка казалось ересью, то поэтому онъ долженъ былъ выяснить вопросъ объ отношеніи науки къ религіи. По его мнѣнію изученіе природы—свято. Оно помогаетъ человѣку ознакомиться съ таинственными явленіями міра и тѣмъ живѣе представлять себѣ могущество, величіе и премудрость Творца. «Толкователи и проповѣдники священнаго писанія, говоритъ Ломоносовъ, показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ, и благополучіе житія съ волею Божіею согласнаго. Астрономы отверзаютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣ-

ряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры». Въ вопросѣ объ отношеніи науки къ религіи, Ломоносовъ слѣдовалъ ученію своего руководителя Вольфа, который доказывалъ необходимость изученія природы для примиренія науки съ вѣрою. Среда, въ которой приходилось работать Ломоносову, была еще убѣждена въ святости преданія, гласившаго, что въ природѣ все имѣетъ таинственный смыслъ, и что отыскивать естественныя причины явленій значитъ давать волю дерзкому уму. Важная заслуга Ломоносова въ томъ, что онъ отдѣлилъ философію отъ догматики и показалъ, что эти двѣ области знанія, имѣя одну и ту же цѣль, достигаютъ ея различными способами. Въ періодъ схоластики эти двѣ области совершенно сливались. Какъ естествоиспытатель, Ломоносовъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Лучшіе ученые Европы, подобные Эйлеру, съ похвалою отзывались о его ученыхъ трудахъ, а многія научныя теоріи, до которыхъ Ломоносовъ дошелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, подтверждены современной наукой.

Вотъ перечень главнѣйшихъ трудовъ Ломоносова по наукамъ естественнымъ: 1) Опытъ надъ водою Сѣвернаго океана; 2) слово о происхожденіи свѣта; 3) О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ; 4) Испытаніе причинъ сѣвернаго сіянія 5) Переводъ физики Вольфа; 6) Слово о пользѣ химіи; 7) О рожденіи металловъ отъ трясенія земли; 8) Учебникъ Металлургіи. По словамъ новѣйшихъ изслѣдователей научной дѣятельности Ломоносова, множество его трудовъ, писанныхъ большею частью на языкѣ латинскомъ хранится въ рукописяхъ въ архивахъ Академіи Наукъ.

Ломоносовъ, подобно Посошкову, вышелъ изъ среды крестьянской и хотя обстоятельства ввели его въ совершенно иной кругъ людей, онъ однакожъ хорошо понималъ нужды простаго народа, что ясно обнаруживается въ его «Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», составленное въ видѣ письма къ Шувалову (въ 1761 г.). Въ этомъ разсужденіи Ломоносовъ касается очень важнаго вопроса о причинахъ большой смертности въ русскомъ народѣ, и предлагаетъ нѣсколько мѣръ для сохраненія здоровья въ молодомъ поколѣніи, на которыя указываютъ и многіе изъ современныхъ публицистовъ. Уменьшеніе народонаселенія, по мнѣнію Ломоносова зависитъ отъ плохого ухода за дѣтьми, отъ неровныхъ браковъ

суевѣрій, господствующихъ въ массѣ, благодаря старымъ укоренившимся обычаямъ, въ силу которыхъ знахари и знахарки пользуются въ народѣ большимъ авторитетомъ. Все это могло бы искорениться, еслибы учредить сельскія аптеки, издать популярныя медицинскія книжки и распространять чрезъ священниковъ въ народѣ полезныя для него знанія. Безъ сомнѣнія, предложенія Ломоносова весьма вѣрны, какъ лучшее средство увеличенія народонаселенія, но въ то время они не могли быть приведены въ дѣйствіе, такъ какъ казались многимъ несвоевременными.

Обозрѣніе трудовъ Ломоносова убѣждаетъ насъ въ многостороннемъ направленіи его дѣятельности. Онъ предложилъ образцы главнѣйшихъ родовъ и видовъ поэзіи, далъ литературную обработку нашему языку, указалъ значеніе науки, сдѣлалъ нѣсколько важныхъ изобрѣтеній въ области естествознанія. Личность Ломоносова навсегда останется примѣромъ истиннаго просвѣтителя. Несмотря на всѣ препятствія, неразлучныя съ дѣятельностью человѣка, вносящаго въ жизнь что нибудь новое, Ломоносовъ сохранилъ вполнѣ свои убѣжденія, стойко проводилъ ихъ въ литературѣ и навсегда сохранилъ за собою имя честнаго и неутомимаго труженика. Что касается до поэтической дѣятельности Ломоносова, то она заключаетъ съ себѣ недостатки, отражавшіеся и на послѣдующихъ явленіяхъ нашей литературы. Кантемиръ указалъ, что поэзія должна быть слита съ жизнью: въ своихъ сатирахъ онъ изображалъ дѣйствительность. Но Ломоносовъ не пошелъ по этому пути. Въ его одахъ мы встрѣчаемъ не изображеніе современныхъ явленій, а скорѣе выраженіе восторга по поводу событій, причемъ часто оды писались какъ бы по заказу и потому лишены художественности. Ложноклассицизмъ, которымъ проникнуты литературныя сочиненія Ломоносова, по самой сущности своей, отдѣлялъ поэзію отъ жизни, лишалъ ее простоты, и, сводя поэзію на степень простаго стихотворства, дѣлалъ званіе поэта доступнымъ для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка, хотя бы и не владѣвшаго отъ природы способностью къ поэтическому творчеству. Поэтическія сочиненія Ломоносова надолго установили въ нашей литературѣ риторическое направленіе, которое проглядываетъ нерѣдко въ писателяхъ карамзинской школы и окончательно уничтожается вліяніемъ чисто художественной поэзіи Пушкина. Ломоносовъ не былъ, притомъ, по при-

званію, но, во всякомъ случаѣ, его стихотворенія значительно выше тѣхъ виршей, которыми наводнялась наша литература прошлаго столѣтія, именно на томъ основаніи, что въ Ломоносовѣ,—съ одной стороны, замѣтно нерѣдко искреннее воодушевленіе, съ другой—его произведенія заключаютъ въ себѣ много дѣльныхъ и полезныхъ мыслей о наукѣ. Ученые трактаты Ломоносова, при всей ихъ талантливости и значеніи, не были доступны для большинства, совершенно неподготовленнаго понимать научныя истины, впервые явившіяся у насъ въ Россіи, и слѣдовательно стихотворныя произведенія въ которыхъ проводились мысли о наукѣ, были единственнымъ средствомъ, съ помощью котораго можно было объяснить обществу цивилизующую силу науки и просвѣщенія вообще.

Со времени дѣятельности Ломоносова литература наша приняла ложноклассическое направленіе, господствовавшее во Франціи въ теченіи почти цѣлаго столѣтія. Ближайшимъ послѣдователемъ Ломоносова въ литературѣ считается Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (1733—1807), пользовавшійся въ свое время славою знаменитаго писателя, хотя его произведенія, лишенныя поэтическаго достоинства, не оказали особеннаго вліянія на развитіе нашей литературы.— Авторитетъ Хераскова, какъ поэта, такъ былъ силенъ, что о немъ отзывались всегда не иначе, какъ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Видно, что литературная критика находилась тогда еще въ младенчествующемъ состояніи. Херасковъ былъ очень плодовитый писатель: онъ оставилъ двѣнадцать томовъ сочиненій, относящихся къ различнымъ родамъ и видамъ поэзіи. Но главными его произведеніями, на которыхъ основалась слава Хераскова, какъ талантливаго поэта, были двѣ большія эпическія поэмы «Россіада» и «Владиміръ».— Мы уже говорили о господствѣ ложно классическаго направленія въ лирикѣ, тѣмъ же духомъ проникнута и вся эпическая поэзія. Еще римскій поэтъ Виргилій, творецъ Энеиды, задумалъ подражать Гомеру, которому приписывается созданіе двухъ большихъ поэмъ «Иліада» и «Одиссея». Новоевропейскіе писатели, руководствуясь авторитетомъ Виргилія, составляли поэмы, подражая въ нихъ тѣмъ свойствамъ, которыя находили они въ древнегреческомъ эпосѣ. Каждая поэма обыкновенно начиналась словомъ «пою», изображала какое нибудь важное событіе, представляла смѣшеніе дѣйствительности съ таинственными вымыслами, при чемъ излагалась всегда высокимъ

сюжетомъ. Ложное направленіе подобныхъ поэмъ ясно изъ того, что въ нихъ поэтическая форма древнихъ писателей совершенно свободно переносится въ жизнь, далеко отличающуюся отъ жизни классическихъ народовъ. Если Гомеръ начинаетъ Иліаду словами «Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына», то онъ совершенно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ: какъ Грекъ-язычникъ онъ находилъ въ богинѣ источникъ своего вдохновенія, и на самомъ дѣлѣ брался за лиру, чтобъ воспѣть славные подвиги своихъ героевъ. Новоевропейскій поэтъ находится совершенно въ другихъ условіяхъ, и обращеніе къ Музѣ становится уже одной риторической фигурой, лишающей его произведеніе свойственной поэзіи простоты и естественности. Таинственный элементъ, которымъ проникнуты поэмы Гомера, объясняется языческой религіею древнихъ, а разнаго рода волшебство и кудесничество, считавшіеся необходимою принадлежностью ложно-классической поэмы, есть уже анахронизмъ въ произведеніи поэта-христіанина. Херасковъ остался вѣренъ теоріи ложно-классическихъ эпиковъ, за что и получилъ отъ своихъ современниковъ громкое имя россійскаго Гомера. Сюжетъ обѣихъ его поэмъ заимствованъ изъ русской исторіи: въ «Россіадѣ» изображается взятіе Казани, а во «Владимірѣ» представлено просвѣщеніе Россіи Христіанствомъ при Владимірѣ Святомъ. Несмотря на то, что содержаніе заимствуется изъ исторіи, въ поэмахъ, кромѣ именъ, нѣтъ ничего историческаго, притомъ и самая историческая дѣйствительность представлена въ искаженномъ видѣ. Относить сверженіе монгольскаго ига ко времени Грознаго, какъ это сдѣлано въ первой поэмѣ Хераскова — значитъ искажать исторію. Но на это не было указанія въ теоріи ложноклассической эпопеи, и потому современная критика не обратила вниманія на такой крупный недостатокъ исторической поэмы. Въ поэмѣ есть все, что требовала тогдашняя теорія: пророческіе сны, чародѣйства, явленія тѣней, разнообразіе эпизодовъ, но нѣтъ одного: истинной поэзіи, какъ вѣрнаго воспроизведенія жизни. Всѣ герои Россіады являются какими то рыцарями, напоминающими пожалуй средневѣковой романъ, поэтъ награждаетъ рыцарскими добродѣтелями даже и татарскихъ князей. Поэма «Владиміръ» построена одинаково съ первымъ произведеніемъ. Изображая въ ней одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ прошлой жизни Россіи — авторъ придалъ своему произведенію мистическое направленіе, которымъ

вообще отличался образъ мыслей писателя въ концѣ его жизни. Вообще какъ поэмы, такъ и другія произведенія Хераскова чужды современной действительности; только въ повѣсти «Нума, или процвѣтающій Римъ», авторъ дѣлаетъ нѣсколько намековъ на реформы Екатерины II. Нельзя умолчать объ общественной дѣятельности Хераскова. Въ теченіе 24 лѣтъ занимая должность куратора Московскаго Университета, онъ основалъ при немъ благородный пансіонъ въ 1779 году, бывшій однимъ изъ лучшихъ заведеній прошлаго столѣтія, завелъ въ томъ же году учительскую семинарію, съ именемъ которой тѣсно связывается и дѣятельность извѣстнаго московскаго профессора Георга Шварца, бывшаго воспитателемъ Карамзина. При всѣхъ недостаткахъ поэтической дѣятельности Хераскова, вызванныхъ тогдашнимъ направленіемъ литературы и указанныхъ позднѣйшею критикою, произведенія его содѣйствовали всё таки развитію нашего общества, пробуждали вкусъ къ литературѣ, которая въ то время почти только что начиналась въ Россіи.

Изъ другихъ писателей Ломоносовской школы особенною извѣстностью пользовались въ свое время: Поповскій, Петровъ и Костровъ Н. Н. Поповскій (1730-1760) былъ профессоромъ философіи въ Московскомъ университетѣ и въ литературѣ извѣстенъ переводомъ дидактической поэмы англійскаго писателя Попа «Опытъ о человѣкѣ». По мнѣнію Шерра Попъ не проложилъ новыхъ путей въ поэзіи и большое вниманіе обращалъ на внѣшнюю отдѣлку своихъ произведеній. Его поэма есть ни что иное какъ система философіи англійскихъ мыслителей, изложенная въ популярной формѣ. Поповскій перевелъ поэму англійскаго писателя съ французскаго языка, но съ такимъ искусствомъ, что переводъ былъ близокъ къ подлиннику и вполнѣ выражалъ мысли автора. Переводъ Поповскаго выдержалъ нѣсколько изданій но съ пропусками, которые были сдѣланы тогдашнею цензурою. Нѣкоторыя мѣста поэмы были не одобрены духовной цензурой, которая въ числѣ возраженій помѣстила и то обстоятельство, что авторъ высказываетъ мысли о системѣ Коперника и о множествѣ міровъ. Поповскій писалъ и торжественныя оды, но стихъ, сравнительно съ другими стихотвореніями того времени, отличался легкостью, что весьма замѣчательно въ періодъ господства риторическаго направленія. Послѣ Ломоносова В. П. Петровъ (1736—1799)

считается однимъ изъ главныхъ представителей хвалебной лирики того періода русской поэзіи, когда она еще не обнаруживала признаковъ художественности, а вполнѣ была подчинена правиламъ піитики и риторики. При всемъ своемъ образованіи Петровъ не могъ отрѣчься отъ ложноклассической теоріи и въ своихъ произведеніяхъ слѣдовалъ ей вполнѣ. Ода Петрова—образецъ напыщенности и высокопарнаго слога, надъ которыми смѣялась сатира прошлаго вѣка. Самымъ удачнымъ произведеніемъ стихотворца считалась Ода на побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ», изобилующая риторикою и лишенная всякой поэзіи. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ нея для образца.

Великій именемъ, великій дѣломъ, Петръ!
Спустися съ высоты на низкость водныхъ нѣдръ;
Воззри на чудеса, Твоимъ раждены ботомъ!
Какъ въ собственномъ Махметъ пристанищѣ горитъ!
Надъ русскимъ какъ паритъ
Трубяща слава флотомъ!

Нептуна Бельту врѣлъ Тебя Копенгагенъ;
Теперь твой грозный флагъ близъ Чесмскихъ зрѣетъ стѣнъ,
Готовитъ ужасъ несть на понтъ несчастной Геллы.
Со страхомъ близкую внимающа напасть
Ужъ Смирна хочетъ пасть.
Трясутся Дарданелы.

Петровъ писалъ и въ сатирическомъ родѣ. Такъ извѣстно его посланіе изъ Лондона, осмѣивающее страсть къ стихотворству. Оно было написано по поводу изданнаго Новиковымъ словаря о россійскихъ писателяхъ, гдѣ выраженъ неблагопріятный отзывъ о сочиненіяхъ Петрова, который будто-бы совершенно напрасно напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика т. е. Ломоносова. Сатирическое посланіе Петрова пользовалось въ свое время извѣстностью и вообще его сочиненія обличаютъ въ немъ человѣка умнаго, склоннаго къ сатирѣ; хотя оды Петрова далеко ниже такихъ же произведеній Ломоносова, и изобилуютъ массою риторическихъ оборотовъ, но онѣ заключаютъ въ себѣ нерѣдко дѣльныя мысли, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ его серьозное образованіе.

Ложно-классическая ода нашла еще представителя въ лицѣ Е. И. Кострова Его лирическія произведенія отличаются всѣми свойствами риторическаго стихотворства и, по справедливому мнѣнію г. Галахова, страдають отвлеченностью, отсутствіемъ живой, современной дѣйствительности.—Какъ человѣкъ образованный, Костровъ понялъ ложность той формы, которой онъ слѣдовалъ, и впослѣдствіи, когда появилась ода Державина «Фелица», написалъ посланіе къ «Творцу Фелицы», гдѣ значительно болѣе встрѣчается простоты и естественности въ выраженіи, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ. Впрочемъ образованіе, полученное Костровымъ въ Славяногреко-латинской академіи, отличалось схоластическимъ направленіемъ, и немудрено поэтому, что Костровъ, какъ и многіе другіе, не въ состояніи былъ отрѣшиться окончательно отъ того риторизма, который господствовалъ тогда во всѣхъ родахъ литературы. Всѣ стихотворцы тогдашняго времени преклонялись предъ авторитететомъ Ломоносова, признавая за нимъ, впрочемъ совершенно ошибочно, права на поэтическое призваніе. Ломоносовъ, какъ человѣкъ высокаго ума, выразилъ въ совершенно ложной формѣ много глубокихъ мыслей о наукѣ, между тѣмъ какъ большинство его послѣдователей, необладая даровитостью своего родоначальника, ограничивалось только искуственнымъ подборомъ громкихъ фразъ и риторическихъ фигуръ, лишенныхъ часто всякаго содержанія.

Русская литература въ теченіе долгаго времени развивалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ западноевропейской цивилизаціи. Направленіе, возникавшее въ литературѣ западныхъ государствъ, переносилось къ намъ, такъ что, за весьма немногими исключеніями, произведенія нашихъ писателей отличались подражательнымъ характеромъ, Кромѣ того, и общественная жизнь и реформы правительственныя шли рука объ руку съ европейскимъ просвѣщеніямъ. Въ прошедшемъ столѣтіи преимущественное вліяніе на русскую литературу оказывали французскіе писатели, что уже мы отчасти и видѣли при обозрѣніи представителей псевдо-классицизма, родоначальницей котораго была Франція. Эпоха Екатерины II тѣсно сливается съ умственнымъ движеніемъ Европы, съ тѣми ученіями, которыя пропагандировались французскими писателями, заимствовавшими ихъ, въ свою очередь изъ произведеній англійскихъ философовъ. Литература XVIII вѣка прежде всего стала относиться критически къ церковнымъ, по-

литическимъ и общественнымъ учрежденіямъ Европы и получила характеръ отрицательный. Скептицизмъ былъ источникомъ этого отрицанія: писатели находили, что порядокъ и строй жизни, основанный на старыхъ средневѣковыхъ преданіяхъ, далеко неудовлетворителенъ и противорѣчитъ началамъ нравственности. Защита личныхъ достоинствъ человѣка, гуманность безъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, свобода слова и мысли — вотъ основные принципы, которые отстаивала просвѣтительная литература во Франціи въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Скептицизмъ и отрицаніе доходили до крайнихъ предѣловъ и, проникая въ общество, влекли за собою часто дурныя послѣдствія. Изъ біографіи Ф. Визина мы увидимъ, что и въ Россіи того времени замѣтны были слѣды свободомыслія, которое, не управляясь ни развитіемъ, ни образованіемъ, вредно вліяло на общественную нравственность. Скептицизмъ французскихъ мыслителей полнѣе всего выразился въ такъ называемой «Энциклопедіи», изданіе которой было предпринято знаменитымъ философомъ Дени Дидро, сообща съ другими представителями тогдашняго просвѣщенія. Энциклопедія издавалась съ 1751 — 1765 годъ и заключала въ себѣ цѣлый рядъ изслѣдованій, касавшихся различныхъ отраслей науки, искусства и ремеслъ. Писатели, принимавшіе участіе въ составленіи Энциклопедіи и сочувствовавшіе новымъ идеямъ, получили названіе энциклопедистовъ. Сочиненія ихъ пріобрѣли всемірное историческое значеніе, оказали рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу государствъ Европы и придали литературѣ совершенно иное направленіе. Во главѣ умственнаго движенія стояли тогда Вольтеръ и Ж.-Жакъ Руссо. Будучи семнадцати лѣтъ Вольтеръ написалъ трагедію «Эдипъ», гдѣ уже отчасти былъ замѣтенъ тотъ отрицательный духъ, которымъ всегда отличался образъ мыслей этого писателя. Сочиненія Вольтера весьма разнообразны по своему содержанію: помимо громаднаго числа произведеній эпическихъ и драматическихъ, онъ написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій, историческихъ и философскихъ; въ послѣднихъ онъ старался популяризовать ученія двухъ свѣтилъ англійской философіи, Ньютона и Локка. Остроуміе Вольтера, его живое изложеніе и разнообразіе мыслей привлекали къ нему тогдашнее общество, которое не привыкло къ ученымъ трудамъ, любило на лету схватывать всевозможныя философскія идеи, чтобы потомъ блистать ими въ какой нибудь аристо-

кратической гостиной. Состояніе общества было причиною того, что писатели часто избѣгали серьезности въ своихъ произведеніяхъ. По мнѣнію Виллькена, автора исторіи французской литературы, Фонтенель въ теченіе двадцати пяти лѣтъ пользовался славою за то только, что принадлежалъ къ партіи лучшихъ салонныхъ остряковъ. Отрицательное направленіе царило въ тогдашней французской литературѣ. Попытка создать что нибудь положительное принадлежитъ писателю, имя котораго не менѣе имени Вольтера извѣстно всему міру. Это былъ Жанъ-Жакъ Руссо, авторъ двухъ знаменитыхъ сочиненій «Общественный договоръ» (Contrat social) и «Эмиль, или воспитаніе». Послѣднее сочиненіе Руссо оказало вліяніе и на нашу литературу. Въ немъ онъ предложилъ новую педагогическую теорію, слѣды которой проявляются и въ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ по вопросу о воспитаніи. Жанъ-Жакъ Руссо вооружился противъ господствовавшаго взгляда на воспитаніе и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ доказывалъ свою теорію о томъ, что все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ природы и все искажается, обезображивается подъ вліяніемъ предразсудковъ и дурнаго примѣра. Французская литература прошедшаго столѣтія оказала значительное вліяніе на правительства отдѣльныхъ европейскихъ государствъ. Фридрихъ Великій, король прусскій, Іосифъ II императоръ австрійскій, и другіе, сочувствуя вполнѣ идеямъ французскихъ мыслителей, старались и въ своихъ государственныхъ реформахъ провести тотъ принципъ гуманности, который лежалъ въ основаніи новаго ученія. Примѣру европейскихъ государей послѣдовала и императрица Екатерина II, еще въ молодыхъ лѣтахъ основательно изучавшая произведенія западныхъ писателей. Главнымъ трудомъ Екатерины, въ которомъ полнѣе всего выразилось направленіе ея дѣятельности, былъ Наказъ, составленный ею для руководства депутатамъ, собраннымъ съ цѣлью составить новое уложеніе, которое было бы согласно съ духомъ времени. Наказъ Екатерины пріобрѣлъ обширную извѣстность и переведенъ былъ на всѣ европейскіе языки. Идеи о значеніи закона, объ обязанностяхъ гражданина, объ уголовномъ правѣ и о другихъ вопросахъ, касавшихся государственнаго устройства вообще, авторъ Наказа заимствовалъ изъ сочиненій Монтескье о «Духѣ законовъ» и Беккаріи—«Преступленіе и Наказаніе». Екатерина II глубоко сочувствовала представителямъ западной науки и литературы. Она долгое время находилась въ пе-

репискѣ съ Волтеромъ, приглашала Даламбера быть воспитателемъ Павла Петровича, покровительствовала Дидро; купивъ у него громадную библіотеку, оставила послѣднюю при немъ въ пожизненное владѣніе. Приглашая Даламбера быть воспитателемъ, Екатерина II писала ему: «быть рожденнымъ или призваннымъ на то, чтобы содѣйствовать благу и даже образованію цѣлаго народа и отказаться отъ этого—значитъ, какъ мнѣ кажется, отказаться отъ возможности дѣлать добро, которое такъ вамъ по сердцу. Философія ваша основана на человѣколюбіи; позвольте сказать вамъ, что не соглашаться служить ему, когда служить можно, значитъ упускать изъ виду свою цѣль». При составленіи Наказа, Екатерина руководствовалась сочиненіями двухъ вышеупомянутыхъ писателей. Нѣкоторыя мѣста «Наказа» прямо заимствованы изъ иностранныхъ источниковъ; такъ глава 5), гдѣ говорится о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о томъ, что такое вольность или свобода, взята изъ XI главы сочиненія Монтескье; а мысли о наказаніи за уголовныя преступленія Екатерина II прямо беретъ изъ указаннаго сочиненія Беккаріи, который, какъ извѣстно, былъ противникомъ смертной казни. — Хотя Наказъ — собственно памятникъ юридическій, но въ исторіи литературы онъ имѣетъ то неоспоримое значеніе, что на немъ отразились тѣ гуманныя воззрѣнія, которыя проводила философія XVIII вѣка. Кромѣ того, литературныя произведенія эпохи Екатерины II, какъ напр., комедіи Ф.-Визина вызывались тѣмъ образомъ мыслей, проводникомъ котораго въ нашемъ обществѣ служилъ Наказъ.

Выразивъ въ Наказѣ мысль о томъ, что государство должно заботиться о благосостояніи подданныхъ, Екатерина затѣмъ изображаетъ идеалъ истиннаго гражданина, который, по ея мнѣнію, долженъ обладать чувствомъ долга, законности и справедливости. Осуществленіе этого идеала возможно только при опредѣленной степени образованія и вотъ Екатерина принимается за преобразованіе всей системы воспитанія на основаніи тѣхъ теорій, которыя были предложены западными мыслителями. Въ вопросѣ о воспитаніи тогдашнее правительство руководствовалось идеями англійскаго писателя Локка, изложенными имъ въ сочиненіи «Мысли о воспитаніи дѣтей», появившемся еще въ 1693 году. Локкъ прежде всего обращаетъ вниманіе на физическое воспитаніе, находя, что нравственный прогрессъ дѣтей обусловливается силою и здоровьемъ тѣла. Научныя знанія, по его мнѣ-

нію, ниже нравственнаго развитія и потому прежде всего должно воспитывать въ человѣкѣ стремленіе къ добродѣтели. Императрица Екатерина высказала свои педагогическія воззрѣнія въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Инструкція кн. Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ внуковъ государыни; 2) Гражданское начальное ученіе— рядъ изреченій, излагающихъ предметы, знаніе которыхъ необходимо для каждаго гражданина, и 3) Сказки о царевичѣ Хлорѣ и о Февеѣ красномъ солнышкѣ, написанныя для внуковъ и имѣющія въ виду повліять на нравственную сторону юныхъ читателей. Главнымъ сподвижникомъ Екатерины въ дѣлѣ воспитанія былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, побочный сынъ князя Трубецкаго (1704—1795), дѣйствовавшій согласно съ идеями самой государыни. Бецкій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; совершивъ, въ 1756 году, путешествіе за границу, онъ обратилъ серьезное вниманіе на устройство воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, основательно изучилъ господствовавшія тогда педагогическія системы. Со времени назначенія своего на должность главнаго начальника сухопутнаго кадетскаго корпуса и академіи художествъ, Бецкій составилъ нѣсколько проектовъ о новомъ устройствѣ воспитательныхъ заведеній въ Россіи. Проекты эти изданы были въ трехъ томахъ подъ общимъ названіемъ «Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества». Спеціальное образованіе, введенное Петромъ Великимъ, казалось Бецкому недостаточнымъ. Руководясь авторитетомъ Локка, Монтэня и Жанъ-Жака Руссо, Бецкій пришелъ въ той мысли, что для человѣка недостаточно одного умственнаго развитія; что, для достиженія благоденствія, необходимо развивать въ молодомъ поколѣніи стремленія къ добродѣтели, отвращать его отъ мотовства, своеволія и т. п. пороковъ, вредно вліяющихъ на общественную нравственность. Та же самая мысль высказывается и въ Наказѣ въ главѣ о воспитаніи: «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ вся-

кихъ продерзостей... всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ» (365 глава XIV). Изъ проэктовъ Бецкаго, а также изъ приведеннаго мѣста Наказа видно, что новое правительство смотрѣло на знанія и науку только какъ на средство, и не признавало въ нихъ самостоятельнаго значенія. Цѣль ученія, по мнѣнію Екатерины, отвращать отъ праздности, возбуждать привычку къ труду и прилежанію. Развитіе нравственное было положено въ основаніе при учрежденіи учебныхъ заведеній, Смольнаго института, Коммерческаго училища, Воспитательныхъ домовъ; сообразно съ новымъ принципомъ, преобразованы были Сухопутный Шляхетный корпусъ и Академія художествъ, находившіеся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Бецкаго. Чтобы создать новую породу людей, какъ тогда выражались, Бецкій устроивалъ закрытыя учебныя заведенія, куда принимались дѣти обоего пола съ ранняго возраста, съ цѣлью отстранить ихъ отъ вреднаго вліянія среды, нравственный уровень которой стоялъ далеко ниже идеала просвѣщенныхъ реформаторовъ. При Екатеринѣ II, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи. Она составила планъ и уставъ народныхъ училищъ, открыла двуклассныя школы въ уѣздныхъ, а четырехклассныя въ губернскихъ городахъ. Дѣятельнымъ помощникомъ Екатерины II въ дѣлѣ народнаго образованія былъ Янковичъ де-Миріево, вызванный въ Россію по рекомендаціи Іосифа II. Онъ приводилъ въ исполненіе планы императрицы, заводилъ училища, составлялъ необходимыя учебныя руководства согласно съ основными принципами новой системы воспитанія. Если за границею въ то время народное образованіе не имѣло почти никакого успѣха, тѣмъ болѣе оно не могло развиться у насъ, съ одной стороны,—вслѣдствіе недостаточной образованности, съ другой—вслѣдствіе господства крѣпостнаго права, существованіе котораго не позволяло и думать о просвѣщеніи народа. Несмотря на всевозможныя средства, принятыя тогдашнимъ правительствомъ, помѣщичій произволъ господствовалъ повсюду и значительно тормозилъ развитіе массы, мѣшая улучшенію ея экономическаго состоянія, безъ котораго не возможно распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Стремясь къ преобразованію въ Россіи общественныхъ нравовъ, Екатерина II въ то-же время хорошо изучила и тѣ

недостатки современнаго общества, которые во многомъ мѣшали осуществленію ея благодѣтельныхъ реформъ. Съ цѣлью исправленія этихъ недостатковъ, Екатерина посвящала свободное время литературнымъ занятіямъ, участвовала въ журналѣ «Всякая Всячина», писала комедіи и такимъ образомъ собственнымъ примѣромъ указывала писателямъ тотъ путь, по которому должна быть направлена ихъ дѣятельность. Хотя комедіи Екатерины II лишены художественнаго значенія, но за то онѣ въ ряду тогдашнихъ произведеній литературы являются однимъ изъ важныхъ историческихъ памятниковъ, такъ какъ вѣрно изображаютъ многіе недостатки современной жизни. Реформа Екатерины II, которою она стремилась пересоздать общество, не могла быть понята всѣми; въ жизни нашей оставалось еще много такихъ сторонъ, которыя шли въ разрѣзъ съ новыми просвѣтительными идеями, и разумѣется, вызывали отрицательный взглядъ на нихъ въ людяхъ образованныхъ. Вотъ почему и литературная дѣятельность Екатерины приняла сатирическое направленіе. Изъ ея комедій лучшими являются двѣ: «О Время» и «Имянины г-жи Ворчалкиной». Новиковъ посвятилъ издававшійся имъ журналъ «Живописецъ» автору комедіи «О Время» и въ посвященіи между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Государь мой, я не знаю кто вы, но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе». Въ лицѣ трехъ женщинъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, императрица весьма вѣрно осмѣяла ханжество, суевѣріе и страсть къ сплетнямъ. Въ этой же комедіи осмѣянъ и старинный взглядъ на воспитаніе и образованіе, въ силу котораго программа ученія ограничивалась только часословомъ и псалтыремъ. Комедія «Имянины г-жи Ворчалкиной» осмѣиваетъ тѣ-же недостатки и между прочимъ изображаетъ женщину, которая вооружается противъ новыхъ порядковъ, заведенныхъ Екатериною, и смѣется надъ учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ, говоря, что теперь «подкидышковъ подбираютъ, кормятъ, ходятъ за ними, какъ будто за благородными». Мы указали на двѣ лучшія комедіи Екатерины; въ другихъ произведеніяхъ этого рода она касается другихъ вопросовъ, осмѣиваетъ напр.

мистицизмъ, помѣщичьи нравы (ком. «Недоразумѣнія»). Съ цѣлью исправить общественные недостатки путемъ насмѣшки, въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» Екатерина помѣщала еще небольшія сатирическія статейки подъ общимъ названіемъ «Были и Небылицы», отличающіяся легкимъ изложеніемъ и шуткою. Авторъ писалъ ихъ безъ всякаго предварительнаго плана обо всемъ что только приходило въ голову въ извѣстную минуту и, по своему собственному признанію, не имѣлъ намѣренія давать образецъ серьезной сатиры. Но, несмотря на это «Были и Небылицы» пользовались въ свое время большою извѣстностью, такъ какъ по свидѣтельству современниковъ, ихъ мѣткая и довольно живая сатира заключала часто намеки на дѣйствительныя явленія тогдашней жизни.

Въ ряду дѣятелей, сочувствовавшихъ намѣреніямъ Екатерины II и стоявшихъ во главѣ тогдашней образованости, не послѣднее мѣсто занимаетъ Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) бывшая директоромъ россійской академіи. Съ молодыхъ лѣтъ княгиня Дашкова посвящала себя занятію литературой, прочитала много книгъ, путешествовала по Европѣ, ознакомилась съ представителями французскаго энциклопедизма и, вернувшись въ Россію, съ жаромъ принялась за литературную дѣятельность, имѣя въ виду распространить среди своихъ соотечественниковъ просвѣтительныя идеи Запада. По выбору самой императрицы, княгиня назначена была директоромъ вновь учрежденной россійской академіи и вступивъ въ должность, она приводитъ въ порядокъ библіотеку, выбираетъ новыхъ членовъ, увеличиваетъ суммы,—однимъ словомъ обращаетъ все свое вниманіе и неусыпные труды на улучшеніе этого учрежденія. Стремясь къ развитію здравыхъ понятій о литературѣ и обработкѣ литературнаго языка, кн. Дашкова предпринимаетъ изданіе журнала подъ названіемъ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». Журналъ этотъ принадлежалъ къ лучшимъ періодическимъ изданіямъ прошлаго вѣка; въ немъ принимали участіе представители тогдашней литературы: фонъ-Визинъ, Капнистъ, Костровъ и другіе, кромѣ того, и сама Дашкова помѣстила тамъ нѣсколько изъ своихъ статей. Екатерина II въ свою очередь, приняла дѣятельное участіе: кромѣ Былей и Небылицъ, въ Собесѣдникѣ были напечатаны ея знаменитыя «Записки касательно Россійской исторіи».

Непосредственное участіе императрицы Екатерины II въ литера-

турѣ значительно содѣйствовало ея движенію. Литературу стали понимать, по крайней мѣрѣ большая часть людей образованныхъ, какъ такую силу, которая не только оказываетъ вліяніе на умственное развитіе, но и значительно содѣйствуетъ общественному благосостоянію. Въ эпоху Екатерины русская литература переживала одинъ изъ славныхъ періодовъ своего развитія. Не говоря о дѣятельности двухъ знаменитыхъ писателей, Державина и фонъ-Визина, въ этотъ періодъ развилась богатая сатирическая журналистика, начался русскій театръ по образцу европейскаго, что въ свою очередь уже указываетъ на довольно значительную степень просвѣщенія.

Державинъ былъ первымъ русскимъ писателемъ, произведенія котораго отличались несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. До него мы видимъ только стихотворцевъ, умѣющихъ облекать свои мысли въ стихотворную форму, но неспособныхъ дойти до истиннаго поэтическаго творчества, что дается уже природою, а не школьнымъ изученіемъ риторики и піитики. Правда и въ произведеніяхъ Державина, какъ мы увидимъ, отразилось риторическое направленіе, но сквозь риторику часто пробивается и свѣтлый лучъ поэзіи. Матерьяломъ для поэта служило блестящее царствованіе Екатерины II, и вотъ почему Державинъ называется ея пѣвцомъ, также какъ Ломоносовъ носитъ названіе пѣвца Елизаветы Петровны. Поэтъ какъ человѣкъ стоящій выше окружающаго общества, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ всего того, что происходило передъ его глазами, и Державинъ искренно сочувствовалъ дѣяніямъ Екатерины, прославилъ ее въ своихъ одахъ и тѣмъ оправдалъ свои слова:

Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ подъ спуду,
Какъ лучъ потомству сообщу,
Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ,
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Державинъ родился въ Казани въ 1743 году и двѣнадцати лѣтъ помѣщенъ былъ въ тамошнюю гимназію, основанную въ 1759 году. Такъ какъ учебныя заведенія того времени вообще далеко были не-

удовлетворительны, то и Державину не удалось получить собственно серьезнаго образованія, отсутствіе котораго отразилось впослѣдствіи и на его поэтической дѣятельности. Въ 1762 году Державинъ переселяется въ Петербургъ и поступаетъ въ рядовые Преображенскаго полка. Уже будучи офицеромъ, онъ принималъ участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, но по возвращеніи изъ похода, обиженный тѣмъ, что его обошли наградою, оставилъ военную службу и скоро получилъ мѣсто экзекутора у генералъ-прокурора сената, князя Вяземскаго. Съ тѣхъ поръ Державинъ окончательно посвятилъ себя государственной службѣ, занималъ различныя должности, былъ нѣсколько разъ губернаторомъ, а затѣмъ министромъ юстиціи. Еще во время пребыванія въ полку Державинъ сталъ писать стихи, но большую часть изъ нихъ, вслѣдствіе неувѣренности въ самомъ себѣ, онъ старался истреблять, прочитывая только нѣкоторые своимъ близкимъ друвьямъ. Находясь на службѣ у Бибикова, Державинъ много занимался литературою и, вернувшись въ Петербургъ, издалъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Читалагайскія оды», по имени горы, около которой поэтъ долго жилъ во время похода. Общее одобреніе встрѣтила только ода «На Знатность»; остальныя, большею частью заимствованныя, были довольно слабы и не произвели никакого впечатлѣнія на читателей. Только съ 1782 года начинается блестящая эпоха поэтической дѣятельности Державина. Въ этомъ году была написана «Фелица», а вслѣдъ за нею и другія произведенія, отмѣченныя силою стиха и богатымъ воображеніемъ, т. е. тѣми свойствами, о которыхъ не имѣла понятія поэзія, ему предшествовавшая. Но Державинъ, какъ видно изъ его записокъ, выше всего ставилъ свою служебную карьеру. Это объясняется духомъ того времени, когда званіе поэта не имѣло никакого нравственнаго значенія, когда положеніе поэта было далеко не привлекательно. Мы знаемъ, что Екатарина II всегда глубоко сочувствовала успѣхамъ русской литературы, и когда появились первыя произведенія Державина, она была отъ нихъ въ восторгѣ, думала найти въ авторѣ человѣка, который бы всецѣло посвятилъ себя искусству и поэзіи. Но она ошиблась. Тѣсно связанный съ окружающею жизнью, исполнявшій ея обычаи, Державинъ погрузился въ чиновническую сферу, стремясь достигнуть высокаго положенія въ свѣтѣ. Но трудно было совмѣстить призваніе поэта съ служебною карьерою. Поэтъ нерѣдко впа-

далъ въ заблужденіе. Создавая идеалы высшей жизни, онъ наивно думалъ, что эти идеалы должны быть осуществляемы тотчасъ же; карая неправду и зло въ поэтическихъ произведеніяхъ, онъ воображалъ, что также легко уничтожить ихъ и въ той средѣ, въ которой ему пришлось вращаться по долгу службы. Испорченность служилаго класса дѣйствительно доходила тогда до громадныхъ предѣловъ; взяточничество повсюду обратилось въ какой-то обычай, и не мудрено, что все это возмущало Державина. Но дѣло въ томъ, что замѣчать недостатки, объясняя ихъ причины, и искоренять ихъ—двѣ вещи различныя. У Державина часто не хватало практическаго такта. Онъ слишкомъ скоро хотѣлъ реформировать безнравственную среду, притомъ, какъ человѣкъ не выработавшій себѣ твердыхъ нравственныхъ принциповъ, онъ часто находился подъ вліяніемъ того или другаго ему преданнаго лица и во всемъ на него полагался. Отсутствіе практическаго такта, прямота характера, соединенная съ горячностью, были причиною непріятныхъ столкновеній, которымъ подвергался поэтъ въ теченіе своей служебной карьеры. Въ началѣ царствованія Александра Павловича, Державинъ былъ министромъ юстиціи; но такъ какъ въ это время начались либеральныя реформы молодого государя, то поэтъ, какъ человѣкъ старыхъ возрѣній, не могъ оставаться на службѣ, вышелъ въ отставку и переселился въ свое помѣстье Званку, на берегу Волхова. Съ той поры Державинъ велъ уединенную деревенскую жизнь, изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ, посвящалъ все время поэзіи, но стихотворенія, относящіяся къ этому періоду его дѣятельности, далеко слабѣе прежнихъ и не представляютъ ничего замѣчательнаго. Лучшимъ произведеніемъ этой эпохи считается піеса: «Жизнь званская», посланіе къ старорусскому епископу Евгенію Болховитинову, бывшему впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ. Кромѣ того, пользовались успѣхомъ произведенія написанныя по поводу событій съ 1812—1814 годъ, каковы напр.: «гимнъ лирико-эпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества» и ода «на срѣтеніе побѣдителя Европы Александра I». Державинъ умеръ въ 1816 году и похороненъ въ монастырѣ Варлаамія Хутынскаго, въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Въ 1847 году потомки воздвигли памятникъ въ честь поэта на его родинѣ, въ г. Казани.

Несмотря на громадный поэтическій талантъ, Державинъ не

создалъ новой поэтической формы, а продолжалъ, по примѣру Ломоносова, писать оды, хотя этотъ родъ поэзіи уже въ его время не разъ служилъ предметомъ сатиры. Оды и были тѣми произведеніями, которыя прославили Державина и дали ему возможность стать въ ряду первоклассныхъ поэтовъ своего времени. Оды Державина, не смотря на многія поэтическія достоинства, не чужды и тѣхъ признаковъ, которые согласовались вполнѣ съ правилами тогдашней риторики. Въ нихъ также какъ и въ другихъ произведеніяхъ подобнаго рода, мы встрѣчаемъ неестественный переходъ отъ одного предмета къ другому, гиперболизмъ, искусственное сочетаніе мыслей, высокопарность. Даже въ поэтическихъ мѣстахъ оды «Водопадъ» встрѣчаются подобныя выраженія: Россій, Россъ, наперсникъ, сѣверной Минервы, другъ Аполлона во храмѣ музъ, такъ какъ употребленіе подобныхъ выраженій объясняется духомъ времени, отъ котораго не могли отрѣшиться даже такіе таланты, какъ Державинъ. Но въ одѣ Державина есть и другія свойства, которыми она отличается нѣсколько отъ ложноклассической. Поэтъ во всякомъ случаѣ тяготился условною формою, въ которой отливалась вся тогдашняя поэзія, и потому, вопреки теоріи ввелъ въ свою оду сатирическій элементъ, стараясь придать языку просторѣчіе, чуждое вообще поэтамъ прошедшаго столѣтія.

Оды Державина могутъ быть раздѣлены на два главныхъ отдѣла: 1) оды нравственно-религіознаго содержанія и 2) оды торжественно-хвалебныя. Въ стихотвореніяхъ перваго отдѣла замѣтенъ одинъ общій мотивъ. Будучи человѣкомъ честныхъ стремленій, Державинъ прежде всего является пѣвцомъ истины и добродѣтели, какъ такихъ свойствъ, на которыхъ единственно основывается человѣческое достоинство. Обращаясь къ Истинѣ, прославленію которой посвящено цѣлое стихотвореніе, поэтъ показываетъ, что правда одна только и есть сила, утверждающая благополучіе людей; что она внушаетъ человѣку быть милосерднымъ, сочувствовать страданіямъ ближняго.—Убѣжденный въ могуществѣ правды, Державинъ и поэта называетъ глашатаемъ правды, а задача поэзіи, по мнѣнію его, оказывать нравственное вліяніе на людей, учить ихъ добродѣтели. Къ этому-же отдѣлу стихотвореній Державина мы относимъ и оду «На смерть князя Мещерскаго». Въ началѣ стихотворенія поэтъ представляетъ страшный образъ смерти, которая всѣхъ одинаково

преслѣдуетъ, монархъ и узникъ—снѣдь червей: алчная смерть глотаетъ царства, не щадитъ царей. Человѣкъ ищетъ наслажденій въ жизни сообразно съ своимъ возрастомъ; но эти наслажденія не вѣчны: «Смерть ищетъ каждаго и нѣкогда найдетъ». Мы не должны скорбѣть о скоротечности жизни, она небесъ мгновенный даръ; устроимъ ее къ покою и будемъ благословлять удары, посылаемые намъ судьбою. Говоря о смерти, поэтъ указываетъ также на ту, полную наслажденій жизнь, которую вели современные ему вельможи. Онъ называетъ Мещерскаго сыномъ роскоши и нѣгъ, и тѣмъ намекаетъ на людей высшаго сословія, которые, благодаря своему богатству, предавались всякаго рода удовольствіямъ и съ ужасомъ встрѣчали извѣстіе о томъ, что ихъ другъ, нѣкогда принимавшій участіе въ ихъ пиршествахъ, сталъ добычею внезапной смерти. Отдѣлъ стихотвореній религіознаго содержанія состоитъ преимущественно изъ переложеній псалмовъ Давида: Державинъ выбиралъ такіе, которые по основному мотиву, подходили къ его личнымъ убѣжденіямъ, что видно изъ слѣдующихъ названій: Истинное счастье (псл: I), На тщету земной славы (пс. 48), Радость о правосудіи (пс. 74) и т. д. Первое мѣсто въ отдѣлѣ религіозныхъ стихотвореній занимаетъ знаменитая ода «Богъ». Въ ней поэтъ бесѣдуетъ о свойствахъ божіихъ. Произведеніе Державина проникнуто философскимъ направленіемъ. Но поэзія не философія: она результатъ вдохновенія и творчества, а не плодъ отвлеченнаго мышленія. Поэтъ, пожалуй, также мыслитель, но его мысль развивается всегда въ картинахъ и образахъ, а не путемъ анализа и философскаго изслѣдованія истины. Ода написана съ большимъ чувствомъ, но ей недостаетъ той простоты, которая свойственна поэзіи; языкъ ея состоитъ изъ славянизмовъ, какъ напримѣръ: вездѣсущій, живый, животъ (жизнь), мразный (морозный), златой и т. д. Встрѣчается въ одѣ оборотъ рѣчи, совершенно не свойственной духу нашего языка, именно accus. cum infinitivo въ словахъ: «Тебя душа моя быть чаетъ», т. е. душа моя чувствуетъ, что ты существуешь. Въ ряду торжественно-хвалебныхъ стихотвореній Державина первое мѣсто занимаютъ тѣ оды, въ которыхъ поэтъ прославляетъ Екатерину и ея блестящее царствованіе. Въ 1782 году въ «Собесѣдникѣ» была напечатана ода «Фелица», сразу доставившая поэту извѣстность, какою не пользовались другіе стихотворцы того времени. Въ самомъ началѣ оды, гдѣ мы находимъ обра-

щеніе къ богоподобной царицѣ Киргизъ-Кайсацкой орды, Державинъ намекаетъ на обстоятельство, которое послужило поводомъ къ сочиненію оды. Извѣстно, что Екатерина Вторая, вводя новую систему воспитанія, въ то-же время заботилась о томъ, чтобы дать образцы дѣтской литературы согласно съ направленіемъ вводимой системы. Съ этою цѣлью она написала сказку о царевичѣ Хлорѣ, въ которой разсказывается, какъ еще до временъ кіевскаго князя Кія царевичъ Хлоръ похищенъ былъ киргизскимъ ханомъ, который поручаетъ ему отыскать розу безъ шиповъ, т. е. добродѣтель. Жена хана, Фелица, покровительствуетъ царевичу, она даетъ ему въ спутники сына своего Разсудокъ, и тотъ, съ помощью правды и Честности, преодолѣвая всѣ препятствія, исполняетъ желаніе хана. Императрица, составляя эту сказку, имѣла въ виду дидактическую цѣль: она хотѣла показать, что счастіе человѣка основывается на добродѣтели, которая должна идти рука объ руку съ разсудкомъ. Поэтъ прославляетъ нравственныя достоинства Фелицы (т. е. Екатерины II), ея заботливость облагѣ подданныхъ и въ то же время сатирически изображаетъ сибаритскую и праздную жизнь придворныхъ, намекая на Потемкина, Нарышкина и другихъ. Прославляя Фелицу за ея просвѣщенный взглядъ на свободу рѣчи, поэтъ невольно вспоминаетъ времена Анны Іоановны, когда опасно было уронить портретъ царицы и подскоблить ошибку въ ея титулѣ, когда князья дошли до такого униженія, что дѣлали изъ себя шутовъ для потѣхи царицы и ея придворныхъ. Фелица хорошо знаетъ цѣну человѣческой личности и, будучи просвѣщенной государыней, не прибѣгаетъ къ жестокимъ мѣрамъ, всегда кротка и снисходительна къ слабостямъ людей. Поэтъ видитъ въ Фелицѣ идеалъ истинной правительницы, которая, сочувствуя нуждамъ народа, заботится о его благосостояніи, улучшаетъ его бытъ, предоставляетъ ему свободу пользоваться плодами просвѣщенія. Убѣжденный въ томъ, что истинная добродѣтель обитаетъ у трона Фелицы, поэтъ въ концѣ стихотворенія вполнѣ выражаетъ свой восторгъ: онъ обоготворяетъ Фелицу, говоритъ, что она, также какъ Богъ, велика благостью. Здѣсь очевидно Державинъ, по обычаю своего времени, употребляетъ фигуру возвышенія согласно § 237 риторики Ломоносова. — Называя Екатерину Фелицею, поэтъ и всей одѣ придаетъ восточную обстановку, придворные являются въ видѣ мурзъ, въ концѣ оды поэтъ обра-

щается къ великому пророку, т. е. къ Магомету. Державинъ не хотѣлъ печатать своей оды, опасался за ея пріемъ, думая, что насмѣшки надъ вельможами могутъ ему повредить. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Ода была напечатана безъ вѣдома поэта, и такъ понравилась Екатеринѣ, что она послала Державину въ подарокъ золотую табакерку съ 500 червонцами и на обертке пакета написала слѣдующее: «Изъ Оренбурга отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы мурзѣ Державину».—Когда появилась въ печати ода «Фелица», то въ обществѣ раздавались голоса, упрекавшіе поэта въ лести, и вотъ поэтъ, для своего оправданія, пишетъ «Видѣніе Мурзы», одно изъ лучшихъ произведеній Державина, какъ чуждое риторизма. Фелица, являясь въ образѣ богини въ бѣлой одеждѣ, упрекаетъ поэта въ лести, и поэтъ въ отвѣтъ на это говоритъ слѣдующее:

Возможно-ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;

Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньи
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ — соленыхъ огурцевъ.
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.

Державинъ въ своихъ торжественныхъ одахъ отзывался на всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя событія своего времени. Оды «На взятіе Измаила» и «на переходъ Альпійскихъ горъ» воспѣваютъ героическіе подвиги Суворова; въ одѣ «Водопадъ», заключающей въ себѣ четыреста слишкомъ стиховъ, прославленъ Потемкинъ, какъ одинъ изъ славныхъ дѣятелей царствованія Екатерины II. Всѣ торжественныя оды Державина, воспѣвающія событія современныя поэту, совершенно одинаковы по своему направленію: всѣ онѣ написаны высокимъ слогомъ, исполнены риторики и необыкновенно длинны. Державинъ любилъ изображать все въ преувеличенномъ видѣ, отсюда и происходитъ тотъ гиперболизмъ, который можно назвать главнымъ свойствомъ державинскаго стиля. — Большой объемъ торжественныхъ одъ Державина объясняется тѣмъ, что поэтъ вносилъ въ оду множество эпизодовъ, и переходилъ слишкомъ часто отъ одного предмета къ другому, нерѣдко забывая объ ихъ внутренней связи; такъ въ одѣ «Водопадъ», главная тема которой — есть кончина Потемкина, поэтъ вводитъ еще Румянцова, и подробно описываетъ славные подвиги этого героя; точно также въ одѣ «на взятіе Варшавы», Державинъ не ограничивается выраженіемъ своего восторга и удивленія къ великимъ дѣяніямъ Суворова и Екатерины II: — онъ показываетъ сонмъ русскихъ царей и вождей, предъ которыми поетъ свои гимны русскій Пиндаръ, т. е. Ломоносовъ; далѣе является

Петръ Великій, который, вопреки исторической правдѣ, обращается съ рѣчью къ Пожарскому и за тѣмъ удаляется въ какую то «сѣнь». Все это значительно увеличивало объемъ оды и лишало ея той краткости, которая составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ художественной лирики.

Державинъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, до появленія «Фелицы», былъ только подражателемъ Ломоносова и другихъ предшествовавшихъ ему лириковъ. Но съ теченіемъ времени онъ сталъ обнаруживать недовольство той искусственной формой, которая подчасъ принимала громадные размѣры, и ввелъ въ оду сатирическій элементъ, немыслимый у предшествовавшихъ поэтовъ. Лучшими сатирическими одами Державина считаются: «Вельможа» и «На счастье.» Въ первомъ произведеніи поэтъ, рисуя идеалъ истиннаго вельможи, какъ человѣка съ здравымъ умомъ и просвѣщеннымъ сердцемъ, вооружается противъ тѣхъ, которые придаютъ значеніе внѣшнему блеску.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука
Противъ естественнаго чина
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Въ этой же одѣ Державинъ изображаетъ Потемкина въ образѣ Сарданапала, проводящаго жизнь въ праздности и нѣгѣ, среди роскошныхъ пировъ и нескончаемаго веселья и невнимающаго мольбамъ бѣдной вдовы. Ода «На счастье» отличается простонароднымъ складомъ рѣчи; въ ней встрѣчаются между прочимъ такіе стихи:

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ русскимъ ты бѣжишь народомъ
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь
На Таврѣ ѣдешь чехардой
Задать Стокгольму перцу хочешь
Берлину фабришь ты усы и т. д.

Кромѣ тѣхъ двухъ отдѣловъ стихотвореній Державина, о которыхъ мы сказали, ему принадлежитъ еще рядъ антологическихъ стиховъ, отличающихся необыкновенною для того времени художественностью формы. Анакреонтическая поэзія, образцы которой даны Державинымъ, была по вкусу современному обществу, т. е. людямъ, принадлежавшимъ къ высшему сословію. Анакреонъ пѣвецъ любви, утѣхъ и наслажденія жизни, а всѣ эти предметы составляли стремленіе вельможъ, житье-бытье которыхъ хорошо было извѣстно Державину, вращавшемуся въ высшихъ сферахъ общества.

Поэзія Державина, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отличается однообразіемъ содержанія и обиліемъ риторическихъ пріемовъ. Какъ человѣкъ, неполучившій собственно никакого образованія, Державинъ часто высказывалъ это въ своихъ произведеніяхъ, когда ему приходилось судить о личныхъ качествахъ воспѣваемаго имъ героя. Онъ часто противорѣчилъ самому себѣ, что мы видимъ, напр., въ изображеніи Потемкина въ двухъ различныхъ одахъ, обращалъ вниманіе часто на внѣшнія черты нравовъ своего времени и не въ состояніи былъ проникнуть въ ихъ сущность. Въ самомъ взглядѣ Державина на задачу поэзіи мы встрѣчаемъ противорѣчія. Въ одѣ «Любителю художествъ» онъ рисуетъ идеалъ поэта, какъ друга общаго добра, какъ человѣка, всегда сочувствующаго несчастію и страданіямъ ближняго. Высказывая такой высокій взглядъ на поэта, Державинъ въ то же время называетъ свои сочиненія бездѣлками, ставитъ въ особенное достоинство Екатеринѣ, что ей пріятна поэзія, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ, и признается, что его собственная чиновническая служба выше его поэтическаго поприща (посланіе къ Храповицкому): Вводя сатиру въ свои оды, Державинъ конечно хотѣлъ дать иное направленіе лирической поэзіи, но его сатира во первыхъ слишкомъ поверхностна, а во вторыхъ сатирическій элементъ является въ весьма немногихъ произведеніяхъ поэта. — Недостатки поэтической дѣятельности Державина, объясняющіеся конечно общимъ характеромъ той жизни, выкупаются многими достоинствами. Онъ значительно содѣйствовалъ развитію нашей поэзіи, представилъ образцы легкой поэтической рѣчи, стараясь придать ей простоту и отчасти народность, какъ понималась она въ то время вообще чуждое всего, что касается народной жизни и поэзіи. Всѣ

произведенія Державина тѣсно связываются съ современною эпохою: картины имъ, созданныя, по большой части вызывались событіями, происходившими въ его время.

Драматическая поэзія, начало которой тѣсно связывается съ началомъ русскаго театра, развилась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ. Произведенія Сумарокова и другихъ современныхъ писателей носятъ на себѣ тотъ же характеръ, какимъ отличались произведенія тогдашнихъ французскихъ драматурговъ, слѣдовавшихъ какъ извѣстно, правиламъ ложноклассической критики. Драматическая поэзія началась еще въ допетровскій періодъ; она выражалась тогда въ формѣ мистерій или сочиненій, сюжетъ которыхъ обыкновенно заимствовался изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта. Мистеріи перешли къ намъ съ Запада и преимущественно господствовали у насъ въ періодъ польскаго вліянія на русскую литературу т. е. въ теченіе XVI и XVII столѣтія. Въ эпоху Петра Великаго мистеріи продолжали свое существованіе, но ихъ характеръ нѣсколько измѣнился; авторы стали выводить на сцену типы изъ народной среды, осмѣивать людей, непонимавшихъ значенія новыхъ преобразованій и враждебно относившихся къ дѣятельности самаго преобразователя. Начало русскаго театра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и драматической поэзіи по образцу западно-европейской относится къ царствованію Елизаветы Петровны. При дворѣ театръ существовалъ и ранѣе этого времени, но онъ былъ доступенъ только для царствующей фамиліи и для придворныхъ. Начало общественнаго русскаго театра связывается съ именемъ Ѳ. Г. Волкова. Онъ былъ сынъ костромскаго купца, и родился въ 1729 году. Мать Волкова, по смерти мужа, вышла за мужъ за ярославскаго купца Полушкина и все семейство переселилось въ Ярославль. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ Волковъ сталъ обнаруживать свою любовь къ наукѣ и искуствамъ, самоучкой выучился живописи и музыкѣ, и рано сталъ выдѣляться по своимъ талантамъ изъ среды сверстниковъ. Въ 1746 году Волкову пришлось, по торговымъ дѣламъ вотчима, отправиться въ Петербургъ, гдѣ въ то время существовала уже итальянская опера. Присутствуя часто на представленіяхъ въ придворномъ театрѣ, Волковъ во все внимательно всматривался, изучалъ сцену и ея устройство и, вернувшись въ Ярославль, задумалъ устроить тамъ театръ. Волковъ самъ собралъ небольшую труппу изъ своихъ знакомыхъ, самъ нарисовалъ деко-

*

раціи и послѣ перваго представленія, даннаго въ кожевенномъ сараѣ, принадлежавшемъ вотчиму, ярославская публика пришла въ такой восторгъ, что рѣшилась помочь Волкову открыть постоянный городской театръ. Волковъ, хорошо знакомый съ сценическимъ искусствомъ, немедленно приступилъ къ дѣлу и скоро театръ былъ открытъ въ особомъ зданіи, вмѣщавшемъ въ себѣ до тысячи зрителей. Между тѣмъ слухъ о провинціальномъ театрѣ дошелъ до Императрицы, которая и повелѣла вызвать Волкова съ товарищами въ Петербургъ. По прибытіи въ столицу Ярославскіе актеры съиграли трагедію извѣстнаго тогда писателя Сумарокова «Хоревъ» и ихъ игра такъ понравилась Государынѣ, что она рѣшила оставить Волкова и его товарищей и помѣстила ихъ въ сухопутный кадетскій корпусъ для изученія языковъ и наукъ. Въ труппѣ Волкова находились люди, которые впослѣдствіи были извѣстны въ литературѣ, но громадною славою какъ знаменитый трагикъ пользовался И. А. Дмитревскій, игравшій постоянно въ піесахъ Сумарокова и по своей игрѣ принадлежавшій къ такъ называемой декламаторской школѣ сценическаго искуства. Въ 1756 году 30 августа состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи общественнаго театра, директоромъ котораго назначенъ былъ Сумароковъ, а первымъ актеромъ Ѳ. Г. Волковъ. Съ того времени сценическія дарованія Волкова обнаружились въ полномъ блескѣ, достоинство игры его было открыто признано и самими иностранцами. Но недолго пришлось Волкову пожинать лавры на поприщѣ драматическаго искуства. Въ 1762 году по случаю вступленія на престолъ Екатерины II ему поручено было устроить въ Москвѣ народный маскарадъ. Волковъ отправился въ Москву, устроилъ то, что было ему повелѣно, но во время приготовленія къ празднеству, сильно простудился и получивъ горячку скончался въ 1763 году на 35 году отъ рожденія. «Сей мужъ, говоритъ Новиковъ, былъ великаго, обьемчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго сужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ высшей степени, при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ. Съ перваго взгляда казался онъ суровъ и угрюмъ, но сіе изчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ

онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели, друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществователь!

Начало драматической поэзіи въ руской литературѣ положено было Сумароковымъ, произведенія котораго хотя и не могутъ считаться образцовыми, но въ свое время они имѣли значеніе и содѣйствовали развитію въ нашемъ обществѣ любви къ театру сообразно съ тѣми понятіями о немъ, которыя господствовали тогда на Западѣ. Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718—1777) происходилъ отъ старинной боярской фамиліи, члены которой пользовались почетомъ и при русскомъ дворѣ. О дѣтствѣ Сумарокова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ 1732 году Сумароковъ поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, основанный для дворянскихъ дѣтей и называвшійся тогда «рыцарскою академіею». Воспитанники академіи, въ числѣ которыхъ были люди, прославившіеся впослѣдствіи на различныхъ поприщахъ, особенно любили заниматься литературою, писали стихи, переводили; къ этому кружку присоединялся часто и знаменитый герой Екатерининской эпохи безсмертный Суворовъ, любившій въ молодости литературу и напечатавшій въ журналахъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній. Изъ числа кадетъ особенно выдѣлялся по своимъ авторскимъ наклонностямъ Сумароковъ. Еще во время пребыванія въ корпусѣ имя Сумарокова сдѣлалось извѣстнымъ въ печати, онъ писалъ поздравленія въ честь императрицы Анны Іоанновны, тогда же стали появляться его пѣсни или романсы, которые положенные на музыку распѣвались въ аристократическихъ домахъ. Такимъ образомъ еще на школьной скамейкѣ Сумароковъ уже обнаружилъ любовь къ занятію литературою и по окончаніи образованія въ корпусѣ, поступивъ въ военую службу рѣшился посвятить себя писательской дѣятельности. Изучая произведенія французской драматической поэзіи, Сумароковъ больше всего восторгался трагедіями Расина. Выборъ Сумарокова былъ весьма удаченъ. Несмотря на всю ложь классической теоріи Расинъ умѣлъ выходить побѣдителемъ; по словамъ Шерра, талантъ этого писателя главнымъ образомъ заключался въ анатоміи сердца, которая объясняетъ борьбу чувствъ ихъ столкновенія ощущеній съ требованіями жизни. Въ каждомъ произведеніи Расинъ имѣлъ цѣлью произвести впечатлѣніе на зрителей

Кромѣ тѣхъ двухъ отдѣловъ стихотвореній Державина, о которыхъ мы сказали, ему принадлежитъ еще рядъ антологическихъ стиховъ, отличающихся необыкновенною для того времени художественностью формы. Анакреонтическая поэзія, образцы которой даны Державинымъ, была по вкусу современному обществу, т. е. людямъ, принадлежавшимъ къ высшему сословію. Анакреонъ пѣвецъ любви, у тѣхъ и наслажденія жизни, а всѣ эти предметы составляли стремленіе вельможъ, житье-бытье которыхъ хорошо было извѣстно Державину, вращавшемуся въ высшихъ сферахъ общества.

Поэзія Державина, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отличается однообразіемъ содержанія и обиліемъ риторическихъ пріемовъ. Какъ человѣкъ, неполучившій собственно никакого образованія, Державинъ часто высказывалъ это въ своихъ произведеніяхъ, когда ему приходилось судить о личныхъ качествахъ воспѣваемаго имъ героя. Онъ часто противорѣчилъ самому себѣ, что мы видимъ, напр., въ изображеніи Потемкина въ двухъ различныхъ одахъ, обращалъ вниманіе часто на внѣшнія черты нравовъ своего времени и не въ состояніи былъ проникнуть въ ихъ сущность. Въ самомъ взглядѣ Державина на задачу поэзіи мы встрѣчаемъ противорѣчія. Въ одѣ «Любителю художествъ» онъ рисуетъ идеалъ поэта, какъ друга общаго добра, какъ человѣка, всегда сочувствующаго несчастію и страданіямъ ближняго. Высказывая такой высокій взглядъ на поэта, Державинъ въ то же время называетъ свои сочиненія бездѣлками, ставитъ въ особенное достоинство Екатеринѣ, что ей пріятна поэзія, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ, и признается, что его собственная чиновническая служба выше его поэтическаго поприща (посланіе къ Храповицкому): Вводя сатиру въ свои оды, Державинъ конечно хотѣлъ дать иное направленіе лирической поэзіи, но его сатира во первыхъ слишкомъ поверхностна, а во вторыхъ сатирическій элементъ является въ весьма немногихъ произведеніяхъ поэта. — Недостатки поэтической дѣятельности Державина, объясняющіеся конечно общимъ характеромъ той жизни, выкупаются многими достоинствами. Онъ значительно содѣйствовалъ развитію нашей поэзіи, представилъ образцы легкой поэтической рѣчи, стараясь придать ей простоту и отчасти народность, какъ понималась она въ то время вообще чуждое всего, что касается народной жизни и поэзіи. Всѣ

произведенія Державина тѣсно связываются съ современною эпохою: картины имъ, созданныя, по большой части вызывались событіями, происходившими въ его время.

Драматическая поэзія, начало которой тѣсно связывается съ началомъ русскаго театра, развилась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ. Произведенія Сумарокова и другихъ современныхъ писателей носятъ на себѣ тотъ же характеръ, какимъ отличались произведенія тогдашнихъ французскихъ драматурговъ, слѣдовавшихъ какъ извѣстно, правиламъ ложноклассической критики. Драматическая поэзія началась еще въ допетровскій періодъ; она выражалась тогда въ формѣ мистерій или сочиненій, сюжетъ которыхъ обыкновенно заимствовался изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта. Мистеріи перешли къ намъ съ Запада и преимущественно господствовали у насъ въ періодъ польскаго вліянія на русскую литературу т. е. въ теченіе XVI и XVII столѣтія. Въ эпоху Петра Великаго мистеріи продолжали свое существованіе, но ихъ характеръ нѣсколько измѣнился; авторы стали выводить на сцену типы изъ народной среды, осмѣивать людей, непонимавшихъ значенія новыхъ преобразованій и враждебно относившихся къ дѣятельности самаго преобразователя. Начало русскаго театра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и драматической поэзіи по образцу западно-европейской относится къ царствованію Елизаветы Петровны. При дворѣ театръ существовалъ и ранѣе этого времени, но онъ былъ доступенъ только для царствующей фамиліи и для придворныхъ. Начало общественнаго русскаго театра связывается съ именемъ Ѳ. Г. Волкова. Онъ былъ сынъ костромскаго купца, и родился въ 1729 году. Мать Волкова, по смерти мужа, вышла за мужъ за ярославскаго купца Полушкина и все семейство переселилось въ Ярославль. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ Волковъ сталъ обнаруживать свою любовь къ наукѣ и искуствамъ, самоучкой выучился живописи и музыкѣ, и рано сталъ выдѣляться по своимъ талантамъ изъ среды сверстниковъ. Въ 1746 году Волкову пришлось, по торговымъ дѣламъ вотчима, отправиться въ Петербургъ, гдѣ въ то время существовала уже итальянская опера. Присутствуя часто на представленіяхъ въ придворномъ театрѣ, Волковъ во все внимательно всматривался, изучалъ сцену и ея устройство и, вернувшись въ Ярославль, задумалъ устроить тамъ театръ. Волковъ самъ собралъ небольшую труппу изъ своихъ знакомыхъ, самъ нарисовалъ де̣ко-

раціи и послѣ перваго представленія, даннаго въ кожевенномъ сараѣ, принадлежавшемъ вотчиму, ярославская публика пришла въ такой восторгъ, что рѣшилась помочь Волкову открыть постоянный городской театръ. Волковъ, хорошо знакомый съ сценическимъ искусствомъ, немедленно приступилъ къ дѣлу и скоро театръ былъ открытъ въ особомъ зданіи, вмѣщавшемъ въ себѣ до тысячи зрителей. Между тѣмъ слухъ о провинціальномъ театрѣ дошелъ до Императрицы, которая и повелѣла вызвать Волкова съ товарищами въ Петербургъ. По прибытіи въ столицу Ярославскіе актеры сыграли трагедію извѣстнаго тогда писателя Сумарокова «Хоревъ» и ихъ игра такъ понравилась Государынѣ, что она рѣшила оставить Волкова и его товарищей и помѣстила ихъ въ сухопутный кадетскій корпусъ для изученія языковъ и наукъ. Въ труппѣ Волкова находились люди, которые впослѣдствіи были извѣстны въ литературѣ, но громадною славою какъ знаменитый трагикъ пользовался И. А. Дмитревскій, игравшій постоянно въ піесахъ Сумарокова и по своей игрѣ принадлежавшій къ такъ называемой декламаторской школѣ сценическаго исскуства. Въ 1756 году 30 августа состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи общественнаго театра, директоромъ котораго назначенъ былъ Сумароковъ, а первымъ актеромъ Ѳ. Г. Волковъ. Съ того времени сценическія дарованія Волкова обнаружились въ полномъ блескѣ, достоинство игры его было открыто признано и самими иностранцами. Но недолго пришлось Волкову пожинать лавры на поприщѣ драматическаго исскуства. Въ 1762 году по случаю вступленія на престолъ Екатерины II ему поручено было устроить въ Москвѣ народный маскарадъ. Волковъ отправился въ Москву, устроилъ то, что было ему повелѣно, но во время приготовленія къ празднеству, сильно простудился и получивъ горячку скончался въ 1763 году на 35 году отъ рожденія. «Сей мужъ, говоритъ Новиковъ, былъ великаго, обьемчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго сужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ высшей степени, при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ. Съ перваго взгляда казался онъ суровъ и угрюмъ, но сіе изчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ

онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели, друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществователь!

Начало драматической поэзіи въ руской литературѣ положено было Сумароковымъ, произведенія котораго хотя и не могутъ считаться образцовыми, но въ свое время они имѣли значеніе и содѣйствовали развитію въ нашемъ обществѣ любви къ театру сообразно съ тѣми понятіями о немъ, которыя господствовали тогда на Западѣ. Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718—1777) происходилъ отъ старинной боярской фамиліи, члены которой пользовались почетомъ и при русскомъ дворѣ. О дѣтствѣ Сумарокова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ 1732 году Сумароковъ поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, основанный для дворянскихъ дѣтей и называвшійся тогда «рыцарскою академіею». Воспитанники академіи, въ числѣ которыхъ были люди, прославившіеся впослѣдствіи на различныхъ поприщахъ, особенно любили заниматься литературою, писали стихи, переводили; къ этому кружку присоединялся часто и знаменитый герой Екатерининской эпохи безсмертный Суворовъ, любившій въ молодости литературу и напечатавшій въ журналахъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній. Изъ числа кадетъ особенно выдѣлялся по своимъ авторскимъ наклонностямъ Сумароковъ. Еще во время пребыванія въ корпусѣ имя Сумарокова сдѣлалось извѣстнымъ въ печати, онъ писалъ поздравленія въ честь императрицы Анны Іоанновны, тогда же стали появляться его пѣсни или романсы, которые положенные на музыку распѣвались въ аристократическихъ домахъ. Такимъ образомъ еще на школьной скамейкѣ Сумароковъ уже обнаружилъ любовь къ занятію литературою и по окончаніи образованія въ корпусѣ, поступивъ въ военую службу рѣшился посвятить себя писательской дѣятельности. Изучая произведенія французской драматической поэзіи, Сумароковъ больше всего восторгался трагедіями Расина. Выборъ Сумарокова былъ весьма удаченъ. Несмотря на всю ложь классической теоріи Расинъ умѣлъ выходить побѣдителемъ; по словамъ Шерра, талантъ этого писателя главнымъ образомъ заключался въ анатоміи сердца, которая объясняетъ борьбу чувствъ ихъ столкновенія ощущеній съ требованіями жизни. Въ каждомъ произведеніи Расинъ имѣлъ цѣлью произвести впечатлѣніе на зрителей

и возбудить въ нихъ тѣ или другія нравственныя чувства. Глубоко понимая духъ древнегреческой драмы, Расинъ съ большимъ талантомъ воспроизвелъ его въ своей трагедіи «Аталія», которая отличается несомнѣнно античнымъ характеромъ и далека отъ ложноклассическихъ правилъ, господствовавшихъ тогда во французской драматургіи. Первымъ произведеніемъ Сумарокова, съ котораго началась и его слава какъ драматическаго писателя была трагедія «Хоревъ» напечатанная въ 1747 году. Съ этого времени и до самой смерти Сумароковъ не переставалъ заниматься литературою и оставилъ громадное количество разнообразныхъ сочиненій, изъ которыхъ лучшими являются его трагедіи, отчасти комедіи. Въ концѣ 1749 года трагедія «Хоревъ» была представлена кадетами сухопутнаго корпуса, а потомъ и на придворномъ театрѣ. Успѣхъ перваго произведенія сверхъ ожиданія самого автора былъ блистательный и вотъ Сумароковъ вслѣдъ за Хоревомъ, пишетъ Гамлета, Синава и Трувора и цѣлый рядъ трагедій. Произведенія Сумарокова принимались благосклонно современнымъ обществомъ, кромѣ того одинъ французскій критикъ Лагарпъ, разбирая переведеную на французскій трагедію Синавъ и Труворъ, *пришелъ въ восторгъ отъ таланта* русскаго драматурга и, по незнанію русской исторіи, находилъ въ трагедіи многія историческія достоинства. Такой отзывъ вскружилъ голову Сумарокову, какъ человѣку самолюбиваго характера. Онъ увѣрился въ величіи своего таланта, хотя въ сущности его произведенія не были столь замѣчательны, какъ онъ самъ воображалъ. Сумароковъ всегда былъ самолюбивъ и раздражителенъ до крайности, что не разъ влекло за собою непріятности въ его отношеніяхъ къ окружавшему обществу. Высоко цѣня свой талантъ, онъ не могъ выносить, когда являлись достойные соперники, которыхъ онъ всегда считалъ своими злѣйшими врагами. Даже такіе люди, какъ Ломоносовъ, не разъ были предметомъ его грубыхъ остротъ и сатиръ. Около 1770 года въ Россіи стала извѣстна драма Бомарше «Евгенія», совершенно не похожая на произведенія ложноклассической школы. Содержатель театра въ Москвѣ, Бельмонти поставилъ на сцену эту піесу, разсчитывая на сборъ. Сумароковъ, узнавъ, что піеса имѣла успѣхъ написалъ весьма дерзкую статью противъ драмы, назвавъ переводчика подъячимъ, назвалъ вообще мѣщанскія или слезныя драмы «пакостнымъ» родомъ и вкусъ къ нимъ неприличнымъ вѣку

великой Екатерины. Общество отомстило Сумарокову: во время представленія его трагедій «Синавъ», тотчасъ по поднятіи занавѣса, раздались страшные свистки, неистовые крики, стукъ ногами и ругательства. Подобныя обстоятельства бѣсили Сумарокова и онъ не щадилъ своихъ враговъ, направляя противъ нихъ желчные и дерзкіе стихи. Семейныя и экономическія обстоятельства, часто раздражавшія Сумарокова, а также и невоздержность къ спиртнымъ напиткамъ, повели за собою быстрый упадокъ силъ. По словамъ Лонгинова, послѣдній годъ жизни писателя прошелъ самымъ печальнымъ образомъ. Но, несмотря на это, Сумароковъ продолжалъ писать. Умеръ онъ въ крайней бѣдности и похороненъ на деньги, собранныя по подпискѣ, на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ. Одинъ изъ друзей, В. И. Майковъ, также извѣстный писатель, написалъ эпитафію, въ которой прославилъ Сумарокова, совершенно справедливо назвавъ его поборникомъ истины и гонителемъ злыхъ пороковъ, хотя значительно и преувеличилъ достоинства его таланта. Полное собраніе сочиненій Сумарокова издано было Новиковымъ въ 10 томахъ, во всякомъ случаѣ обнаруживающихъ плодовитость этого писателя. Взглядъ на Сумарокова, какъ на писателя бездарнаго, высказанный когда-то Пушкинымъ и затѣмъ Бѣлинскимъ, не совсѣмъ справедливъ и объясняется эстетическою точкою зрѣнія, съ которой эти писатели смотрѣли вообще на литературу прошедшаго столѣтія. Сочиненія Сумарокова вызывались господствовавшими въ его время потребностями общества и не лишены важнаго историко-литературнаго значенія.

Трагедія Сумарокова построена на основаніи тѣхъ правилъ о драматической поэзіи, которыя господствовали въ то время во Франціи и выполнялись лучшими французскими драматургами Расиномъ, Корнелемъ, Вольтеромъ и другими. Французская классическая трагедія основана на искусственномъ подборѣ такихъ положеній, которыя производили на зрителей ужасъ или состраданіе. Въ ней нѣтъ живыхъ характеровъ, дѣйствующія лица являются только олицетвореніями тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ и обыкновенно раздѣляются на два разряда: одни олицетворяютъ собою добродѣтель, другія—порокъ. Трагедія строилась не на дѣйствіи и борьбѣ, проистекающей отъ противоположности характеровъ, какъ это видимъ мы въ Шекспировской драмѣ, а состояла изъ длинныхъ разго-

ворахъ дѣйствующихъ лицъ, которыми авторъ хотѣлъ выразить разнаго рода нравственныя сентенціи. Кромѣ того, ложноклассическая критика, заимствуя свою теорію изъ сочиненій Аристотеля, требовала, чтобы въ трагедіи соблюдены были такъ называемыя три единства: дѣйствія, мѣста и времени. Въ драмѣ должна быть одна интрига, дѣйствіе должно начаться и окончиться на одномъ и томъ-же мѣстѣ, и не допускалось перенесеніе сценъ, какъ это дѣлается теперь, кромѣ того и время совершенія дѣйствія требовалось ограничивать сутками.—Французскіе писатели, обратившись къ греческой трагедіи, строили и свои произведенія по образцу сочиненій древнихъ писателей, но забывали о томъ, что условія жизни древнихъ грековъ далеко были нѣ тѣ, въ которыхъ вращалось французское общество, а слѣдовательно и литература не могла ограничиваться тѣми указаніями, которыя находимъ мы у древнихъ грековъ. Если въ древне-греческой трагедіи выводились на сцену лица высшаго класса, то это происходило оттого, что собственно народъ не принималъ никакого участія въ общественной жизни, между тѣмъ и французскіе драматурги изображали только людей высшаго сословія, хотя народная жизнь въ ихъ время представляла обильный матерьялъ для драматической поэзіи. Масса правилъ, утвержденныхъ французской критикою, стѣсняла свободу творчества, безъ которой немыслимо ни одно поэтическое сочиненіе, и вотъ почему совершенно справедливо мнѣніе Гримма, одного изъ критиковъ прошлаго столѣтія, что трагедія требовала меньше всего таланта и воображенія. Сумароковъ рабски подражалъ французской трагедіи и благоговѣлъ передъ Расиномъ, считая его своимъ единственнымъ идеаломъ. Большая часть трагедій Сумарокова касается сюжетовъ историческихъ; таковы: Синавъ и Труворъ, Артистона (изъ временъ Кира), Семира, «Ярополкъ и Димиза» «Дмитрій Самозванецъ» «Мстиславъ» и другія. Всѣ трагедіи Сумарокова похожи одна на другую, вездѣ на первомъ планѣ стоитъ любовь, доведенная до страсти, вездѣ ужасъ и злодѣйства, которыми авторъ желалъ потрясти зрителей. Герои и героини сумароковскихъ трагедій—не живыя лица, они и говорятъ и дѣйствуютъ не такъ, какъ обыкновенные смертные. Таковъ напр.: Дмитрій Самозванецъ, не только искаженный исторически, но представленный чудовищемъ, изумляющемъ зрителя своими злодѣйскими поступками. Онъ постоянно говоритъ о своихъ злодѣяніяхъ и совершенно

спокойно объявляетъ своему наперснику о намѣреніи отравить жену Ксенію, дочь Шуйскаго. Нечего и говорить о томъ, что характеры, изображенные Сумароковымъ, не согласны ни съ временемъ, къ которому они относятся, ни съ мѣстомъ, которое обыкновенно вліяетъ на образованіе въ человѣкѣ тѣхъ или другихъ свойствъ. Вотъ почему въ трагедіяхъ Сумарокова есть только русскія имена, но нѣтъ и намека на русскую жизнь: всѣ герои его совершенно лишены національности и нисколько не отличаются отъ героевъ французской трагедіи. Несмотря на неестественность характеровъ и возвышенный складъ рѣчи, которымъ писались трагедіи Сумарокова, онѣ однакожъ возбуждали восторгъ въ зрителяхъ и прославили автора, какъ знаменитаго драматурга. Это происходило вслѣдствіе тогдашняго взгляда вообще на драматическое искусство. Въ немъ искали прежде всего эффектовъ, поражающихъ сценъ, но не обращали вниманія на то, естественно или нѣтъ авторъ изображаетъ ту или другую сцену. Успѣхъ трагедіи Сумарокова объясняется также игрою первоклассныхъ актеровъ того времени; такой талантъ, какъ Дмитревскій, могъ разумѣется приводить въ восторгъ зрителей, несмотря на ходульность піесы. Замѣчая недостатки современнаго общества, Сумароковъ, по своему характеру, не могъ остаться равнодушнымъ къ этому, онъ старался обличать ихъ въ своихъ сатирическихъ статьяхъ, басняхъ и затѣмъ въ комедіяхъ. Комедіи Сумарокова ничто иное, какъ рабское подражаніе французскимъ произведеніямъ, въ нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни вѣрнаго изображенія явленій жизни, притомъ авторъ слишкомъ неправильно смотрѣлъ вообще на значеніе сатиры. Осмѣивать общество можно только съ точки зрѣнія идеала, добытаго путемъ строгаго изученія общественныхъ явленій; ничего подобнаго не было въ дѣятельности Сумарокова, онъ возставалъ противъ отдѣльныхъ лицъ, бывшихъ его врагами, отсюда проистекаютъ постоянные нападки на подъячихъ, которыхъ онъ называетъ то «хамовымъ отродьемъ», то «крапивнымъ сѣменемъ». Сумароковъ совершенно искренно вѣрилъ въ необъятность своего литературнаго таланта и на каждаго современнаго писателя готовъ былъ смотрѣть какъ на врага. Озлобленный на Тредьяковскаго, онъ пишетъ комедію «Трессотиніусъ», гдѣ и осмѣиваетъ этого писателя за его стремленія преобразовать русское правописаніе. Въ стремленіяхъ Тредьяковскаго ничего не было смѣшнаго, и сатира Сумарокова была толь-

ко результатомъ его личнаго самолюбія. По словамъ Сумарокова, цѣль комедіи смѣхомъ исправлять нравы и въ этомъ случаѣ мнѣніе его согласно съ взглядомъ тогдашней литературной критики, которая въ то время была мало развита.

Являясь проповѣдникомъ правды и преслѣдуя современные общественные пороки, Сумароковъ не въ состояніи былъ создать ни одного типа, притомъ и самъ часто впадалъ въ противорѣчіе. Онъ вооружался противъ дворянской спеси, а между тѣмъ называлъ Ломоносова Холмогорскимъ мужикомъ, прибилъ купца за то, что тотъ не назвалъ его ваше превосходительство.—Осмѣивая ханжество, беспутную жизнь современныхъ франтовъ, продѣлки подьячихъ и другіе недостатки современнаго общества, Сумароковъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ другимъ представителямъ тогдашней сатиры и такимъ образомъ не ввелъ ничего новаго со стороны содержанія. Что же касается формы или лучше языка сочиненій Сумарокова, то онъ во многомъ страдаетъ неправильностями и притомъ заключаетъ въ себѣ часто обиліе тривіальныхъ выраженій. Несмотря на это, сочиненія Сумарокова пользовались въ свое время популярностью, во первыхъ потому, что они были доступны большинству, а во вторыхъ касались очень часто живыхъ вопросовъ современности. Это послѣднее обстоятельство надо поставить въ особенную заслугу Сумарокову, который первый изъ русскихъ писателей подражалъ Кантемиру, стремясь сблизить литературу съ дѣйствительностью.

Еще до появленія Фонъ Визина, который считается главнымъ представителемъ русской комедіи прошлаго вѣка, многіе писатели, подобно Сумарокову, пытались освободить комедію отъ французскаго вліянія и создать такую, которая бы отличалась національнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Лукина, Княжнина и Аблесимова.

Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737 — 1794) былъ извѣстенъ не столько какъ авторъ комедіи, сколько какъ человѣкъ, критически относившійся къ современнымъ литературнымъ вопросамъ. Свои критическія замѣчанія Лукинъ высказывалъ въ предисловіяхъ къ собственнымъ комедіямъ, которыя состояли изъ передѣлокъ произведеній французскихъ писателей. Сужденія Лукина отличались рѣдкою смѣлостью: онъ возставалъ противъ старыхъ писателей, которые, считая себя единственными судьями въ литературныхъ вопросахъ,

«презираютъ всякое сочиненіе, не ихъ перомъ» издаваемое, требуютъ, чтобы молодой писатель являлся къ нимъ на поклонъ, просить совѣта и слѣдовалъ по пути, указанному ими.— Высказывая подобныя сужденія, Лукинъ нажилъ себѣ много враговъ, которые, въ томъ числѣ и Сумароковъ, поднимали его на смѣхъ, помѣщая въ тогдашнихъ журналахъ насмѣшливые отзывы о литературной дѣятельности Лукина. Большая часть комедій переводилась съ французскаго. Лукинъ находилъ, что для русскаго общества эти переводы не имѣютъ никакого значенія, что надо писать комедіи съ содержаніемъ изъ русской жизни, и потому, воспользовавшись французскими произведеніями, передѣлывать ихъ на русскіе нравы. Такія передѣлки хотя и существовали въ тогдашней литературѣ, но онѣ неудовлетворительны, такъ какъ писатели, заимствуя сюжеты изъ французскихъ піэсъ, часто приписывали русской жизни черты, которыя совершенно ей несвойственны. Лукинъ указывалъ при этомъ на комедію Сумарокова Трессотиніусъ, гдѣ авторъ выводитъ подъячаго, являющагося къ Оронту—одному изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи для совершенія брачнаго контракта. По мнѣнію критика, у насъ совершенно немыслимъ нотаріусъ съ подобными обязанностями, такъ какъ самый фактъ противорѣчитъ русской жизни. Исправить общество можно только такою комедіею, которая бы заключала въ себѣ изображеніе нравовъ русской жизни и, выбирая сюжеты изъ иностранныхъ образцовъ, слѣдуетъ оставлять главное, и склонять, какъ выражается Лукинъ, на свои нравы. Высказывая довольно вѣрныя замѣчанія о необходимости національной комедіи Лукинъ и самъ далъ образцы передѣлокъ, но, не владѣя драматическимъ талантомъ, онъ не могъ достигнуть цѣли. Лучшею его комедіею считается «Мотъ, любовью исправленный», передѣлка комедіи «Детуша Dissipateur». Какой-то Добросердовъ подчинившись Злорадову, проматываетъ свое состояніе и потомъ, влюбившись въ племянницу княжны, рѣшается отправиться къ дядѣ, представить ему свою невѣсту и получить отъ него денегъ для уплаты долговъ. Злорадовъ старается разстроить планы мота, но ему не удается это, онъ самъ попадаетъ въ тюрьму, а дядя, умирая, оставляетъ большое наслѣдство Добросердову. Комедія по обыкновенію кончается свадьбою и заключительною мыслью: Богъ не оставляетъ злодѣйства безъ наказанія, которая однакожъ плохо вяжется съ содержаніемъ піэсы. Въ піэсахъ Лукина нѣтъ

ни драматическаго движенія, ни характеровъ, и въ этомъ отношеніи онѣ сходны съ комедіями Сумарокова.

Драматическія произведенія Княжнина отличаются уже большими литературными достоинствами, хотя и на нихъ отразилось значительно вліяніе французскихъ образцовъ. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ родился во Псковѣ, въ 1742 году. Пятнадцати лѣтъ онъ переселился въ Петербургъ, и занимаясь тамъ подъ руководствомъ профессора Академіи Наукъ Модераха, основательно изучилъ языки французскій, нѣмецкій и итальянскій. Литературная дѣятельность Княжнина началась довольно рано. Первымъ произведеніемъ его, обратившимъ вниманіе на него и общества и критики, была извѣстная трагедія «Дидона», сыгранная на придворномъ театрѣ въ Москвѣ, въ присутствіи императрицы Екатерины II. Даже Сумароковъ, завистливо смотрѣвшій на успѣхъ своихъ соперниковъ по литературѣ, сочувственно отнесся къ произведенію Княжнина. Скоро Княжнинъ оставляетъ службу, выходитъ въ отставку и всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности. Принужденный существовать съ семействомъ единственно литературою, Княжнинъ часто мало обработывалъ свои сочиненія и этимъ въ особенности отличаются его переводы изъ Вольтера, Расина и Кребильона. По прошествіи 8 лѣтъ Княжнинъ поступилъ въ секретари къ извѣстному уже намъ Бецкому, но не покидалъ литературнаго поприща, особенно имъ любимаго. Къ этому времени относится трагедія «Росславъ», которая такъ понравилась публикѣ, что она вызвала автора, но онъ смутился, скрылся изъ театра, и вмѣсто него вышелъ актеръ Дмитревскій и изъявилъ благодарность отъ имени сочинителя. Ни сюжетъ, ни характеры трагедіи не выдерживаютъ критики, и восторгъ зрителей объясняется съ одной стороны патріотизмомъ главнаго героя, съ другой—потрясающею игрою Дмитревскаго, изображавшаго Росслава. Послѣ «Росслава» появились и другія трагедіи Княжнина, изъ которыхъ особенно много шуму надѣлала трагедія «Вадимъ князь Новгородскій», напечатанная уже послѣ смерти автора, и возбудившая преслѣдованія тогдашней цензуры. Въ ней авторъ изображаетъ, какъ посадникъ Новгородскій Вадимъ возмущаетъ народъ противъ правителя Рюрика, избраннаго новгородцами. По распоряженію княгини Дашковой трагедія была напечатана въ 1793 году

отдѣльною книгою и въ сборникѣ издававшемся въ то время подъ названіемъ «Россійскій Ѳеатръ.

Кромѣ трагедій, Княжнинъ писалъ еще и комедіи, изъ которыхъ многія превосходятъ произведенія Сумарокова и Лукина. Въ 1785 году онъ собралъ всѣ свои сочиненія и посвятилъ Екатеринѣ II, которая повелѣла напечатать ихъ на свой счетъ и подарить автору всѣ экземпляры. Чрезъ 4 года, Княжнинъ скончался на 47 году отъ рожденія. Трагедіи Княжнина писаны всѣ по образцу ложноклассичесикхъ и въ этомъ отношеніи онѣ нисколько не отличаются отъ трагедіи Сумарокова. Заимствуя сюжетъ изъ исторіи, авторъ мало обращалъ вниманія на вѣрное воспроизведеніе исторической жизни, и старался только возбудить восторгъ зрителей изображеніемъ какихъ нибудь потрясающихъ сценъ или подѣйствовать на ихъ патріотическое чувство. Въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ Княжнина встрѣчаются намеки на современныя событія, такъ напр. въ «Титовомъ милосердіи» авторъ намекаетъ на гуманныя преобразованія Екатерины II. Хотя большая часть трагедій Княжнина написаны по образцу французскихъ, но во всякомъ случаѣ его сочиненія значительно превосходятъ сумароковскія по слогу и по отдѣлкѣ стиха, что безъ, сомнѣнія, и оказывало вліяніе на одобрительный пріемъ, съ какимъ было встрѣчаемо въ публикѣ каждое произведеніе талантливаго драматурга. Мы говорили уже о тѣхъ попыткахъ, которыми современные писатели думали дать образецъ національной русской комедіи. Княжнинъ принадлежалъ къ этой же школѣ писателей. Лучшими его комедіями считались двѣ: «Хвастунъ» и «Чудаки». Въ первой піесѣ изображается какъ одинъ помѣщикъ Верхолетъ, желая жениться на богатой барышнѣ, дочери Чванкиной, выдаетъ себя за графа, занимающаго нѣсколько важныхъ должностей и пользующагося большимъ вѣсомъ при дворѣ. Чванкина всему вѣритъ и только при помощи благочиннаго, который сажаетъ Верхолета въ смирительный домъ, она узнаетъ, что жестоко обманута. Сюжетъ этотъ заимствованъ изъ комедіи Де-Бріоне Important de cour, но Княжнинъ коснулся нѣкоторыхъ чертъ тогдашней русской жизни: въ лицѣ Чванкиной авторъ довольно остроумно осмѣиваетъ страсть къ чинамъ, которая господствовала въ современномъ обществѣ и долго служила матерьяломъ для послѣдующей русской сатиры. Комедія «Чудаки», какъ и другія произведенія прошлаго вѣка, вовсе не художественное созданіе, по-

добное «Ревизору» Гоголя; старинная наша комедія была преимущественно комедіею общественныхъ нравовъ, изображала отдѣльныя явленія изъ современной жизни. Весь интересъ комедіи «Чудаки», заимствованной изъ піесы Детуша L'homme singulier, основанъ исключительно на изображеніи главнаго дѣйствующаго лица, помѣщика Лентягина, устраивающаго судьбу своей дочери. Онъ философъ, т. е. человѣкъ отрицающій свѣтскія приличія. Лентягинъ говоритъ слугѣ своему *вы* и, называя его своимъ другомъ, хочетъ выдать за него единственную дочь.—Княжнинъ съумѣлъ довольно вѣрно представить господствующія черты современнаго общества; въ лицѣ Вѣтромаха, одного изъ жениховъ дочери Лентягина, довольно остроумно осмѣянъ современный щеголь, или петиметръ, какъ ихъ тогда называли, помѣшавшійся на всемъ французскомъ. Другой женихъ Пріятъ олицетворяетъ собою сантиментальность.

Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ.
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущенъ
Такъ томенъ и унылъ, какъ будто селадонъ.
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ,
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ.

Хотя комедіи Княжнина далеко не отличаются народнымъ характеромъ, но по своему живому содержанію и остроумію онѣ представляютъ уже значительный шагъ впередъ. Общіе недостатки тогдашней комедіи отразились и на сочиненіяхъ Княжнина.—Сатира тогдашняя, до появленія Ф. Визина, изображала собственно не типы, а отдѣльныя лица, думая этимъ скорѣе подѣйствовать на исправленіе общественныхъ нравовъ. Съ другой стороны, въ старинной комедіи нѣтъ дѣйствія, что отчасти замѣтно и въ сочиненіяхъ фонъ-Визина. Всѣ явленія ея не связываются другъ съ другомъ и совершенно случайны, причемъ для развязки комедіи употребляется или свадьба, или иногда полиція, хотя въ ней часто не было никакой нужды.

Въ драматической литературѣ прошлаго вѣка весьма распространена была такъ называемая комическая опера. Это была таже комедія съ прибавленіемъ куплетовъ для пѣнія. Княжнинъ далъ образецъ комической оперы въ пїэсѣ «Несчастье отъ кареты». Здѣсь сатира получаетъ серьезное направленіе. Комедія осмѣиваетъ помѣщиковъ, которые для своихъ удовольствій разворяютъ крестьянъ.

Помѣщикъ Фирюлинъ, страстный любитель французской моды, пишетъ своему прикащику, чтобы тотъ немедленно выслалъ ему денегъ, причемъ совѣтуетъ ему продать годныхъ людей въ рекруты. Въ лицѣ крестьянина Лукьяна авторъ изображаетъ жалкую участь крѣпостныхъ, совершенно подчиненныхъ волѣ помѣщиковъ.

Изъ драматическихъ произведеній прошлаго вѣка большою извѣстностью пользовалась комическая опера Аблесимова «Мельникъ» колдунъ, обманщикъ и сватъ». Содержаніе этой пiэсы заимствовано изъ народной русской жизни, которая хотя и представлена здѣсь только съ внѣшней стороны, но, при всеобщемъ господствѣ французскихъ комедій, безъ сомнѣнія должна была привлечь вниманіе публики. Въ то время народная жизнь не была предметомъ изученія; о ней не имѣли почти никакого понятія, и вотъ почему крестьянскій бытъ изображался часто неестественно съ оттѣнкомъ моднаго въ то время сантиментализма. Какъ исключеніе, можно указать на комическую оперу М. Попова «Анюта» (1772), гдѣ жизнь изображена просто и естественно. М. Поповъ былъ изъ числа товарищей Волкова и много занимался изученіемъ народной жизни, что видно изъ прозаическихъ его сочиненій.

Просвѣтительныя идеи, проникавшія къ намъ съ Запада, находили сочувствіе среди образованныхъ русскихъ людей, посвящавшихъ себя литературѣ. Въ этомъ отношеніи между драматическими писателями вѣка Екатерины II первое мѣсто занимаетъ Фонъ-Визинъ, какъ авторъ двухъ замѣчательныхъ комедій, изображавшихъ явленія русской жизни безъ всякихъ прикрасъ. Рисуя картину общественныхъ нравовъ своего времени, Ф. Визинъ не ограничивался изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ жизни, но старался также представить идеалъ человѣка съ нравственными достоинствами, согласно съ тѣми понятіями, которыя стали проникать къ намъ чрезъ посредство гуманныхъ реформъ императрицы Екатерины II. Мы говорили уже, что Екатерина II, посвящая себя литературной дѣятельности, указывала путь, по которому должны быть направлены стремленія современныхъ писателей; въ этомъ отношеніи комедіи Ф. Визина считаются лучшими памятниками тогдашней литературы и представляютъ собою богатый матерьялъ для изученія общественныхъ нравовъ вѣка Екатерины II. О времени дѣтства и юности Ф. Визина мы узнаемъ изъ его автобіографіи «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ

и помышленіяхъ», которую онъ написалъ въ концѣ жизни, но, къ сожалѣнію, не окончилъ. Ф. Визинъ родился въ 1744 году. Отецъ его былъ человѣкъ съ прекрасными качествами и хотя не получилъ никакого образованія, однако старался развить себя самостоятельнымъ чтеніемъ и, по словамъ сына, никогда непозволялъ себѣ льстить знатнымъ вельможамъ, что для того времени считалось рѣдкостью. Уже на четвертомъ году Ф. Визинъ сталъ учиться грамотѣ и хорошо изучилъ языкъ славянскій. Ф. Визинъ миновалъ ту обычную систему воспитанія, по которой воспитывались въ то время дворянскія дѣти: его не окружали французы гуверверы, пользовавшіеся тогда репутаціею хорошихъ педагоговъ, но на дѣлѣ приносившіе много вреда для питомцевъ. Домашнее воспитаніе Ф. Визина отличалось русскимъ характеромъ. Отецъ старался развивать въ дѣтяхъ нравственныя и религіозныя чувства и часто самъ читалъ имъ полезныя книги, объясняя все для нихъ непонятное. По окончаніи домашняго воспитанія Ф. Визинъ помѣщенъ былъ въ гимназію, основанную при Московскомъ университетѣ. Ф. Визинъ мало вынесъ познаній, такъ какъ гимназія находилась тогда въ плохомъ состояніи за отсутствіемъ свѣдущихъ и преданныхъ своему дѣлу учителей. Въ 1758 году директоръ Московскаго университета, Мелиссино, отправился въ Петербургъ къ гр. Шувалову, основателю и куратору университета, и взялъ съ собой десять лучшихъ воспитанниковъ гимназіи, въ числѣ которыхъ былъ и Ф. Визинъ. Въ Петербургѣ въ то время уже существовалъ театръ; Фонъ Визинъ былъ въ восторгѣ отъ представленія одной французской піэсы и скоро, чрезъ посредство своего дяди, познакомился съ Дмитревскимъ и другими свѣтилами тогдашняго театральнаго міра. Вернувшись въ Москву, Фонъ Визинъ принялся за изученіе французскаго языка и въ два года такъ хорошо овладѣлъ имъ, что перевелъ стихами «Альзиру», трагедію Вольтера. — Зачисленный въ число студентовъ, Фонъ Визинъ много занимался литературою, переводилъ съ иностранныхъ языковъ разнаго рода статьи и помѣщалъ ихъ въ журналѣ Рейхеля «Собраніе лучшихъ сочиненій». Къ этому же періоду жизни относится переводъ басенъ Гольберга и романа аббата Террасона «Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, царя египетскаго». По окончаніи курса Ф. Визинъ посвятилъ себя государственной службѣ и сталъ мало по малу входить въ кружокъ тогдашняго аристократическаго

общества, среди котораго весьма сильно распространены были идеи французской философіи. Безбожіе и кощунство надъ религіею явились какъ необходимый результатъ поверхностнаго знакомства съ литературою Запада и считались даже признакомъ высокаго образованія. Такова была мода, и Фонъ Визинъ, какъ молодой и неопытный юноша, на первый разъ увлекся этою модою, и хотя никогда не былъ атеистомъ, получивъ въ дѣтствѣ твердое религіозное развитіе, но въ спорахъ часто позволялъ себѣ свободно выражаться. Увлеченіе Фонъ Визина ясно высказывается между прочимъ въ стихотвореніи «Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ». Но скоро прошло это увлеченіе, сомнѣнія Фонъ Визина разсѣяны были умными совѣтами сенатора Теплова, который указалъ ему на книгу Самуила Кларка «Доказательства бытія Божія и истины христіанской вѣры». Отрывки изъ этой книги Фонъ Визинъ перевелъ и намѣревался приложить къ концу своей автобіографіи; но она, какъ извѣстно, не была окончена. Въ 1766 году, во время служенія подъ начальствомъ статсъ-секретаря И. П. Елагина, Фонъ Визинъ окончилъ свою первую комедію «Бригадиръ». Комедія скоро стала извѣстна во многихъ тогдашнихъ аристократическихъ домахъ, и даровитый авторъ, приглашенный къ двору, прочиталъ ее самъ въ присутствіи государыни. Общество занимало не столько содержаніе произведенія, сколько мастерское и комическое изображеніе характеровъ и типовъ, взятыхъ изъ русской жизни, чуждое предшествовавшимъ драматическимъ произведеніямъ. Мастерское чтеніе самого автора еще болѣе усиливало комизмъ выведенныхъ въ комедіи личностей. Въ 1769 году Фонъ Визинъ перешелъ на службу къ графу Н. И. Панину, къ одному изъ знаменитыхъ государственныхъ людей того времени. Между начальникомъ и подчиненнымъ, служившимъ въ качествѣ секретаря, завязались дружественныя отношенія, продолжавшіяся до самой смерти Панина, т. е. до 1783 года. Въ теченіе своей жизни Фонъ Визинъ нѣсколько разъ бывалъ за границей отчасти по обязанностямъ службы, но болѣе по причинѣ своей болѣзни, которая долго продолжалась и довела его до смерти. Онъ путешествовалъ по Франціи и Италіи, и свои впечатлѣнія выражалъ въ письмахъ, въ которыхъ особенно враждебно отзывался о французахъ, ихъ обществахъ и писателяхъ. Характеристика французскаго общества, отличаясь сатирою какъ и все, что выходило изъ подъ пера

Фонъ Визина, представляетъ много вѣрныхъ и справедливыхъ замѣчаній, но нельзя того же сказать о тѣхъ мѣстахъ его писемъ, гдѣ онъ изображаетъ французскихъ писателей, стоявшихъ во главѣ тогдашняго умственнаго движенія. При всемъ своемъ умѣ, Фонъ Визинъ однакожъ не сочувствовалъ ни Вольтеру, ни Русео, ни энциклопедистамъ, и даже позволялъ себѣ, говоря о послѣднихъ, употреблять подобныя слова какъ «уродъ», «шарлатанъ». Про знаменитаго математика и философа Д'Аламбера Фонъ Визинъ выразился, что это была премерзкая фигура и преподленькая физіономія. Такой взлядъ произошелъ впрочемъ изъ слѣдующаго источника: Фонъ Визина поразило то обстоятельство, что Д'Аламберъ и другіе явились съ визитомъ къ одному изъ русскихъ аристократовъ, брату вліятельнаго лица при русскомъ дворѣ. Но это было сдѣлано не изъ низкой лести, какъ полагалъ Фонъ Визинъ, а просто изъ соблюденія обычной вѣжливости, принятой въ высшемъ обществѣ. Взглядъ Фонъ-Визина на французскихъ писателей кажется страннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ же идеи, какія проповѣдывались въ той же французской литературѣ, представители которой пользовались въ свое время всемірною славою. Въ 1782 году Фонъ Визинъ написалъ новую комедію «Недоросль». Публика пришла въ неизъяснимый восторгъ во время представленія комедіи. Разсказываютъ, что Потемкинъ сказалъ автору: «Умри Денисъ, или больше ничего не пиши». Дѣйствительно это было самое лучшее произведеніе сатирическаго таланта Фонъ Визина, и все, что вышло впослѣдствіи, рѣшительно не заслуживаетъ такого вниманія, какимъ до сихъ поръ пользуется по справедливости его Недоросль. Между тѣмъ здоровье Фонъ Визина прогрессивно стало слабѣть и, несмотря на неоднократныя поѣздки за границу для пользованія тамошними минеральными водами болѣзнь усиливалась и наконецъ окончательно свела его въ могилу. Ф. Визинъ умеръ 1 декабря 1792 года.

Каждая эпоха народной жизни наравнѣ съ свѣтлыми явленіями заключаетъ въ себѣ и много темныхъ сторонъ. Блестящее царствованіе Екатерины II, въ періодъ котораго совершился цѣлый рядъ благодѣтельныхъ для Россіи реформъ, нашло себѣ талантливаго выразителя въ лицѣ Державина, который, вполнѣ сочувствуя свѣтлымъ явленіямъ современности, воспѣвалъ ихъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Фонъ-Визинъ, напротивъ, изображалъ въ своихъ произве-

деніяхъ другую сторону современной жизни и тѣмъ самымъ дополняетъ то, чего только отчасти коснулся Державинъ. Западно-европейская цивилизація, проникшая къ намъ со времени преобразованій Петра Великаго, вполнѣ и сознательно понималась только немногими людьми, стоявшими во главѣ тогдашней образованности. Другая часть общества состояла изъ людей, или совершенно не понимавшихъ новаго движенія, или же усвоивавшихъ только внѣшніе признаки западной жизни. Съ виду многіе казались европейцами: одѣвались во французскіе кафтаны и въ шелковые камзолы съ кружевными манжетами, носили на головѣ длинныя косы, безъ умолку болтали на французскомъ языкѣ, но подъ этою европейскою оболочкою часто скрывалась первобытная грубость нравовъ и круглое невѣжество, съ перваго раза замѣтное для наблюдательнаго взора. Фонъ-Визину досталось на долю изобразить эту темную сторону современной общественной жизни, и, какъ человѣкъ умный, онъ могъ отнестись къ ней только сатирически. Такимъ образомъ, самые нравы общества дали обильный матерьялъ для комедіи одного изъ самыхъ талантливыхъ сатириковъ прошлаго вѣка. Французская критика въ лицѣ Буало указала тѣ требованія, какія слѣдуетъ примѣнять при сочиненіи комедіи. По мнѣнію Буало, высказанному имъ въ сочиненіи L'art poetique, комедія основывается на остротѣ, выраженной въ приличной формѣ, цѣль ея смѣшить зрителя веселою шуткою, забавнымъ діалогомъ. Изображая въ человѣкѣ какую нибудь смѣшную сторону, писатель долженъ ограничиться только этою стороною и имѣть въ виду смѣхомъ исправить нравы. Вслѣдствіе подобныхъ правилъ, старинная французская комедія мало обращала вниманія на развитіе дѣйствія и, осмѣивая большею частью внѣшнія черты главнаго героя, часто сводилась на степень веселой забавной сатиры. Фонъ-Визинъ хорошо знакомъ былъ съ подобными правилами. Хотя въ комедіяхъ его и замѣтно отчасти французское вліяніе, но онъ во многомъ пошелъ въ разрѣзъ съ тою теоріею, которую примѣняли предшественники Фонъ-Визина на поприщѣ комедіи. Сюжетъ комедіи «Бригадиръ» основанъ на любви и не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Авторъ заставляетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ заявлять о себѣ въ разговорахъ, но не въ постепенномъ ихъ дѣйствіи или борьбѣ, какъ это дѣлается въ художественномъ произведеніи. Въ этомъ отношеніи комедія сохранила общіе недостатки этого рода произведеній.

*

Имѣя въ виду осмѣивать пороки общества и тѣмъ самымъ дѣйствовать поучительно, авторъ не обращалъ вниманія на единство піесы и вотъ почему между дѣйствіями камедіи нѣтъ внутренней связи, безъ которой немыслимо ни одно художественное произведеніе и, кромѣ того, многіе разговоры не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ ходу піесы. Какъ изображеніе общественныхъ нравовъ комедія фонъ-Визина далеко превосходитъ всѣ піесы современнаго репертуара. Въ комедіи осмѣяны главнымъ образомъ лихоимство и дурныя послѣдствія французскаго воспитанія. Въ лицѣ Совѣтника представленъ типъ тогдашняго взяточника, который, будучи судьею и умѣя толковать указы въ свою пользу, пріобрѣлъ деревеньку и поселился тамъ, когда вышло постановленіе противъ лихоимства. Иванушка — это совершенно глупый юноша, который, побывавши за границею, вынесъ только привычку болтать по французски и слишкомъ вольно и грубо обращаться съ отцомъ, который, хотя человѣкъ совершенно необразованный, но однакожъ справедливо называетъ его болваномъ и дуракомъ. Иванушка сожалѣетъ о томъ, что онъ родился въ Россіи и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что духъ его принадлежитъ коронѣ французской. Лучше всего удался фонъ-Визину типъ Бригадирши. «Дура набитая», по словамъ самаго автора, она однакожъ умѣетъ соображать по своему; когда Бригадиръ говоритъ что она больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, чѣмъ о немъ, Бригадирша отвѣчаетъ: «да какъ же мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, такъ не надобно-ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, поумнѣе его, а хочешь, чтобъ я за тобою присматривала». Глупость и вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣшная сторона Бригадирши особенно ясно выражены въ той сценѣ, гдѣ Совѣтникъ, отчасти ханжа, объясняется ей въ своей любви, чего она никакъ не можетъ понять. Бригадирша совершенно не къ стати переходитъ отъ одного предмета къ другому и сказавши, о томъ, что она только можетъ понимать рѣчи своего Игнатія Андреевича, который говоритъ такъ рѣчисто какъ попугай, спрашиваетъ Совѣтника, видалъ ли онъ попугаевъ. Но тотъ отвѣчаетъ ей, что дѣло идетъ не о птицахъ, а о разумной твари, и, бросаясь на колѣни, признается ей въ любви. При всѣхъ достоинствахъ изображенія характеровъ у фонъ-Визина въ сравненіи съ другими современными писателями, у него однакожъ встрѣчаются довольно значительные промахи. Слѣдуя французской

теоріи, онъ доводилъ извѣстную черту дѣйствующаго лица до неестественности и изъ комической личности часто выходила каррикатура. Глупость Бригадирши доведена do necplus ultra; она послѣ, всѣхъ объясненій Совѣтника, все-таки не понимаетъ того, что выражаетъ онъ, и потому черты характера этого лица комедіи становятся уже невѣроятными. Такимъ образомъ комедія фонъ-Визина, какъ художественное произведеніе, не выдерживаетъ критики, въ ней нѣтъ драматическаго движенія, нѣтъ борьбы, которая составляетъ основу какъ трагедіи, такъ и комедіи; лица, представленныя въ ней говорятъ, а не дѣйствуютъ.

Содержаніе комедіи «Недоросль» очень просто. Въ усадьбѣ помѣщицы Простаковой воспитывается Софья, молодая дѣвушка—сирота. Простакова хочетъ пристроить Софью за своего брата Скотинина, человѣка грубаго и невѣжественнаго. Скотининъ не отказывается отъ руки Софьи единственно потому, что въ ея деревенькѣ водятся хорошія свиньи, до которыхъ онъ большой охотникъ. Между тѣмъ, Софья получаетъ письмо отъ своего дяди Стародума, котораго въ домѣ Простаковыхъ считали уже умершимъ. Стародумъ пишетъ, что, вернувшись изъ Сибири, онъ поселился въ Москвѣ и что въ скоромъ времени намѣренъ посѣтить племянницу, для которой успѣлъ скопить капиталъ, приносящій десять тысячъ годоваго дохода, и что онъ отдаетъ ей эту сумму въ приданное, если она найдетъ себѣ жениха по душѣ. Письмо Стародума мгновенно измѣняетъ положеніе дѣйствующихъ лицъ. Простакова тотчасъ же измѣняетъ свои отношенія къ Софьѣ, дѣлается ласковою, рѣшивъ теперь женить на ней своего роднаго сына Митрофанушку. — Софья же любитъ офицера Милона, остановившагося съ отрядомъ солдатъ на постоѣ въ усадьбѣ помѣщицы. Не подозрѣвая этого, Простакова продолжаетъ ухаживать за Софьей, заставляетъ Митрофана поучиться, съ цѣлью заслужить расположеніе дяди. Стародумъ пріѣзжаетъ. Онъ знакомится съ семействомъ Простаковыхъ, Милономъ и чиновникомъ Правдинымъ, посланнымъ отъ правительства для наблюденія за дѣйствіями помѣщицы. Стародумъ возмущенъ, видя грубую семью Простаковыхъ, въ средѣ которой пришлось жить его племянницѣ, даетъ согласіе на бракъ Софьи съ Милономъ, считая послѣдняго человѣкомъ достойнымъ. Простакова, узнавъ, что она обманута, приходитъ въ ярость, задумываетъ увезти Софью и тайно обвѣн-

чать ее съ сыномъ. Но замыселъ не удается. Она взбѣшена пуще прежняго, злобу свою хочетъ выместить на своихъ дворовыхъ, не съумѣвшихъ ей помочь, но Правдинъ вступаетъ въ свои права, беретъ имѣніе въ опеку и лишаетъ помѣщицу власти. Простакова, видя, что всѣ ее оставили, бросается къ своему сыну, но тотъ ее отталкиваетъ, говоря: «Да отвяжись, матушка, какъ навязалась». «Комедія кончается словами Стародума: «Вотъ злонравія достойные плоды».

Главное дѣйствующее лицо комедіи помѣщица Простакова, страстно любящая своего сына Митрофанушку, но какою то неразумною животною любовью. Несмотря на зрѣлый возрастъ Митрофана, она считаетъ его ребенкомъ и готова *подраться* за него, не понимая, что баловство губитъ юношу. Г-жа Простакова повидимому заботится объ образованіи сына, но это дѣлается только по необходимости. Митрофанъ принадлежитъ къ числу недорослей, т. е. дворянскихъ дѣтей, которыя еще во времена Петра обязаны были учиться наукамъ, и въ противномъ случаѣ не могли ни поступать на службу, ни вступать въ бракъ. По смерти Петра издавалось нѣсколько указовъ по вопросу о дворянскихъ дѣтяхъ. Многіе помѣщики держали своихъ дѣтей дома и, стараясь отдалять срокъ службы, въ то же время мало заботились объ ихъ образованіи, и вотъ почему часто дѣти выходили недорослями въ умственномъ отношеніи, образецъ которыхъ типично представленъ въ лицѣ Митрофанушки. Г-жа Простакова говоритъ, что она готовитъ сына въ люди, но на ея языкѣ это понимается совершенно своеобразно. Въ разговорѣ съ Стародумомъ она высказываетъ мысль о томъ, что можно жить и безъ науки, причемъ указываетъ на своего родителя, который, не зная грамотѣ, пятнадцать лѣтъ былъ воеводою, и умѣлъ нажить достаточекъ безъ сомнѣнія путемъ взяточничества. Лежа на боку, добывать чины и наживать состояніе: вотъ, по понятію ея, цѣль жизни, къ которой долженъ стремиться и Митрофанушка. Въ лицѣ Простаковой авторъ представилъ типъ тогдашней помѣщицы и, въ этомъ отношеніи, совершенно согласно съ современною дѣйствительностью. Г-жа Простакова жестоко обращается съ своими слугами, бьетъ старуху Еремѣевну, холопски преданную своимъ господамъ, за то, что та, по ея мнѣнію, мало заботится о Митрофанушкѣ. Жестокое обращеніе съ крѣпостными встрѣчалось въ то время очень часто. Маіоръ Даниловъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что родственница его, ка-

кая-то Матрена Петровна, женщина необразованная, ханжа, очень любила щи съ бараниной и каждый разъ во время этого блюда приказывала положить духарку на полъ и бить ее нещадно батожьемъ, до тѣхъ поръ пока не съѣстъ щи. Въ этомъ отношеніи г-жа Простакова не отстала отъ Матрены Петровны, недаромъ Стародумъ называетъ ее презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье всему дому. Гуманныя идеи, высказанныя такъ ясно въ «Наказѣ», оставались мертвою буквою: дѣйствительность представляла другія картины, которыя, по своей безнравственности, возмущали людей мыслившихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти безотрадныя явленія коренились въ томъ невѣжествѣ, которое господствовало даже въ сердцѣ дворянскаго сословія. Воспитателями юношества являлись или прожектеры—иностранцы, въ родѣ Вральмана, который изъ кучеровъ поступилъ въ гувернеры, или же дидаскалы стариннаго покроя какъ Цифиркинъ и Кутейкинъ. Не всѣ иностранцы, конечно, были такими, какимъ изображенъ въ комедіи Вральманъ: но Фонъ-Визинъ отмѣтилъ въ этомъ лицѣ общее явленіе, которое было весьма возможно при современномъ состояніи русской образованности. Что касается до русскихъ педагоговъ, то сплошь и рядомъ это были или исключенные семинаристы, или же отставные солдаты, которые въ преподаваніи уроковъ искали средствъ, чтобы не умереть съ голоду. Домашнее образованіе современнаго подростающаго поколѣнія по большей части ограничивалось цыфирью, т. е. начальными правилами ариѳметики, да чтеніемъ часослова и изрѣдка псалтыря. Многіе изъ нашихъ писателей, какъ видно изъ ихъ біографіи, не миновали этой системы обученія, которая безъ сомнѣнія заставляла ихъ впослѣдствіи самостоятельно добиваться до пріобрѣтенія основательныхъ знаній по различнымъ отраслямъ науки. Лица комедіи могутъ быть раздѣлены на два рода: комическія и резонирующія. Въ первыхъ авторъ изобразилъ уродливыя явленія современной жизни:какъ-то, невѣжество и соединенную съ нимъ грубость, самодурство помѣщичьей власти и т. д.; во вторыхъ—выразилъ тѣ идеи, которыя были усвоены образованными людьми, и проводимы тогдашнимъ правительствомъ. Мораль всей комедіи главнымъ образомъ выражается въ словахъ Стародума, человѣка новыхъ воззрѣній, въ которыхъ высказывается и взглядъ самого автора. Стародумъ видитъ задачу воспитанія въ развитіи нравственныхъ качествъ «я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобъ

при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ занятій человѣческихъ — благонравіе. Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу». Обязанности каждаго гражданина, по словамъ Стародума, заключаются въ стремленіи приносить пользу отечеству и быть честнымъ; то же самое мы находимъ и въ «Наказѣ» Екатерины, который можетъ служить лучшимъ комментаріемъ къ комедіи «Недоросль». Стародумъ разсуждаетъ такъ, какъ разсуждали новые люди, и странно, что авторъ комедіи далъ ему такое названіе, которое скорѣе обличаетъ въ немъ человѣка, думающаго по старинному. Стародумъ указываетъ на воспитаніе своего отца при Петрѣ Великомъ, находитъ его достойнымъ и въ то же время презираетъ Простакову и другихъ, хотя эти лица развились подъ вліяніемъ старинныхъ нравовъ. Что касается до идей, проводимыхъ Стародумомъ, то онѣ явились плодомъ новой системы воззрѣній. Стародумъ не признаетъ уже крутыхъ и жестокихъ мѣръ въ воспитаніи, требуетъ отъ человѣка сознанія своихъ собственныхъ достоинствъ, безъ котораго онъ никогда не можетъ положить твердаго основанія своему счастію. Стародумъ это — самъ Фонъ Визинъ и тѣ изъ его современниковъ, взгляды и понятія которыхъ развились подъ вліяніемъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Въ комедіи «Недоросль» Фонъ Визинъ обратилъ вниманіе на отношенія матери къ сыну, которыя благодаря своей неправильности, влекутъ за собою дурныя послѣдствія для обоихъ. Митрофанъ не любитъ своей матери, онъ смотритъ на нее только какъ на такое существо, которое, владѣя силою матерьяльною, можетъ всегда удовлетворять его прихотямъ и глупымъ затѣямъ. Между матерью и сыномъ нѣтъ нравственной связи, что и привело къ трагической развязкѣ. Въ этомъ случаѣ Фонъ Визинъ отступилъ отъ обычая господствовавшаго въ современной комедіи, въ силу котораго требовалось провести всегда избитую тему: добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказывается. Развязка «Недоросля» не случайна, не присочинена по желанію автора, но вытекаетъ изъ того положенія, въ которое поставили себя главныя дѣйствующія лица. Въ «Недорослѣ» соблюдено отчасти единство, по крайней мѣрѣ по отношенію къ главному лицу комедіи, но во всякомъ случаѣ и это произведеніе Фонъ Визина далеко неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи, во-первыхъ, потому, что многія явленія не имѣ-

ютъ прямой связи съ ходомъ всей піэсы, замедляютъ дѣйствіе безконечными разговорами; во вторыхъ, потому, что въ изображеніи многихъ лицъ, напр., Скотинина, Вральмана и другихъ, допущена каррикатурность, уничтожающая естественность характера.

Изъ другихъ сочиненій Фонъ Визина пользовались извѣстностью: 1) Другъ честныхъ людей, или Стародумъ; 2) Всеобщая придворная грамматика, въ которой авторъ осмѣиваетъ нравы высшаго общества, 3) Письма изъ Италіи и Франціи и двѣ комедіи «Выборъ гувернера» и «Коріонъ». Послѣдняя піэса передѣлана изъ сочиненія Грессе «Сидней». Подъ названіемъ «Стародумъ» Ф. Визинъ намѣревался издавать періодическій журналъ, но это намѣреніе не осуществилось, остались только небольшія статьи въ формѣ переписки, въ которой авторъ осмѣиваетъ взглядъ невѣжественнаго помѣщика на званіе домашняго воспитателя. Письма Фонъ Визина, при всемъ отрицательномъ отношеніи автора къ французскимъ ученымъ, весьма интересны по своему содержанію, проникнуты остроуміемъ и веселостью. Всѣ сочиненія Фонъ Визина проникнуты сатирическимъ направленіемъ и при томъ касаются современныхъ вопросовъ жизни, что составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ литературной дѣятельности Фонъ Визина. Ф. Визинъ принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени, онъ искренно сочувствовалъ новому умственному движенію которое мало по малу проникало въ наше общество, и вполнѣ понималъ гуманныя стремленія императрицы Екатерины II, старался выражать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Что касается до языка сочиненій Фонъ Визина, то онъ безъ сомнѣнія значительно устарѣлъ для нашего времени, притомъ нерѣдко встрѣчается въ немъ употребленіе галлицизмовъ, которые входили въ нашу литературу подъ вліяніемъ господствовавшей въ ту эпоху французомaніи.

Подъ вліяніемъ сочиненій Фонъ Визина русская комедія стала чаще обращаться къ явленіямъ русской жизни и отрицательно относиться къ тому, что указывало на злоупотребленія или вообще на какіе бы то ни было недостатки. Въ этомъ отношеніи славилась въ свое время комедія Капниста «Ябеда». Вас. Вас. Капнистъ (1757 — 1824 г.) родился въ деревнѣ Обуховкѣ Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи. Очень рано потерявъ отца, онъ предоставленъ былъ самому себѣ, добивался образованія самостоятельнымъ путемъ и впослѣдствіи достигъ до того, что изучилъ основательно произведенія луч-

шихъ писателей древней и новой литературы. Въ литературѣ Капнистъ преимущественно извѣстенъ былъ своими одами, изъ которыхъ многія были переведены имъ изъ сочиненій латинскаго поэта Горація. Стихъ лирическихъ произведеній Капниста весьма легокъ по тому времени и по временамъ отличается необыкновенною простотою, какъ напр: въ стихотвореніи «Обуховка», гдѣ авторъ, подобно Державину, описалъ свои послѣдніе годы жизни въ деревнѣ. Комедія «Ябеда» представлена была въ 1798 году и встрѣчена публикою съ восторгомъ. Въ посвященіи комедіи императору Павлу, авторъ высказываетъ, что цѣлью его было обезславить лиходимство и ябеду, какъ весьма крупные общественные недостатки. Люди, изображенные въ комедіи, во всемъ нарушаютъ законъ и, обходя его, берутъ взятки безъ зазрѣнія совѣсти, протягиваютъ дѣло, чтобы только раззорить просителя и набить себѣ карманъ. Сохраняя всѣ обычныя черты тогдашней французской комедіи, піеса Капниста изображаетъ весьма вѣрно современную автору русскую жизнь. «Язвительная сатира, говоритъ г. Галаховъ, живые схваченные съ натуры характеры, сильные стихи долго удерживали эту комедію на сценѣ и сохраняютъ за ней и теперь право называться однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы».

Эпическая поэзія въ эпоху Екатерины II продолжала развиваться по тому направленію, которое возникло при Ломоносовѣ и нашло подражателя въ лицѣ Хераскова. Но, подъ вліяніемъ духа времени мало по малу ложноклассическій эпосъ сталъ принимать иное направленіе: въ него проникла та сатира и шутка, которыя составляютъ главную черту современной комедіи. Явились писатели, правда, не отказавшіеся отъ установленныхъ правилъ псевдоклассической піитики, но, во всякомъ случаѣ, чувствовавшіе ложность устарѣлой формы. Таковы были: В. Майковъ и И. Ѳ. Богдановичъ.

Василій Ивановичъ Майковъ родился въ 1728 году. Подробности о его дѣтствѣ неизвѣстны. Образованія онъ почти никакого не получилъ, незнакомъ былъ ни съ однимъ иностраннымъ языкомъ, что однакожъ не считалось въ то время необходимостью. Между тѣмъ, онъ постепенно знакомился съ тогдашними литературными кружками, слѣдилъ, на сколько возможно, за движеніемъ литературы и вообще самостоятельнымъ путемъ старался пріобрѣсти познанія, необходимыя для писателя. Майковъ очень любилъ театръ и написалъ нѣ-

сколько оригинальныхъ трагедій, слѣдуя въ этомъ случаѣ Сумарокову, котораго всѣ считали авторитетомъ въ области русской исторической драмы. Когда Новиковъ предпринялъ изданіе сатирическихъ журналовъ, Майковъ принималъ участіе въ нихъ наравнѣ съ другими литераторами, бывшими съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ большей части своихъ произведеній Майковъ слѣдовалъ тому направленію, которое положено было Ломоносовымъ. Основанія ложноклассической критики такъ утвердились въ литературѣ прошлаго вѣка, что противъ нихъ не высказывали сомнѣній даже умные и развитые люди. Оды Майкова построены по правиламъ школьной піитики; изображая Екатерину, поэтъ всегда представляетъ ее въ видѣ Минервы; русскія крестьянки являются у него нимфами. Миѳологическія украшенія встрѣчаются у него на каждомъ шагу; сравненіе доходитъ часто до самой неестественной гиперболы, столь любимой почти всѣми ложноклассическими писателями. Таковы и драматическія сочиненія Майкова. Сатирическій элементъ замѣтенъ въ его басняхъ, но болѣе всего въ герои-комической эпопеѣ «Елисей, или раздраженный Вакхъ». Содержаніе этой поэмы заимствовано изъ простонародной жизни, между тѣмъ авторъ старается придавать внѣшней формѣ всѣ особенности ложноклассическихъ поэмъ. Въ самомъ началѣ онъ обращается къ музѣ и затѣмъ къ сатирику Скаррону, котораго проситъ настроить балалайку на шутливый тонъ, чтобы воспѣть подвиги пьянаго ямщика Елисея, попадающаго въ концѣ поэмы въ солдаты. Поэма не лишена комизма, свойственнаго вообще пародіямъ; но этотъ комизмъ отличается часто скабрёзностью, которая должна быть чужда истинной поэзіи. Общество того времени далеко не было безукоризненно въ нравственномъ отношеніи, и поэма Майкова была по вкусу этому обществу, хотя критика, въ лицѣ извѣстнаго издателя сатирическихъ журналовъ, Чулкова и возстала противъ поэмы. Поэма Майкова выдержала нѣсколько изданій, что указываетъ конечно на сочувствіе къ ней тогдашней публики. Одновременно съ Майковымъ пользовался извѣстностью И. Ѳ. Богдановичъ, жившій съ 1743—1803 годъ. Пристрастившись къ театру и желая поступить на сцену, Богдановичъ отправился къ Хераскову, бывшему тогда директоромъ Московскаго театра, съ просьбою зачислить его въ число актеровъ. Херасковъ отговорилъ Богдановича (ему было тогда 15 лѣтъ), указывая, что для дворянина зва-

ніе актера неприлично и, оставивъ его у себя, помѣстилъ въ университетъ. Благодаря Хераскову, Богдановичъ скоро сблизился съ кружкомъ тогдашнихъ литераторовъ и мало по малу сталъ печатать свои мелкія стихотворенія, которыя однакожъ не обращали на себя особеннаго вниманія. Въ 1775 году появилась поэма Богдановича «Душенька», заимствованная имъ изъ повѣсти Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», основаніемъ которой послужилъ эпизодъ объ Амурѣ и Психеѣ, помѣщенный въ извѣстномъ романѣ латинскаго писателя Апулея «Золотой Оселъ», переведенномъ на русскій языкъ Костровымъ. Поэма Богдановича пользовалась большимъ вниманіемъ въ тогдашнемъ обществѣ, благодаря легкости изложенія и шутливому тону, хотя въ ней греческій миѳъ, исполненный серьезной мысли объ очищеніи души среди страданій, значительно искажается комизмомъ, котораго въ немъ вовсе нѣтъ. Успѣхъ поэмы объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ старался миѳологическіе факты передѣлывать на русскіе нравы, что тогда вообще нравилось. «Душенька» въ русскомъ сарафанѣ, по замѣчанію г. Галахова, казалась несравненно милѣе гречанки Психеи». Притомъ если сравнить современныя поэмы ложноклассическаго пошиба съ произведеніемъ Богдановича, то окажется значительная разница. Однообразіе ложноклассическихъ поэмъ, ихъ постоянно напыщенный слогъ стали уже надоѣдать читающему обществу, и понятно, что съ восторгомъ принималось всякое произведеніе, которое было чуждо условныхъ формъ, значительно сковывавшихъ воображеніе поэта.

Говоря объ эпической поэзіи эпохи Екатерины II, нельзя опустить дѣятельности Хемницера, одного изъ талантливыхъ русскихъ баснописцевъ. Басни Хемницера хотя и писаны уже значительно давно, но многія изъ нихъ, отличающіяся остротою и здравымъ смысломъ, не потеряли своего значенія и въ настоящее время. Хемницеръ (1744—1784) родился въ Астраханской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Енотаевскѣ; отецъ его выѣхалъ изъ Саксоніи и впослѣдствіи занималъ должность инспектора сухопутнаго военнаго госпиталя. Съ молодыхъ лѣтъ Хемницеръ служилъ въ военной службѣ, а потомъ перешелъ на службу въ горное вѣдомство, и въ концѣ 1776 года отправился за границу вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Соймоновымъ. Вернувшись изъ за границы Хемницеръ съ жаромъ принялся за литературу. Между тѣмъ бергъ-коллегія упразднилась и Хемни-

церъ долженъ былъ выйти въ отставку. Скоро, при помощи друга своего Львова, бывшаго въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Безбородко, ему удалось получить мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Пріѣхавъ въ далекій азіятскій городъ, Хемницеръ томился отъ скуки, скоро заболѣлъ и умеръ вдали отъ своей родины, разлученный съ своими друзьями. Памятникомъ его жизни въ Смирнѣ остались письма, которыя онъ писалъ своему другу Львову; въ нихъ онъ жалуется на тяготившее его одиночество, на свое плохое матерьяльное положеніе. Литературная дѣятельность Хемницера посвящена была баснѣ. Увлеченный примѣромъ Сумарокова и Капниста, онъ рѣшился писать въ сатирическомъ родѣ. Благодаря блестящему успѣху Лафонтена, басня въ то время получила право гражданства въ литературѣ наравнѣ съ одою, и вотъ почему многіе писатели посвящали себя этому роду поэзіи. Относительно содержанія, басни Хемницера могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: переводныя и оригинальныя. Изъ 91 басни переводныхъ 30, остальныя всѣ оригинальныя. Переводы Хемницера весьма близки къ подлиннику и только иногда, съ цѣлью придать легкость стиху, онъ пропускаетъ нѣкоторыя подробности оригинала. Что касается до оригинальныхъ басенъ, то онѣ написаны довольно легкимъ языкомъ по тому времени, исполнены живой сатиры и здраваго смысла, хотя и рѣдко касаются вопросовъ современной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательны басни: Метафизикъ, и Львиный поборъ. Въ первой баснѣ, извѣстной каждому, безъ сомнѣнія, осмѣяна та отвлеченная ученость, которая занесена была къ намъ извнѣ и взятая, можно сказать, на прокатъ, влекла за собою множество вредныхъ послѣдствій. Чтобы судить о слогѣ Хемницера, приводимъ здѣсь басню Львиный поборъ, гдѣ осмѣяно взяточничество и воровство.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
Не помню, право, я, за множествомъ, какихъ,
Опредѣленныхъ льву съ звѣринаго народа
(Такъ, какъ бы напримѣръ крестьянскій нашъ народъ
    Даетъ оброки на господъ)
И масло также шло для львина обихода.
А этотъ также сборъ, какъ всякій и другой,
    Имѣлъ приказъ особый свой,

Особыхъ и звѣрей, которыхъ выбирали,
Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать,
А сборщиковъ не мало было.
Да рѣчь и не о томъ; мнѣ хочется сказать
То, что при сборѣ томъ и какъ происходило:
Большая часть изъ нихъ, его передавая,
Катала въ лапахъ напередъ,
А масло вѣдь къ сухому льнетъ:
Такъ слѣдственно его не мало
Къ звѣринымъ лапамъ приставало;
И, царскимъ пользуясь добромъ,
Огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.
Однако какъ промежъ скотами,
Какъ и людскими тожъ душами,
Не всѣ бездѣльники, а знающіе честь
И совѣстныя души есть,
То эти въ лапахъ комъ не только не катали,
Но, сверхъ того, еще ихъ въ воду опускали,
Чтобъ масло передать по совѣсти своей.
Ну если бы честныхъ звѣрей
При сборѣ этомъ не сыскалось,
То сколько-бъ масла льву досталось?
Не знаю, такъ ли я на вкусъ людей судилъ;
Я льву, на жалобу объ этомъ, говорилъ:
«Гдѣ сборы,
Тамъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство».

Критика находила недостатки въ языкѣ басенъ Хемницера, но надо принять во вниманіе, что онъ началъ писать тогда, когда слогъ нашъ былъ вообще необработанъ. Разсказъ его басни ведется безъ всякой искусственности и всегда проникнутъ простодушіемъ, однимъ изъ существенныхъ свойствъ этого рода эпическихъ произведеній.

Въ эпоху Екатерины II сатирическое направленіе преобладало надъ другими. Оно же было господствующимъ и въ томъ отдѣлѣ литературы, который носитъ названіе журналистики. Благодаря непосредственному участію императрицы въ литературѣ, число періоди-

ческихъ изданій значительно увеличилось противъ прежняго. Разнообразіе статей того или другого журнала, ихъ доступность для массы содѣйствовали распространенію въ обществѣ литературнаго образованія: а чрезъ это увеличивали и число людей просвѣщенныхъ и положеніе писателя, какъ человѣка содѣйствующаго просвѣщенію, сдѣлалось болѣе уважительнымъ чѣмъ во времена Кантемира, часто касавшагося этого вопроса въ своихъ сатирахъ. Начало журнальной литературы относится къ времени царствованія Елизаветы Петровны. Профессоръ Миллеръ предпринялъ изданіе журнала подъ названіемъ «ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія». Академикъ Миллеръ (1705—1783) вызванный изъ Лейпцига при учрежденіи Академіи Наукъ въ Петербургѣ, былъ профессоромъ исторіи и извѣстенъ какъ авторъ многочисленныхъ ученыхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются различныхъ вопросовъ русской исторіи. Цѣль періодическаго изданія какъ видно изъ его названія была двоякая. Издатель съ одной стороны имѣлъ въ виду распространить въ обществѣ научныя свѣдѣнія, съ другой дать образцы легкаго чтенія, котораго у насъ до того и не существовало и такимъ образомъ журналъ заключалъ въ себѣ два отдѣла: ученый и литературный. Издатель заботился о томъ, чтобы статьи какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію были доступны большинству читателей, и въ этомъ случаѣ журналъ достигалъ своей цѣли: онъ пользовался большимъ успѣхомъ и вызвалъ собою другихъ дѣятелей на поприщѣ журналистики. Ученый отдѣлъ состоялъ изъ статей, принадлежавшихъ самому издателю. Такъ онъ напечаталъ здѣсь свои историческія монографіи. «Отдѣлъ такъ называемой беллетристики заключалъ себѣ рядъ повѣстей дидактическаго направленія, которое господствовало въ то время и въ западноевропейской литературѣ. Журналъ Миллера возлуждалъ такимъ образомъ стремленія къ литературѣ насколько было возможно при тѣхъ средствахъ, которыя существовали у насъ. Лучшіе писатели той эпохи, сочувствуя вообще просвѣтительнымъ цѣлямъ литературы, принимали участіе въ новомъ періодическомъ изданіи и тѣмъ самымъ содѣйствовали разнообразію матерьяла, всегда привлекающему большое число читателей. По слѣдамъ Миллера пошелъ уже извѣстный намъ писатель Сумароковъ: въ 1759 году онъ началъ издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Трудолюбивая Пчела». Издатель не имѣлъ почти сотрудни-

ковъ, и потому принужденъ былъ наполнять журналъ собственными статьями, болѣе или менѣе однообразными по своему содержанію, что разумѣется не могло возбуждать интереса въ читателяхъ и содѣйствовало кратковременному существованію журнала (Трудолюбивая пчела издавалась только одинъ годъ).

Усиленное развитіе журнальной литературы относится собственно къ 1769 году, когда появилось самое большое число періодическихъ изданій. Вотъ названія нѣкоторыхъ: Всякая всячина, И то и се, Ни то ни се, Полезное съ пріятнымъ, Адская почта, Трутень, Живописецъ, Смѣсь и другія. Реформы Екатерины II открыли очень много злоупотребленій коренившихся издавна въ русской жизни и потому всѣ просвѣщенные люди невольно должны были обратить вниманіе на эти злоупотребленія и обличать путемъ литературы. Всѣ журналы получили сатирическое направленіе и осмѣивая въ различныхъ формахъ общественные пороки, указывали этимъ и на тотъ идеалъ, къ которому вела западноевропейская цивилизація въ лицѣ лучшихъ ея представителей. Предметы журнальной сатиры были тѣ же, какіе мы видѣли въ комедіяхъ Ф. Визина и у другихъ современныхъ писателей. Роскошь высшаго общества, его рабское поклоненіе французской модѣ, вредъ французскаго воспитанія для русскаго юношества, злоупотребленія помѣщичьей власти и бѣдственное положеніе низшаго класса—вотъ главнѣйшіе мотивы, которые развивали журналы прошлаго столѣтія. Лучшими журналами были Трутень и Живописецъ принадлежавшіе Новикову. Личность Новикова играетъ значительную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, и потому мы должны остановиться на ней. Николай Ивановичъ Новиковъ родился въ 1744 году въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи въ селѣ Тихвинскомъ. О воспитаніи его и вообще о юношескихъ годахъ его жизни мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. На 25 году жизни Новиковъ вступаетъ на литературное поприще и своими сатирическими изданіями пріобрѣтаетъ всеобщую извѣстность. Успѣхъ «Живописца» изданнаго въ прошломъ столѣтіи пять разъ доказываетъ несомнѣнное достоинство этого журнала и потребность къ изученію дѣйствительности, развивающуюся въ нашемъ обществѣ. Уже въ этомъ изданіи Новиковъ проводитъ тѣ мысли, которымъ онъ посвятилъ себя всецѣло впослѣдствіи какъ представитель русскаго масонскаго общества. Одновременно съ журналами Новиковъ издалъ

сначала сборникъ «Древняя Россійская Вивліоѳика», собраніе памятниковъ древней письменности, а потомъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», гдѣ помѣстилъ біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, труды которыхъ остались бы неизвѣстны. Какъ въ этихъ изданіяхъ, такъ и во всемъ, что было сдѣлано имъ, Новиковъ руководился единственнымъ и безкорыстнымъ желаніемъ принести посильную пользу отечеству, содѣйствовать просвѣщенію нашего общества. Въ 1779 году Новиковъ переселился въ Москву и, взявъ на откупъ университетскую типографію, исключительно посвятилъ себя издательской дѣятельности. Въ Москвѣ онъ вошелъ въ близкія сношенія съ професоромъ университета Шварцомъ, возвышенный характеръ и обширныя познанія котораго могли значительно облегчать выполненія стремленій и труды Новикова. Новиковъ и Шварцъ сдѣлались одними изъ дѣятельныхъ членовъ вновь основавшагося масонскаго общества. Масонъ значитъ каменьщикъ. Такое названіе присвоили себѣ члены западноевропейскихъ обществъ, задача которыхъ состояла въ распространеніи филантропическихъ стремленій въ народѣ. Ихъ называли иначе мистиками, такъ какъ ихъ ученіе отличалось мистицизмомъ, т. е. стремленіемъ во всемъ видѣть таинственный смыслъ. Дѣятельность масоновъ на Западѣ оказывала благодѣтельное вліяніе, какъ противодѣйствіе матерьялизму французской философіи, ученіе которой часто вредно отражалось на общественной нравственности. Русскія масонскія общества, заимствуя съ Запада всю обрядовую сторону, преслѣдовали нѣсколько иныя цѣли: они исключительно обратили свое вниманіе на распространеніе просвѣщенія, на улучшеніе быта низшаго класса путемъ учрежденія филантропическихъ заведеній: богадѣленъ, больницъ, аптекъ, а также путемъ открытія общедоступныхъ библіотекъ и изданія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Безъ сомнѣнія и въ нашемъ обществѣ было много людей, которые, заимствуя безъ всякой критики идеи энциклопедистовъ, позволяли себѣ впадать въ грубый матерьялизмъ. Русскіе масоны старались противодѣйствовать этому, но эта цѣль не была главною въ дѣятельности Новикова и его послѣдователей. Стараніями Новикова и Шварца въ Москвѣ было открыто Дружеское ученое общество, съ цѣлью приводить въ исполненіе гуманныя стремленія масоновъ. Общество поставило задачею: во 1) распространять въ публикѣ правила истиннаго воспитанія;

2) приготовлять русскихъ наставниковъ; 3) издавать духовныя книги, въ которыхъ разъясняются нравственныя и евангельскія истины. По смерти Шварца, въ 1783 году, горько оплаканной всѣми его московскими друзьями, Новиковъ единогласно былъ признанъ главою московскихъ масоновъ и на другой же годъ учредилъ такъ называемую «Типографическую Компанію», или общество съ цѣлью открыть нѣсколько типографій въ столицѣ и въ провинціальныхъ городахъ и тѣмъ самымъ распространить просвѣщеніе, сдѣлать его доступнымъ массѣ. Въ числѣ членовъ масонскаго общества было много вліятельныхъ и богатыхъ людей, которые, сочувствуя полезнымъ трудамъ Новикова, не жалѣли своихъ средствъ и всѣми силами старались осуществлять намѣренія, положенныя въ основаніе ученія мистиковъ. Нельзя не вспомнить здѣсь Г. М. Походяшина, который, присутствуя на засѣданіи масонскаго общества по случаю бывшаго тогда голода въ Москвѣ, такъ растроганъ былъ рѣчью Новикова, что пожертвовалъ все свое громадное состояніе въ пользу общества. Походяшинъ благоговѣлъ передъ Новиковымъ и, разорившись добровольно, умеръ въ крайней бѣдности. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, западноевропейскія масонскія общества стали получать политическій характеръ, и такъ какъ русскіе масоны находились въ сношеніяхъ съ западными, то правительство стало относиться подозрительно къ дѣятельности Новикова и его сотоварищей, хотя эти послѣдніе никогда не касались никакихъ политическихъ вопросовъ, ограничиваясь исключительно филантропическими цѣлями. Екатерина II, воспитавшись на философіи французскихъ энциклопедистовъ, вообще несочувственно относилась къ символическому и таинственному ученію масоновъ, хотя и не препятствовала ихъ несомнѣнно полезной дѣятельности. Революціонныя стремленія во Франціи заставили ее пріостановить дѣйствія русскихъ масонскихъ обществъ. Новиковъ послѣ довольно продолжительнаго слѣдствія, несмотря на благопріятный отзывъ митрополита Платона о книгахъ, изданныхъ масонскимъ обществомъ, былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича, Новиковъ былъ освобожденъ и получилъ обратно имѣніе, взятое въ приказъ общественнаго призрѣнія. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двадцатитрехъ лѣтъ Новиковъ прожилъ въ своемъ имѣніи, не появляясь уже болѣе на литературномъ поприщѣ и скончался въ 1818 году на

74 году отъ рожденія. Сатирическіе журналы Новикова были лучшими періодическими изданіями прошлаго вѣка какъ по разнообразію матерьяла, излагавшагося всегда въ доступной формѣ, такъ и по мѣткости сатиры. Прежде всего Новиковъ нападаетъ на отсутствіе просвѣщенія, на презрительное отношеніе къ наукѣ. По мнѣнію сатирика, такое отношеніе объясняется съ одной стороны желаніемъ видѣть въ наукѣ источникъ для удовлетворенія чисто матерьальныхъ потребностей, съ другой—пристрастіемъ къ внѣшнимъ сторонамъ европейской цивилизаціи, при которомъ считались излишними серьезныя познанія. Имѣя въ виду смягчить нравы общества и водворить въ немъ гуманныя идеи западныхъ мыслителей, въ силу которыхъ человѣческія достоинства признавались за каждымъ, Новиковъ строго обличалъ вельможъ, гордившихся своимъ родомъ, а не личными заслугами, и проводилъ ту мысль, что честный трудъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, достоинъ полнаго уваженія. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ обращалъ на себя особенное вниманіе Новикова; говоря о немъ въ своихъ журналахъ, издатель чрезъ это придавалъ этимъ послѣднимъ важное общественное значеніе, и въ этомъ отношеніи его журналы далеко опередили современныя имъ періодическія изданія, принадлежавшія другимъ издателямъ. Рисуя картины нравственнаго и матерьальнаго состоянія крестьянъ, Новиковъ является представителемъ гуманизма и отрицателемъ крѣпостнаго права, противъ котораго рѣшались писать весьма не многіе изъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ (Карамзинскій).

Сантиментальные романы западноевропейской литературы. — Карамзинъ, его жизнь и сочиненія. — Драматическая поэзія: трагедіи Озерова. — Сантиментальная лирика: Дмитріевъ, Мерзляковъ и Нелединскій-Мелецкій. — Путешественники и беллетристы. — Романтизмъ и поэтическая дѣятельность Жуковскаго. — Вліяніе классической поэзіи: Батюшковъ и Гнѣдичъ. — Переходъ отъ романтизма къ изображенію русской жизни. — Басни Крылова, Грибоѣдовъ и его комедія «Горе отъ Ума».

Въ то время, когда въ русской литературѣ классицизмъ проникъ во всѣ роды поэзіи, въ Англіи появились произведенія Ричардсона, Фильдинга и Стерна, положившія начало новому направленію, перешедшему потомъ въ литературу другихъ государствъ. Новое направленіе выражалось преимущественно въ формѣ романа и состояло въ томъ, что писатели стали изображать сюжеты изъ обыденной жизни, обращая вниманіе на развитіе внутреннихъ чувствъ героевъ и героинь. Такое направленіе получило названіе сантиментальности или чувствительности. Романъ Ричардсона «Кларисса», изображающій судьбу несчастной дѣвушки, ~~обманутой~~ Ловеласомъ, Путешествіе по Франціи и Италіи Стерна, Векфильдскій Священникъ, романъ Гольдсмита,—и другія произведенія въ новомъ родѣ были переводимы на иностранные языки и оказывали довольно значительное вліяніе на судьбу псевдоклассицизма, формы котораго казались уже уродливыми и несогласными съ дѣйствительностью. Романъ «Кларисса Гарловъ», состоящій изъ 8 томовъ, изображаетъ семейную жизнь, современную автору. Все содержаніе построено на борьбѣ героини съ одной стороны съ деспотизмомъ семейнымъ, съ другой съ тѣми обстоятельствами, которыя возникли въ жизни Клариссы вслѣдствіе любви ея къ

развратному джентльмену Ловеласу, Донъ-Жуану, выросшему на англійской почвѣ. До какой степени сильно было впечатлѣніе, произведенное романомъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ французскаго писателя Дидро, написанныхъ по поводу смерти Ричардсона: «О Ричардсонъ! геній, передъ которымъ я благоговѣю, я никогда не перестану читать твоихъ твореній! Если друзья мои попадутъ въ нужду, если дѣти мои будутъ въ опасности лишиться воспитанія, я продамъ мои книги, но ты у меня останешься вмѣстѣ съ Гомеромъ, Софокломъ и Эврипидомъ, и я стану читать васъ по очереди. О, Ричардсонъ! я могу сказать одно: самая непристрастная исторія полна лжи, а твои романы наполнены истиною; исторія изображаетъ отдѣльныя лица, ты описываешь родъ человѣческій! Часто исторія становится презрѣннымъ романомъ, а подъ твоимъ перомъ романъ выходитъ выше исторіи! Живописецъ природы, — ты не умѣешь лгать». Такъ восхищались современники Ричардсона, не замѣчая, конечно, недостатковъ его произведеній, которые заключались въ преувеличенности изображаемаго чувства, въ стремленіи морализировать молодое поколѣніе путемъ идеализаціи добродѣтельныхъ лицъ, иногда лишенныхъ человѣческаго образа.

Русская литература шла по слѣдамъ европейской. Карамзинъ внесъ къ намъ новое направленіе и тѣмъ навсегда освободилъ нашу литературу отъ оковъ ложно-классической теоріи, искорененіе которой происходило, конечно, постепенно. Карамзинъ былъ первымъ писателемъ, посвятившимъ себя исключительно литературной дѣятельности и, введя новое направленіе въ связи съ преобразованіемъ языка, по справедливости является родоначальникомъ новаго періода, вызвавшаго къ дѣятельности многихъ писателей.

Н. М. Карамзинъ родился въ 1766 году въ Симбирскѣ и довольно рано лишился матери, на что онъ и намекаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Еще въ періодъ дѣтства Карамзинъ читалъ сентиментальные романы, которые развивали его природную чувствительность, отразившуюся впослѣдствіи и на его собственныхъ сочиненіяхъ. На 14 году Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и помѣщенъ въ пансіонъ Шадена, профессора университета. Здѣсь Карамзинъ хорошо изучилъ французскій и нѣмецкій языки, прочелъ много книгъ, которыя доставлялъ ему самъ Шаденъ, скоро сталъ посѣщать университетскія лекціи и думалъ по окончаніи курса отпра-

виться въ Лейпцигъ, чтобы довершить тамъ свое образованіе. Еще во время пансіонской жизни Карамзинъ обнаруживалъ большую любознательность къ наукамъ и страсть къ изученію иностранныхъ языковъ, которыми онъ овладѣлъ въ совершенствѣ, благодаря тому, что Шаденъ, особенно полюбившій Карамзина, водилъ его къ знакомымъ иностранцамъ, гдѣ онъ могъ упражняться въ разговорахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Путешествіе за границу было завѣтною мечтою Карамзина, но обстоятельства замедлили ея исполненіе. Переселившись въ Петербургъ, Карамзинъ вступилъ въ военную службу, но черезъ годъ по случаю смерти отца вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину въ Симбирскъ. Оттуда, по настоянію Тургенева, пріѣхавшаго въ Симбирскъ по дѣламъ масонскаго общества, Карамзинъ снова вернулся въ Москву и, сблизившись съ Новиковымъ и его последователями, сталъ заниматься переводами для журнала «Дѣтское Чтеніе», который выходилъ подъ редакціею Новикова. Будучи членомъ Дружескаго ученаго общества, Карамзинъ сблизился съ Петровымъ, который, какъ человѣкъ даровитый, сообщалъ ему много дѣльныхъ свѣдѣній относительно литературы. Петровъ, хотя и не писалъ ничего оригинальнаго, но отличался необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Всѣ его труды состояли изъ переводовъ. Карамзинъ горько оплакалъ смерть Петрова, умершаго довольно рано въ своей небольшой статейкѣ «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона». Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу, объѣхалъ значительную часть Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, и вездѣ, интересуясь людьми европейской цивилизаціи, дѣлалъ о ней свои замѣтки, которыя впослѣдствіи и напечаталъ подъ названіемъ «Письма русскаго путешественника». Для всѣхъ писателей прошлаго вѣка литература не составляла единственнаго занятія: всѣ они состояли на государственной службѣ и литературѣ посвящали только свои часы досуга. Вернувшись на родину, Карамзинъ отнесся къ своему занятію съ убѣжденіемъ въ томъ, что литература имѣетъ громадную пользу какъ для просвѣщенія, и потому рѣшился исключительно посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать «Московскій Журналъ», въ которомъ и помѣщалъ свои письма, повѣсти и другія сочиненія; затѣмъ издалъ нѣсколько литературныхъ сборниковъ подъ названіями «Аглая», «Аониды» и т. д., въ которыхъ помѣщены были нѣкоторыя его разсужде-

ній, какъ напр. Нѣчто о наукахъ и искусствахъ, Разговоръ о счастіи и друг. Въ разсужденіяхъ Карамзинъ является проповѣдникомъ той мысли, что литература и наука возвышаютъ нравственную природу человѣка и развиваютъ его умъ. Писатель, по его мнѣнію, долженъ стремиться ко всеобщему благу, а для этого ему необходимо обладать нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ, которое всегда внушитъ ему сочувствіе къ страданіямъ и бѣдствіямъ людей. Искренность и чувствительность это неотъемлемыя достоинства писателя, съ ними только онъ можетъ собирать благословенія народовъ, несмотря на свои заблужденія. Карамзинъ указываетъ при этомъ на одного изъ любимыхъ авторовъ, — Жанъ-Жака Руссо, гуманныя идеи котораго распространялись тогда повсюду. Вопросъ о наукѣ и ея вліяніи на нравственную природу человѣка составляетъ сущность разсужденія Карамзина «Нѣчто о наукахъ», написаннаго въ опроверженіе идеи Руссо о вредномъ вліяніи науки на нравственность.—Первый періодъ дѣятельности Карамзина отличается преимущественно литературнымъ характеромъ, но затѣмъ, замѣчаемъ мы поворотъ къ другому направленію. Въ 1802 году онъ приступаетъ къ изданію журнала «Вѣстникъ Европы», въ которомъ главное мѣсто занимаетъ политическій отдѣлъ. Первые годы эпохи Александра I составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи русской жизни, правительство обратилось къ осуществленію благодѣтельныхъ реформъ относительно просвѣщенія, издало новый планъ народнаго образованія, и предоставило литературнымъ дѣятелямъ большую свободу слова. Все это, конечно, не могло не повліять на представителей тогдашней литературы. Карамзинъ является защитникомъ реформъ, прославляетъ благодѣтельное царствованіе Александра I, пишетъ рядъ статей, содержаніе которыхъ отличается уже общественнымъ характеромъ. Отъ разбора современныхъ явленій Карамзинъ постепенно переходитъ къ изученію прошедшаго русской жизни и наконецъ, покидая окончательно дѣятельность журналиста, пишетъ «Исторію Государства Россійскаго», трудъ, заслуживающій уваженія какъ по своему внутреннему значенію, такъ и по объему. Всѣ остальные годы жизни Карамзина посвящены были Исторіи; онъ работалъ съ утра до ночи, собиралъ массу историческаго матерьяла, о которомъ не вѣдали его предшественники на поприщѣ исторической науки; и, приведя все это въ систему, первый разъ ознакомилъ русское общество съ отече-

ствомъ, до того неизвѣстнымъ ему, такъ что совершенно справедливо мнѣніе Пушкина, что Карамзинъ открылъ русскую исторію какъ Колумбъ Америку. Когда было изготовленно 8 томовъ исторіи, Карамзинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для ходатайства разрѣшенія государя отпечатать свой трудъ и суммы необходимой на это дѣло. Въ Петербургѣ Карамзинъ радушно былъ принятъ въ высшемъ обществѣ, обласканъ членами царской фамиліи и, по содѣйствію графа Аракчеева, одного изъ вліятельныхъ лицъ того времени, добился свиданія съ самимъ императоромъ. Въ 1818 году Карамзинъ поднесъ императору полный экземпляръ своей Исторіи государства Россійскаго, и остальныя 8 лѣтъ жизни занимался продолженіемъ труда, который намѣревался довести до современнаго ему царствованія. Но судьба поступила иначе: 22 мая 1826 года Карамзинъ умеръ отъ изнуренія силъ и схороненъ въ Александроневской Лаврѣ.

Литературная дѣятельность Карамзина началась переводами съ иностранныхъ языковъ. Переводы эти безъ сомнѣнія не имѣютъ важнаго значенія въ дѣятельности Карамзина, но они указываютъ, что этотъ писатель уже въ очень молодыхъ годахъ интересовался литературными и педагогическими вопросами и старался объ улучшеніи нашего литературнаго языка. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать Московскій журналъ и, кромѣ собственныхъ сочиненій, помѣщалъ произведенія извѣстныхъ тогда писателей Державина, Дмитріева, Хемницера и др.. Сантиментальное направленіе, возникшее въ западноевропейской литературѣ, нашло подражателя въ лицѣ Карамзина и выразилось въ письмахъ и въ повѣстяхъ. Изображеніе внутреннихъ сторонъ человѣка безъ всякаго отношенія къ условіямъ жизни вотъ сущность сантиментализма. Но не въ одномъ этомъ выражается самое направленіе литературы, внесенное Карамзинымъ. Чувство свойственно человѣку, но въ произведеніяхъ новой школы оно доводится до неестественныхъ предѣловъ, обращается въ чувствительность, которая часто ставитъ человѣка въ противорѣчіе съ законами разумной дѣйствительности. Прежде всего эта чувствительность отразилась въ письмахъ русскаго путешественника. Заключая въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о жизни и литературѣ западной Европы, впервые заявленныхъ въ Россіи, это произведеніе Карамзина носитъ на себѣ отпечатокъ сантиментализма. Подъ вліяніемъ

чувствительности, путешественникъ часто слишкомъ подробно выражаетъ свои впечатлѣнія и останавливаясь на нихъ, мало знакомитъ съ подробностями быта описываемой мѣстности. Неестественность чувства доводится иногда до такихъ размѣровъ, что описаніе, имъ проникнутое, идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Описывая состояніе Саксоніи въ концѣ прошлаго столѣтія, Карамзинъ въ громкихъ восклицаніяхъ говоритъ о счастіи и благоденствіи мирныхъ поселянъ, причемъ изображаетъ и порханіе птичекъ, которыя, плавая въ воздухѣ, знаменуютъ для него веселье и безпечность. Такая картина совершенно несогласна съ дѣйствительностью; изъ исторіи извѣстно, что жители Саксоніи въ то время находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи; разоренные войной и обремененные налогами, они едвали могли наслаждаться мирнымъ семейнымъ счастьемъ, на которое указываетъ путешественникъ. Карамзинъ, какъ видно, мало интересовался самою жизнью западноевропейскихъ государствъ и все свое вниманіе обратилъ на вопросы науки и литературы. Онъ подробно описываетъ германскихъ ученыхъ и писателей, сообщаетъ свои разговоры съ ними, присутствуетъ на лекціяхъ профессоровъ и помѣщаетъ въ запискахъ краткія изъ нихъ извлеченія. Такимъ образомъ, интересы просвѣщенія стоятъ на первомъ планѣ въ письмахъ русскаго путешественника. Но и тутъ чувствительность автора оказала вліяніе на его взгляды. Карамзинъ, описывая поэтическими красками величественныя картины Швейцаріи и восторгаясь свободою, которою пользуются жители ея, мечтаетъ о первобытной жизни и готовъ отказаться отъ всѣхъ плодовъ и удобствъ цивилизаціи, чтобы снова погрузиться въ тихую жизнь первобытнаго человѣка. Очевидно, что представители сантиментализма слишкомъ идеализировали первобытное состояніе человѣка и незнакомы были съ жизнью дикарей, напоминающею намъ эпоху первоначальнаго человѣческаго быта. Недостатки писемъ, объясняющіеся сантиментальнымъ направленіемъ, выкупаются однакожъ съ одной стороны достоинствами новаго слога, съ другой — тѣмъ, что авторъ выразилъ во многихъ мѣстахъ новыя мысли относительно нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ и такимъ образомъ явился передовымъ человѣкомъ своего времени. Мы знаемъ, что драматическая поэзія прошлаго вѣка развивалась по тому пути, который указанъ былъ ложноклассицизмомъ французскихъ образцовъ. Тогдашняя критика и даже такіе передо-

ними людьми; нашъ Карамзинъ съ предубѣжденіемъ относился къ Шекспиру и его трагедіямъ, между тѣмъ какъ послѣднія навсегда остались образцовыми произведеніями. Знаменитый нѣмецкій писатель Лессингъ первый оцѣнилъ шекспировскую трагедію. Карамзинъ, хорошо знакомый съ произведеніями нѣмецкаго критика, сочувственно отнесся къ трагедіямъ Шекспира и высказалъ свой взглядъ на нихъ въ письмахъ. По его мнѣнію, хотя французская трагедія величественна, но она не производитъ такого впечатлѣнія на душу, какъ безсмертныя творенія англійскаго драматурга, одареннаго неистощимымъ и неподражаемымъ воображеніемъ.

Изъ повѣстей Карамзина особенно извѣстны были: 1) Бѣдная Лиза и 2) Наталья боярская дочь. Бѣдная Лиза была попыткой создать повѣсть изъ русской жизни, но попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Хотя дѣйствіе повѣсти происходитъ въ окрестностяхъ Москвы, имена лицъ русскія, но въ повѣсти нѣтъ ни намека на русскую жизнь. Главное вниманіе обращается на судьбу бѣдной дѣвушки, погибающей отъ неудовлетворенной любви къ барину, сюжетъ сходный съ тѣмъ, который мы видѣли въ романѣ Ричардсона. Изображая чувствительную крестьянку, авторъ совершенно оставилъ въ сторонѣ тѣ условія жизни, безъ которыхъ немыслимо представленіе человѣка, какъ продукта извѣстнаго времени и мѣста. Впрочемъ это и нетребовалось французскими писателями Мармонтелемъ и другими, которымъ въ этомъ случаѣ рабски подражалъ Карамзинъ. Общество современное отнеслось къ повѣсти Карамзина, молодежь и въ особенности барышни по нѣскольку разъ перечитывали повѣсть, и такъ тронуты были печальной судьбой Лизы, что ходили на тотъ прудъ, въ который она бросилась, только оплакивали обманутую любовь и проклинали жестокаго измѣнника. Другая повѣсть касается прошлой русской жизни. Вмѣстѣ и здѣсь сантиментальное направленіе Карамзина нарушило историческую дѣйствительность; лица, въ ней изображенныя, не заключаютъ въ себѣ и намека на характеръ; но, несмотря на это, повѣсть имѣла успѣхъ, такъ какъ въ тогдашней литературѣ не существовало строгой критики, основанной на подробномъ анализѣ сочиненія. Сантиментализмъ, столь любимый тогдашнимъ обществомъ, живое изложеніе, новый литературный слогъ значительно выкупали недостатки внутренней стороны повѣсти.

По прекращеніи Московскаго журнала, Карамзинъ, какъ намъ из-

вѣстно, сталъ издавать отдѣльные сборники. Въ первомъ изъ нихъ «Аглая» особеннаго вниманія заслуживаетъ статья «Нѣчто о наукахъ». При всемъ уваженіи къ Руссо, Карамзинъ отнесся отрицательно къ основной идеѣ его разсужденія о вредномъ вліяніи науки на нравственность. Русскіе просвѣщенные люди очень хорошо понимали, что наука въ ихъ отечествѣ весьма мало развита, поэтому идеи Руссо могли имѣть вредное вліяніе на русское общество, столь падкое вообще на все то, что появляется заграницей. Статья Руссо тѣмъ болѣе требовала опроверженія, что она написана была увлекательнымъ слогомъ, свойственнымъ вообще этому писателю, и ея парадоксы доказывались съ необыкновенною діалектическою тонкостью. Карамзинъ находитъ, что ложность взгляда Руссо прежде всего произошла отъ невѣрнаго опредѣленія самой науки, и отъ заранѣе взятой мысли бранить ученость и просвѣщеніе. Если общественная нравственность XVIII столѣтія не можетъ хвалиться безукоризненностью, то въ этомъ виновато не просвѣщеніе, а ложное направленіе, которое оно приняло подъ вліяніемъ отрицательныхъ ученій французскихъ мыслителей. — Въ сборникѣ «Аониды» Карамзинъ помѣстилъ цѣлый рядъ стихотвореній, но они не имѣютъ поэтическаго значенія, такъ какъ Карамзинъ не былъ поэтомъ. Къ этому же періоду дѣятельности Карамзина относятся «Пантеонъ иностранной словесности» и «Разговоръ о счастіи». Пантеонъ былъ собраніемъ прежнихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ, и, состоя изъ трехъ томовъ, заключаетъ въ себѣ разнообразныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія, выписки изъ древнихъ классиковъ, извѣстія о современныхъ литературныхъ знаменитостяхъ. Сборникъ Карамзина издавался нѣсколько разъ. Въ послѣднемъ сочиненіи авторъ доказываетъ мысль о возможности счастья при всѣхъ условіяхъ жизни, такъ какъ оно, по его мнѣнію, состоитъ въ правильномъ употребленіи физическихъ и духовныхъ силъ. Быть счастливымъ — значитъ быть добрымъ, вѣрно исполнять естественные мудрые законы, основанные на общемъ добрѣ. Во всей своей литературной дѣятельности Карамзинъ является представителемъ оптимизма, т. е. той школы философіи, которая признаетъ, что все въ мірѣ благо, все устроено къ наилучшему концу.

Со вступленія на престолъ императора Александра I, дѣятельность Карамзина получаетъ другое направленіе. Отъ вопросовъ ли-

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ (Карамзинскій).

Сантиментальные романы западноевропейской литературы. — Карамзинъ, его жизнь и сочиненія.—Драматическая поэзія: трагедіи Озерова.—Сантиментальная лирика: Дмитріевъ, Мерзляковъ и Нелединскій-Мелецкій. — Путешественники и беллетристы. — Романтизмъ и поэтическая дѣятельность Жуковскаго. — Вліяніе классической поэзіи: Батюшковъ и Гнѣдичъ.—Переходъ отъ романтизма къ изображенію русской жизни.—Басни Крылова, Грибоѣдовъ и его комедія «Горе отъ Ума».

Въ то время, когда въ русской литературѣ классицизмъ проникъ во всѣ роды поэзіи, въ Англіи появились произведенія Ричардсона, Фильдинга и Стерна, положившія начало новому направленію, перешедшему потомъ въ литературу другихъ государствъ. Новое направленіе выражалось преимущественно въ формѣ романа и состояло въ томъ, что писатели стали изображать сюжеты изъ обыденной жизни, обращая вниманіе на развитіе внутреннихъ чувствъ героевъ и героинь. Такое направленіе получило названіе сантиментальности или чувствительности. Романъ Ричардсона «Кларисса», изображающій судьбу несчастной дѣвушки, обманутой Ловеласомъ, Путешествіе по Франціи и Италіи Стерна, Векфильдскій Священникъ, романъ Гольдсмита,—и другія произведенія въ новомъ родѣ были переводимы на иностранные языки и оказывали довольно значительное вліяніе на судьбу псевдоклассицизма, формы котораго казались уже уродливыми и несогласными съ дѣйствительностью. Романъ «Кларисса Гарловъ», состоящій изъ 8 томовъ, изображаетъ семейную жизнь, современную автору. Все содержаніе построено на борьбѣ героини съ одной стороны съ деспотизмомъ семейнымъ, съ другой съ тѣми обстоятельствами, которыя возникли въ жизни Клариссы вслѣдствіе любви ея къ

развратному джентльмену Ловеласу, Донъ-Жуану, выросшему на англійской почвѣ. До какой степени сильно было впечатлѣніе, произведенное романомъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ французскаго писателя Дидро, написанныхъ по поводу смерти Ричардсона: «О Ричардсонъ! геній, передъ которымъ я благоговѣю, я никогда не перестану читать твоихъ твореній! Если друзья мои попадутъ въ нужду, если дѣти мои будутъ въ опасности лишиться воспитанія, я продамъ мои книги, но ты у меня останешься вмѣстѣ съ Гомеромъ, Софокломъ и Еврипидомъ, и я стану читать васъ по очереди. О Ричардсонъ! я могу сказать одно: самая безпристрастная исторія полна лжи, а твои романы наполнены истинами; исторія изображаетъ отдѣльныя лица, ты описываешь родъ человѣческій! Часто исторія становится презрѣннымъ романомъ, а подъ твоимъ перомъ романъ восходитъ выше исторіи. Живописецъ природы, ты не умѣешь лгать». Такъ восхищались современники Ричардсона, не замѣчая, конечно, недостатковъ его произведеній, которые заключались въ преувеличенности изображаемаго чувства, въ стремленіи морализировать молодое поколѣніе путемъ идеализаціи добродѣтельныхъ лицъ, иногда лишенныхъ человѣческаго образа.

Русская литература шла по слѣдамъ европейской. Карамзинъ внесъ къ намъ новое направленіе и тѣмъ навсегда освободилъ нашу литературу отъ оковъ ложно-классической теоріи, искорененіе которой происходило, конечно, постепенно. Карамзинъ былъ первымъ писателемъ, посвятившимъ себя исключительно литературной дѣятельности и, введя новое направленіе въ связи съ преобразованіемъ языка, по справедливости является родоначальникомъ новаго періода, вызвавшаго къ дѣятельности множество писателей.

Н. М. Карамзинъ родился въ 1766 году въ Симбирскѣ и довольно рано лишился матери, на что онъ и намекаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Еще въ періодъ дѣтства Карамзинъ читалъ сентиментальные романы, которые развивали его природную чувствительность, отразившуюся впослѣдствіи и на его собственныхъ сочиненіяхъ. На 14 году Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и помѣщенъ въ пансіонъ Шадена, профессора университета. Здѣсь Карамзинъ хорошо изучилъ французскій и нѣмецкій языки, прочелъ много книгъ, которыя доставлялъ ему самъ Шаденъ, скоро сталъ посѣщать университетскія лекціи и думалъ по окончаніи курса отпра-

2) приготовлять русскихъ наставниковъ; 3) издавать духовныя книги, въ которыхъ разъясняются нравственныя и евангельскія истины. По смерти Шварца, въ 1783 году, горько оплаканной всѣми его московскими друзьями, Новиковъ единогласно былъ признанъ главою московскихъ масоновъ и на другой же годъ учредилъ такъ называемую «Типографическую Компанію», или общество съ цѣлью открыть нѣсколько типографій въ столицѣ и въ провинціальныхъ городахъ и тѣмъ самымъ распространить просвѣщеніе, сдѣлать его доступнымъ массѣ. Въ числѣ членовъ масонскаго общества было много вліятельныхъ и богатыхъ людей, которые, сочувствуя полезнымъ трудамъ Новикова, не жалѣли своихъ средствъ и всѣми силами старались осуществлять намѣренія, положенныя въ основаніе ученія мистиковъ. Нельзя не вспомнить здѣсь Г. М. Походяшина, который, присутствуя на засѣданіи масонскаго общества по случаю бывшаго тогда голода въ Москвѣ, такъ растроганъ былъ рѣчью Новикова, что пожертвовалъ все свое громадное состояніе въ пользу общества. Походяшинъ благоговѣлъ передъ Новиковымъ и, разворившись добровольно, умеръ въ крайней бѣдности. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, западноевропейскія масонскія общества стали получать политическій характеръ, и такъ какъ русскіе масоны находились въ сношеніяхъ съ западными, то правительство стало относиться подозрительно къ дѣятельности Новикова и его сотоварищей, хотя эти послѣдніе никогда не касались никакихъ политическихъ вопросовъ, ограничиваясь исключительно филантропическими цѣлями. Екатерина II, воспитавшись на философіи французскихъ энциклопедистовъ, вообще несочувственно относилась къ символическому и таинственному ученію масоновъ, хотя и не препятствовала ихъ несомнѣнно полезной дѣятельности. Революціонныя стремленія во Франціи заставили ее пріостановить дѣйствія русскихъ масонскихъ обществъ. Новиковъ послѣ довольно продолжительнаго слѣдствія, несмотря на благопріятный отзывъ митрополита Платона о книгахъ, изданныхъ масонскимъ обществомъ, былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича. Новиковъ былъ освобожденъ и получилъ обратно имѣніе, взятое въ приказъ общественнаго призрѣнія. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двадцатитрехъ лѣтъ Новиковъ прожилъ въ своемъ имѣніи, не появляясь уже болѣе на литературномъ поприщѣ и скончался въ 1818 году на

74 году отъ рожденія. Сатирическіе журналы Новикова были лучшими періодическими изданіями прошлаго вѣка какъ по разнообразію матерьяла, излагавшагося всегда въ доступной формѣ, такъ и по мѣткости сатиры. Прежде всего Новиковъ нападаетъ на отсутствіе просвѣщенія, на презрительное отношеніе къ наукѣ. По мнѣнію сатирика, такое отношеніе объясняется съ одной стороны желаніемъ видѣть въ наукѣ источникъ для удовлетворенія чисто матерьяльныхъ потребностей, съ другой—пристрастіемъ къ внѣшнимъ сторонамъ европейской цивилизаціи, при которомъ считались излишними серьезныя познанія. Имѣя въ виду смягчить нравы общества и водворить въ немъ гуманныя идеи западныхъ мыслителей, въ силу которыхъ человѣческія достоинства признавались за каждымъ, Новиковъ строго обличалъ вельможъ, гордившихся своимъ родомъ, а не личными заслугами, и проводилъ ту мысль, что честный трудъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, достоинъ полнаго уваженія. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ обращалъ на себя особенное вниманіе Новикова; говоря о немъ въ своихъ журналахъ, издатель чрезъ это придавалъ этимъ послѣднимъ важное общественное значеніе, и въ этомъ отношеніи его журналы далеко опередили современные имъ періодическія изданія, принадлежавшія другимъ издателямъ. Рисуя картины нравственнаго и матерьяльнаго состоянія крестьянъ, Новиковъ является представителемъ гуманизма и отрицателемъ крѣпостнаго права, противъ котораго рѣшались писать весьма не многіе изъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ (Карамзинскій).

Сантиментальные романы западноевропейской литературы. — Карамзинъ, его жизнь и сочиненія.—Драматическая поэзія: трагедіи Озерова.—Сантиментальная лирика: Дмитріевъ, Мерзляковъ и Нелединскій-Мелецкій. — Путешественники и беллетристы. — Романтизмъ и поэтическая дѣятельность Жуковскаго. — Вліяніе классической поэзіи: Батюшковъ и Гнѣдичъ.—Переходъ отъ романтизма къ изображенію русской жизни.—Басни Крылова, Грибоѣдовъ и его комедія «Горе отъ Ума».

Въ то время, когда въ русской литературѣ классицизмъ проникъ во всѣ роды поэзіи, въ Англіи появились произведенія Ричардсона, Фильдинга и Стерна, положившія начало новому направленію, перешедшему потомъ въ литературу другихъ государствъ. Новое направленіе выражалось преимущественно въ формѣ романа и состояло въ томъ, что писатели стали изображать сюжеты изъ обыденной жизни, обращая вниманіе на развитіе внутреннихъ чувствъ героевъ и героинь. Такое направленіе получило названіе сантиментальности или чувствительности. Романъ Ричардсона «Кларисса», изображающій судьбу несчастной дѣвушки, обманутой Ловеласомъ, Путешествіе по Франціи и Италіи Стерна, Векфильдскій Священникъ, романъ Гольдсмита,—и другія произведенія въ новомъ родѣ были переводимы на иностранные языки и оказывали довольно значительное вліяніе на судьбу псевдоклассицизма, формы котораго казались уже уродливыми и несогласными съ дѣйствительностью. Романъ «Кларисса Гарловъ», состоящій изъ 8 томовъ, изображаетъ семейную жизнь, современную автору. Все содержаніе построено на борьбѣ героини съ одной стороны съ деспотизмомъ семейнымъ, съ другой съ тѣми обстоятельствами, которыя возникли въ жизни Клариссы вслѣдствіе любви ея къ

развратному джентльмену Ловеласу, Донъ-Жуану, выросшему на англійской почвѣ. До какой степени сильно было впечатлѣніе, произведенное романомъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ французскаго писателя Дидро, написанныхъ по поводу смерти Ричардсона: «О Ричардсонъ! геній, передъ которымъ я благоговѣю, я никогда не перестану читать твоихъ твореній! Если друзья мои попадутъ въ нужду, если дѣти мои будутъ въ опасности лишиться воспитанія, я продамъ мои книги, но ты у меня останешься вмѣстѣ съ Гомеромъ, Софокломъ и Эврипидомъ, и я стану читать васъ по очереди. О, Ричардсонъ! я могу сказать одно: самая непристрастная исторія полна лжи, а твои романы наполнены истинами; исторія изображаетъ отдѣльныхъ лицъ, ты описываешь родъ человѣческій! Часто исторія становится презрѣннымъ романомъ, а подъ твоимъ перомъ романъ восходитъ выше исторіи! Живописецъ природы, ты не умѣешь лгать». Такъ восхищались современники Ричардсона, не замѣчая, конечно, недостатковъ его произведеній, которые заключались въ преувеличенности изображаемаго чувства, въ стремленіи морализировать молодое поколѣніе путемъ идеализаціи добродѣтельныхъ лицъ, иногда лишенныхъ человѣческаго образа.

Русская литература шла по слѣдамъ европейской. Карамзинъ вноситъ въ нашу новое направленіе и тѣмъ навсегда освободилъ нашу литературу отъ оковъ ложно-классической теоріи, искорененіе которой происходило, конечно, постепенно. Карамзинъ былъ первымъ писателемъ, посвятившимъ себя исключительно литературной дѣятельности и, введя новое направленіе въ связи съ преобразованіемъ языка, по справедливости является родоначальникомъ новаго періода, вызвавшаго къ дѣятельности многихъ писателей.

Н. М. Карамзинъ родился въ 1766 году въ Симбирскѣ и довольно рано лишился матери, на что онъ и намекаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Еще въ періодъ дѣтства Карамзинъ читалъ сентиментальные романы, которые развивали его природную чувствительность, отразившуюся впослѣдствіи и на его собственныхъ сочиненіяхъ. На 14 году Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и помѣщенъ въ пансіонъ Шадена, профессора университета. Здѣсь Карамзинъ хорошо изучилъ французскій и нѣмецкій языки, прочелъ много книгъ, которыя доставлялъ ему самъ Шаденъ, скоро сталъ посѣщать университетскія лекціи и думалъ по окончаніи курса отпра-

виться въ Лейпцигъ, чтобы довершить тамъ свое образованіе. Еще во время пансіонской жизни Карамзинъ обнаруживалъ большую любознательность къ наукамъ и страсть къ изученію иностранныхъ языковъ, которыми онъ овладѣлъ въ совершенствѣ, благодаря тому, что Шаденъ, особенно полюбившій Карамзина, водилъ его къ знакомымъ иностранцамъ, гдѣ онъ могъ упражняться въ разговорахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Путешествіе за границу было завѣтною мечтою Карамзина, но обстоятельства замедлили ея исполненіе. Переселившись въ Петербургъ, Карамзинъ вступилъ въ военную службу, но черезъ годъ по случаю смерти отца вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину въ Симбирскъ. Оттуда, по настоянію Тургенева, пріѣхавшаго въ Симбирскъ по дѣламъ масонскаго общества, Карамзинъ снова вернулся въ Москву и, сблизившись съ Новиковымъ и его послѣдователями, сталъ заниматься переводами для журнала «Дѣтское Чтеніе», который выходилъ подъ редакціею Новикова. Будучи членомъ Дружескаго ученаго общества, Карамзинъ сблизился съ Петровымъ, который, какъ человѣкъ даровитый, сообщалъ ему много дѣльныхъ свѣдѣній относительно литературы. Петровъ, хотя и не писалъ ничего оригинальнаго, но отличался необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Всѣ его труды состояли изъ переводовъ. Карамзинъ горько оплакалъ смерть Петрова, умершаго довольно рано, въ своей небольшой статейкѣ «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона». Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу, объѣхалъ значительную часть Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, и вездѣ, интересуясь плодами европейской цивилизаціи, дѣлалъ о ней свои замѣтки, которыя впослѣдствіи и напечаталъ подъ названіемъ «Письма русскаго путешественника». Для всѣхъ писателей прошлаго вѣка литература не составляла единственнаго занятія: всѣ они состояли на государственной службѣ и литературѣ посвящали только свободные часы досуга. Вернувшись на родину, Карамзинъ отнесся къ своему [illegible] убѣжденіемъ въ томъ, что литература имѣетъ громадную пользу какъ [illegible], рѣшился исключительно посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать «Московскій Журналъ», въ которомъ и помѣщалъ свои письма, повѣсти и другія сочиненія, затѣмъ издалъ нѣсколько литературныхъ сборниковъ подъ названіями «Аглая», «Аониды» и т. д., въ которыхъ помѣщены были нѣкоторыя его разсужде-

ній, какъ напр. Нѣчто о наукахъ и искусствахъ, Разговоръ о счастіи и друг. Въ разсужденіяхъ Карамзинъ является проповѣдникомъ той мысли, что литература и наука возвышаютъ нравственную природу человѣка и развиваютъ его умъ. Писатель, по его мнѣнію, долженъ стремиться ко всеобщему благу, а для этого ему необходимо обладать нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ, которое всегда внушитъ ему сочувствіе къ страданіямъ и бѣдствіямъ людей. Искренность и чувствительность это неотъемлемыя достоинства писателя, съ ними только онъ можетъ собирать благословенія народовъ, несмотря на свои заблужденія. Карамзинъ указываетъ при этомъ на одного изъ любимыхъ авторовъ, — Жанъ-Жака Руссо, гуманныя идеи котораго распространялись тогда повсюду. Вопросъ о наукѣ и ея вліяніи на нравственную природу человѣка составляетъ сущность разсужденія Карамзина «Нѣчто о наукахъ», написаннаго въ опроверженіе идеи Руссо о вредномъ вліяніи науки на нравственность.—Первый періодъ дѣятельности Карамзина отличается преимущественно литературнымъ характеромъ, но затѣмъ, замѣчаемъ мы поворотъ къ другому направленію. Въ 1802 году онъ приступаетъ къ изданію журнала «Вѣстникъ Европы», въ которомъ главное мѣсто занимаетъ политическій отдѣлъ. Первые годы эпохи Александра I составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи русской жизни, правительство обратилось къ осуществленію благодѣтельныхъ реформъ относительно просвѣщенія, издало новый планъ народнаго образованія, и предоставило литературнымъ дѣятелямъ большую свободу слова. Все это, конечно, не могло не повліять на представителей тогдашней литературы. Карамзинъ является защитникомъ реформъ, прославляетъ благодѣтельное царствованіе Александра I, пишетъ рядъ статей, содержаніе которыхъ отличается уже общественнымъ характеромъ. Отъ разбора современныхъ явленій Карамзинъ постепенно переходитъ къ изученію прошедшаго русской жизни и наконецъ, покидая окончательно дѣятельность журналиста, пишетъ «Исторію Государства Россійскаго», трудъ, заслуживающій уваженія какъ по своему внутреннему значенію, такъ и по объему. Всѣ остальные годы жизни Карамзина посвящены были Исторіи; онъ работалъ съ утра до ночи, собиралъ массу историческаго матерьяла, о которомъ не вѣдали его предшественники на поприщѣ исторической науки; и, приведя все это въ систему, первый разъ ознакомилъ русское общество съ отече-

ствомъ, до того неизвѣстнымъ ему, такъ что совершенно справедливо мнѣніе Пушкина, что Карамзинъ открылъ русскую исторію какъ Колумбъ Америку. Когда было изготовленно 8 томовъ исторіи, Карамзинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для ходатайства разрѣшенія государя отпечатать свой трудъ и суммы необходимой на это дѣло. Въ Петербургѣ Карамзинъ радушно былъ принятъ въ высшемъ обществѣ, обласканъ членами царской фамиліи и, по содѣйствію графа Аракчеева, одного изъ вліятельныхъ лицъ того времени, добился свиданія съ самимъ императоромъ. Въ 1818 году Карамзинъ поднесъ императору полный экземпляръ своей Исторіи государства Россійскаго, и остальныя 8 лѣтъ жизни занимался продолженіемъ труда, который намѣревался довести до современнаго ему царствованія. Но судьба поступила иначе: 22 мая 1826 года Карамзинъ умеръ отъ изнуренія силъ и схороненъ въ Александроневской Лаврѣ.

Литературная дѣятельность Карамзина началась переводами съ иностранныхъ языковъ. Переводы эти безъ сомнѣнія не имѣютъ важнаго значенія въ дѣятельности Карамзина, но они указываютъ, что этотъ писатель уже въ очень молодыхъ годахъ интересовался литературными и педагогическими вопросами и старался объ улучшеніи нашего литературнаго языка. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать Московскій журналъ и, кромѣ собственныхъ сочиненій, помѣщалъ произведенія извѣстныхъ тогда писателей Державина, Дмитріева, Хемницера и др.. Сантиментальное направленіе, возникшее въ западноевропейской литературѣ, нашло подражателя въ лицѣ Карамзина и выразилось въ письмахъ и въ повѣстяхъ. Изображеніе внутреннихъ сторонъ человѣка безъ всякаго отношенія къ условіямъ жизни вотъ сущность сантиментализма. Но не въ одномъ этомъ выражается самое направленіе литературы, внесенное Карамзинымъ. Чувство свойственно человѣку, но въ произведеніяхъ новой школы оно доводится до неестественныхъ предѣловъ, обращается въ чувствительность, которая часто ставитъ человѣка въ противорѣчіе съ законами разумной дѣйствительности. Прежде всего эта чувствительность отразилась въ письмахъ русскаго путешественника. Заключая въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о жизни и литературѣ западной Европы, впервые заявленныхъ въ Россіи, это произведеніе Карамзина носитъ на себѣ отпечатокъ сантиментализма. Подъ вліяніемъ

чувствительности, путешественникъ часто слишкомъ подробно выражаетъ свои впечатлѣнія и останавливаясь на нихъ, мало знакомитъ съ подробностями быта описываемой мѣстности. Неестественность чувства доводится иногда до такихъ размѣровъ, что описаніе, имъ проникнутое, идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Описывая состояніе Саксоніи въ концѣ прошлаго столѣтія, Карамзинъ въ громкихъ восклицаніяхъ говоритъ о счастіи и благоденствіи мирныхъ поселянъ, причемъ изображаетъ и порханіе птичекъ, которыя, плавая въ воздухѣ, знаменуютъ для него веселье и безпечность. Такая картина совершенно несогласна съ дѣйствительностью; изъ исторіи извѣстно, что жители Саксоніи въ то время находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи; разоренные войной и обремененные налогами, они едвали могли наслаждаться мирнымъ семейнымъ счастьемъ, на которое указываетъ путешественникъ. Карамзинъ, какъ видно, мало интересовался самою жизнью западноевропейскихъ государствъ и все свое вниманіе обратилъ на вопросы науки и литературы. Онъ подробно описываетъ германскихъ ученыхъ и писателей, сообщаетъ свои разговоры съ ними, присутствуетъ на лекціяхъ профессоровъ и помѣщаетъ въ запискахъ краткія изъ нихъ извлеченія. Такимъ образомъ, интересы просвѣщенія стоятъ на первомъ планѣ въ письмахъ русскаго путешественника. Но и тутъ чувствительность автора оказала вліяніе на его взгляды. Карамзинъ, описывая поэтическими красками величественныя картины Швейцаріи и восторгаясь свободою, которою пользуются жители ея, мечтаетъ о первобытной жизни и готовъ отказаться отъ всѣхъ плодовъ и удобствъ цивилизаціи, чтобы снова погрузиться въ тихую жизнь первобытнаго человѣка. Очевидно, что представители сантиментализма слишкомъ идеализировали первобытное состояніе человѣка и незнакомы были съ жизнью дикарей, напоминающею намъ эпоху первоначальнаго человѣческаго быта. Недостатки писемъ, объясняющіеся сантиментальнымъ направленіемъ, выкупаются однакожъ съ одной стороны достоинствами новаго слога, съ другой — тѣмъ, что авторъ выразилъ во многихъ мѣстахъ новыя мысли относительно нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ и такимъ образомъ явился передовымъ человѣкомъ своего времени. Мы знаемъ, что драматическая поэзія прошлаго вѣка развивалась по тому пути, который указанъ былъ ложноклассицизмомъ французскихъ образцовъ. Тогдашняя критика и даже такіе передо-

ствомъ, до того неизвѣстнымъ ему, такъ что совершенно справедливо мнѣніе Пушкина, что Карамзинъ открылъ русскую исторію какъ Колумбъ Америку. Когда было изготовленно 8 томовъ исторіи, Карамзинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для ходатайства разрѣшенія государя отпечатать свой трудъ и суммы необходимой на это дѣло. Въ Петербургѣ Карамзинъ радушно былъ принятъ въ высшемъ обществѣ, обласканъ членами царской фамиліи и, по содѣйствію графа Аракчеева, одного изъ вліятельныхъ лицъ того времени, добился свиданія съ самимъ императоромъ. Въ 1818 году Карамзинъ поднесъ императору полный экземпляръ своей Исторіи государства Россійскаго, и остальныя 8 лѣтъ жизни занимался продолженіемъ труда, который намѣревался довести до современнаго ему царствованія. Но судьба поступила иначе: 22 мая 1826 года Карамзинъ умеръ отъ изнуренія силъ и схороненъ въ Александроневской Лаврѣ.

Литературная дѣятельность Карамзина началась переводами съ иностранныхъ языковъ. Переводы эти безъ сомнѣнія не имѣютъ важнаго значенія въ дѣятельности Карамзина, но они указываютъ, что этотъ писатель уже въ очень молодыхъ годахъ интересовался литературными и педагогическими вопросами и старался объ улучшеніи нашего литературнаго языка. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать Московскій журналъ и, кромѣ собственныхъ сочиненій, помѣщалъ произведенія извѣстныхъ тогда писателей Державина, Дмитріева, Хемницера и др. Сантиментальное направленіе, возникшее въ западноевропейской литературѣ, нашло подражателя въ лицѣ Карамзина и выразилось въ письмахъ и въ повѣстяхъ. Изображеніе внутреннихъ сторонъ человѣка безъ всякаго отношенія къ условіямъ жизни вотъ сущность сантиментализма. Но не въ одномъ этомъ выражается самое направленіе литературы, внесенное Карамзинымъ. Чувство свойственно человѣку, но въ произведеніяхъ новой школы оно доводится до неестественныхъ предѣловъ, обращается въ чувствительность, которая часто ставитъ человѣка въ противорѣчіе съ законами разумной дѣйствительности. Прежде всего эта чувствительность отразилась въ письмахъ русскаго путешественника. Заключая въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о жизни и литературѣ западной Европы, впервые заявленныхъ въ Россіи, это произведеніе Карамзина носитъ на себѣ отпечатокъ сантиментализма. Подъ вліяніемъ

чувствительности, путешественникъ часто слишкомъ подробно выражаетъ свои впечатлѣнія и останавливаясь на нихъ, мало знакомитъ съ подробностями быта описываемой мѣстности. Неестественность чувства доводится иногда до такихъ размѣровъ, что описаніе, имъ проникнутое, идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Описывая состояніе Саксоніи въ концѣ прошлаго столѣтія, Карамзинъ въ громкихъ восклицаніяхъ говоритъ о счастіи и благоденствіи мирныхъ поселянъ, причемъ изображаетъ и порханіе птичекъ, которыя, плавая въ воздухѣ, знаменуютъ для него веселье и безпечность. Такая картина совершенно несогласна съ дѣйствительностью; изъ исторіи извѣстно, что жители Саксоніи въ то время находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи; разоренные войной и обремененные налогами, они едвали могли наслаждаться мирнымъ семейнымъ счастьемъ, на которое указываетъ путешественникъ. Карамзинъ, какъ видно, мало интересовался самою жизнью западноевропейскихъ государствъ и все свое вниманіе обратилъ на вопросы науки и литературы. Онъ подробно описываетъ германскихъ ученыхъ и писателей, сообщаетъ свои разговоры съ ними, присутствуетъ на лекціяхъ профессоровъ и помѣщаетъ въ запискахъ краткія изъ нихъ извлеченія. Такимъ образомъ, интересы просвѣщенія стоятъ на первомъ планѣ въ письмахъ русскаго путешественника. Но и тутъ чувствительность автора оказала вліяніе на его взгляды. Карамзинъ, описывая поэтическими красками величественныя картины Швейцаріи и восторгаясь свободою, которою пользуются жители ея, мечтаетъ о первобытной жизни и готовъ отказаться отъ всѣхъ плодовъ и удобствъ цивилизаціи, чтобы снова погрузиться въ тихую жизнь первобытнаго человѣка. Очевидно, что представители сантиментализма слишкомъ идеализировали первобытное состояніе человѣка и незнакомы были съ жизнью дикарей, напоминающею намъ эпоху первоначальнаго человѣческаго быта. Недостатки писемъ, объясняющіеся сантиментальнымъ направленіемъ, выкупаются однакожъ съ одной стороны достоинствами новаго слога, съ другой — тѣмъ, что авторъ выразилъ во многихъ мѣстахъ новыя мысли относительно нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ и такимъ образомъ явился передовымъ человѣкомъ своего времени. Мы знаемъ, что драматическая поэзія прошлаго вѣка развивалась по тому пути, который указанъ былъ ложноклассическими французскими образцами. Тогдашняя критика и даже такіе передо-

вые, тогда какъ Вольтеръ съ пренебреженіемъ относился къ Шекспиру и его трагедіямъ, между тѣмъ какъ послѣднія навсегда останутся образцовыми произведеніями. Знаменитый нѣмецкій писатель Лессингъ первый оцѣнилъ шекспировскую трагедію. Карамзинъ, хорошо знакомый съ произведеніями нѣмецкаго критика, сочувствовалъ трагедіямъ Шекспира и высказалъ свой взглядъ на нихъ въ письмахъ. По его мнѣнію, хотя французская трагедія величественна, но она не производитъ такого впечатлѣнія на душу, какъ безсмертныя творенія англійскаго драматурга, одареннаго неистощимымъ и всеобъемлющимъ воображеніемъ.

Изъ повѣстей Карамзина особенно извѣстны были: 1) Бѣдная Лиза и 2) Наталья боярская дочь. Бѣдная Лиза была попыткой создать повѣсть изъ русской жизни, но попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Хотя дѣйствіе повѣсти происходитъ въ окрестностяхъ Москвы, имена лицъ русскія, но въ повѣсти нѣтъ ни намека на русскую жизнь. Главное вниманіе обращается на судьбу бѣдной дѣвушки, погибающей отъ неудовлетворенной любви къ барину, сюжетъ сходный съ тѣмъ, который мы видѣли въ романѣ Ричардсона. Изображая чувствительную крестьянку, авторъ совершенно оставилъ въ сторонѣ тѣ условія жизни, безъ которыхъ немыслимо представленіе человѣка, какъ продукта извѣстнаго времени и мѣста. Впрочемъ это и не требовалось французскими писателями Мармонтелемъ и другими, которымъ въ этомъ случаѣ рабски подражалъ Карамзинъ. Общество сочувственно отнеслось къ повѣсти Карамзина: молодежь и въ особенности барышни по нѣскольку разъ перечитывали повѣсть, и такъ тронуты были печальной судьбой Лизы, что ходили на тотъ прудъ, въ который она бросилась, горько оплакивали обманутую любовь и проклинали жестокаго юношу. Другая повѣсть касается прошлой русской жизни. Внеся и сюда сентиментальное направленіе, Карамзинъ нарушилъ историческую дѣйствительность; лица, въ ней изображенныя, не заключаютъ въ себѣ и намека на характеръ; но, несмотря на это, повѣсть имѣла успѣхъ, такъ какъ въ тогдашней литературѣ не существовало строгой критики, основанной на подробномъ анализѣ сочиненія. Сентиментализмъ, столь любимый тогдашнимъ обществомъ, живое изложеніе, новый литературный слогъ значительно выкупали недостатки внутренней стороны повѣсти.

По прекращеніи Московскаго журнала, Карамзинъ, какъ намъ из-

вѣстно, сталъ издавать отдѣльные сборники. Въ первомъ изъ нихъ «Аглая» особеннаго вниманія заслуживаетъ статья «Нѣчто о наукахъ». При всемъ уваженіи къ Руссо, Карамзинъ отнесся отрицательно къ основной идеѣ его разсужденія о вредномъ вліяніи науки на нравственность. Русскіе просвѣщенные люди очень хорошо понимали, что наука въ ихъ отечествѣ весьма мало развита, поэтому идеи Руссо могли имѣть вредное вліяніе на русское общество, столь падкое вообще на все то, что появляется заграницей. Статья Руссо тѣмъ болѣе требовала опроверженія, что она написана была увлекательнымъ слогомъ, свойственнымъ вообще этому писателю, и ея парадоксы доказывались съ необыкновенною діалектическою ловкостью. Карамзинъ находитъ, что ложность взгляда Руссо прежде всего произошла отъ невѣрнаго опредѣленія самой науки, и отъ заранѣе взятой мысли бранить ученость и просвѣщеніе. Если общественная нравственность XVIII столѣтія не можетъ хвалиться безукоризненностью, то въ этомъ виновато не просвѣщеніе, а ложное направленіе, которое оно приняло подъ вліяніемъ отрицательныхъ ученій французскихъ мыслителей. — Въ сборникѣ «Аониды» Карамзинъ помѣстилъ цѣлый рядъ стихотвореній, но они не согрѣты поэтическаго вдохновенія, такъ какъ Карамзинъ не былъ поэтомъ. Къ этому же періоду дѣятельности Карамзина относятся «Пантеонъ иностранной словесности» и «Разговоръ о счастіи». Пантеонъ былъ собраніемъ прежнихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ, и, состоя изъ трехъ томовъ, заключаетъ въ себѣ разнообразныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія, выписки изъ древнихъ классиковъ, извѣстія о современныхъ литературныхъ знаменитостяхъ. Сборники Карамзина издавались нѣсколько разъ. Въ послѣднемъ сочиненіи авторъ доказываетъ мысль о возможности счастья при всѣхъ условіяхъ жизни, такъ какъ оно, по его мнѣнію, состоитъ въ правильномъ употребленіи физическихъ и духовныхъ силъ. Быть счастливымъ — значитъ быть добрымъ, вѣрно исполнять естественные, мудрые законы, основанные на общемъ добрѣ. Во всей своей литературной дѣятельности Карамзинъ является представителемъ оптимизма, т. е. той идеальной философіи, которая признаетъ, что все въ мірѣ благо, все устроено къ наилучшему концу.

Со вступленія на престолъ императора Александра I дѣятельность Карамзина получаетъ другое направленіе. Отъ вопросовъ ли-

тературныхъ, онъ переходитъ къ вопросамъ общественнымъ; является уже публицистомъ, а не литераторомъ, и наконецъ довершаетъ свою дѣятельность громаднымъ историческимъ трудомъ. Русская жизнь становится главнымъ матерьяломъ сочиненій Карамзина, хотя онъ не перестаетъ слѣдить за явленіями западноевропейской литературы и политики, что видно изъ журнала «Вѣстникъ Европы». Лучшія статьи этого журнала принадлежатъ самому издателю. Вотъ перечень этихъ статей: 1) Письмо сельскаго жителя; 2) Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени; 3) Повѣсть Марфа Посадница; 4) О любви къ отечеству и народной гордости; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ монографій, которыми Карамзинъ какъ бы подготовлялъ себя къ исторіи. Сочувствуя реформамъ Александра I, Карамзинъ старается преимущественно возбудить въ обществѣ патріотизмъ и опредѣляетъ его какъ стремленіе каждаго изъ гражданъ содѣйствовать славѣ и благу отечества. Мысли Карамзина о патріотизмѣ вызваны были состояніемъ нашего общества, ослѣпленнаго началами западноевропейской цивилизаціи. При всемъ уваженіи къ послѣдней, онъ находитъ, что русскіе, заимствуя все изъ Запада, истребили въ себѣ самобытности, безъ которой невозможно движеніе. Каждый народъ сначала живетъ тѣмъ, что выработано было другими, но это только начало жизни; дальнѣйшее его развитіе должно идти путемъ самостоятельнымъ. Такъ какъ современность есть результатъ прошедшаго, то мы и должны относиться съ уваженіемъ къ послѣднему. Отсюда обращеніе Карамзина къ явленіямъ прошлой жизни, которыя онъ описывалъ и въ повѣстяхъ и въ своихъ историческихъ разсужденіяхъ. Вопросы литературы продолжали занимать Карамзина и въ этотъ періодъ его дѣятельности. Такъ онъ издаетъ Пантеонъ россійскихъ авторовъ, гдѣ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, пишетъ критическія статьи. Статья о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ обнаруживаетъ въ Карамзинѣ удачное умѣнье оцѣнить достоинства литературнаго произведенія съ исторической точки зрѣнія, тогда какъ критика иначе не понималась въ то время. Отъ изученія отдѣльныхъ явленій исторической жизни Карамзинъ переходитъ къ мысли нарисовать картину прошедшаго во всемъ его объемѣ, и съ этою цѣлью, покидаетъ окончательно литературную и журнальную дѣятельность, приступаетъ къ разработкѣ матерьяловъ русской исторіи. До Карамзина существовали нѣ-

сколько сочиненій по русской исторіи, но эти сочиненія скорѣе походили на сборники историческихъ матеріаловъ, чѣмъ на исторію въ собственномъ смыслѣ. Исторія Государства Россійскаго была первымъ историческимъ трудомъ, обнимающимъ событія русской исторіи въ связномъ и художественномъ разсказѣ. Карамзинъ проводитъ въ своемъ трудѣ ту мысль, что единодержавіе было источникомъ благосостоянія Россіи и, согласуясь съ этой мыслью, историкъ подробно излагаетъ политическія судьбы Россіи. Вотъ почему и трудъ называется Исторіею государства, на что явились нападки въ литературѣ, высказанныя въ «Исторіи русскаго народа» Полевого, который смотритъ на исторію, какъ на изображеніе народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Недостатки исторіи Карамзина объясняются современными взглядами на этотъ предметъ. Исторію понимали скорѣе какъ искусство, а не какъ наука, причемъ на нее смотрѣли, какъ на искусство дидактическое, которое оказываетъ вліяніе на нравственность людей, указывая имъ ошибки прошлыхъ историческихъ дѣятелей. При всей художественности изложенія, слогъ исторіи Карамзина отличается нерѣдко высокопарностью, при томъ часто не согласуется съ понятіями эпохи. Подробное разсмотрѣніе труда Карамзина собственно не входитъ въ исторію литературы, здѣсь онъ имѣетъ значеніе какъ трудъ, содѣйствовавшій просвѣщенію и положившій начало самосознанію русскаго общества, которое съ того времени, узнавши свое прошлое, могло сочувственнѣе отнестись къ вопросамъ современной русской жизни.

Разнообразная дѣятельность Карамзина оказала значительное вліяніе какъ на направленіе литературы, такъ и на улучшеніе литературнаго языка. Хотя сантиментальность заключала въ себѣ много ложнаго, неестественнаго, но во всякомъ случаѣ она была выше псевдоклассицизма, уже по одному тому, что значительно оживила литературу, болѣе сблизила ее съ жизнью. Карамзинъ оказалъ ту услугу своими произведеніями, что содѣйствовалъ развитію вкуса, увеличилъ число читателей, которыхъ уже не занимали ни высокопарныя оды, ни ложноклассическія трагедіи, написанныя по всѣмъ правиламъ французской теоріи. Еще болѣе неоцѣнимы заслуги Карамзина въ преобразованіи русскаго литературнаго слога. Мы знаемъ, что Ломоносовъ отдѣлилъ въ нашей рѣчи славянскій элементъ отъ русскаго, но самое построеніе рѣчи осталось безъ измѣненія. Рѣчь

строилась по образцу латинской и поэтому была тяжела, такъ какъ латинская конструкція совершенно не согласна съ духомъ русскаго языка. Длинные періоды во многомъ затемняли рѣчь и были одною изъ главныхъ причинъ, что литература оставалась достояніемъ немногихъ и была чужда большинству общества. Карамзинъ, во первыхъ, построилъ свою рѣчь по образцу французской; во вторыхъ, старался сблизить литературный языкъ съ языкомъ разговорнымъ. Благодаря этому, литературныя сочиненія стали доступны большинству, и распространеніе ихъ безъ сомнѣнія содѣйствовало успѣхамъ нашего просвѣщенія. Со времени Карамзина образовался тотъ литературный слогъ, который перешелъ и въ слѣдующіе періоды русской литературы и который съ нѣкоторыми измѣненіями существуетъ до сихъ поръ. Реформа Карамзина вызвала противодѣйствіе со стороны партіи славянофиловъ, во главѣ которой стоялъ извѣстный писатель Шишковъ. Подъ вліяніемъ французской литературы въ русскій языкъ стали входить иностранныя слова, которыя часто употреблялись безъ всякаго основанія и служили предметомъ справедливой насмѣшки. Но въ этомъ вовсе не былъ виноватъ Карамзинъ, а нѣкоторые изъ его послѣдователей, злоупотреблявшіе языкомъ по своему невѣжеству. Люди стараго направленія придерживались ломоносовскаго языка и, выставляя на видъ красоту и богатство славянскаго языка, въ свою очередь злоупотребляли имъ. Шишковъ въ своемъ сочиненіи «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» поднимаетъ на смѣхъ слова, вошедшія къ намъ изъ иностранныхъ языковъ, и въ число этихъ словъ помѣщаетъ и такія, какъ сцена, актъ, меланхолія, геологія, героизмъ, которыя нельзя замѣнить другими словами. Шишковъ предлагаетъ употреблять вмѣсто нихъ слѣдующія: явленіе, дѣйствіе, уныніе, баснословіе, добледушіе; но всѣ эти слова, не говоря объ ихъ искусственности, собственно не выражаютъ тѣхъ понятій, которыя заключены въ словахъ иностранныхъ. Шишковъ, въ своемъ увлеченіи славянщиной, дошелъ до того, что предлагалъ замѣнить «калоши», «парламентъ» словами «мокроступы», «говорильня» и, въ то же время вопросъ о языкѣ, который, по его мнѣнію, наводнялся иностранными словами, соединилъ съ вопросомъ о нравственности. Ему казалось, что съ переходомъ словъ иностраннаго языка на русскую почву являлось отрицаніе коренныхъ русскихъ обычаевъ, что вредно дѣйствовало на общественную нравственность. Безъ сомнѣнія, вліяніе французской цивилизаціи

во многомъ пагубно дѣйствовало на русское общество, въ чемъ убѣждаетъ насъ отрицательная литература прошлаго столѣтія; но изъ этого не слѣдуетъ, что въ этомъ виноваты французская литература и языкъ. Народъ менѣе цивилизованный подчиняется народу образованному, и съ заимствованіемъ отъ послѣдняго новыхъ понятій всегда соединяется и пріобрѣтеніе новыхъ словъ, безъ которыхъ не возможны наука и литература. Было время, когда славянскій языкъ считался языкомъ литературнымъ, и тогда употребленіе славянскихъ словъ было совершенно естественно; съ успѣхами же цивилизаціи образовался новый литературный языкъ, и переносить въ новую литературу архаизмы можно только изъ ложнаго пристрастія къ старинѣ, которымъ Шишковъ и его послѣдователи обладали въ значительной степени. Вопросъ о слогѣ, по поводу реформы Карамзина, образовалъ цѣлую литературную полемику; одни стояли за новое, другіе ратовали за идеи Шишкова. Весь споръ этотъ обнаруживаетъ отчасти ничтожность тогдашней литературной критики, которая все вниманіе обращала преимущественно на форму и спорила противъ такихъ явленій, справедливость которыхъ должна быть очевидна для всякаго образованнаго человѣка. Карамзинъ и его послѣдователи остались побѣдителями, и форма, ими усвоенная, навсегда утвердилась въ нашемъ языкѣ, а предложенія Шишкова, какъ совершенно нелѣпыя, окончательно были отвергнуты.

Сантиментальное направленіе, введенное Карамзинымъ, нашло подражателей въ лицѣ представителей тогдашней драмы и лирики. Въ драматической поэзіи первое мѣсто занимаютъ произведенія Озерова, въ лирической особенною извѣстностью пользовались: Дмитріевъ, Мерзляковъ, Нелединскій-Мелецкій, Ѳ. Глинка и другіе. Владиславъ Александровичъ Озеровъ (1770—1816) родился въ Тверской губерніи. По окончаніи образованія въ кадетскомъ корпусѣ, онъ служилъ въ военной службѣ, оставивъ которую посвятилъ себя литературной дѣятельности. Ни одинъ изъ драматическихъ писателей не пользовался такою славою, какъ Озеровъ; его произведенія сравнивались съ лучшими древнегреческими трагедіями; его самаго не иначе называли какъ русскимъ Еврипидомъ и Софокломъ. Представленіе трагедій Озерова на сценѣ каждый разъ сопровождалось громомъ рукоплесканій зрителей, приходившихъ въ неизъяснимый восторгъ. Такое отношеніе и общества и критики къ произведеніямъ Озерова объ-

ясняются, съ одной стороны, духомъ времени, съ другой—несомнѣнными достоинствами ихъ, благодаря которымъ его трагедія превзошла всѣ предшествовавшія произведенія этого рода. Изображеніе нѣжныхъ чувствъ, сентиментализмъ героевъ, героинь, притомъ сильный и звучный стихъ, часто дышавшій неподдѣльнымъ поэтическимъ восторгомъ,—вотъ главныя причины того сочувствія, которымъ пользовался въ свое время Озеровъ. Тогдашняя критика была очень щедра на раздачу лавровыхъ вѣнковъ писателю, она мало вникала въ сущность литературныхъ произведеній и чужда была всесторонняго разсмотрѣнія ихъ. Озерову принадлежатъ слѣдующія трагедіи: Эдипъ въ Аѳинахъ, Фингалъ, Поликсена, Ярополкъ и Олегъ и Димитрій Донской. Трагедіи, взятыя изъ греческаго міра, суть подражанія французскому трагику Дюси, который извѣстенъ своими передѣлками трагедій Софокла и Шекспира. Произведенія французскаго писателя безъ сомнѣнія, искажали великіе образцы драматической поэзіи, но и въ нихъ находятся мѣста, которыя по своей трогательности и нѣжности приводили въ восторгъ зрителя. Озеровъ буквально подражалъ Дюси и, подобно ему, искажалъ характеры древнегреческой трагедіи. Трагедія Софокла отразила на себѣ слѣды религіозныхъ вѣрованій грековъ. Его Эдипъ есть страдалецъ, который, послѣ ужасныхъ бѣдствій, ниспосланныхъ ему судьбою, искупаетъ свои невольныя преступленія и умираетъ сверхъестественною смертью; у Озерова же онъ остается въ живыхъ и такимъ образомъ новая трагедія исказила преданіе, согласное съ духомъ древнегреческихъ вѣрованій. Антигона въ трагедіи Озерова привлекала зрителей своею нѣжностью и кротостью, но она далеко ниже типа, созданнаго Софокломъ: Озеровъ влагаетъ въ ея уста слишкомъ длинные монологи, заключающіе въ себѣ разнаго рода сентенціи, что было результатомъ ложнаго направленія современной драмы. Сюжетъ трагедіи «Фингалъ» заимствованъ изъ другаго міра: содержаніе взято изъ поэмы Фингалъ, приписываемой Оссіану. Характеръ сѣверной дѣвы Моины, избавляющей жениха отъ смерти, исполненъ мечтательности и унылости, что особенно возбуждало къ ней сочувствіе зрителей. Изъ трагедій съ сюжетомъ историческимъ, громадною славою пользовался «Димитрій Донской», представленный въ то время, когда русскіе, вслѣдствіе политическихъ отношеній, съ восторгомъ заявляли свои патріотическія чувства. Между тѣмъ въ трагедіи есть историческія искаженія: Озеровъ изобра-

жаетъ Димитрія женихомъ Ксеніи Новгородской княжны, тогда какъ Димитрій Донской былъ женатъ. Подобное искаженіе оправдывалось необходимостью любовной завязки, безъ которой не обходилась, какъ извѣстно, ни одна трагедія. Патріотическія піэсы Озерова вызвали подражаніе въ лицѣ Крюковскаго, написавшаго трагедію «Пожарскій», которая, благодаря отдѣльнымъ мѣстамъ ея, проникнутымъ искреннею любовью къ отечеству, удостоилось большей славы, чѣмъ Димитрій Донской Озерова.

Во главѣ представителей лирической поэзіи стоитъ Дмитріевъ, извѣстный также своими сатирами и баснями. Ив. Ив. Дмитріевъ (1760—1837) родился въ Симбирской губерніи въ Сызранскомъ уѣздѣ. Поступивъ 14-ти лѣтъ въ военную службу, онъ сталъ сочинять стихи, подражая въ нихъ Сумарокову и Хераскову. Но Дмитріевъ никогда не былъ поэтомъ и потому, устроившись на служебномъ поприщѣ, оставляетъ совершенно литературу. Онъ самъ сознается, что въ своихъ стихотвореніяхъ обращалъ вниманіе только на форму, и въ этомъ случаѣ Дмитріевъ явился преобразователемъ стихотворной рѣчи, точно также, какъ Карамзинъ усовершенствовалъ нашъ прозаическій языкъ. Пѣсни Дмитріева «Стонетъ сизый голубочекъ», «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ, розу я любилъ» исполнены приторной сантиментальности; въ нихъ нѣтъ искренняго чувства, которымъ бываетъ проникнута истинно художественная лирика. Что касается до сатирическихъ стихотвореній Дмитріева, то изъ нихъ особенною и справедливою популярностью пользовалась сатира «Чужой Толкъ». Въ ней авторъ довольно остроумно осмѣиваетъ господствовавшую въ его время страсть къ одамъ. Многіе стихотворцы принимаются за стихи, не имѣя къ тому призванія, а просто изъ какихъ нибудь корыстныхъ цѣлей: изъ желанія получить награду или войти въ дружбу съ знатнымъ вельможей, или изъ угожденія пріятелямъ, для которыхъ каждый печатный листъ кажется святымъ. Дмитріевъ въ смѣшныхъ краскахъ изображаетъ одного изъ такихъ стихотворцевъ и весьма удачно подбираетъ высокопарныя выраженія, которыми изобиловали тогдашнія оды. Не смотря на отрицательное отношеніе къ современной лирикѣ, Дмитріевъ однакоже и самъ отдалъ дань ложноклассицизму, написавъ нѣсколько одъ, каковы «Ермакъ», «Гласъ патріота» и другія. Дмитріевъ оставилъ Записки, подъ названіемъ «Взглядъ на мою жизнь», въ которыхъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣ-

ній о современной литературѣ и, между прочимъ, о Карамзинѣ, котораго считалъ однимъ изъ любимыхъ своихъ друзей. По слѣдамъ Дмитріева пошелъ и Мерзляковъ, профессоръ краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ. Ему принадлежитъ сочиненіе всѣмъ извѣстной пѣсни «Среди долины ровныя», которая, не отличаясь глубиною мысли, все таки по искренности чувства стоитъ выше другихъ сантиментальныхъ пѣсенъ того времени. Другія пѣсни, какъ-то «Ахъ, что жъ ты, голубчикъ, невесело сидишь», «Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый» — отчасти отличаются народнымъ складомъ рѣчи. Мерзляковъ извѣстенъ еще какъ знатокъ древнеклассической поэзіи и какъ критикъ современной ему русской литературы. Въ послѣднемъ случаѣ Мерзляковъ держался старыхъ пріемовъ французской критики, чѣмъ и объясняется его сочувственной разборъ «Россіады», принадлежащей къ самымъ напыщеннымъ произведеніямъ эпической поэзіи прошлаго столѣтія. Правда, въ одномъ мѣстѣ разбора онъ находитъ недостатки поэмы Хераскова, но выражаетъ о нихъ свое мнѣніе намеками, не осмѣливаясь открыто идти противъ писателя съ такимъ авторитетомъ. У Мерзлякова было поэтическое чутье; по разсказамъ Шевырева, онъ плакалъ, читая Кавказскаго плѣнника Пушкина; но, воспитанный въ правилахъ старинной критики, не могъ отдать себѣ отчета въ красотѣ этого произведенія. Пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго (1751—1829) отличаются тѣми же свойствами, какъ и произведенія ему предшествовавшія. Поддѣлываясь подъ народную поэзію, авторъ достигъ только одной искусственности, которая сквозить въ каждомъ стихѣ пѣсни «Выйду-ль я на рѣченьку», столь охотно распѣваемой фабричными и тому подобнымъ людомъ.

Изъ прозаическихъ сочиненій, возникшихъ подъ вліяніемъ сантиментализма Карамзина, извѣстны: В. Измайлова «Путешествіе въ полуденную Россію» и Шаликова «Путешествіе въ Малороссію и въ Кронштадтъ». Владиславъ Васильевичъ Измайловъ (1773—1830) принадлежалъ къ числу ярыхъ поклонниковъ Карамзина и, описывая Россію въ письмахъ къ своимъ пріятелямъ, старался подражать Карамзину, больше занимался своими впечатлѣніями и мало знакомилъ съ самою мѣстностью, какъ требуется это отъ каждаго путешественника. Не обладая талантомъ Карамзина, Измайловъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ придать интереса своимъ письмамъ, содержаніе которыхъ вышло сухимъ. До смѣшнаго доведена сантимен-

тальность въ сочиненіяхъ князя Шаликова (1768—1852), остроумно осмѣяннаго Воейковымъ въ его извѣстномъ сочиненіи «Домъ Сумасшедшихъ». Путешествія, подобныя сочиненіямъ кн. Шаликова, уже въ тогдашней литературѣ служили предметомъ насмѣшки. Князь Шаховской, которому принадлежатъ цѣлый рядъ комедій, написалъ остроумную піэсу подъ названіемъ «Новый Стернъ», гдѣ на сценѣ является графъ Пронскій, изливающій свои чувства, которыя постоянно разбиваетъ его слуга Ипатъ, человѣкъ съ здравымъ смысломъ. —При всей комичности, до которой доведена сантиментальность въ сочиненіяхъ Шаликова, дѣятельность его заслуживаетъ вниманія, какъ писателя, какъ издателя журналовъ (Зритель, Аглая, Дамскій журналъ) и какъ человѣка, вполнѣ преданнаго литературному дѣлу.

Изъ писателей беллетристовъ карамзинскаго періода пользовались извѣстностью: Беницкій и Нарѣжный. Повѣсти Бенитцскаго (1781—1809) «Ибрагимъ, или великодушный Бедуинъ», «На другой день» отличаются интереснымъ и простымъ содержаніемъ и всегда заключаютъ въ себѣ какую нибудь нравственную идею. Какъ произведенія человѣка даровитаго, повѣсти Беницкаго и въ настоящее время могутъ читаться съ интересомъ и часто помѣщаются въ учебныхъ христоматіяхъ для чтенія. Повѣсти Нарѣжнаго (1780—1825) по своему направленію связываются съ нѣкоторыми изъ произведеній иностранной литературы романовъ. Нарѣжный написалъ романъ подъ названіемъ «Россійскій Жилблазъ, или похожденія князя Гавріила Симоновича Чистякова», въ подражаніе роману французскаго писателя Лесажа «Жильблазъ». Произведеніе Лесажа (1668—1747), сюжетъ котораго заимствованъ изъ испанской жизни, принадлежитъ къ образцовымъ по своему комизму и по занимательности самыхъ похожденій героя, путешествующаго по всему свѣту. Главное достоинство этого романа заключается въ вѣрной обрисовкѣ людей, въ которыхъ мы узнаемъ чрезвычайно много знакомаго (Шерръ). Подражая Лесажу, Нарѣжный больше всего старался о томъ, чтобы наполнить свой романъ диковинными приключеніями, страсть къ которымъ была развита въ нашемъ обществѣ, благодаря вліянію романовъ Анны Ратклифъ и тому подобныхъ произведеній. Нашъ романистъ искажалъ во многомъ и событія и характеры. Тогда былъ обычай придавать роману матерьяльное значеніе. Нарѣжный остался вѣренъ этому обычаю, но нравственный элементъ у него не является, какъ у Лесажа, выводомъ

изъ подробнаго изображенія поступковъ героя, но выражается въ словахъ героя князя Чистякова, что конечно вредитъ художественности произведенія. Достоинство приизведенія Нарѣжнаго главнымъ образомъ заключается въ его сатирическомъ направленіи. Въ лицѣ Трисмегалоса, провинціальнаго философа-учителя, авторъ осмѣиваетъ очень удачно съ одной стороны схоластическихъ мудрецовъ, съ другой славянофиловъ, намекая на Шишкова и его партію. Одному изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, смѣявшемуся надъ славянскимъ языкомъ, философъ говоритъ слѣдующія слова: «Что смѣешися, о Горляніе! Не есть ли во времена наши, еда погибло все изящное на земли и нрави — развратишася, — не есть ли, глаголю, чудо зрѣти юношу сего въ толикомъ благомысліи, вѣщающаго языкомъ мудрѣйшимъ и доброгласнѣйшимъ?» Мы видимъ, что Нарѣжный стоялъ за реформу Карамзина, которая такъ не нравилась представителямъ старины, что они готовы были видѣть въ ней источникъ развращенія нравовъ. Изъ другихъ романовъ Нарѣжнаго пользовался извѣстностью «Бурсакъ», въ которомъ онъ довольно остроумно описалъ бурсацкую жизнь обычаи и порядки семинарскаго воспитанія.

Еще при жизни Карамзина русская драматическая литература обогатилась съ одной стороны переводами піэсъ Коцебу и ихъ подражаніями, съ другой оригинальными произведеніями русскихъ писателей Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Катенина, Кокошкина и другихъ. Хотя эти писатели значительно пережили Карамзина и были даже современниками Пушкина, пережившими и этого поэта, но направленіе ихъ произведеній тѣсно связывается съ эпохою Карамзина. Піэсы Коцебу, написавшаго до двухъ сотъ произведеній, пользовались большимъ успѣхомъ на русской сценѣ. По своему характеру, онѣ принадлежатъ къ такъ называемой мѣщанской драмѣ, въ которой изображались обыкновенно явленія изъ жизни простыхъ людей съ приличною дозою сантиментальности и трогательныхъ сценъ, возбуждавшихъ къ состраданію чувствительныя сердца внимательныхъ зрителей. Еще Карамзинъ въ своихъ письмахъ, разбирая драму Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», отозвался сочувственно о талантѣ этого писателя и съ тѣхъ поръ въ русской литературѣ установился этотъ взглядъ Карамзина. Въ піэсахъ Коцебу нѣтъ собственно вѣрнаго воспроизведенія жизни, но онѣ нравились русской публикѣ, для которой были доступнѣе характеры изъ среды мѣщан-

ской, тѣмъ всѣ герои псевдоклассической трагедіи, изображавшей часто явленія, понятныя только для людей образованныхъ, но никакъ не для массы. Шаховской и Хмѣльницкій писали для сцены уже въ то время, когда классическая трагедія окончательно упала и только изрѣдка находила себѣ адептовъ въ лицѣ, напр., Катенина, который, по словамъ Пушкина, воскресилъ величавый геній Корнеля. Публика требовала піэсъ, доступныхъ для ея пониманія, и въ этомъ случаѣ произведенія Шаховскаго и Хмѣльницкаго вполнѣ удовлетворяли требованіямъ и вкусамъ большинства. Князь Шаховской (1777—1846), принадлежавшій къ числу образованныхъ людей своего времени, весьма много трудился на поприщѣ устроенія русскаго театра, справедливо полагая, что театральныя зрѣлища значительно облагораживаютъ людей. По его инициативѣ, заведено было театральное училище, которое правда существовало и раньше, но только для балета и оперы. Шаховской ввелъ преподаваніе драматическаго искусства и устроилъ для этого домашнюю сцену, на которой играли молодые актеры, приготовлявшіе себя къ драматической карьерѣ. Литературная дѣятельность Шаховскаго отличалась необыкновенною плодовитостью: онъ написалъ до ста театральныхъ піэсъ, обнаруживающихъ въ авторѣ неподдѣльное остроуміе и умѣнье рисовать шутливыя сцены. Лучшими комическими піэсами его считались: «Новый Стернъ», «Казакъ стихотворецъ», комическая опера съ малороссійскими пѣснями, и «Липецкія воды», гдѣ изображается похожденія графини Лелевой, пріѣхавшей на воды не лечиться, а блистать своей красотой и жуировать. Изъ драматическихъ піэсъ Шаховскаго особенною извѣстностью пользовалась романтическая драма «Двумужница или Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь», сюжетъ которой заимствованъ изъ старинной русской жизни и сопровождается пѣніемъ подблюдныхъ и хороводныхъ пѣсенъ. Піэса эта иногда дается и теперь, преимущественно на провинціальныхъ сценахъ. Николай Ивановичъ Хмѣльницкій (1789 — 1846) родился въ Петербургѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ на поприще гражданской службы и скоро, благодаря своей честности и пониманію дѣла, пріобрѣлъ репутацію одного изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей. Въ литературѣ Хмѣльницкій занимаетъ также видное мѣсто. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія русскій театръ можно сказать только что началъ развиваться и драматическія произведенія Хмѣльницкаго значитель-

но содѣйствовали этому развитію. Прежде всего Хмѣльницкій, изучивъ Мольера, ознакомилъ своими переводами русскую публику съ произведеніями одного изъ замѣчательнѣйшихъ комическихъ писателей. Онъ перевелъ стихами двѣ знаменитыя комедіи Мольера: «Тартюфъ» и «Школа женщинъ». Другія сочиненія Хмѣльницкаго состоятъ во 1) изъ подражаній французскимъ писателямъ, во 2) изъ оригинальныхъ комедій и статей. Къ передѣлкамъ принадлежатъ комедіи: «Говорунъ», «Воздушные замки», «Суженаго конемъ не объѣдешь», «Новый Парисъ» и др.; изъ оригинальныхъ пользовались успѣхомъ: «Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ», Свѣтскій случай, и комедія «Своя семья», написанная вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Грибоѣдовымъ, гдѣ Хмѣльницкому принадлежитъ сцена экзамена, лучшая во всей піесѣ. По направленію своей литературной дѣятельности, Хмѣльницкій долженъ быть отнесенъ къ разряду писателей, подражавшихъ французской комедіи, но и подражанія и передѣлки его оказывали вліяніе на развитіе вкуса въ нашей публикѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовали сближенію ея съ европейскимъ просвѣщеніемъ, которое долгое время оставалось достояніемъ немногихъ избранныхъ. Не обладая особеннымъ выдающимся дарованіемъ, Хмѣльницкій однакожъ принадлежалъ къ числу умныхъ людей и въ своихъ комедіяхъ нерѣдко обнаруживалъ много остроумія и неподдѣльной веселости, что особенно и было причиною ихъ успѣха на сценѣ. Изъ прозаическихъ статей Хмѣльницкаго пользуется до сихъ поръ извѣстностью небольшая статейка подъ названіемъ «Мой мячикъ», гдѣ авторъ играетъ словами, причемъ дѣлаетъ весьма остроумныя замѣчанія о людскихъ нравахъ. Вотъ для образца одно мѣсто изъ этой статьи: «Первое слово, на которое я сегодня наткнулся, былъ носъ—вещь, натурально, всѣмъ извѣстная, потому что всякій изъ насъ болѣе или менѣе, съ носомъ. И этотъ носъ, право, вещь удивительная! Кромѣ исключительнаго чувства обонянія, притупленнаго нѣсколько суровостью климата, а также способностей чихать, сморкаться и фыркать, ни одинъ членъ или наростъ человѣческаго тѣла не имѣетъ такого чуднаго свойства: въ одно и то же время подвергаться и раздражительности и онѣмѣнію. Дайте щелчокъ въ носъ—и носъ зашевелится; попробуйте водить за носъ—и онъ ничего не почувствуетъ. Носы имѣютъ свою характеристику, свою физіономію. Высуньте любой носъ, и я, по наукѣ знаменитаго Лафатера, Галля и самого Ари-

стотеля, не только опредѣлю вамъ полъ, возрастъ, но даже многія свойства и національность каждаго носа. Китайскій, итальянскій видны съ перваго взгляда. Русскіе носы не имѣютъ отличительной физіономіи, въ нихъ много татарскаго и нѣмецкаго. Наконецъ, носы можно назвать термометромъ человѣческаго счастья. Какъ ртуть отъ жара и холода, такъ точно и носы, то опускаются, то подымаются, смотря по тому, знобитъ или грѣетъ. Если носъ фыркаетъ — ему везетъ. Вообще, богачи ихъ вздернули, бѣдняки повѣсили».

Катенинъ Павелъ Александровичъ (1792 — 1853) довольно рано началъ литературную дѣятельность. Въ журналѣ Бенитцскаго «Цвѣтникъ» помѣщены были въ 1809 и 1810 г.г. его стихотворныя произведенія: пѣсни въ Сельмнѣ, поэма Оссіана, Ночь, подражаніе Геснеру, Смерть Пріама» изъ Виргилія. Въ 1811 году была представлена трагедія Корнеля «Аріадна», переведенная Катенинымъ. Катенинъ особенно любилъ драматическую литературу, оставилъ еще нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ трагедій. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательна «Андромаха», сюжетъ которой заимствованъ изъ эпохи Троянской войны. По словамъ Пушкина, Катенинъ никогда не старался угождать вкусу публики, шелъ своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. При всемъ своемъ сочувствіи къ театру, Катенинъ однако напрасно старался вернуться ко временамъ ложноклассицизма, для котораго уже прошла пора. Хотя его трагедіи пользовались успѣхомъ на сценѣ, но это объясняется только игрою первоклассныхъ артистовъ, умѣвшихъ изъ ходульной піэсы сдѣлать вещь интересную для зрителей. Единственная заслуга Катенина заключается развѣ въ переводахъ трагедій Расина и Корнеля, которые могли ознакомить читателей, незнавшихъ французскаго языка, съ состояніемъ ложноклассической драмы во Франціи въ произведеніяхъ двухъ замѣчательныхъ ея представителей.

Драматическія произведенія Кокошкина (род. въ 1773) не принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ. Кокошкинъ былъ директоромъ нашего театра и въ этомъ случаѣ, какъ страстный его любитель, принесъ больше пользы, чѣмъ своими комедіями. — Онъ пригласилъ, между прочимъ, на московскую сцену знаменитаго Щепкина, обучалъ воспитанниковъ драматическому искусству, теорія котораго была имъ изучена основательно. Страстно любя театръ Кокошкинъ самъ игралъ на любительскихъ спектакляхъ, которые онъ

устраивалъ у себя дома, въ присутствіи знаменитыхъ московскихъ профессоровъ и писателей. Подробности о немъ и вообще о тогдашнемъ театрѣ можно найти въ сочиненіи С. Аксакова «Литературныя и театральныя воспоминанія».

Поэтическая дѣятельность Жуковскаго, вытекая изъ направленія, положеннаго Карамзинымъ, тѣсно связывается съ движеніемъ западноевропейской литературы, преимущественно нѣмецкой, гдѣ съ конца прошедшаго столѣтія возникла такъ называемая романтическая школа. Прежніе поэты, какъ мы знаемъ, находили образцы для подражанія въ древней классической литературѣ, но такъ какъ формы этой послѣдней совершенно не согласовались съ тѣмъ содержаніемъ, на которое указывала новоевропейская жизнь, то поэтому произведенія поэзіи получили ложное направленіе, особенно распространенное во Франціи. Новые германскіе поэты оставили классицизмъ и принялись изучать эпоху средневѣковой жизни, откуда и стала почерпать свои идеалы новая поэзія. Романтическій міръ или, лучше, образъ мыслей средневѣковой эпохи значительно отличается отъ міросозерцанія классическихъ народовъ—грековъ и римлянъ. На это указываетъ намъ средневѣковая эпическая поэзія. Она, какъ извѣстно, дѣлилась на два отдѣла: духовную и свѣтскую. Какъ та, такъ и другая возникли, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя явились какъ результатъ христіанства. Какъ древній человѣкъ, жившій язычникомъ, ставилъ на первомъ планѣ матерію и предавался чувственности, такъ общество, просвѣщенное христіанствомъ, стало отдавать преимущество духу и считало тѣлесную сторону человѣка источникомъ зла и бѣдствій человѣческихъ. Признавъ неоспоримою послѣднюю идею, средневѣковой человѣкъ нашелъ и противодѣйствіе: самоотверженіе, аскетизмъ, и презрѣніе ко всѣмъ удовольствіямъ жизни — вотъ тѣ силы, которыми мы можемъ побороть въ себѣ зло. Отсюда и возникли идеалы, на которые указываетъ средневѣковая нѣмецкая поэма «Варлаамъ и Іосафатъ». Свѣтская средневѣковая поэзія выражалась преимущественно въ формѣ баллады и романса. Въ нихъ воспѣвались обыкновенно любовь и разнаго рода приключенія рыцарей. Такимъ образомъ, монашество и рыцарство — вотъ два явленія средневѣковой жизни, которыя и оказали вліяніе на характеръ и содержаніе тогдашней поэзіи. Недовольство настоящимъ, самоотреченіе и аске-

тизмъ, стремленіе къ возвышеннымъ и, повидимому, недоступнымъ идеаламъ—вотъ главнѣйшіе мотивы, которыми проникнута средневѣковая эпопея и которые цѣликомъ перешли въ произведенія новоромантической школы конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Такъ какъ средневѣковое міросозерцаніе населяло природу существами сверхъестественными, то поэтому фантастичность сдѣлалась преобладающей чертой новѣйшей баллады. Новоромантическіе поэты и писатели, подобные Уланду, Бюргеру, Августу Шлегелю и его брату Фридриху, руководствовались тою мыслью, что въ эпоху среднихъ вѣковъ христіанство объединяло всѣ элементы жизни, и потому они и обратились въ тѣ времена, съ цѣлью сблизить поэзію съ жизнью, которыя дѣйствительно находились почти въ полномъ разладѣ въ произведеніяхъ ложноклассическихъ поэтовъ. Но романтики не достигали этой цѣли и, думая сблизить поэзію съ жизнью, они скорѣе пришли къ противоположному результату, такъ какъ въ своихъ произведеніяхъ создавали идеалы, несогласные съ дѣйствительностью. Кромѣ того, поэты романтической школы, подъ вліяніемъ средневѣковой философіи, часто впадали въ мистицизмъ, т. е. придавали каждому явленію физическаго и нравственнаго міра сверхъестественный и таинственный смыслъ. Многіе изъ нихъ до такой степени увлекались средневѣковой жизнью, что думали возобновить ее со всѣми ея подробностями. Жуковскій, хорошо знакомый съ нѣмецкой литературой, ввелъ къ намъ и романтизмъ, который былъ въ этомъ случаѣ продолженіемъ сантиментальности Карамзина.

Василій Андреевичъ Жуковскій (1784—1852) еще въ періодъ своего ученія хорошо овладѣлъ нѣсколькими иностранными языками и занимался переводами. Первымъ произведеніемъ, съ котораго началась поэтическая слава Жуковскаго, былъ переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище». Элегія была напечатана въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», редакція котораго впослѣдствіи перешла къ Жуковскому. Какъ идея произведенія — значеніе всепримиряющей любви, такъ и подробности его содержанія—картина кладбища, тихая, мирная жизнь поселянъ, меланхолическое настроеніе изображеннаго въ элегіи поэта, все это сразу обнаружило въ переводчикѣ призваніе къ романтизму, который былъ характернымъ признакомъ всей поэтической дѣятельности Жуковскаго. Біографія поэта не богата внѣшними фактами; вся она заключена въ его произведеніяхъ, изъ которыхъ чи-

татель и может судить о внутреннем развитіи поэта, о его чувствах и о том, что его интересовало в различные моменты жизни. Почти всѣ произведенія Жуковскаго носят на себѣ отпечаток меланхоліи и грусти. Это явленіе объясняется, с одной стороны, природными качествами поэта, с другой неудовлетворенною любовью к дѣвушкѣ, в которой не суждено было ему найти себѣ спутницу жизни. Никто из современников поэтов не мог так ясно и вѣрно воспроизводить нѣжныя чувства души, как Жуковскій. Но не в этом, без сомнѣнія, заключается значеніе его в исторіи нашей поэзіи. Он первый ознакомил русское общество с произведеніями нѣмецких поэтов; внес к нам романтическія идеи, которыя оказали вліяніе на дальнѣйшій ход нашей литературы, усовершенствовал поэтическую рѣчь и тѣм самым приготовил ту форму стихотворнаго языка, которой мы удивляемся в безсмертных твореніях Пушкина и его послѣдователей. Преобладающей формою поэтических созданій Жуковскаго была баллада. Первою балладою, которая возбудила вниманіе общества, была «Людмила», передѣланная из произведенія Бюргера «Ленора». В ней поэт возсоздал всѣ признаки романтической баллады, как она понималась в средніе вѣка. Сюжет исполнен таинственности: дѣвушку похищает жених и везет ее на кладбище; мертвецы встают из гробов и поют жалобную пѣсню, в которой укоряют тѣх, кто ропщет на судьбу. Таковы же и другія оригинальныя баллады Жуковскаго «Свѣтлана, Алина и Альсим, Двѣнадцать спящих дѣв, состоящая из двух частей: Громобой и Вадим и др. Всѣ эти произведенія Жуковскаго проникнуты одинаковым направленіем, вездѣ таинственность, меланхолія, разнаго рода привидѣнія являются необходимыми составными частями піесы. Жуковскій особенно любил воспѣвать внутреній мір души человѣка, его радости и горе, любовь и разлуку, неудовлетворенность настоящим, стремленіе в неопредѣленную даль, в неизвѣстное таинственное будущее. Достаточно взять одно стихотвореніе, и непремѣнно найдешь в нем один из перечисленных мотивов. Как понималась поэтом любовь — это видно из баллады «Эолова Арфа» — одно из лучших созданій музы Жуковскаго. Минвана, дочь могущественнаго рыцаря Ордала, любит бѣднаго пѣвца Арминія и готова отвергнуть все, лишь бы проводить время с любимым человѣком. Отец узнает о поступкѣ Арми-

нія, пѣвецъ бѣдный изгнанъ изъ отечества; Минвана отъ горя умираетъ, Арминій также; но ихъ любовь продолжается и за гробомъ: при лунномъ свѣтѣ часто видятъ двѣ тѣни, которыя, слившись, летятъ къ тому мѣсту, гдѣ когда-то происходили ихъ свиданія. Идея любви является въ той же формѣ и въ другой оригинальной балладѣ «Теонъ и Эсхинъ». Теонъ доказываетъ своему другу Эсхину, что счастіе находится не внѣ насъ, но въ глубинѣ нашей души, въ любви, которая не прекращается и тогда, когда любимаго существа уже нѣтъ на свѣтѣ. Такимъ образомъ, романтическая любовь имѣетъ свои свойства: она всегда исполнена меланхоліи и мечтательности. Романтизмъ Жуковскаго заключаетъ въ себѣ элементъ общечеловѣческаго; въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты, когда онъ живетъ тѣми чувствами, какія изображаетъ поэтъ, и вотъ гдѣ источникъ того восторга, которымъ встрѣчалось каждое стихотвореніе поэта.

Слава Жуковскаго главнымъ образомъ основана на многочисленныхъ переводахъ. Какъ переводчикъ, Жуковскій до сихъ поръ не встрѣчаетъ себѣ соперника въ нашей литературѣ. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, онъ всегда вникалъ сначала въ мысль переводимаго оригинала и затѣмъ переводъ становится уже почти оригинальнымъ произведеніемъ, относительно подробностей, сохраняя въ себѣ вполнѣ духъ подлинника. Жуковскій преимущественно любилъ нѣмецкую поэзію, но изъ ея образцовъ онъ дѣлалъ выборъ, переводя такіе, которые согласовались съ его личнымъ настроеніемъ. Любимыми поэтами были: Уландъ, Бюргеръ, Гебель, Рюкнертъ, Гете, Шиллеръ и другіе. Переводы изъ Уланда: Сонъ, Пѣснь Бѣдняка, счастіе веснѣ, баллады Мщеніе, Гаральдъ; изъ Гебеля: Овсяный кисель, Деревенскій Сторожъ въ полночь, Тлѣнность (въ формѣ разговора) и др.; изъ Рюккерта-Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зарабъ; изъ Шиллера рядъ балладъ изъ классическаго и средневѣковаго быта и драма «Орлеанская дѣва»; изъ сочиненій Гете переведено очень мало—изъ нихъ особенно извѣстенъ переводъ баллады «Лѣсной Царь». Въ ряду произведеній нѣмецкихъ писателей, которыхъ переводилъ Жуковскій, безъ сомнѣнія первое мѣсто занимаютъ произведенія Шиллера. Но Шиллеръ великъ не въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя были переданы Жуковскимъ; славу его составили «Разбойники», «Заговоръ Фіеско» и въ особенности Вильгельмъ Тель, гдѣ онъ является проповѣдникомъ

свободы и защитникомъ человѣческихъ правъ. Вотъ почему по переводамъ Жуковскаго нельзя ознакомиться съ духомъ Шиллеровской поэзіи. Орлеанская дѣва, въ которой изображается судьба Жанны д'Аркъ, принадлежитъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ Шиллера, и Жуковскій выбралъ ее единственно потому, что она по духу своему относится къ произведеніямъ романтическимъ. Вѣнцомъ поэтической дѣятельности Жуковскаго долженъ считаться переводъ Одиссеи, древнегреческой народной поэмы, приписываемой обыкновенно Гомеру. Жуковскій не зналъ греческаго языка, но одинъ нѣмецкій классикъ перевелъ подстрочно всю поэму съ объясненіемъ каждаго слова на нѣмецкій языкъ, и Жуковскій переводилъ уже съ этого языка. Несмотря на такое неудобство, переводъ Жуковскаго вышелъ блистательнымъ: простота подлинника, какъ произведенія еще первобытнаго поэтическаго творчества, вполнѣ сохранена переводчикомъ. Ясно, что здѣсь выручилъ Жуковскаго его талантъ, помогшій ему проникнуть въ сущность произведенія, форма котораго не имѣетъ никакого сходства съ формою поэтическаго творчества новаго періода. Личное настроеніе поэта оказывало часто вліяніе на характеръ его переводовъ. Такъ онъ перевелъ между прочимъ «Шильонскаго Узника» Байрона, но придалъ лицамъ, тамъ изображеннымъ, романтическій колоритъ, котораго и слѣдовъ нѣтъ въ произведеніи англійскаго лирика. Тотъ же самый недостатокъ можно встрѣтить и въ переводѣ Одиссеи, который, несмотря на это, остается до сихъ поръ единственнымъ въ нашей литературѣ.

Жуковскій жилъ преимущественно въ мірѣ созданныхъ имъ идеаловъ; онъ мало вникалъ въ ходъ окружавшей его жизни, отчего и произведенія его не касаются ни какихъ общественныхъ вопросовъ. Правда, въ эпоху двѣнадцатаго года, когда Жуковскій лично участвовалъ въ ополченіи, имъ написаны были двѣ піесы патріотическаго направленія «Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей» и «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», но это были произведенія, въ которыхъ нельзя не замѣтить искусственности и высокопарности, составляющихъ неотъемлемое свойство ложноклассической эпопеи въ духѣ Хераскова и тому подобныхъ стихотворцевъ. Жуковскій вообще не любилъ шумной столичной жизни, какъ это видно изъ его писемъ, и предпочиталъ ей жизнь деревенскую, гдѣ можно было наслаждаться картинами природы и въ тиши предаваться поэзіи.

Семейная жизнь, по мнѣнію Жуковскаго, выше общественной. Счастіе заключается въ добродѣтели, а семейство и есть то тихое, сокрытое отъ людей, поприще, на которомъ совершаются самые безкорыстные подвиги добродѣтели. Въ 1826 году Жуковскій назначенъ былъ воспитателемъ наслѣдника престола Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго Государя. Занятія педагогическимъ дѣломъ на время отвлекли его отъ литературнаго поприща. Въ 1844 году Жуковскій, сложивъ съ себя званіе наставника и обезпеченный на всю жизнь, поѣхалъ за границу, откуда и не возвращался болѣе въ Россію. Въ 1852 году Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ; тѣло его перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Александроневской лаврѣ рядомъ съ могилою Карамзина.

Изученіе классической поэзіи русскими писателями оказало вліяніе на развитіе поэтическихъ идеаловъ и художественнаго стихотворнаго языка. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Батюшкова и Гнѣдича, какъ двухъ поэтовъ, глубоко понимавшихъ духъ древней поэзіи.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (1787 — 1855) родился въ Вологдѣ и, привезенный въ Петербургъ, воспитывался въ частномъ пансіонѣ, гдѣ основательно изучилъ французскій и итальянскій языки. Еще въ дѣтствѣ лишившись матери, которая страдала умопомѣшательствомъ, Батюшковъ долгое время жилъ подъ руководствомъ М. Н. Муравьева, который принималъ въ немъ живое участіе, замѣнивъ отца, высказывавшаго всегда полное равнодушіе къ своимъ дѣтямъ. Муравьевъ, какъ человѣкъ образованный, съумѣлъ внушить питомцу любовь къ классической и итальянской литературѣ, изученіе которыхъ имѣло вліяніе на характеръ поэтической дѣятельности Батюшкова. Къ 1805 году относится начало этой дѣятельности. Военная служба не мѣшала Батюшкову заниматься поэзіею, какъ страстно имъ любимымъ предметомъ. Живя въ Финляндіи, гдѣ стояли русскія войска во время войны съ Швеціею, поэтъ наслаждался величественными картинами природы и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія перевелъ Элегію Маттисона «На развалинахъ замка въ Швеціи». Оставивъ службу, Батюшковъ предался литературнымъ занятіямъ, вступивъ въ Арзамасское общество, составившееся изъ молодыхъ писателей, сдѣлался членомъ московскаго общества любителей россійской словесности, при вступленіи въ которое прочиталъ рѣчь

«О вліяніи легкой поэзіи на языкъ». Батюшковъ всегда былъ недоволенъ своею судьбою: его честолюбіе враждовало съ поэтическимъ призваніемъ, и эта вражда влекла за собою частыя физическія и нравственныя страданія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ сталъ даже замѣтно охладѣвать къ литературѣ «Меня здѣсь ласкаютъ добрые люди, писалъ онъ, я на розахъ какъ авторъ и на шипахъ какъ человѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, а ими восхищаться не должно. Тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 рублей доходу». Отказавшись отъ брака съ любимой дѣвушкой по той причинѣ, что средства были недостаточны, Батюшковъ сталъ часто задумываться, предаваться меланхоліи, которая постепенно развиваясь привела за собою разстройство умственныхъ способностей. Это произошло въ 1822 году. Съ той поры и до смерти Батюшковъ страдалъ тихимъ помѣшательствомъ и жилъ безвыѣздно въ Вологдѣ. Батюшковъ написалъ весьма не много: всѣ его поэтическія и прозаическія произведенія составляютъ всего только два небольшихъ тома. Отличаясь въ противоположность сочиненіямъ Жуковскаго, опредѣленностью и ясностью, поэзія Батюшкова однакожъ не могла произвести вліянія на общество, какое оказалъ Жуковскій своими романтическими балладами. Но несмотря на это поэтическая его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской поэзіи, такъ какъ образы, созданные Батюшковымъ, и его пластическій стихъ, проникнутый духомъ классическихъ поэтовъ, давали возможность русской поэзіи развить такую художественную форму, какую мы видимъ въ стихахъ Пушкина и его послѣдователей. Помимо оригинальныхъ произведеній, Батюшкову принадлежатъ: во 1) подражанія греческимъ антологическимъ поэтамъ, во 2) вольные переводы элегій Тибулла и въ 3) подражанія итальянскимъ поэтамъ, Петраркѣ, Тассу и Аріосту. Батюшковъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ сумѣвшимъ проникнуть въ духъ классической поэзіи, которая до него не оказывала вліянія на нашу литературу. Его антологическіе стихи какъ по формѣ, всегда отличающейся пластичностью и ясностью, такъ и по содержанію напоминаютъ произведенія древнихъ греческихъ поэтовъ, которые были хорошо изучены Батюшковымъ посредствомъ французскихъ переводовъ. Правда, антологія Батюшкова однообразна: эпикуреизмъ, или наслажденіе жизнью, ея единственный мотивъ, но это однообразіе вы-

купается художественностью формы, какою владѣютъ немногіе поэты. Особенно привлекали Батюшкова произведенія итальянскихъ поэтовъ, которыхъ онъ свободно читалъ въ подлинникахъ; хотя и по этому отдѣлу оставилъ весьма немного стихотвореній. Сюда относятся: Умирающій Тассъ, Вечеръ, На смерть Лауры, отрывки изъ поэмъ: Освобожденный Іерусалимъ Тассо и Неистовый Орландъ Аріоста. Изъ прозаическихъ сочиненій Батюшкова, кромѣ упомянутой рѣчи, были извѣстны въ свое время слѣдующія: 1) Нѣчто о поэтѣ и поэзіи; 2) о характерѣ Ломоносова; 3) вечеръ у Кантемира (въ формѣ діалога); 4) Письмо о сочиненіяхъ Муравьева; 5) Аріостъ и Тассъ; 6) Петрарка; 7) повѣсть «Боккачіо» Гризельда и др. Критическія статьи Батюшкова лишены по большей части серьезности и наполнены такими взглядами, которые не ставятъ нашего поэта выше своего вѣка, при всемъ его поэтическомъ дарованіи, котораго отнять отъ него нельзя. Въ своей рѣчи О вліяніи легкой поэзіи на языкъ, говоря о заслугахъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, онъ не различаетъ ихъ по степени таланта; для него одинаковаго достоинства заслуживаютъ поэтическія произведенія Державина, Мерзлякова, Востокова, Муравьева, произведенія Дмитріева онъ ставитъ выше басенъ Крылова, несмотря на то, что послѣдній отличается самобытностью, о которой и помину нѣтъ въ басняхъ Дмитріева. Разбирая произведенія Муравьева, Батюшковъ видитъ въ нихъ такія достоинства, какихъ, по его мнѣнію, нельзя найти въ лучшихъ произведеніяхъ иностранныхъ писателей, между тѣмъ Муравьевъ, достойный полнаго уваженія какъ дѣятель общественный и какъ образованный человѣкъ, принадлежитъ къ числу стихотворцевъ ломоносовской школы и писалъ стихи, исполненные риторики. Говорить о произведеніяхъ Муравьева какъ о произведеніяхъ такого человѣка, имя котораго перейдетъ къ другому поколѣнію, значитъ не обладать критическимъ даромъ. Въ этомъ случаѣ Батюшковъ оставался вѣренъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ его время.—Батюшковъ обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ; сочувствуя поэзіи древнихъ, онъ въ совершенствѣ передавалъ ея форму и въ этомъ случаѣ стоитъ гораздо выше многихъ изъ современныхъ ему русскихъ поэтовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ какъ напр., въ элегіи «На развалинахъ замка въ Швеціи», встрѣчаются обороты и слова изъ славянскаго языка, но надо принять во вни-

мѣніе, что Батюшковъ писалъ еще въ то время, когда въ литературѣ нашей продолжали господствовать старыя преданія о красотѣ славянской рѣчи. Воспѣвая наслажденія жизни, Батюшковъ однакожъ отдалъ дань романтизму, съ представителемъ котораго онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ стихотвореніи «Къ Другу» поэтъ сомнѣвается въ прочности всего земнаго, въ существованіи постояннаго счастья, т. е. проводитъ тѣ же идеи, какія лежатъ въ основаніи поэзіи Жуковскаго и нѣмецкихъ романтиковъ. Подобныя идеи, конечно не гармонируютъ съ основными мотивами антологіи Батюшкова, всегда исполненной веселости и дифирамба тѣмъ благамъ, которыя доставляетъ человѣку земная жизнь.

Съ именемъ Батюшкова тѣсно связывается имя его друга, Гнѣдича, также страстнаго поклонника античной музы. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ (1784—1833) родился въ Полтавѣ и первоначальное образованіе получилъ въ семинаріи, откуда перешелъ въ 1800 году въ московскій университетъ. Первыми его произведеніями были переводы трагедіи Дюси «Абифоръ» и Шиллера «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ». Сочувствуя театру, Гнѣдичъ и впослѣдствіи продолжалъ заниматься переводами драматическихъ произведеній иностранныхъ писателей. Но главнымъ трудомъ его, за который имя Гнѣдича навсегда останется вѣчнымъ, былъ переводъ Иліады Гомера. Гнѣдичъ хорошо зналъ греческій языкъ и греческую литературу и, кромѣ Иліады, перевелъ еще идиллію Ѳеокрита «Сиракузянки или праздникъ Адониса», присоединивъ къ переводу, въ видѣ предисловія, разсужденіе объ идилліи. Переводъ Иліады продолжался болѣе 20 лѣтъ; помимо дарованія, онъ требовалъ отъ переводчика строгаго изученія подлинника сообразно со всѣми комментаріями, какія существовали на произведеніе Гомера въ западной литературѣ. Тяжелый трудъ вредно повліялъ на здоровье, которое еще болѣе разстроивалось подъ вліяніемъ одиночества, на что Гнѣдичъ намекаетъ въ своемъ стихотвореніи «Дума». Несмотря на пользованіе кавказскими минеральными водами, здоровье Гнѣдича становилось все хуже и хуже и наконецъ постоянная болѣзнь свела его окончательно въ могилу. Гнѣдичъ похороненъ на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря; стараніями друзей ему поставленъ надгробный памятникъ, на которомъ находится слѣдующая надпись: «Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира». Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія

меда лилися». Послѣднія слова взяты изъ первой пѣсни Иліады. Приступивъ къ переводу Иліады, Гнѣдичъ хотѣлъ сначала подражать Кострову, который переводилъ Гомера александрійскими стихами, но потомъ обратился за совѣтомъ къ графу Уварову, бывшему министру народнаго просвѣщенія, знатоку классической литературы. Въ письмѣ къ Гнѣдичу, Уваровъ объяснилъ необходимость переводить Гомера размѣромъ подлинника, т. е. гекзаметромъ, и тогда Гнѣдичъ принялся переводить снова, оставивъ въ сторонѣ трудъ Кострова. Своимъ переводомъ Гнѣдичъ, можно сказать, обогатилъ русскую литературу. Помимо того, что Иліада сообщаетъ намъ обильный матерьялъ для изученія религіозныхъ и другихъ воззрѣній древнихъ грековъ, въ ней мы находимъ такія художественныя сцены, которыя необходимо изучить, чтобы понимать искусство, процвѣтавшее вообще у древнихъ грековъ. Главное достоинство перевода Гнѣдича заключается въ его точности, но за то онъ лишенъ той простоты и безъискусственности, которыя присущи подлиннику, какъ образцу первобытнаго народнаго творчества. При всемъ своемъ образованіи и при основательномъ знакомствѣ съ древнегреческимъ языкомъ, Гнѣдичъ оставался вѣренъ принципу ложноклассической критики, и вотъ почему его переводъ изобилуетъ славянскими оборотами и часто отличается торжественностью, совершенно не свойственною поэзіи Гомера, произведенія котораго есть все-таки плодъ младенчески наивнаго воображенія. Между тѣмъ, въ предисловіи, которое приложено къ переводу Иліады, видно, что Гнѣдичъ понималъ Гомера и основательно вникъ въ сущность его произведенія. Но господствовавшая теорія такъ укоренилась въ нашей критикѣ, что отъ нея не могли отрѣшиться даже такіе даровитые люди, какъ Гнѣдичъ. Изъ оригинальныхъ произведеній Гнѣдича особеннаго вниманія заслуживаетъ идиллія «Рыбаки», содержаніе которой заимствовано изъ русской жизни. Идиллія написана въ формѣ разговора двухъ рыбаковъ, промышлявшихъ на одномъ изъ пустынныхъ невскихъ острововъ. Младшій рыбакъ—искусный игрокъ на свирѣли, привлекавшій къ себѣ окрестныхъ жителей своей дивной игрой. Старшій рыбакъ находитъ, что игра мѣшаетъ занятію, что она безполезна и можетъ довести до нищеты. Во второй части идилліи младшій рыбакъ разсказываетъ старику о томъ, какъ одинъ бояринъ увлекшись его игрой, подарилъ ему дорогую свирѣль и новый неводъ. Идиллія окан-

чивается примиреніемъ стараго раба и желаніемъ молодаго передать и внукамъ свою любовь къ пѣснямъ и игрѣ. Идиллія Гнѣдича заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ мыслей, и написана мастерски, но, къ сожалѣнію, лица, въ ней представленныя, по своимъ понятіямъ скорѣе походятъ на древнихъ грековъ, чѣмъ на простыхъ русскихъ рыбаковъ.

Обозрѣвая литературу карамзинскаго періода, мы видимъ, что она сдѣлала значительный шагъ впередъ какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Литературный языкъ сдѣлался доступнымъ для большинства читателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовалъ тому, что просвѣщеніе и литература перестали быть достояніемъ немногихъ, и распространились въ массѣ тогдашняго общества. Сантиментализмъ Карамзина и романтизмъ Жуковскаго значительно оживили нашу литературу, болѣе или менѣе сблизили ее съ дѣйствительностью, для которой не было мѣста въ ложноклассическихъ произведеніяхъ. Безъ сомнѣнія, романтизмъ—заключалъ въ себѣ свои недостатки: поэты, подобные Жуковскому, отчасти не достигали того, что было ихъ задачею, но новое направленіе важно уже по своимъ послѣдствіямъ, которыя явно обнаружились въ произведеніяхъ послѣдующихъ писателей. Вопросъ о романтизмѣ связывается съ вопросомъ о народности. Романтизмъ, какъ особенное литературное направленіе, въ различныхъ странахъ Европы имѣлъ различный характеръ. Жуковскій перенесъ въ нашу литературу романтизмъ нѣмецкій со всѣми его особенностями, а между тѣмъ въ европейской литературѣ дѣйствовали писатели, произведенія которыхъ хотя и не походили на образцы нѣмецкой поэзіи, однакоже ихъ относятъ также къ романтической школѣ, разумѣя подъ этой послѣдней—стремленіе придать литературѣ новое движеніе. Таковы, напр.: произведенія великаго Байрона, вліяніе котораго отразилось и у насъ, романы французскаго писателя В. Гюго и другихъ. Писатели не довольствовались идеалами прошлой жизни, стали обращаться къ окружающей ихъ дѣйствительности, и такъ какъ послѣдняя была исполнена многихъ недостатковъ, то литература приняла отрицательное направленіе, не переставая однакоже создавать идеальную жизнь какъ образецъ для подражанія. То же самое мы замѣчаемъ и въ русской литературѣ. Рядомъ съ романтизмомъ и сантиментальностью Жуковскаго и Карамзина, въ нашей литературѣ появляется стремленіе къ изученію рус-

ской жизни, которой мы рѣшительно не видимъ въ произведеніяхъ двухъ главныхъ представителей настоящаго періода. Повѣсти Карамзина и его послѣдователей, за весьма немногими исключеніями, изображаютъ собственно отвлеченную жизнь, а не тѣ явленія, которыя окружали писателей. Когда начались реформы Александра I, то часть общества примкнула къ нимъ, находя необходимымъ измѣнить существующій порядокъ вещей; подъ вліяніемъ этого общественнаго движенія стала развиваться и литература въ лицѣ лучшихъ ея представителей: Крылова и Грибоѣдова.

Литературная дѣятельность Крылова началась еще въ прошломъ столѣтіи, но въ этотъ періодъ времени Крыловъ шелъ по тому направленію, которое положено было другими, современными ему писателями. Слава Крылова основывается на басняхъ, сочиненіе которыхъ относится ко времени царствованія Александра I. Иванъ Андреевичъ Крыловъ (1768—1844) родился въ Москвѣ, но первые годы дѣтства провелъ въ Оренбургѣ, гдѣ служилъ его отецъ, армейскій офицеръ, извѣстный своею защитой Яицкой крѣпости отъ Пугачева и его сообщниковъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, отецъ Крылова вышелъ въ отставку и, переселившись въ Тверь, вскорѣ умеръ, оставивъ одинадцатилѣтняго сына на рукахъ матери. Довольно рано стали проявляться умственныя способности мальчика: онъ безъ всякаго руководительства прочиталъ нѣсколько книгъ изъ отцовской библіотеки и, будучи 15 лѣтъ, написалъ оперу «Кофейница», въ которой обнаружилъ свою наблюдательность и неподдѣльную остроту ума. Вынуждаемый крайнею бѣдностью, Крыловъ опредѣлился канцеляристомъ въ тверской магистратъ на самое скудное жалованье. Въ свободные отъ службы часы, онъ любилъ проводить время на базарахъ и площадяхъ, на которыхъ происходили кулачные бои, или на плоту, куда стекались водовозы и прачки. Это и было школой, въ которой молодой Крыловъ наблюдалъ за коренными свойствами русскаго человѣка и знакомился съ его языкомъ, на которомъ онъ писалъ впослѣдствіи свои басни. Переселившись въ Петербургъ, Крыловъ поступилъ на службу въ казенную палату съ жалованьемъ въ два рубля въ мѣсяцъ, но, по прошествіи шести лѣтъ, когда умерла мать, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя литературѣ. Первыми его произведеніями были ложноклассическія трагедіи «Филомела» и «Клеопатра», которыя онъ представилъ Дмитревскому, не-

тотъ нашелъ ихъ крайне неудовлетворительными. За трагедіями слѣдовало изданіе журналовъ «Почта Духовъ», «Зритель», «С.-Петербургскій Меркурій». Всѣ эти журналы отличались сатирическимъ направленіемъ; въ нихъ издатель осмѣивалъ тѣ же нравы, какіе служили матерьяломъ и для прежнихъ журналовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что сатира Крылова заключала въ себѣ больше глубины и излагалась всегда болѣе легкимъ и чистымъ языкомъ. Лучшими сатирическими статьями самого Крылова были: «Восточная повѣсть Каибъ», гдѣ осмѣиваются ложноклассическая ода, и «Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ», въ которой чрезвычайно остроумно изображается праздная жизнь помѣщиковъ. Кромѣ сатирическихъ журналовъ, Крыловъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности написалъ нѣсколько комедій каковы напр: «Урокъ дочкамъ«, «Модная лавка», «Пирогъ» и траги-комедію «Трумфъ» или «Подщипа», въ которой осмѣиваетъ ложноклассическую трагедію. Къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія относится сочиненіе басенъ, которыя навсегда опредѣлили направленіе дѣятельности Крылова, до того блуждавшаго отъ одного рода занятій къ другому. Въ 1812 году открыта была Императорская публичная библіотека, директоромъ которой назначенъ былъ Оленинъ, пригласившій къ себѣ на службу Крылова на должность библіотекаря. Съ той поры и до самой смерти, Крыловъ постоянно жилъ въ зданіи публичной библіотеки, велъ уединенную однообразную жизнь, посѣщая только домъ Оленина, да изрѣдка присутствуя на литературныхъ вечерахъ у Жуковскаго и у другихъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей. Въ характерѣ Крылова замѣчали много странностей; не даромъ сложилось про него бездна анекдотовъ, о которыхъ сообщаютъ біографы его Лобановъ и Плетневъ. Онъ всегда отличался неподвижностью, не любилъ жизни общественной, и при всемъ своемъ талантѣ и умѣ не примкнулъ къ школѣ молодыхъ писателей, не высказывалъ особеннаго сочувствія къ новому литературному движенію, а проводилъ время въ своемъ кабинетѣ за чтеніемъ самыхъ пустыхъ переводныхъ романовъ.

Послѣднія тридцать лѣтъ жизни Крыловъ исключительно писалъ басни, изъ которыхъ нѣкоторыя переведены имъ изъ Лафонтена. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи басня особенно привлекала многихъ изъ нашихъ писателей: образцы ея находимъ у Сумарокова, Державина, Дмитріева, Хемницера, Измайлова и др. Но изъ всѣхъ русскихъ

писателей одинъ Крыловъ достигъ въ этомъ случаѣ полнаго совершенства какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи: языкъ его басни,— образецъ чистаго народнаго языка, а содержаніе полно жизни, глубокаго смысла и всегда проникнуто простодушной ироніей, о которой и помину нѣтъ въ произведеніяхъ предшествовавшихъ поэтовъ. Неправильныя отношенія между людьми — вотъ главное содержаніе басенъ Крылова. Онъ осмѣиваетъ ложный взглядъ людей на собственныя силы, деспотизмъ сильнаго надъ слабымъ, эгоизмъ, вредно отражающійся на положеніи нѣкоторыхъ, говоритъ о воспитаніи и просвѣщеніи, намекая при этомъ на тѣ явленія, которыя нерѣдки были и въ нашей жизни. Нельзя сказать, чтобы всѣ басни касались вопросовъ русской жизни, есть между ними и такія, въ которыхъ баснописецъ имѣетъ въ виду общечеловѣческіе недостатки. Подобные мотивы, какъ, напр.: взяточничество, непріязненныя отношенія между сословіями, иноземное вліяніе на воспитаніе, безъ сомнѣнія, прямо относятся къ русской жизни и могутъ быть провѣрены современными записками. Разсказывая въ своихъ басняхъ о деспотизмѣ сильныхъ надъ слабыми, Крыловъ вездѣ проводитъ мораль о необходимости защиты послѣднихъ и въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуетъ безсовѣстность людей подобныхъ Волку, въ баснѣ «Волкъ и Ягненокъ», переведенной изъ Лафонтена. Воспитаніе русскихъ, по мнѣнію Крылова, исполнено недостатковъ: оно совершается подъ вліяніемъ иностранцевъ и не согласуется съ нравами и духомъ родной страны (Крестьянинъ и Змѣя, Бочка, Воспитаніе Льва). Что касается до вопроса о просвѣщеніи вообще, котораго коснулся баснописецъ въ басняхъ «Водолазы», «Огородникъ и Философъ», то въ нихъ съ одной стороны обнаруживается ложный взглядъ самого автора, съ другой его практическій умъ, ищущій въ знаніи прямого приложенія къ жизни. Въ первой баснѣ проводится та мысль, что стремленіе ума познать глубину вещей ведетъ къ гибели, но подобная мысль довольно не легко прикладывается къ наукѣ: всякому должно быть извѣстно что чѣмъ глубже проникаетъ умъ въ науку, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ возможности открыть много новыхъ истинъ, которыя, безъ сомнѣнія, кромѣ благодѣтельныхъ никакихъ другихъ послѣдствій не окажутъ. Еще болѣе ощутительнѣе становится недостатокъ взгляда, если басню примѣнить къ русской жизни, которая во времена баснописца скорѣе отличалась недостаткомъ знаній, нежели ихъ обиліемъ. Самъ

же онъ во многихъ басняхъ изображаетъ людей невѣжественныхъ, которые не только не умѣютъ цѣнить заслугъ человѣка талантливаго, но и не понимаютъ пользы знаній и науки. (Оселъ и Соловей, Свинья подъ дубомъ и др.) Въ баснѣ «Огородникъ и философъ» Крыловъ вывелъ двухъ людей: человѣка ученаго и затѣмъ человѣка практическаго и правда оказалась на сторонѣ послѣдняго. Такимъ образомъ баснописецъ въ заключительныхъ строкахъ басни, является опять защитникомъ прилежанія и навыка, совершенно неправильно противополагая ихъ философіи и книжнымъ знаніямъ, безъ которыхъ, конечно, немыслимъ успѣхъ и въ жизни практической. Въ басняхъ «Музыканты», «Бритвы» и т. п. Крыловъ является защитникомъ ума, но вѣдь умъ развивается путемъ знаній, а слѣдовательно и теорій, которыя составляютъ собою содержаніе всякой науки. Вообще басня Крылова какъ разсказъ заключаетъ много достоинствъ, но нельзя того-же сказать относительно ея морали, которая, какъ мы видимъ, часто проводитъ несовсѣмъ правильный взглядъ. Въ числѣ басенъ, касающихся русской жизни, есть и такія, въ которыхъ Крыловъ намекаетъ на историческія событія своего времени таковы: «Волкъ на Псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и Курица».

Главныя свойства басни—аллегорія и иронія. Аллегорію Крыловъ заимствуетъ изъ народныхъ сказокъ о животныхъ, а также изъ пословицъ. Но онъ не всегда сохраняетъ тѣ черты животныхъ, какія имъ присущи по народному взгляду и часто прибавляетъ отъ себя Такъ, напр.: въ баснѣ «Трудолюбивый Медвѣдь», подъ видомъ медвѣдя съ именемъ котораго связано понятіе о неуклюжести, баснописецъ изображаетъ человѣка нетерпѣливаго. Подобныя отступленія объясняются цѣлями басни: она всегда является какъ сатира на общественные и общечеловѣческіе недостатки, и потому баснописцу невозможно было довольствоваться только тѣмъ, что могъ ему дать русскій животный эпосъ. Что касается до ироніи, то она всегда отличается и краткостью и необыкновенною мѣткостью, до чего не достигалъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ баснописцевъ.

Достоинство басенъ Крылова заключается преимущественно въ ихъ языкѣ. Русская поэзія впервые въ лицѣ Крылова заговорила народнымъ языкомъ и обнаружила чисто русское міросозерцаніе. Многія изреченія Крылова обратились въ пословицы, употребляются подобно тѣмъ, какія создались путемъ народнаго творчества. Но

нельзя согласиться съ мнѣніемъ Гоголя, что у Крылова всюду Русь и пахнетъ Русью. Традиціи ложноклассицизма и романтизма оказали свое вліяніе и на басню Крылова. Во многихъ басняхъ встрѣчаются миѳологическія имена: Зевесъ, Юпитеръ, Аврора, Орестъ и Пиладъ и т. п., такъ что языкъ дѣлается непонятнымъ для человѣка, незнакомаго съ миѳологіею грековъ и римлянъ. Часто занимаясь переводамъ Лафонтена, Крыловъ вдавался и въ романтическое направленіе подобное тому, какое обнаруживается въ баснѣ «Оселъ и Соловей», гдѣ появляются пастушокъ съ пастушкой, совершенно не гармонирующіе съ русскою дѣйствительностью.

Басни Крылова пользуются извѣстностью и за границей: онѣ переведены на многіе европейскіе языки. Безъ сомнѣнія, переводъ не можетъ выразить всѣхъ оттѣнковъ языка, исполненнаго многихъ идіотизмовъ, и потому многія басни останутся непонятными для иностранца, притомъ незнакомаго съ условіями обыденной русской жизни. Хотя Крыловъ относится къ Карамзинскому періоду русской литературы, но тѣмъ не менѣе его талантъ далъ образцы самобытной поэзіи, которая указала путь для дальнѣйшихъ успѣховъ литературы на поприщѣ сближенія послѣдней съ русскою дѣйствительностью.

Въ басняхъ Крылова мы находимъ только нѣкоторыя черты, которыя можно отнести къ явленіямъ русской жизни. Полная картина современнаго общества изображена въ первый разъ въ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», принадлежащей, какъ извѣстно, къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ русской драматической поэзіи. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ (1795—1829) родился въ Москвѣ. Родители серьозно заботились о его развитіи и дали ему прекрасное воспитаніе. Пятнадцати лѣтъ Грибоѣдовъ поступилъ въ университетъ и вышелъ оттуда со степенью кандидата правъ. Знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ давало возможность юношѣ читать произведенія лучшихъ писателей и значительно возвышало его надъ обыкновеннымъ уровнемъ развитія, какимъ пользовались его сверстники. Кромѣ того, Грибоѣдовъ основательно изучилъ теорію музыки и, отлично играя на фортепьяно, принималъ живое участіе въ музыкальныхъ вечерахъ. Вступивъ по обычаю того времени въ военную службу (это было въ 1812 году), Грибоѣдовъ отправился въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ находился гусарскій полкъ, въ который онъ былъ

опредѣленъ. Положеніе военнаго офицера было не по душѣ даровитому юношѣ. «Я въ этой дружинѣ, писалъ онъ въ 1817 г. побылъ всего четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный». Въ 1815 году Грибоѣдовъ переселился въ Петербургъ и тотчасъ же поставилъ на сцену свою комедію «Молодые Супруги», которая была написана во время пребыванія въ полку. Съ этой поры Грибоѣдовъ посвящаетъ себя литературѣ и театру, сводитъ знакомство со многими писателями и занимается для сцены переводами французскихъ піесъ, сообща съ Жандромъ, кн. Шаховскимъ и др. Въ комедіи «Своя семья или замужняя невѣста» писанная вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ, Грибоѣдову принадлежитъ нѣсколько сценъ 2-го акта. Въ 1818 году Грибоѣдовъ опредѣленъ былъ секретаремъ персидскаго посольства и отправился въ Таврисъ. Въ Персіи Грибоѣдовъ изучилъ персидскій и арабскій языки, но жизнь вдали отъ родины, среди людей, интересы которыхъ не могли привлекать человѣка образованнаго, жажда совершенно иной дѣятельности, были причиною недовольства, которое часто обнаруживается въ письмахъ Грибоѣдова къ другу Бѣгичеву. Въ Персіи былъ составленъ планъ знаменитой комедіи, вполнѣ опредѣлившійся уже въ 1822 году, когда Грибоѣдовъ переселился въ Грузію и служилъ тамъ подъ начальствомъ главноуправляющаго Ермолова. Въ томъ же году онъ, получивъ отпускъ, пріѣхалъ въ Москву, и ознакомившись вновь съ тогдашнимъ московскимъ обществомъ, многое измѣнилъ въ своей комедіи. Изъ Москвы Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ, чтобы хлопотать тамъ о постановкѣ піесы. Но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ: комедія не была разрѣшена тогдашней цензурой, напрасно подозрѣвавшей автора въ неблагонамѣренныхъ тенденціяхъ. Между тѣмъ въ рукописи произведеніе Грибоѣдова переходило изъ рукъ въ руки, и съ теченіемъ времени накопилось очень много рукописныхъ экземпляровъ комедіи. Отношеніе къ ней цензуры огорчило Грибоѣдова: въ немъ было слишкомъ много честолюбія, чтобы ограничиться, какъ онъ самъ говоритъ со злостью, грошовыми одобреніями общества и его дурацкими рукоплесканіями. Недовольство Грибоѣдова жизнью, его окружавшею, было слѣдствіемъ его возвышенныхъ стремленій, которыя постоянно шли въ разладъ съ дѣйствительностью, на самомъ дѣлѣ далеко неудовлетворительною во многихъ отношеніяхъ. Немудрено, что изоб-

ражая въ лицѣ Чацкаго человѣка съ возвышенной душой, авторъ комедіи вылилъ всю свою злобу въ монологахъ, которые всегда отличаются энергіею и рѣзкостью тона, порожденныхъ простительною раздражительностью. Вернувшись въ Грузію, Грибоѣдовъ во время войны съ Персіею принималъ живое участіе въ дѣлахъ политическихъ, но въ своихъ письмахъ выражаетъ мысль — совершенно о другомъ призваніи. «Буду-ли когда нибудь независимымъ отъ людей, писалъ онъ. Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ, статься, на перекоръ судьбы. Поэзія! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобъ себя прославить? И наконецъ, что слава? по словамъ Пушкина: яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца. Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ работъ? Все таки Шереметьевъ у насъ затмилъ бы Омира. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ. Кончится кампанія и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда негожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы къ ближнему. Я рожденъ для другаго поприща». Но судьба рѣшила иначе. По окончаніи войны, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ для поднесенія Государю мирнаго трактата, и скоро, какъ человѣкъ образованный и знающій персидскій языкъ, назначенъ былъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Эта была послѣдная поѣздка въ Персію. Въ 1829 году Грибоѣдовъ во время возстанія въ Тегеранѣ былъ убитъ бунтовщиками. Тѣло его, разрубленное на части, съ трудомъ было найдено, отвезено въ Тифлисъ, гдѣ и предано землѣ въ Монастырѣ Св. Давида. — А. С. Пушкинъ сдѣлалъ довольно вѣрный отзывъ о характерѣ Грибоѣдова: «Его меланхолическій характеръ, говоритъ онъ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, — все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго онъ былъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храб-

рость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» принадлежитъ къ образцовымъ произведеніямъ настоящаго столѣтія, изображающимъ русскую жизнь съ тѣми ея недостатками, которые накопились въ теченіе долгаго времени подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій. Со времени Петра Великаго русское общество входило въ сношенія съ западноевропейскою цивилизаціею, но такъ какъ оно далеко не было еще такъ развито, чтобы понимать благодѣтельное вліяніе западной науки и просвѣщенія, то и бросилось на одну внѣшнюю сторону европейской жизни. Внѣшній лоскъ, т. е. умѣнье держать себя въ обществѣ, парижская мода, роскошная обстановка жизни—вотъ главнымъ образомъ тѣ предметы, къ которымъ стало стремиться русское общество, совершенно не обращая вниманія на то, что истинное достоинство человѣка заключается въ его нравственномъ и умственномъ развитіи, а не въ модномъ фракѣ и лакированныхъ ботинкахъ. Съ другой стороны, и правительственныя реформы, возникшія при Петрѣ и неправильно понятыя обществомъ,[1] повліяли на его убѣжденія и строй жизни. Учрежденіе званія чиновника, вызванное исключительно желаніемъ поднять личныя заслуги каждаго, взамѣнъ родовыхъ отличій, въ дѣйствительности произвело много злоупотребленій. Въ обществѣ появилась страсть къ чинамъ: для достиженія высокаго положенія въ свѣтѣ люди стали злоупотреблять своею властью, и такъ какъ нравственное и умственное развитіе стояло далеко не на высокомъ уровнѣ, то и понятно, что и на должность тотъ или другой чиновникъ смотрѣлъ только какъ на источникъ, удовлетворявшій его личный эгоизмъ, и оставлялъ въ сторонѣ такія требованія, какъ нравственная отвѣтственность передъ закономъ и безкорыстное служеніе на пользу общественныхъ интересовъ. Если при такомъ положеніи вещей принять во вниманіе отсутствіе національнаго воспитанія, которое всегда можетъ способствовать уничтоженію общественныхъ недостатковъ, то картина жизни, предста-

вленная въ комедіи Грибоѣдова, становится совершенно ясною. Представителемъ Московскаго общества, въ которомъ отражается отрицательная сторона русской жизни, является Фамусовъ. Это баринъ-чиновникъ ,достигшій виднаго мѣста путемъ различныхъ происковъ; человѣкъ богатый онъ оцѣниваетъ достоинства другого не по нравственнымъ качествамъ, а по богатству или по видному положенію въ свѣтѣ, унижается передъ Скалозубомъ, который скоро будетъ генераломъ и можетъ быть приличной партіей для его дочери Софьи. Какъ отецъ, Фамусовъ по видимому обращаетъ вниманіе на воспитаніе дочери, но онъ не понимаетъ въ чемъ состоитъ сущность нравственнаго и умственнаго образованія и, если заботится объ этомъ, то единственно для того, чтобы не отстать отъ господствовавшей тогда моды. Заставъ послѣ бала Софью съ Чацкимъ въ швейцарской, онъ возмущается ея поступкомъ, но только потому, что можетъ объ этомъ узнать свѣтъ, наконецъ княгиня Марья Алексѣевна, отзывы которой для Фамусова казались важными, такъ какъ могли повліять на репутацію его семьи. Таковъ же Фамусовъ и въ служебной карьерѣ. Онъ и здѣсь обращаетъ вниманіе на одну только *внѣшность*. Подписано и съ плечъ долой, говоритъ онъ Молчалину. Въ службѣ Фамусовъ считаетъ главнымъ лесть и прислуживаніе съ цѣлью достигнуть знатности и чиновъ, а слѣдовательно не считаетъ ее нравственнымъ долгомъ. Фамусовъ, позволяющій иногда полиберальничать съ подобными себѣ стариками, терпѣть не можетъ молодыхъ людей, не желающихъ подчиниться свѣтскимъ обычаямъ общества. Онъ называетъ Чацкаго карбонаромъ, вольнодумцемъ, человѣкомъ опаснымъ, когда тотъ сталъ говорить о томъ, что на службѣ смѣшно прислуживаться, что надо служить дѣлу, а не лицамъ. Молчалинъ, служащій у Фамусова, идетъ по слѣдамъ своего начальника, онъ готовъ пресмыкаться до послѣдней степени передъ всякою особою, отъ которой зависитъ его личное повышеніе. Онъ не стыдится говорить, что любитъ Софью по должности, т. е. чтобы только составить себѣ каррьеру, и не въ состояніи выражать своихъ мнѣній, если только вступаетъ разговоръ съ человѣкомъ имѣющимъ высокій чинъ. Авторъ не ограничивается Фамусовымъ. Чтобы полнѣе ознакомить читателя съ обществомъ, онъ выводитъ на сцену еще нѣсколько типовъ. Передъ нами проходятъ какъ живые, Загорецкій, Скалозубъ, Репетиловъ и другіе. Скалозубъ первое лицо въ домѣ Фамусова, онъ подоб-

но послѣднему, помѣшался на чинахъ и почестяхъ. Авторъ очень остроумно смѣется надъ глупостью Скалозуба, надъ его вѣчными разговорами о погончикахъ и петличкахъ, при чемъ весьма удачно подражаетъ тому способу выраженія, который употребляли люди, подобные Скалозубу. Другая сторона тогдашней жизни осмѣяна въ лицѣ Репетилова. Репетиловъ кутила, онъ принимаетъ участіе въ обществѣ, которое, по его словамъ, имѣетъ въ виду какія-то высокія цѣли, а на самомъ дѣлѣ оно состоитъ изъ пройдохъ, проводящихъ время въ кутежахъ и шумныхъ попойкахъ. Все, что говоритъ Репетиловъ, есть просто безсознательная болтовня пустого человѣка, а самъ онъ принадлежитъ къ тому разряду крикуновъ, рѣчи которыхъ для каждаго умнаго человѣка должны казаться совершенною нелѣпостью, происходящею отъ бездѣятельной и пустой жизни. У Репетиловѣ нѣтъ своихъ убѣжденій, онъ говоритъ и дѣйствуетъ только по внушенію обстоятельствъ съ чужого голоса и готовъ соглашаться съ мнѣніемъ каждаго встрѣчнаго, неразмышляя вовсе основательно оно или нѣтъ. Не менѣе удачно воспроизведены въ комедіи и женскіе типы. Въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ изображенъ вечеръ въ домѣ Фамусова, появляются княгиня Тугоуховская съ шестью дочерьми, которымъ она отыскиваетъ жениховъ; графиня Хрюмина, Хлестова и другія. Всѣ онѣ пріѣжаютъ на балъ съ единственною цѣлью посплетничать и поболтать всякій вздоръ. Главнымъ лицомъ въ кругу женскихъ типовъ является Софья, дочь Фамусова. Это сантиментальная дѣвушка, безумно полюбившая пройдоху Молчалина за его смиреніе и угодливость. Она такъ увлеклась своею любовью, что не замѣчаетъ тѣхъ пошлыхъ сторонъ, которыя представлены авторомъ въ характерѣ Молчалина. Безъ сомнѣнія, любовь Софьи къ Молчалину доказываетъ только ея умственную неразвитость. Неужели она не могла видѣть всю гнусность человѣка, который, притворно любя ее, волочится за горничной Лизой? Но при такомъ воспитаніи, какое могли давать своимъ дѣтямъ отцы, подобные Фамусову, очень легко могли вырабатываться личности, подобныя Софьѣ.—Чтеніе французскихъ романовъ, сплошь и рядомъ наполненныхъ соблазнительными сценами и картинами, было въ то время однимъ изъ средствъ просвѣщенія и конечно не могло не отражаться часто вреднымъ образомъ на поступкахъ и характерахъ читательницъ, не подготовленныхъ вовсе къ серьозному труду.

Рисуя картину общественныхъ недостатковъ своей эпохи, Грибоѣдовъ является и критикомъ этихъ недостатковъ въ лицѣ Чацкаго, какъ представителя молодаго поколѣнія. Молодой человѣкъ, побывавшій за границей для усовершенствованія своего образованія, Чацкій пріѣзжаетъ въ Москву и, вступая въ то общество, въ которомъ онъ жилъ прежде, замѣчаетъ массу уродливыхъ явленій, укоренившихся издавна. Какъ человѣкъ истинно просвѣщенный, онъ возмущается пустотою жизни, лестью, господствовавшею въ чиновничьей сферѣ, безнравственностью отношеній между людьми, называющими себя образованными, и невольно является рьянымъ врагомъ всего этого дѣлается противникомъ общества, громитъ его длинными и рѣзкими обличительными рѣчами. Въ монологахъ Чацкаго много справедливыхъ мыслей, но онѣ не что иное какъ голосъ въ пустынѣ. Общество, въ которомъ господствуетъ развратъ, прикрытый конечно свѣтскими ширмами, никакъ не можетъ отказаться отъ своихъ завѣтныхъ стремленій, и немудрено, что оно признало Чацкаго за сумасшедшаго, такъ какъ его идеи о безкорыстномъ служеніи дѣлу, о необходимости самостоятельнаго взгляда и науки, шли совершенно въ разрѣзъ съ укоренившимися обычаями высшаго свѣта. Чацкій человѣкъ страшно увлекающійся и часто, въ увлеченіи, онъ впадаетъ въ противорѣчія, что конечно падаетъ виною на самаго автора. Идея Чацкаго о подражаніи китайцамъ, вражда его противъ иностранной одежды какъ-то не гармонируютъ съ тѣмъ смысломъ, которымъ вообще проникнутъ этотъ характеръ. Если въ обществѣ находятся многія уродливыя явленія, то это происходитъ скорѣе отъ недостатка умственнаго и нравственнаго развитія, а вовсе не отъ фраковъ и моднаго платья, противъ которыхъ такъ возстаетъ Чацкій. Въ монологахъ Чацкаго нельзя не видѣть намека на убѣжденія той стороны общества, которая, воспитавшись на идеяхъ Запада, составляла такъ называемую интелигенцію, отрицавшую принципы, господствовавшіе издавна въ русскомъ обществѣ. Все молодое поколѣніе, а за нимъ и самъ авторъ комедіи разумѣется не могли сочувствовать тѣмъ порядкамъ, которые укоренились въ обществѣ и противорѣчили разумному идеалу жизни. Странно, что авторъ комедіи не замѣтилъ того ложнаго положенія, въ которое поставилъ себя Чацкій. Чацкій любитъ Софью и разсчитывая на взаимность, въ то же время бранитъ ей въ глаза окружающее ее общество, въ которомъ она сама

является также однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Кромѣ того, Чацкій, думая реформировать общество, употребляетъ вовсе не подходящія къ тому средства: онъ является на вечеръ къ Фамусову, и чуть не въ глаза начинаетъ каждому указывать его недостатки, совершенно забывая, что подобное обращеніе съ людьми послужитъ только во вредъ проповѣдуемой имъ идеи. Однимъ словомъ, какъ обличитель общественныхъ недостатковъ, Чацкій заслуживаетъ полнаго уваженія, но какъ дѣйствующее лицо онъ отъ начала и до конца комедіи поставленъ въ ложное положеніе.

Мы уже сказали, что комедія Грибоѣдова, какъ изображеніе общественныхъ нравовъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, но нельзя того-же сказать въ отношеніи ея теоретической стороны. Идея комедіи—представить новые принципы жизни въ борьбѣ съ рутиной и традиціями стараго времени, — не согласуется съ содержаніемъ комедіи, съ ея основнымъ сюжетомъ, который заключается въ любви Чацкаго къ Софьѣ. Отдѣльныя части піесы ничѣмъ не связываются другъ съ другомъ, лица появляются на сцену совершенно случайно, при чемъ все произведеніе основано не на дѣйствіи, а на разговорахъ, изъ которыхъ многіе не имѣютъ никакаго отношенія къ главной идеѣ комедіи. Кромѣ того, и въ изображеніи комическихъ характеровъ мы замѣчаемъ нѣкоторыя противорѣчія. Такъ Фамусовъ вмѣсто того, чтобы расхваливать то общество, какъ оно и слѣдовало бы, судя по идеѣ этого лица, начинаетъ читать эпиграммы, бранитъ Кузнецкій мостъ, французскую моду, т. е. вообще вооружается противъ того, что господствуетъ въ глубоко чтимомъ имъ высшемъ свѣтѣ. За исключеніемъ указанныхъ недостатковъ, комедія Грибоѣдова принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ русской поэзіи. Не говоря о языкѣ, изобилующемъ выраженіями, которыя обратились въ пословицы, въ комедіи впервые представлена была русская жизнь со всѣми ея недостатками. Какъ произведеніе человѣка даровитаго, «Горе отъ ума», содѣйствовало пробужденію самосознанія въ нашемъ обществѣ и указало на тѣ лучшія стремленія, осуществленіе которыхъ обусловливалось успѣхами истинной образованности.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ (пушкинскій).

Ал. С. Пушкинъ его жизнь и сочиненія. — Послѣдователи Пушкина: Веневитиновъ, Козловъ, Дельвигъ, Языковъ, Давыдовъ, кн. Вяземскій и Баратынскій. — Поэзія подъ вліяніемъ изученія народной литературы: Цыгановъ и Ершовъ. — Вліяніе Байрона, жизнь и сочиненія Лермонтова, какъ главнаго представителя поэзіи послѣ Пушкина. — Литература романовъ: Лажечниковъ, Загоскинъ, Марлинскій и др. — Литературная критика Пушкинскаго періода. — Жизнь и сочиненія Н. А. Полеваго.

Во всякой литературѣ встрѣчаются имена писателей, которыя становятся дарогими для каждаго, сочувствующаго поэзіи и, надолго живутъ въ памяти потомства, несмотря на то, что въ жизни послѣдняго пробудилось уже много другихъ интересовъ, чуждыхъ прежнему поколѣнію. Къ такимъ именамъ въ русской литературѣ мы должны причислить имя Пушкина, произведенія котораго извѣстны всей читающей Россіи. Со времени его поэтической дѣятельности начинается по справедливости новый періодъ русской литературы и поэзіи, богатый произведеніями разнообразныхъ родовъ. Не говоря о художественной формѣ, которая въ поэзіи Пушкина доведена до высочайшей степени совершенства, Пушкинъ даетъ новое содержаніе поэзіи, сближая ее съ жизнью и дѣйствительностью, къ чему напрасно стремилась романтическая школа поэтовъ. Пушкинъ былъ первый поэтъ, художникъ въ истинномъ и весьма широкомъ значеніи этого слова, онъ первый изъ русскихъ поэтовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ талантовъ, которые не стѣсняются формой, умѣютъ проникнуть во всякую сферу жизни и придать изображенію ту простоту, которая всегда бываетъ принадлежностью истинной поэзіи.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1799 году. Отецъ его Сергѣй Львовичъ служилъ въ военной службѣ и, по выходѣ въ отставку, велъ свѣтскую жизнь, поставилъ свой домъ на аристократическую ногу, устраивалъ часто званые вечера, на которыхъ присутствовали многіе изъ извѣстныхъ въ то время писателей. Отецъ и нѣкоторые родственники Пушкина любили литературу, но смотрѣли на нее какъ на простую забаву и удовольствіе. Василій Львовичъ, дядя нашего поэта, пользовался извѣстностью въ тогдашней литературѣ, какъ авторъ шутливыхъ и довольно остроумныхъ стиховъ, въ которыхъ не было и намека на серьезную мысль. Еще въ дѣтствѣ Александръ Сергѣевичъ знакомился съ писателями, часто слушалъ ихъ разговоры, и скоро почувствовалъ любовь къ чтенію. Библіотека отца состояла изъ произведеній французскихъ писателей прошлаго столѣтія. Маленькій Пушкинъ читалъ все это съ жадностью и такимъ образомъ совершенно самостоятельно развивалъ самого себя, прогрессивно увеличивалъ запасъ свѣдѣній и понятій, изъ которыхъ многія были доступны мальчику, только потому, что онъ отъ природы отличался рѣдкою даровитостью. Воспитаніе, которое давалось тогда дѣтямъ аристократическаго происхожденія, отличалось французскимъ направленіемъ. Съ младенческихъ лѣтъ дѣтей окружали иностранные гувернеры и гувернантки, которые могли выучивать только болтать на иностранныхъ языкахъ и съ достоинствомъ держать себя въ домахъ большаго свѣта. Пушкинъ самъ подвергся вліянію аристократическаго воспитанія; съ дѣтства поэтъ не слыхалъ почти ни одного русскаго слова и только благодаря своей нянькѣ, Аринѣ Родіоновнѣ, изрѣдка знакомился съ русскими народными сказками. Кромѣ незнанія родной рѣчи тогдашнее воспитаніе влекло за собою и другія вредныя послѣдствія. Дѣтей мало пріучали къ серьезному труду, ограничивались только одною внѣшностью, которая впослѣдствіи и отражалась на нихъ, когда они вступали въ ту или другую сферу общественной дѣятельности. Небольшею серьезностью и дѣльностью отличалась и система воспитанія въ томъ заведеніи, въ которомъ довершилъ свое образованіе Пушкинъ. Въ 1811 году открытъ былъ лицей въ Царскомъ Селѣ. Воспитанники этого заведенія пользовались значительною свободою, которою нерѣдко подъ вліяніемъ увлеченій молодости злоупотребляли, при томъ преподаваніе велось почти безъ всякой системы. На юношей, одаренныхъ

природнымъ талантомъ неудовлетворительность современнаго школьнаго образованія, не могла, разумѣется, имѣть слишкомъ вреднаго вліянія. Пушкинъ особенно занимался литературой, на которую было обращено больше вниманія, чѣмъ на другіе предметы. Часто лицеисты собирались въ извѣстные дни съ цѣлью бесѣдовать о литературѣ, прочитывать свои произведенія и въ этихъ собраніяхъ самое живое участіе принималъ Пушкинъ. Мало-по-малу въ немъ сталъ обнаруживаться поэтическій талантъ; отъ французскихъ стиховъ, которые писалъ еще дома, онъ перешелъ къ русскимъ стихотвореніямъ, изъ которыхъ нѣкоторые попали въ печать еще во время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ. Въ 1817 году Пушкинъ окончилъ курсъ въ лицеѣ и тотчасъ же окунулся въ свѣтскую жизнь, удовольствія которой весьма легко могли привлечь пылкаго и впечатлительнаго юношу, какимъ былъ нашъ поэтъ. Любя жизнь общественную, Пушкинъ охотно посѣщалъ веселыя собранія тогдашней молодежи, но эти посѣщенія не были вовсе его потребностью: при всемъ своемъ страстномъ характерѣ, онъ умѣлъ сдерживать порывы своей натуры и не разъ, благодаря богатству своихъ нравственныхъ силъ, обнаруживалъ отвращеніе къ пустотѣ той жизни, которая заставляла многихъ совершенно непроизводительно тратить и духовныя и физическія силы.

Вращаясь преимущественно въ аристократическихъ кружкахъ, поэтъ слѣдилъ и за различными сторонами господствовавшей въ нихъ жизни, и мало по малу изучалъ тѣ понятія, которыя впослѣдствіи изобразилъ въ своемъ романѣ «Евгеній Онѣгинъ». Посреди свѣтской жизни, исполненной многихъ развлеченій, Пушкинъ не покидалъ столь любимаго имъ занятія литературой и поэзіею, и тотчасъ, по окончаніи курса, примкнулъ къ тому обществу современныхъ писателей, которое получило названіе «Арзамаса». Въ то время существовало у насъ много литературныхъ обществъ; каковы напр.: Общество любителей словесности при московскомъ университетѣ, Петербургское общество любителей словесности наукъ и художествъ и др. Каждое изъ нихъ имѣло свой органъ въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Но тогдашняя журналистика находилась въ самомъ жалкомъ состояніи; не говоря объ отсутствіи серьезнаго литературнаго направленія, которое бы преслѣдовало какую нибудь теорію, журналы, бывшіе органами литературныхъ об-

ществъ, наполнялись образцами самой посредственной беллетристики, и критическій отдѣлъ ихъ, за исключеніемъ статей извѣстнаго уже намъ Мерзлякова, носилъ школьный характеръ, который не могъ привлечь собою даже не очень взыскательныхъ читателей того времени. Арзамасское общество, къ которому примкнулъ Пушкинъ, по своей задачѣ и направленію стояло далеко выше другихъ. Возникнувъ для противодѣйствія «Бесѣдѣ любителей россійскаго слова», во главѣ которой стоялъ А. С. Шишковъ, общество молодыхъ писателей не имѣло въ виду никакой преднамѣренной теоріи, а просто состояло изъ небольшой партіи писателей, желавшихъ уничтожить напыщенность и торжественность, которыя проникли въ произведенія поэзіи подъ вліяніемъ псевдо-классицизма. «Арзамасъ» покровительствовалъ молодымъ талантамъ, полагая, что для каждаго дѣятеля должна быть свободна, открыта дорога. Къ нему принадлежали Жуковскій, Карамзинъ, Блудовъ — вообще люди, сочувствовавшіе просвѣщенію и литературѣ и съ восторгомъ принимавшіе въ свой кругъ всякаго молодаго писателя, показывавшаго блестящія надежды въ будущемъ. Пушкинъ пользовался большимъ почетомъ въ обществѣ и надежды послѣдняго вполнѣ оправдались. Въ 1820 году вышла въ свѣтъ первая поэма молодого писателя «Русланъ и Людмила», поставившая Пушкина въ рядъ первоклассныхъ поэтовъ—художниковъ. — Время, въ которое началъ свою дѣятельность Пушкинъ, было крайне неблагопріятно для литературнаго движенія вообще. Строгость цензуры, возникшая подъ вліяніемъ реакціи, которая произошла у насъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, значительно задерживала развитіе литературы, и еще болѣе увеличивалась, когда поэзія принимала свободное направленіе. Всегда увлекающійся и впечатлительный, Пушкинъ сталъ писать довольно свободные стихи, что вызвало противъ него преслѣдованіе, кончившееся, и то благодаря заступничеству Карамзина, высылкою его изъ Петербурга на югъ Россіи. Оставивъ столицу, Пушкинъ переселился въ Кишиневъ, подъ начальство генерала Инзова, занимавшаго должность попечителя колонистовъ южнаго края. Изъ Кишинева Пушкинъ съѣздилъ на Кавказъ, величественная природа котораго такъ хорошо воспроизведена была поэтомъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Время ссылки вообще было эпохою самообразованія для Пушкина: здѣсь онъ значительно выполнилъ то, чего не могла дать

ему ни школа, ни современная журналистика. Во время пребыванія на Кавказѣ, Пушкинъ вмѣстѣ съ семействомъ генерала Раевскаго, дочери котораго принадлежали къ числу образованнѣйшихъ женщинъ, принялся за изученіе англійскаго языка и чтеніи сочиненій Байрона, вліяніе которыхъ отразилось отчасти на поэмахъ, вышедшихъ послѣ «Руслана и Людмилы». Въ Кишиневѣ Пушкинъ занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ и легендъ, дѣлалъ большія выписки изъ прочитанныхъ сочиненій. Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ серьезную сторону своей тогдашней жизни.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ,
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Къ этому же времени біографъ Пушкина г. Анненковъ относитъ и статью «Нѣкоторыя историческія замѣчанія», гдѣ поэтъ нашъ выразилъ мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, назвавъ это послѣднее общимъ зломъ. Пушкинъ такъ увлекся этимъ вопросомъ, что задумалъ написать піэсу, желая выставить въ ней вредную сторону крѣпостничества, но отъ нея остался только одинъ планъ, находя-

*

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1799 году. Отецъ его Сергѣй Львовичъ служилъ въ военной службѣ и, по выходѣ въ отставку, велъ свѣтскую жизнь, поставилъ свой домъ на аристократическую ногу, устраивалъ часто званые вечера, на которыхъ присутствовали многіе изъ извѣстныхъ въ то время писателей. Отецъ и нѣкоторые родственники Пушкина любили литературу, но смотрѣли на нее какъ на простую забаву и удовольствіе. Василій Львовичъ, дядя нашего поэта, пользовался извѣстностью въ тогдашней литературѣ, какъ авторъ шутливыхъ и довольно остроумныхъ стиховъ, въ которыхъ не было и намека на серьезную мысль. Еще въ дѣтствѣ Александръ Сергѣевичъ знакомился съ писателями, часто слушалъ ихъ разговоры, и скоро почувствовалъ любовь къ чтенію. Библіотека отца состояла изъ произведеній французскихъ писателей прошлаго столѣтія. Маленькій Пушкинъ читалъ все это съ жадностью и такимъ образомъ совершенно самостоятельно развивалъ самого себя, прогрессивно увеличивалъ запасъ свѣдѣній и понятій, изъ которыхъ многія были доступны мальчику, только потому, что онъ отъ природы отличался рѣдкою даровитостью. Воспитаніе, которое давалось тогда дѣтямъ аристократическаго происхожденія, отличалось французскимъ направленіемъ. Съ младенческихъ лѣтъ дѣтей окружали иностранные гувернеры и гувернантки, которые могли выучивать только болтать на иностранныхъ языкахъ и съ достоинствомъ держать себя въ домахъ большаго свѣта. Пушкинъ самъ подвергся вліянію аристократическаго воспитанія; съ дѣтства поэтъ не слыхалъ почти ни одного русскаго слова и только благодаря своей нянькѣ, Аринѣ Родіоновнѣ, изрѣдка знакомился съ русскими народными сказками. Кромѣ незнанія родной рѣчи тогдашнее воспитаніе влекло за собою и другія вредныя послѣдствія. Дѣтей мало пріучали къ серьезному труду, ограничивались только одною внѣшностью, которая впослѣдствіи и отражалась на нихъ, когда они вступали въ ту или другую сферу общественной дѣятельности. Небольшею серьезностью и дѣльностью отличалась и система воспитанія въ томъ заведеніи, въ которомъ довершилъ свое образованіе Пушкинъ. Въ 1811 году открытъ былъ лицей въ Царскомъ Селѣ. Воспитанники этого заведенія пользовались значительною свободою, которою нерѣдко подъ вліяніемъ увлеченій молодости злоупотребляли, при томъ преподаваніе велось почти безъ всякой системы. На юношей, одаренныхъ

природнымъ талантомъ неудовлетворительность современнаго школьнаго образованія, не могла, разумѣется, имѣть слишкомъ вреднаго вліянія. Пушкинъ особенно занимался литературой, на которую было обращено больше вниманія, чѣмъ на другіе предметы. Часто лицеисты собирались въ извѣстные дни съ цѣлью бесѣдовать о литературѣ, прочитывать свои произведенія и въ этихъ собраніяхъ самое живое участіе принималъ Пушкинъ. Мало-по-малу въ немъ сталъ обнаруживаться поэтическій талантъ; отъ французскихъ стиховъ, которые писалъ еще дома, онъ перешелъ къ русскимъ стихотвореніямъ, изъ которыхъ нѣкоторые попали въ печать еще во время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ. Въ 1817 году Пушкинъ окончилъ курсъ въ лицеѣ и тотчасъ же окунулся въ свѣтскую жизнь, удовольствія которой весьма легко могли привлечь пылкаго и впечатлительнаго юношу, какимъ былъ нашъ поэтъ. Любя жизнь общественную, Пушкинъ охотно посѣщалъ веселыя собранія тогдашней молодежи, но эти посѣщенія не были вовсе его потребностью: при всемъ своемъ страстномъ характерѣ, онъ умѣлъ сдерживать порывы своей натуры и не разъ, благодаря богатству своихъ нравственныхъ силъ, обнаруживалъ отвращеніе къ пустотѣ той жизни, которая заставляла многихъ совершенно непроизводительно тратить и духовныя и физическія силы.

Вращаясь преимущественно въ аристократическихъ кружкахъ, поэтъ слѣдилъ и за различными сторонами господствовавшей въ нихъ жизни, и мало по малу изучалъ тѣ понятія, которыя впослѣдствіи изобразилъ въ своемъ романѣ «Евгеній Онѣгинъ». Посреди свѣтской жизни, исполненной многихъ развлеченій, Пушкинъ не покидалъ столь любимаго имъ занятія литературой и поэзіею, и тотчасъ, по окончаніи курса, примкнулъ къ тому обществу современныхъ писателей, которое получило названіе «Арзамаса». Въ то время существовало у насъ много литературныхъ обществъ; каковы напр.: Общество любителей словесности при московскомъ университетѣ, Петербургское общество любителей словесности наукъ и художествъ и др. Каждое изъ нихъ имѣло свой органъ въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Но тогдашняя журналистика находилась въ самомъ жалкомъ состояніи; не говоря объ отсутствіи серьезнаго литературнаго направленія, которое бы преслѣдовало какую нибудь теорію, журналы, бывшіе органами литературныхъ об-

ществъ, наполнялись образцами самой посредственной беллетристики, и критическій отдѣлъ ихъ, за исключеніемъ статей извѣстнаго уже намъ Мерзлякова, носилъ школьный характеръ, который не могъ привлечь собою даже не очень взыскательныхъ читателей того времени. Арзамасское общество, къ которому примкнулъ Пушкинъ, по своей задачѣ и направленію стояло далеко выше другихъ. Возникнувъ для противодѣйствія «Бесѣдѣ любителей россійскаго слова», во главѣ которой стоялъ А. С. Шишковъ, общество молодыхъ писателей не имѣло въ виду никакой преднамѣренной теоріи, а просто состояло изъ небольшой партіи писателей, желавшихъ уничтожить напыщенность и торжественность, которыя проникли въ произведенія поэзіи подъ вліяніемъ псевдо-классицизма. «Арзамасъ» покровительствовалъ молодымъ талантамъ, полагая, что для каждаго дѣятеля должна быть свободна, открыта дорога. Къ нему принадлежали Жуковскій, Карамзинъ, Блудовъ — вообще люди, сочувствовавшіе просвѣщенію и литературѣ и съ восторгомъ принимавшіе въ свой кругъ всякаго молодаго писателя, показывавшаго блестящія надежды въ будущемъ. Пушкинъ пользовался большимъ почетомъ въ обществѣ и надежды послѣдняго вполнѣ оправдались. Въ 1820 году вышла въ свѣтъ первая поэма молодого писателя «Русланъ и Людмила», поставившая Пушкина въ рядъ первоклассныхъ поэтовъ—художниковъ. — Время, въ которое началъ свою дѣятельность Пушкинъ, было крайне неблагопріятно для литературнаго движенія вообще. Строгость цензуры, возникшая подъ вліяніемъ реакціи, которая произошла у насъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, значительно задерживала развитіе литературы, и еще болѣе увеличивалась, когда поэзія принимала свободное направленіе. Всегда увлекающійся и впечатлительный, Пушкинъ сталъ писать довольно свободные стихи, что вызвало противъ него преслѣдованіе, кончившееся, и то благодаря заступничеству Карамзина, высылкою его изъ Петербурга на югъ Россіи. Оставивъ столицу, Пушкинъ переселился въ Кишиневъ, подъ начальство генерала Инзова, занимавшаго должность попечителя колонистовъ южнаго края. Изъ Кишинева Пушкинъ съѣздилъ на Кавказъ, величественная природа котораго такъ хорошо воспроизведена была поэтомъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Время ссылки вообще было эпохою самообразованія для Пушкина. Здѣсь онъ значительно выполнилъ то, чего не могла дать

ему ни школа, ни современная журналистика. Во время пребыванія на Кавказѣ, Пушкинъ вмѣстѣ съ семействомъ генерала Раевскаго, дочери котораго принадлежали къ числу образованнѣйшихъ женщинъ, принялся за изученіе англійскаго языка на чтеніи сочиненій Байрона, вліяніе которыхъ отразилось отчасти на поэмахъ, вышедшихъ послѣ «Руслана и Людмилы». Въ Кишиневѣ Пушкинъ занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ и легендъ, дѣлалъ большія выписки изъ прочитанныхъ сочиненій. Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ серьезную сторону своей тогдашней жизни.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ,
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Къ этому же времени біографъ Пушкина г. Анненковъ относитъ и статью «Нѣкоторыя историческія замѣчанія», гдѣ поэтъ нашъ выразилъ мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, назвавъ это послѣднее общимъ зломъ. Пушкинъ такъ увлекся этимъ вопросомъ, что задумалъ написать піэсу, желая выставить въ ней вредную сторону крѣпостничества, но отъ нея остался только одинъ планъ, находя-

щійся въ бумагахъ поэта. Въ періодъ времени отъ 1820 по 1824 г. Пушкинъ написалъ нѣсколько поэмъ: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья разбойники, и, кромѣ того, цѣлый рядъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшими считаются: «Погасло дневное свѣтило, Муза (въ младенчествѣ моемъ она меня любила), Наполеонъ, Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, Демонъ, и друг. Въ это же время была написана и первая глава знаменитаго романа «Евгеній Онѣгинъ», печатавшагося по частямъ. Въ 1824 году Пушкину разрѣшено было вернуться изъ ссылки и поселиться въ Псковской губерніи въ селѣ Михайловскомъ, принадлежавшемъ его матери. Во время пребыванія въ этомъ уединенномъ жилищѣ, Пушкинъ продолжалъ серьезно заниматься литературой. Въ 1825 году была напечатана первая глава Евгенія Онѣгина, по поводу которой появилась критическая статья въ журналѣ «Московскій Телеграфъ», расточавшая похвалы геніальному поэту. Какъ поэма «Цыгане», такъ и первая пѣсня романа напоминаютъ вліяніе байроновской поэзіи; въ особенности замѣтно это вліяніе въ характерѣ Алеко, главнаго дѣйствующаго лица въ первой поэмѣ. Въ Михайловскомъ Пушкинъ предался занятію русской исторіею, читалъ Карамзина, старинныя лѣтописи, и плодомъ этихъ занятій была драматическая хроника «Борисъ Годуновъ», остающаяся до сихъ поръ единственной въ ряду историческихъ трагедій. Въ 1826 году Пушкинъ переселился въ Москву, гдѣ въ теченіе всей зимы проводилъ время въ удовольствіяхъ свѣтской жизни. Перерывъ творческой дѣятельности скоро прекращается: Пушкинъ принимаетъ живое участіе въ изданіи журнала «Московскій Вѣстникъ», и подъ вліяніемъ теоріи искусства для искусства, которая проводилась въ этомъ журналѣ, пишетъ рядъ небольшихъ стихотвореній, гдѣ и высказываетъ свой взглядъ на задачу поэзіи и поэтическое призваніе. Въ теченіе октября мѣсяца 1827 г. Пушкинъ написалъ поэму «Полтава», которая и была издана въ 1829 году. Журналъ «Вѣстникъ Европы» не преминулъ напечатать критическую статью о новомъ произведеніи поэта, гдѣ и высказанъ былъ обычный взглядъ редакціи на дѣятельность Пушкина, какъ на поэта, который будто-бы и созданъ только для того, чтобы шутить, «пересмѣхать все худое и хорошее просто изъ охоти позубоскалить». Пушкинъ не возражалъ противъ мнѣній стараго критика; онъ находилъ, что литературныя сужденія въ родѣ тѣхъ, кото-

рыя высказывались на страницахъ ученаго журнала, достойны насмѣшки, но не серьезнаго отпора. Въ 1829 году Пушкинъ совершилъ путешествіе въ Арзерумъ, плодомъ котораго было весьма интересное по содержанію описаніе этого путешествія. Между тѣмъ въ журнальной литературѣ того времени произошли перемѣны: Московскій Вѣстникъ прекратилъ свое существованіе, и вмѣсто него извѣстный писатель Дельвигъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Литературная Газета». Пушкинъ былъ изъ числа главныхъ участниковъ и сотрудниковъ. Въ первыхъ своихъ критическихъ статьяхъ онъ высказываетъ мысль о необходимости уничтожить стремленія старой критики, которая, по его мнѣнію, въ основаніи своемъ кладетъ произволъ и личныя отношенія къ писателямъ. Въ «Литературной газетѣ» появились критическія статьи Пушкина о романѣ Загоскина «Юрій Милославскій, и переводѣ «Иліады» Гнѣдича и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ по поводу тѣхъ или другихъ литературныхъ явленій. Во всѣхъ замѣчаніяхъ Пушкина, кромѣ остроумія и проницательности, проглядываетъ всюду стремленіе говорить о такихъ предметахъ, которые наиболѣе связываются съ жизнію. Сближеніе съ дѣйствительностью было главною задачею и поэтическаго творчества Пушкина. Въ 1830 году Пушкинъ переселился въ Болдино, гдѣ и были написаны драматическія сцены: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Донъ Жуанъ» и затѣмъ цѣлый рядъ эпическихъ произведеній какъ то: повѣсти Бѣлкина, Лѣтопись села Горохина, Домикъ въ Коломнѣ и друг. На слѣдующій годъ Пушкинъ женился и послѣ свадьбы съ весны переселился въ Петербургъ, а затѣмъ въ Царское Село. По прекращеніи польскаго мятежа, поэтъ выразилъ свой патріотизмъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», которые вмѣстѣ съ патріотической піэсой Жуковскаго «Русская Слава» были напечатаны отдѣльной книгой подъ названіемъ «Взятіе Варшавы». Въ это же время Пушкинъ обращается къ народной поэзіи и пишетъ нѣсколько сказокъ, какъ-то: «Сказка о царѣ Салтанѣ», «о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ», проникнутой значительной долей юмора и другія. Лучшимъ произведеніемъ Пушкина въ народномъ духѣ была сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ», въ которой поэтъ сумѣлъ сохранить простоту и добродушіе русскаго народнаго творчества и отрѣшился отъ той поддѣлки, которая замѣтна въ предшествовавшихъ произведеніяхъ этого рода. Сказка

Пушкина возбудила восторгъ въ современныхъ ему писателяхъ. Такъ извѣстный уже намъ Гнѣдичъ, прочтя сказку о Салтанѣ, послалъ Пушкину слѣдующіе стихи:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній,
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона Геній, иль Гете, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра;
Ты нашъ Баянъ,
Небомъ роднымъ вдохновенный
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный.

Не смотря на любовь къ свѣтской жизни и на необходимость принимать участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ, Пушкинъ однако находилъ время посвящать себя кабинетнымъ занятіямъ. Въ послѣдніе годы жизни, богатые произведеніями самобытнаго творчества, поэтъ обратился къ изученію исторіи, собралъ значительное количество матерьяловъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго и Екатерины II, написалъ исторію Пугачевскаго бунта и историческую повѣсть «Капитанская дочка». Въ 1833 году осенью поэтъ совершилъ путешествіе въ Оренбургъ, чтобы на мѣстѣ изучить преданія, сохранившіяся въ народѣ о пугачевскомъ бунтѣ, такъ какъ многіе изъ стариковъ тамошняго края помнили хорошо все, что относилось къ этой замѣчательной эпохѣ. Въ декабрѣ этого года Пушкинъ представилъ свою исторію на разсмотрѣніе начальства, былъ Высочайше пожалованъ въ камеръ-юнкеры и на напечатаніе книги получилъ 20 тысячъ рублей ассиг. Въ 1834 году въ Петербургѣ книгопродавецъ Смирдинъ сталъ издавать журналъ «Библіотеку для чтенія», въ которомъ принялъ участіе Пушкинъ и напечаталъ тамъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ, и два разсказа въ прозѣ: «Пиковая дама» и «Кирджали». Черезъ два года въ 1836 году Пушкинъ и самъ рѣшился издавать журналъ «Современникъ». Цѣлью Пушкина при изданіи этого журнала было стремленіе противодѣйствовать тому насмѣшливому взгляду на нашу литературу, который давно уже проводился нѣкоторыми изъ критиковъ и оказывалъ, по мнѣнію Пушкина, вред-

ное вліяніе на общество, состоявшее изъ людей полуобразованныхъ. При жизни Пушкина вышло 4 тома «Современника», въ которомъ мы встрѣчаемъ рядъ критическихъ статей самого издателя по поводу вновь вышедшихъ книгъ. Въ январѣ 1837 году молва объ ухаживаніи Дантеса за женой Пушкина стала принимать громадные размѣры. Поэтъ не разъ получалъ дерзкія анонимныя письма по поводу этого обстоятельства и дѣло дошло до непріятной исторіи. Раздражительный и пылкій характеръ не могъ снести обиды. Дѣло окончилось дуэлью. Пушкинъ былъ смертельно раненъ и послѣ ужасныхъ страданій скончался черезъ два дня, окруженный женой и своими близкими друзьями. По словамъ Жуковскаго, подробно описавшаго послѣдніе дни жизни поэта, друзья положили Пушкина своими руками въ гробъ, а на слѣдующій день къ вечеру перенесли его въ Конюшенную церковь. Тѣло Пушкина, согласно желанію покойнаго, перевезено было въ Святогорскій Успенскій монастырь, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ села Михайловскаго, любимаго мѣстопребыванія поэта. Въ настоящее время собранъ значительный капиталъ для сооруженія памятника одному изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей на поприщѣ поэзіи.

Поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на 3 періода. Къ первому относится рядъ лицейскихъ стихотвореній, а также тѣхъ лирическихъ произведеній, которыя возникли изъ подражанія Жуковскому, Державину и Батюшкову. Періодъ первый оканчивается появленіемъ поэмы «Русланъ и Людмила», вышедшей въ 1820 году. Ко второму періоду принадлежатъ эпическія произведенія, каковы: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыгане, Братья разбойники. Въ это время замѣтно вліяніе Байрона одного изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ всего міра. Лучшими созданіями втораго періода дѣятельности Пушкина были: «Евгеній Онѣгинъ», романъ въ стихахъ и «Борисъ Годуновъ», историческая драма. Третій періодъ поэтической дѣятельности Пушкина былъ самымъ блестящимъ временемъ развитія его художническаго творчества. Въ эту эпоху онъ обнаруживаетъ способность проникать въ глубину разнообразныхъ сферъ жизни, высказываетъ свой взглядъ на искусство, согласно съ тѣми теоріями, которыя господствовали тогда въ нѣмецкой философіи, и наконецъ, переходя отъ поэзіи къ прозѣ, пишетъ рядъ повѣстей

и поэмъ съ историческимъ содержаніемъ и рядъ разсказовъ, изображающихъ русскую жизнь. Самостоятельность поэтическихъ созданій является главнымъ признакомъ этого періода дѣятельности Пушкина.

Лицейскія стихотворенія Пушкина не представляютъ ничего самобытнаго въ содержаніи; они вызывались съ одной стороны подражаніемъ французскимъ поэтамъ, воспѣвавшимъ любовь и земныя радости въ духѣ Анакреона, съ другой—желаніемъ приблизиться къ созданіямъ предшествовавшихъ ему русскихъ поэтовъ. Пушкинъ, благодаря своему характеру, не могъ подчиниться вліянію Жуковскаго, хотя нѣкоторыя изъ стихотвореній юноши—поэта носятъ на себѣ оттѣнокъ романтизма и мечтательности. Большая часть лицейскихъ стихотвореній навѣяна духомъ поэзіи Батюшкова. Отъ него Пушкинъ заимствовалъ обычай наполнять свои стихотворенія миѳологическими именами купидоновъ, амуровъ и т. п., наплывъ которыхъ въ русскую поэзію начался еще при Ломоносовѣ. Въ подражаніе извѣстному посланію Батюшкова «Мои пенаты» Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Городокъ», гдѣ говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ. Съ появленія поэмы «Русланъ и Людмила» Пушкинъ обнаруживаетъ уже оригинальность своего творчества. Обратившись къ сказочному міру, поэтъ разсказалъ весьма легкими и шутливыми стихами, какъ чудовище Черноморъ похищаетъ Людмилу и какъ Русланъ, женихъ Людмилы отыскивая свою невѣсту, совершаетъ свои богатырскіе подвиги. Забавныя сцены поэмы, ея юмористическій тонъ прямо противорѣчили тѣмъ требованіямъ, которыя были обязательны для каждаго поэта, въ силу господствовавшей тогда ложноклассической теоріи. Немудрено поэтому, что произведеніе Пушкина встрѣчено было неблагосклонно со стороны старой критики, представителемъ которой былъ тогда журналъ «Вѣстникъ Европы». Пушкина стали упрекать въ вольности стиховъ, въ невѣрномъ пониманіи внутреннихъ свойствъ эпической поэмы, въ нераціональности его стремленій обращаться къ сказочнымъ сюжетамъ, вводить просторѣчіе въ такія произведенія, какъ поэма, которая, по правиламъ старинной критики, должна писаться возвышеннымъ стилемъ. Авторъ статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу поэмы Пушкина, вооружается противъ послѣдняго за то, что онъ употребляетъ въ поэмахъ выраженія: «удавить бородою, стать передъ носомъ, щекотать ноздри

копьемъ, ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу», между тѣмъ подобныя выраженія показываютъ, что уже съ первыхъ произведеній въ Пушкинѣ стало обнаруживаться стремленіе сблизить языкъ поэзіи съ языкомъ дѣйствительности, что показалось уродливымъ для тѣхъ критиковъ, которые воспитались на надутыхъ произведеніяхъ Хераскова и тому подобныхъ піитовъ. Въ поэмѣ Пушкина нѣтъ ничего русскаго, исключая небольшаго предисловія начинающееся словами «у лукоморья дубъ зеленый», которое дѣйствительно проникнуто народнымъ складомъ рѣчи. Игривость слога, шутливый тонъ поэмы весьма понравились обществу, которое съ восторгомъ приняло произведеніе Пушкина, вопреки всѣмъ статьямъ рутинныхъ критиковъ.

Съ переѣздомъ Пушкина на югъ начался второй періодъ его дѣятельности. Путешествуя на Кавказѣ и въ Крыму, поэтъ былъ въ восторгѣ отъ природы этой мѣстности и нарисовалъ ее въ своихъ поэмахъ «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ». Въ этихъ произведеніяхъ замѣтна попытка Пушкина создать характеръ по образцу Байрона, произведенія котораго онъ серьезно изучалъ. Описаніе картинъ природы въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» связываются съ дѣйствіемъ поэмы: онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, а передаетъ какъ впечатлѣнія самого героя поэмы. Помимо искренности чувства, которымъ проникнуто произведеніе Пушкина, оно возбудило восторгъ въ молодомъ поколѣніи и потому, что въ лицѣ плѣнника поэтъ намекаетъ на черты времени. Плѣнникъ—это пылкій юноша, который разочарованъ уже до знакомства съ жизнью, тоскуетъ по утраченной молодости. «Бахчисарайскій фонтанъ» значительно выше предъидущей поэмы какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ ней поэтъ въ лицѣ дикаго татарина изображаетъ грубаго человѣка, перерождающагося подъ вліяніемъ человѣческаго чувства любви къ женщинѣ. Лучшимъ произведеніемъ этой эпохи считается «Цыганы». Главное лицо поэмы юноша Алеко; онъ не доволенъ жизнью, обстановкой его окружающей; ища свободы и упоенья страстной любовью, бросаетъ отчизну и пристаетъ къ цыганскому табору. Здѣсь встрѣчаетъ онъ молодую цыганку Земфиру, влюбляется въ нее и повидимому доволенъ новою жизнью. Но настаетъ минута разочарованія: Алеко узнаетъ, что Земфира любитъ молодаго цыгана и однажды, мучимый ревностью, убиваетъ кинжаломъ своего соперника, а вмѣстѣ съ нимъ и Земфиру. Идея всей поэмы сосредоточи-

вается на главномъ лицѣ. Пушкинъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей жизни, а также подъ вліяніемъ байроновской поэзіи изображаетъ человѣка, недовольнаго предразсудками окружающихъ его людей и ищущаго свободы въ дикой цыганской жизни. Но поэтъ не достигаетъ цѣли. Вмѣсто того, чтобы возвысить личность Алеко, онъ скорѣе написалъ на него сатиру, несмотря на трагическую развязку поэмы. Лучшее лицо поэмы это старый цыганъ, отецъ Земфиры. Говоря Алеко, что не всегда мила свобода тому, кто пріученъ къ нѣгѣ, старикъ разсказываетъ преданіе о поэтѣ Овидіѣ, сосланномъ при царѣ Августѣ на отдаленные берега Дуная. Поэтъ бродилъ по берегамъ рѣки и проливалъ горькія слезы, вспоминая о далекой отчизнѣ. Этотъ разсказъ одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы. Когда Алеко убилъ Земфиру, то старый цыганъ справедливо упрекнулъ его въ эгоизмѣ; въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ ищетъ свободы, и въ то же время убиваетъ женщину за свободное проявленіе ея чувства. Тутъ явно противорѣчіе въ характерѣ Алеко; во всякомъ случаѣ, по идеѣ это произведеніе Пушкина должно быть поставлено въ ряду лучшихъ его созданій.

Переходимъ къ разбору двухъ главныхъ произведеній этого періода дѣятельности Пушкина. Романъ «Евгеній Онѣгинъ» создавался Пушкинымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и печатался отдѣльными книжками. Содержаніе его очень просто. Молодой баринъ Онѣгинъ, наскучивъ городскою жизнью, пріѣзжаетъ въ деревню и чрезъ посредство своего сосѣда Ленскаго знакомится съ семьею Лариныхъ. У Ларина двѣ дочери: Татьяна и Ольга. Татьяна влюбляется въ Онѣгина и въ страстномъ письмѣ къ нему наивно признается ему въ любви. Онѣгинъ отказывается быть мужемъ Татьяны. Далѣе Ленскій изъ пустой причины вызываетъ Онѣгина на дуэль. Онѣгинъ убиваетъ Ленскаго и оставляетъ деревню. Между тѣмъ Татьяна вмѣстѣ съ матерью уѣзжаетъ въ Москву и выходитъ замужъ за стараго генерала. Въ Петербургѣ Онѣгинъ снова встрѣчаетъ Татьяну уже свѣтской дамой и, страстно влюбившись, пишетъ ей письмо. Татьяна на словахъ отвѣчаетъ ему, что она хотя и любитъ его по прежнему, но не можетъ принадлежать ему по гордости добродѣтели. Этимъ и оканчивается все произведеніе Пушкина. Но въ романѣ не столько важенъ сюжетъ, какъ важны тѣ подробности, въ которыхъ авторъ рисуетъ намъ современное общество, хорошо знакомое Пушкину. Въ образѣ

Онѣгина поэтъ представляетъ намъ свѣтскаго человѣка, который, получивъ поверхностное образованіе, проводитъ время праздно среди всевозможныхъ удовольствій. Средства позволяютъ ему жить роскошно, блистать въ свѣтскомъ обществѣ, посѣщать балетъ, обѣдать въ лучшихъ столичныхъ ресторанахъ; но какъ человѣкъ, непріученный съ дѣтства къ труду, онъ не находитъ себѣ дѣятельности, полезной какъ для него самого, такъ и для окружающаго его общества. Ухаживаніе за женщинами, по словамъ поэта, была единственная наука, которую Онѣгинъ зналъ въ совершенствѣ. Все, чѣмъ наслаждается Онѣгинъ, мало-по-малу начинаетъ ему надоѣдать, онъ бросается на литературу, но, неподготовленный раньше, не ощущаетъ удовольствія въ ней, берется за перо, чтобы самому написать что нибудь, но ничего не вышло изъ пера его, какъ говоритъ поэтъ. Для Онѣгина наступаетъ періодъ разочарованія, недовольства жизнью. Какъ человѣкъ умный отъ природы, имѣющій душу и сердце, онъ не можетъ примириться съ дѣйствительностью, но въ то же время не въ состояніи и проводить въ жизнь новый разумный идеалъ по той причинѣ, что для такого призванія становятся ничтожными тѣ силы, которыми владѣетъ герой романа. Онѣгинъ не можетъ бороться съ обществомъ, предразсудки и пустота котораго отразились на немъ самомъ. Онъ, правда, получилъ воспитаніе, но авторъ смѣется надъ такимъ воспитаніемъ, задача котораго придать воспитываемому существу только внѣшній лоскъ, умѣнье держать себя въ свѣтскомъ обществѣ. Обстановка, окружающая человѣка, всегда оказываетъ на него громадное вліяніе и часто влечетъ за собою вредныя послѣдствія. Такъ случилось и съ Онѣгинымъ. Воспитаніе не выработало въ немъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій, не дало и знаній, необходимыхъ для жизни и для борьбы съ общественными недостатками, и вотъ онъ принужденъ почти идти по тому же пути, по которому шло все общество въ его высшихъ сферахъ. Историческія условія нашей жизни сами по себѣ вели къ образованію типа, подобнаго Онѣгину. Существованіе крѣпостнаго права, вполнѣ обезпечившаго помѣщика, давало возможность послѣднему жить въ свое удовольствіе, не заботясь о будущемъ и не ломая головы на счетъ отыскиванія жизненныхъ средствъ. Богатство, какимъ владѣлъ Онѣгинъ, вполнѣ его обезпечивало и слѣдовательно ему не нужно было бороться противъ бѣдности, что, конечно, часто заставляетъ чело[illegible]ься о са-

момъ себѣ, о своемъ развитіи. Въ противоположность Онѣгину, Пушкинъ изображаетъ намъ Ленскаго, намекая имъ на другую черту современной жизни. Ленскій романтикъ, живущій въ мірѣ мечтаній и не знающій жизни практической. Онъ поэтъ, и, по словамъ автора воспѣваетъ въ своихъ стихахъ разлуку, печаль, какую то туманную даль, —однимъ словомъ подражаетъ Жуковскому и его послѣдователямъ. Ленскій любитъ Ольгу и находитъ въ ней такія достоинства, какихъ на самомъ дѣлѣ въ ней не могло и быть. Онъ видитъ въ ней не простую барышню, воспитанную на лонѣ деревенской жизни, а какую-то сильфиду, о которыхъ разсказываютъ въ средневѣковыхъ романахъ и балладахъ. Онѣгинъ, танцуя съ Ольгой, держалъ себя очень развязно и хотѣлъ этимъ подшутить надъ мечтательнымъ юношей; но Ленскій не вынесъ этого: считая себя оскорбленнымъ, онъ вызываетъ Онѣгина на дуэль, и погибаетъ какъ жертва своей страстной и романтической натуры. Пушкинъ слѣдующими стихами оплакиваетъ кончину мечтателя поэта:

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ.
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!
Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта,
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,

Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія письменъ,
А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бы съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И наконецъ, въ своей постелѣ,
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

Во времена Пушкина подобный типъ часто можно было встрѣтить. Подъ вліяніемъ туманной философіи, которая занесена была къ намъ изъ Германіи, съ другой стороны подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, въ обществѣ нашемъ образовались люди, подобные Ленскому; это было время, когда юноши въ 18 лѣтъ уже считали себя философами и не видѣли того, что происходило въ жизни.

Въ романѣ «Евгеній Онѣгинъ» въ первый разъ изображена русская женщина въ лицѣ Татьяны. Пушкинъ довольно подробно описываетъ ту среду, въ которой жила Татьяна. Отецъ ея былъ простой и добрый баринъ, и повидимому не входилъ ни во что, такимъ образомъ Татьяна развивалась исключительно подъ вліяніемъ матери, которая воспиталась на чтеніи чувствительныхъ романовъ, вышла за мужъ за Ларина, но втайнѣ вздыхала о другомъ. Затѣмъ все пошло обычнымъ путемъ: Ларина начала ѣздить по работамъ, солить грибы на зиму, бить прислугу, однимъ словомъ изъ чувствительной барышни обратилась въ хозяйку—помѣщицу. Жизнь Лариныхъ была полна мертвящаго однообразія. Изрѣдка наѣзжали къ нимъ сосѣдніе помѣщики, но это были люди безъ всякаго

нія, и могли вести бесѣду только о псарнѣ, да о сѣнокосѣ, а женщины собирались только для того, чтобы посплетничать и позлословить. Среди такого общества должна была жить Татьяна, дѣвушка отъ природы умная, съ душой чувствительной и способной понимать лучшую жизнь. Съ дѣтства она не любила игръ, часто задумывалась и съ восторгомъ слушала сказки, въ которыхъ говорилось о какихъ нибудь страшныхъ происшествіяхъ. Подругой ея была природа.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ
И тихо край земли свѣтлѣетъ
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ
И всходитъ постепенно день.

Въ долгіе зимніе вечера Татьяна занималась чтеніемъ. Тогда въ изобиліи выходили переводные романы и вотъ Татьяна съ жадностью бросилась на нихъ. Предъ нею открылся совершенно иной міръ—міръ, правда, часто фантастическій, но во всякомъ случаѣ, болѣе привлекательный, чѣмъ все окружавшее ее общество. Подъ вліяніемъ чтенія Татьяна создала себѣ идеалъ любимаго человѣка, совершенно непохожаго на тѣхъ безобразныхъ помѣщиковъ, которыхъ рисуетъ нашъ Пушкинъ въ лицѣ Буянова, Пѣтушкова и др. Татьянѣ некому было указать на ту или другую дѣятельность,—и потому очень естественно, что она, презирая рутинный образъ жизни господствовавшій въ средѣ, ее окружавшей, стала жить въ мірѣ тѣхъ идеаловъ, которые рисовались ея горячему воображенію. Является Онѣгинъ, молодой человѣкъ, восторженный и страстный. Татьяна внѣ себя отъ радости: она нашла въ немъ осуществленіе своего идеала, и вполнѣ предалась ему. Страсть заставляетъ ее писать къ Онѣгину восторженное письмо, въ концѣ котораго она говоритъ слѣдующее:

...... Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю.

Вообрази: — я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

Отказъ Онѣгина повергаетъ Татьяну въ отчаянье. Съ отъѣздомъ героя, она посѣщаетъ его домъ, сидитъ въ его кабинетѣ, читаетъ книги. Скоро однакожъ волненія страсти унимаются. Татьяна ѣдетъ въ Москву, на ярмарку невѣстъ, и тамъ находитъ себѣ жениха, въ лицѣ стараго генерала. Тутъ поэтъ изображаетъ бракъ по разсчету и вводитъ свою героиню въ обычный порядокъ вещей, господствовавшій въ обществѣ. Нельзя не припомнить здѣсь анекдотъ относительно развязки романа. Одна княгиня очень *привязалась* къ Татьянѣ и встрѣтившись съ Пушкинымъ спросила: Что вы думаете дѣлать съ Татьяной? Умоляю васъ, устройте хорошенько участь ея. Будьте покойны, княгиня, отвѣчалъ Пушкинъ смѣясь, «выдамъ ее за мужъ за генералъ-адъютанта». «Вотъ и прекрасно, благодарю», рѣшила княгиня. Устраиваніе участи и было поводомъ замужества Татьяны. Встрѣтившись снова съ Онѣгинымъ Татьяна признается, что она по прежнему его любитъ, но что отданная другому, она должна ему быть вѣрна. Такимъ образомъ въ лицѣ Татьяны поэтъ изображаетъ разладъ между проявленіемъ искренняго чувства и тѣми правилами или требованіями жизни, которыя заставляли женщину идти противъ своихъ чувствъ.

Въ романѣ Пушкина изображаются три лица, но въ нихъ есть нѣчто общее, которое и указываетъ на идею всего произведенія. Въ жизни есть много людей, обладающихъ отъ природы умственными и нравственными силами, но условія этой жизни слагаются часто такъ, что эти силы должны безплодно гибнуть. Безъ сомнѣнія при другихъ условіяхъ, не похожихъ на тѣ, которыя изображаются въ романѣ, личности, подобныя Онѣгину и Татьянѣ, одаренныя отъ природы способностью къ дѣятельности, могли бы найти возможность проявить эту способность, но онѣ не находятъ этой возможности, благодаря тому ложному направленію, подъ вліяніемъ котораго находились въ періодъ своего развитія.

«Борисъ Годуновъ» принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ драматической поэзіи въ нашей литературѣ. Создавая это произведеніе,

Пушкинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Карамзина и его взгляда на личность Бориса Годунова. По примѣру историка, поэтъ изображаетъ въ Борисѣ цареубійцу, преступника, погибающаго отъ удара правосудія, орудіемъ котораго является Григорій Отрепьевъ, первый изъ самозванцевъ. Интересъ драмы сосредоточивается на двухъ личностяхъ: на Борисѣ и Григоріи; поэтъ изображаетъ тотъ моментъ изъ жизни Бориса, когда этотъ послѣдній, достигнувъ престола путемъ злодѣянія, борется съ угрызеніями совѣсти и, побѣжденный самозванцемъ, умираетъ отъ душевныхъ волненій. Сдѣлавшись правителемъ, Борисъ осыпаетъ народъ благодѣяніями, думая этимъ возбудить къ себѣ расположеніе его. Но правитель видитъ противное: всякое несчастіе, происходившее въ государствѣ, приписывается винѣ Бориса. Душа Бориса неспокойна, въ немъ возбуждается цѣлый рядъ подозрѣній, повлекшихъ за собою казни. Въ довершеніе всего получается извѣстіе о появленіи самозванца: Борисъ еще больше встревоженъ. Онъ вспоминаетъ о прошломъ, совѣсть начинаетъ его тревожить, между тѣмъ дѣйствія самозванца увѣнчиваются блестящими успѣхами: онъ набралъ себѣ вѣрную дружину и смѣло идетъ на Москву, чтобы сорвать вѣнецъ съ головы цареубійцы. Григорій — пылкій юноша: тихая монастырская келья не могла прельстить его; жажда дѣятельности его мучила—и вотъ онъ, подробно узнавъ у старца Пимена о томъ, что происходитъ на Руси, задумываетъ явиться соперникомъ Бориса. Онъ бѣжитъ изъ монастыря и, найдя покровительство у польскихъ пановъ, собираетъ войско и идетъ походомъ на Москву. Считая себя орудіемъ небесной кары, Григорій дѣйствуетъ опрометчиво и все-таки достигаетъ своей цѣли. Борисъ совершенно теряется, когда узнаетъ объ успѣхахъ самозванца и объ измѣнѣ бояръ, перешедшихъ на сторону его. Драма оканчивается внезапною смертью Бориса и гибелью семейства Годуновыхъ. Пушкинъ не ограничился только исторіею Карамзина, онъ изучилъ старинныя лѣтописи и, благодаря этому изученію, могъ создать такой величавый образъ лѣтописца, какой мы видимъ въ лицѣ Пимена. Рѣчь Пимена проникнута религіознымъ характеромъ и совершенно монашескимъ взглядомъ на жизнь; недостатокъ изображенія заключается только втомъ, что характеръ лѣтописца не согласуется съ временемъ, такъ какъ въ эпоху Бориса Годунова лѣтопись получила оффиціальный характеръ и на нее не смотрѣли уже какъ на богоугодное дѣло,

какъ это было въ эпоху, въ которую жилъ старинный лѣтописецъ Несторъ—прототипъ Пимена. Что касается до изображенія характеровъ вообще, то Пушкинъ въ этомъ случаѣ поучался у Шекспира, какъ мы видимъ изъ его писемъ по поводу драмы. Благодаря Шекспиру Пушкинъ создалъ драму, непохожую на старинныя наши трагедіи. Лучшими мѣстами драмы должны считаться: сцена въ кельѣ Чудова монастыря; сцена, въ которой представленъ Борисъ Годуновъ, въ кругу своей семьи дочери Ксеніи и сына Ѳеодора, и затѣмъ сцены въ Польшѣ. Послѣднія необходимы были для того, чтобы очертить подробнѣе характеръ самозванца, который влюбленъ былъ, какъ извѣстно, въ Марину Мнишекъ. Особенно замѣчательна сцена у фонтана. Драматизмъ ея выражается съ одной стороны въ удальствѣ и пылкости самозванца, подъ вліяніемъ любви сознающагося въ своемъ дѣлѣ, съ другой—въ холодности Марины, женщины честолюбивой, готовой склониться на просьбы юноши единственно съ цѣлью сдѣлаться московской царицей. Въ историческомъ отношеніи въ этой сценѣ допущена невѣрность; самозванецъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ скрывалъ свое происхожденіе, да притомъ онъ былъ человѣкъ, для котораго любовь не была возвышенною страстью Въ піэсѣ Пушкина собственно не представлена борьба между двумя главными лицами; Борисъ и Григорій даже не встрѣчаются другъ съ другомъ, и потому произведеніе Пушкина относятъ къ разряду драматическихъ поэмъ. Вся піэса состоитъ изъ отдѣльныхъ сценъ, совершающихся въ различныхъ мѣстахъ, и потому она неудобна въ сценическомъ отношеніи.

Изъ обозрѣнія произведеній Пушкина во второй періодъ его дѣятельности, мы видимъ, что онъ находился подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ: Байрона и Шекспира. Затѣмъ слѣдуетъ самобытный періодъ творчества. Разнообразіе сюжетовъ, умѣнье вникать въ сущность различныхъ сторонъ жизни особенно хорошо выразились въ драматическихъ сценахъ, которыя, несмотря на свою краткость, обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ глубокій драматическій талантъ.

Въ сценѣ «Скупой Рыцарь» Пушкинъ въ лицѣ барона изобразилъ идею скупости. Старикъ баронъ находитъ, что золото есть источникъ власти, и вотъ онъ начинаетъ копить его. Мало-по-малу сбереженіе золота становится для него единственнымъ интересомъ въ жизни и обращается въ страсть, измѣняющую его отношенія къ

нія, и могли вести бесѣду только о псарнѣ, да о сѣнокосѣ, а женщины собирались только для того, чтобы посплетничать и позлословить. Среди такого общества должна была жить Татьяна, дѣвушка отъ природы умная, съ душой чувствительной и способной понимать лучшую жизнь. Съ дѣтства она не любила игръ, часто задумывалась и съ восторгомъ слушала сказки, въ которыхъ говорилось о какихъ нибудь страшныхъ происшествіяхъ. Подругой ея была природа.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ
И тихо край земли свѣтлѣетъ
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ
И всходитъ постепенно день.

Въ долгіе зимніе вечера Татьяна занималась чтеніемъ. Тогда въ изобиліи выходили переводные романы и вотъ Татьяна съ жадностью бросилась на нихъ. Предъ нею открылся совершенно иной міръ—міръ, правда, часто фантастическій, но во всякомъ случаѣ, болѣе привлекательный, чѣмъ все окружавшее ее общество. Подъ вліяніемъ чтенія Татьяна создала себѣ идеалъ любимаго человѣка, совершенно непохожаго на тѣхъ безобразныхъ помѣщиковъ, которыхъ рисуетъ нашъ Пушкинъ въ лицѣ Буянова, Пѣтушкова и др. Татьянѣ некому было указать на ту или другую дѣятельность,—и потому очень естественно, что она, презирая рутинный образъ жизни господствовавшій въ средѣ, ее окружавшей, стала жить въ мірѣ тѣхъ идеаловъ, которые рисовались ея горячему воображенію. Является Онѣгинъ, молодой человѣкъ, восторженный и страстный. Татьяна внѣ себя отъ радости: она нашла въ немъ осуществленіе своего идеала, и вполнѣ предалась ему. Страсть заставляетъ ее писать къ Онѣгину восторженное письмо, въ концѣ котораго она говоритъ слѣдующее:

...... Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю.

Вообрази: — я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

Отказъ Онѣгина повергаетъ Татьяну въ отчаянье. Съ отъѣздомъ героя, она посѣщаетъ его домъ, сидитъ въ его кабинетѣ, читаетъ книги. Скоро однакожъ волненія страсти унимаются. Татьяна ѣдетъ въ Москву, на ярмарку невѣстъ, и тамъ находитъ себѣ жениха, въ лицѣ стараго генерала. Тутъ поэтъ изображаетъ бракъ по разсчету и вводитъ свою героиню въ обычный порядокъ вещей, господствовавшій въ обществѣ. Нельзя не припомнить здѣсь анекдотъ относительно развязки романа. Одна княгиня очень *привязалась* къ Татьянѣ и встрѣтившись съ Пушкинымъ спросила: Что вы думаете дѣлать съ Татьяной? Умоляю васъ, устройте хорошенько участь ея. Будьте покойны, княгиня, отвѣчалъ Пушкинъ смѣясь, «выдамъ ее за мужъ за генералъ-адъютанта». «Вотъ и прекрасно, благодарю», рѣшила княгиня. Устраиваніе участи и было поводомъ замужества Татьяны. Встрѣтившись снова съ Онѣгинымъ Татьяна признается, что она по прежнему его любитъ, но что отданная другому, она должна ему быть вѣрна. Такимъ образомъ въ лицѣ Татьяны поэтъ изображаетъ разладъ между проявленіемъ искренняго чувства и тѣми правилами или требованіями жизни, которыя заставляли женщину идти противъ своихъ чувствъ.

Въ романѣ Пушкина изображаются три лица, но въ нихъ есть нѣчто общее, которое и указываетъ на идею всего произведенія. Въ жизни есть много людей, обладающихъ отъ природы умственными и нравственными силами, но условія этой жизни слагаются часто такъ, что эти силы должны безплодно гибнуть. Безъ сомнѣнія при другихъ условіяхъ, не похожихъ на тѣ, которыя изображаются въ романѣ, личности, подобныя Онѣгину и Татьянѣ, одаренныя отъ природы способностью къ дѣятельности, могли бы найти возможность проявить эту способность, но онѣ не находятъ этой возможности, благодаря тому ложному направленію, подъ вліяніемъ котораго находились въ періодъ своего развитія.

«Борисъ Годуновъ» принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ драматической поэзіи въ нашей литературѣ. Создавая это произведеніе,

Пушкинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Карамзина и его взгляда на личность Бориса Годунова. По примѣру историка, поэтъ изображаетъ въ Борисѣ цареубійцу, преступника, погибающаго отъ удара правосудія, орудіемъ котораго является Григорій Отрепьевъ, первый изъ самозванцевъ. Интересъ драмы сосредоточивается на двухъ личностяхъ: на Борисѣ и Григоріи; поэтъ изображаетъ тотъ моментъ изъ жизни Бориса, когда этотъ послѣдній, достигнувъ престола путемъ злодѣянія, борется съ угрызеніями совѣсти и, побѣжденный самозванцемъ, умираетъ отъ душевныхъ волненій. Сдѣлавшись правителемъ, Борисъ осыпаетъ народъ благодѣяніями, думая этимъ возбудить къ себѣ расположеніе его. Но правитель видитъ противное: всякое несчастіе, происходившее въ государствѣ, приписывается винѣ Бориса. Душа Бориса неспокойна, въ немъ возбуждается цѣлый рядъ подозрѣній, повлекшихъ за собою казни. Въ довершеніе всего получается извѣстіе о появленіи самозванца: Борисъ еще больше встревоженъ. Онъ вспоминаетъ о прошломъ, совѣсть начинаетъ его тревожить, между тѣмъ дѣйствія самозванца увѣнчиваются блестящими успѣхами: онъ набралъ себѣ вѣрную дружину и смѣло идетъ на Москву, чтобы сорвать вѣнецъ съ головы цареубійцы. Григорій — пылкій юноша: тихая монастырская келья не могла прельстить его; жажда дѣятельности его мучила—и вотъ онъ, подробно узнавъ у старца Пимена о томъ, что происходитъ на Руси, задумываетъ явиться соперникомъ Бориса. Онъ бѣжитъ изъ монастыря и, найдя покровительство у польскихъ пановъ, собираетъ войско и идетъ походомъ на Москву. Считая себя орудіемъ небесной кары, Григорій дѣйствуетъ опрометчиво и все-таки достигаетъ своей цѣли. Борисъ совершенно теряется, когда узнаетъ объ успѣхахъ самозванца и объ измѣнѣ бояръ, перешедшихъ на сторону его. Драма оканчивается внезапною смертью Бориса и гибелью семейства Годуновыхъ. Пушкинъ не ограничился только исторіею Карамзина, онъ изучилъ старинныя лѣтописи и, благодаря этому изученію, могъ создать такой величавый образъ лѣтописца, какой мы видимъ въ лицѣ Пимена. Рѣчь Пимена проникнута религіознымъ характеромъ и совершенно монашескимъ взглядомъ на жизнь; недостатокъ изображенія заключается только втомъ, что характеръ лѣтописца не согласуется съ временемъ, такъ какъ въ эпоху Бориса Годунова лѣтопись получила офиціальный характеръ и на нее не смотрѣли уже какъ на богоугодное дѣло,

какъ это было въ эпоху, въ которую жилъ старинный лѣтописецъ Несторъ—прототипъ Пимена. Что касается до изображенія характеровъ вообще, то Пушкинъ въ этомъ случаѣ поучался у Шекспира, какъ мы видимъ изъ его писемъ по поводу драмы. Благодаря Шекспиру Пушкинъ создалъ драму, непохожую на старинныя наши трагедіи. Лучшими мѣстами драмы должны считаться: сцена въ кельѣ Чудова монастыря; сцена, въ которой представленъ Борисъ Годуновъ, въ кругу своей семьи дочери Ксеніи и сына Θеодора, и затѣмъ сцены въ Польшѣ. Послѣднія необходимы были для того, чтобы очертить подробнѣе характеръ самозванца, который влюбленъ былъ, какъ извѣстно, въ Марину Мнишекъ. Особенно замѣчательна сцена у фонтана. Драматизмъ ея выражается съ одной стороны въ удальствѣ и пылкости самозванца, подъ вліяніемъ любви сознающагося въ своемъ дѣлѣ, съ другой—въ холодности Марины, женщины честолюбивой, готовой склониться на просьбы юноши единственно съ цѣлью сдѣлаться московской царицей. Въ историческомъ отношеніи въ этой сценѣ допущена невѣрность; самозванецъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ скрывалъ свое происхожденіе, да притомъ онъ былъ человѣкъ, для котораго любовь не была возвышенною страстью Въ піэсѣ Пушкина собственно не представлена борьба между двумя главными лицами; Борисъ и Григорій даже не встрѣчаются другъ съ другомъ, и потому произведеніе Пушкина относятъ къ разряду драматическихъ поэмъ. Вся піэса состоитъ изъ отдѣльныхъ сценъ, совершающихся въ различныхъ мѣстахъ, и потому она неудобна въ сценическомъ отношеніи.

Изъ обозрѣнія произведеній Пушкина во второй періодъ его дѣятельности, мы видимъ, что онъ находился подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ: Байрона и Шекспира. Затѣмъ слѣдуетъ самобытный періодъ творчества. Разнообразіе сюжетовъ, умѣнье вникать въ сущность различныхъ сторонъ жизни особенно хорошо выразились въ драматическихъ сценахъ, которыя, несмотря на свою краткость, обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ глубокій драматическій талантъ.

Въ сценѣ «Скупой Рыцарь» Пушкинъ въ лицѣ барона изобразилъ идею скупости. Старикъ баронъ находитъ, что золото есть источникъ власти, и вотъ онъ начинаетъ копить его. Мало-по-малу сбереженіе золота становится для него единственнымъ интересомъ въ жизни и обращается въ страсть, измѣняющую его отношенія къ

людямъ и даже къ своему родному сыну Альберу. Альберъ—юноша пылкій, жаждетъ удовольствій, роскоши, а между тѣмъ у него нѣтъ для этого средствъ. Отецъ дрожитъ надъ золотомъ и совершенно далекъ отъ того, чтобы жертвовать имъ для прихотей сына. Драма основывается на борьбѣ между отцомъ и сыномъ, оканчивающейся смертью стараго барона. Альберъ послѣ долгаго терпѣнія отправляется къ герцогу съ жалобой на отца. Туда же является и баронъ. Альберъ прячется въ сосѣднюю комнату, и когда баронъ сталъ говорить герцогу, что сынъ его мотъ, что онъ хотѣлъ его обокрасть, то Альберъ выбѣгаетъ и упрекаетъ отца въ пошлой клеветѣ. Старый баронъ бросаетъ перчатку по обычаю средневѣковаго рыцарства. Альберъ ее подымаетъ въ знакъ согласія биться, но герцогъ ихъ разводитъ. Баронъ отъ потрясенія душевнаго умираетъ со словами: «гдѣ мои ключи». Произведеніе Пушкина состоитъ только изъ трехъ сценъ, но, несмотря на краткость, мы видимъ въ нихъ полное воспроизведеніе драматической борьбы, основанной на противоположности характеровъ. Драматическая сцена «Моцартъ и Сальери» въ первый разъ была напечатана въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» въ 1832 году. Сюжетъ драмы—отравленіе Моцарта музыкантомъ Сальери—по словамъ самаго Пушкина — дѣйствительное происшествіе, но на самомъ дѣлѣ это вымыселъ поэта, не лишенный правдоподобія относительно общей мысли драмы. Въ лицѣ Моцарта изображена геніальная натура, возбуждающая зависть въ талантливыхъ людяхъ, подобныхъ музыканту Сальери. Сальери завидуетъ славѣ Моцарта и вотъ изъ зависти онъ рѣшается отравить геніальнаго композитора. Моцартъ, ничего не подозрѣвая, выпиваетъ стаканъ съ ядомъ, но передъ смертью, по просьбѣ Сальери, исполняетъ свой Requiem, одну изъ величайшихъ композицій. Сальери въ восторгѣ отъ піэсы, онъ высказываетъ свою любовь къ художнику, но въ то же время является и преступникомъ. По уходѣ Моцарта Сальери, оставшись одинъ, невольно сознается въ справедливости мнѣнія Моцарта, что геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя. Основная мысль драмы — борьба чувствъ, съ одной стороны порожденныхъ личными стремленіями къ великой славѣ, съ другой—являющимися какъ результатъ призванія, даннаго природою. Достоинство этой небольшой піэски Пушкина заключается въ необыкновенно тонкомъ изображеніи неуловимыхъ повидимому движеній души. То же самое мы замѣчаемъ и въ драматическомъ

отрывкѣ «Каменный гость», героемъ котораго является испанскій рыцарь Донъ-Жуанъ. При всей психологической вѣрности, съ какою изображенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою на любовь къ женщинѣ, піэса Пушкина имѣетъ фантастическій характеръ, согласно съ преданіями о Донъ-Жуанѣ и съ оперою Моцарта, извѣстной подъ тѣмъ-же именемъ. Въ тотъ моментъ, когда герой бесѣдуетъ со вдовой донной Анной, страстно влюбившейся въ Донъ-Жуана, появляется статуя умершаго мужа. Донъ-Жуанъ, по желанію Каменнаго Гостя, подаетъ ему руку и со словами «я гибну — кончено» проваливается сквозь землю. Къ числу драматическихъ сценъ этого періода дѣятельности принадлежатъ еще: «Русалка» и «Пиръ во время чумы». Первая піэса — фантастическая по содержанію, но въ ней поэтъ сумѣлъ схватить очень вѣрно нѣкоторыя бытовыя черты русской народной жизни. Во второй сценѣ поэтъ изображаетъ свадьбу въ княжескомъ теремѣ и, совершенно согласно съ древнерусскими обычаями, рисуетъ картину свадебнаго пира, шутки и совѣты свата, передаетъ вполнѣ народнымъ языкомъ пѣсни дѣвушекъ, присутствующихъ на свадьбѣ. Вторая піэса, изображающая оргію во время чумы, заимствована изъ трагедіи Вильсона.

Втеченіе третьяго періода дѣятельности Пушкинъ не разъ обращался къ сюжетамъ историческимъ, имѣя въ виду воспроизвести болѣе или менѣе замѣчательныя эпохи въ русской исторіи. Къ подобнаго рода поэтическимъ сочиненіямъ относятся двѣ поэмы «Полтава» и «Мѣдный Всадникъ» и повѣсть «Капитанская дочка», Пушкинъ глубоко сочувствовалъ Петру Великому и его реформамъ. Эта личность и является главнымъ героемъ обѣихъ поэмъ. Въ Полтавѣ собственно два сюжета: любовь Маріи къ Мазепѣ и Полтавская битва. Такимъ образомъ поэтъ соединилъ двѣ стороны жизни частную и историческую, но и та и другая составляютъ одно цѣлое, выраженное въ общей идеи произведенія, которая высказана въ эпилога поэмы. Марія, дочь Кочубея, страстно влюбляется въ своего судьнаго отца, Мазепу, малороссійскаго гетмана, отказывается къ которомъ ховъ и, когда родители вовстали противъ предложеніезнается, что Мазепой, она бѣжитъ къ нему и дѣлается его любовамъ общественузнавши объ этомъ, намѣревается мстить Мазепѣ. Описаніе наводдоносъ Петру. Но Мазепа человѣкъ хитрый, но согласно съ дѣйствиный всегда выпутаться въ крайнихъ обсто

людямъ и даже къ своему родному сыну Альберу. Альберъ—юноша пылкій, жаждетъ удовольствій, роскоши, а между тѣмъ у него нѣтъ для этого средствъ. Отецъ дрожитъ надъ золотомъ и совершенно далекъ отъ того, чтобы жертвовать имъ для прихотей сына. Драма основывается на борьбѣ между отцомъ и сыномъ, оканчивающейся смертью стараго барона. Альберъ послѣ долгаго терпѣнія отправляется къ герцогу съ жалобой на отца. Туда же является и баронъ. Альберъ прячется въ сосѣднюю комнату, и когда баронъ сталъ говорить герцогу, что сынъ его мотъ, что онъ хотѣлъ его обокрасть, то Альберъ выбѣгаетъ и упрекаетъ отца въ пошлой клеветѣ. Старый баронъ бросаетъ перчатку по обычаю средневѣковаго рыцарства. Альберъ ее подымаетъ въ знакъ согласія биться, но герцогъ ихъ разводитъ. Баронъ отъ потрясенія душевнаго умираетъ со словами: «гдѣ мои ключи». Произведеніе Пушкина состоитъ только изъ трехъ сценъ, но, несмотря на краткость, мы видимъ въ нихъ полное воспроизведеніе драматической борьбы, основанной на противоположности характеровъ. Драматическая сцена «Моцартъ и Сальери» въ первый разъ была напечатана въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» въ 1832 году. Сюжетъ драмы—отравленіе Моцарта музыкантомъ Сальери—по словамъ самаго Пушкина — дѣйствительное происшествіе, но на самомъ дѣлѣ это вымыселъ поэта, не лишенный правдоподобія относительно общей мысли драмы. Въ лицѣ Моцарта изображена геніальная натура, возбуждающая зависть въ талантливыхъ людяхъ, подобныхъ музыканту Сальери. Сальери завидуетъ славѣ Моцарта и вотъ изъ зависти онъ рѣшается отравить геніальнаго композитора. Моцартъ, ничего не подозрѣвая, выпиваетъ стаканъ съ ядомъ, но передъ смертью, по просьбѣ Сальери, исполняетъ свой Requiem, одну изъ величайшихъ композицій. Сальери въ восторгѣ отъ піэсы, онъ высказываетъ свою любовь къ художнику, но въ то же время является и преступникомъ. По уходѣ Моцарта Сальери, оставшись одинъ, невольно сознается въ справедливости мнѣнія Моцарта, что геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя. Основная мысль драмы — борьба чувствъ, съ одной стороны порожденныхъ личными стремленіями къ великой славѣ, съ другой—являющимися какъ результатъ призванія, даннаго природою. Достоинство этой небольшой піэски Пушкина заключается въ необыкновенно тонкомъ изображеніи неуловимыхъ повидимому движеній души. То же самое мы замѣчаемъ и въ драматическомъ

отрывкѣ «Каменный гость», героемъ котораго является испанскій рыцарь Донъ-Жуанъ. При всей психологической вѣрности, съ какою изображенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою на любовь къ женщинѣ, піэса Пушкина имѣетъ фантастическій характеръ, согласно съ преданіями о Донъ-Жуанѣ и съ оперою Моцарта, извѣстной подъ тѣмъ-же именемъ. Въ тотъ моментъ, когда герой бесѣдуетъ со вдовой донной Анной, страстно влюбившейся въ Донъ-Жуана, появляется статуя умершаго мужа. Донъ-Жуанъ, по желанію Каменнаго Гостя, подаетъ ему руку и со словами «я гибну — кончено» проваливается сквозь землю. Къ числу драматическихъ сценъ этого періода дѣятельности принадлежатъ еще: «Русалка» и «Пиръ во время чумы». Первая піэса — фантастическая по содержанію, но въ ней поэтъ сумѣлъ схватить очень вѣрно нѣкоторыя бытовыя черты русской народной жизни. Во второй сценѣ поэтъ изображаетъ свадьбу въ княжескомъ теремѣ и, совершенно согласно съ древнерусскими обычаями, рисуетъ картину свадебнаго пира, шутки и совѣты свата, передаетъ вполнѣ народнымъ языкомъ пѣсни дѣвушекъ, присутствующихъ на свадьбѣ. Вторая піэса, изображающая оргію во время чумы, заимствована изъ трагедіи Вильсона.

Втеченіе третьяго періода дѣятельности Пушкинъ не разъ обращался къ сюжетамъ историческимъ, имѣя въ виду воспроизвести болѣе или менѣе замѣчательныя эпохи въ русской исторіи. Къ подобнаго рода поэтическимъ сочиненіямъ относятся двѣ поэмы «Полтава» и «Мѣдный Всадникъ» и повѣсть «Капитанская дочка», Пушкинъ глубоко сочувствовалъ Петру Великому и его реформамъ. Эта личность и является главнымъ героемъ обѣихъ поэмъ. Въ Полтавѣ собственно два сюжета: любовь Маріи къ Мазепѣ и Полтавская битва. Такимъ образомъ поэтъ соединилъ двѣ стороны жизни частную и историческую, но и та и другая составляютъ одно цѣлое, выраженное въ общей идеи произведенія, которая высказана въ эпилогѣ поэмы. Марія, дочь Кочубея, страстно влюбляется въ своего крестнаго отца, Мазепу, малороссійскаго гетмана, отказывается отъ жениховъ и, когда родители возстали противъ предложенія сдѣланнаго Мазепой, она бѣжитъ къ нему и дѣлается его любовницей. Кочубей, узнавши объ этомъ, намѣревается мстить Мазепѣ и пишетъ на него доносъ Петру. Но Мазепа человѣкъ хитрый, пронырливый, способный всегда выпутаться въ крайнихъ обстоятельствахъ. Онъ оправ-

дывается передъ Петромъ и требуетъ казни Кочубея, какъ клеветника. Кочубей вмѣстѣ съ полковникомъ Искрой казнены. Марія, извѣщенная матерью о несчастной судьбѣ отца, бѣжитъ на мѣсто казни, но опаздываетъ и сходитъ съ ума. Между тѣмъ Мазепа соединяется съ Карломъ XII, который съ громаднымъ войскомъ подступилъ къ Полтавѣ, чтобы здѣсь сразиться съ Петромъ Великимъ. Поэтъ подробно описываетъ Полтавскую битву, героизмъ Петра и его побѣду надъ опытнымъ королемъ Шведскимъ. Въ лицѣ Петра Пушкинъ изображаетъ человѣка, для котораго общественные интересы выше всего и который жертвуетъ для нихъ собственною жизнью, принимая личное участіе въ битвѣ. Поэтъ съ намѣреніемъ возвышаетъ личность Петра передъ другими дѣйствующими лицами поэмы и только Кочубей вызываетъ его сочувствіе, какъ человѣкъ, погибающій подъ тяжестью окружающихъ его обстоятельствъ. Изображая Мазепу, Пушкинъ ограничивается только мрачными сторонами этого характера. Мазепа человѣкъ честолюбивый, стремящійся удовлетворить свои личныя стремленія и притомъ не останавливающійся ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Обращаясь къ исторической сторонѣ поэмы, мы замѣчаемъ, что Пушкинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступаетъ отъ исторіи и въ особенности въ изображеніи личности Мазепы. Правда, эти отступленія возможны въ каждомъ поэтическомъ произведеніи, но они не должны простираться до такой степени, чтобы идеализированная личность совершенно отличалась отъ своего историческаго прототипа. Поэтъ изображаетъ Мазепу злодѣемъ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ только честолюбцемъ, который искалъ случая возвыситься и, соединившись съ Карломъ, онъ надѣялся, что Петръ не устоитъ передъ знаменитымъ воиномъ, слава о которомъ распространена была по всей Европѣ. Наша исторія указываетъ на многихъ, подобныхъ Мазепѣ, а между тѣмъ мы не называемъ ихъ злодѣями. Идеализація Петра совершенно согласна съ дѣйствительностью. Поэтъ представилъ героизмъ какъ общую черту характера Петра, которая проявлялась во всѣхъ его поступкахъ; но злодѣйство, приписываемое поэтомъ Мазепѣ, не было вовсе существенною чертою характера этой личности. Особенный интересъ поэмѣ «Полтава» придаютъ тѣ мѣста ея, которыя отличаются драматическимъ харатеромъ, это именно: сцена «Кочубей въ темницѣ» и сцена, состоящая изъ разговора Маріи съ Мазепой. Дра-

матизмъ первой сцены заключается въ борьбѣ чувствъ, возбужденныхъ въ душѣ Кочубея, находящагося въ оковахъ. Онъ стоитъ при дверяхъ гроба и долгъ христіанскій заставляетъ его прощать своимъ врагамъ, а между тѣмъ въ душѣ его не умерло чувство мести; онъ готовъ ее унести съ собою въ могилу. Вторая сцена происходитъ въ домѣ Мазепы. Старый гетманъ желаетъ испытать Марію любитъ ли она его сильнѣе, чѣмъ своего роднаго отца. Подобныя драматическія мѣста значительно оживляютъ поэму тѣмъ болѣе, что въ талантѣ Пушкина было много умѣнья уловить движенія души въ извѣстные моменты. Переходимъ къ другой поэмѣ. Въ 1824 году въ Петербургѣ произошло наводненіе, гибельно отразившееся въ особенности на бѣдномъ населеніи столицы, живущемъ въ подвалахъ. Стали многіе упрекать Петра, основавшаго Петербургъ при морѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всегда можетъ угрожать жителямъ подобная опасность. Пушкинъ слышалъ не разъ подобные толки и они-то послужили поводомъ къ созданію поэмы «Мѣдный Всадникъ», гдѣ въ лицѣ бѣднаго чиновника Евгенія, потерявшаго невѣсту во время наводненія, поэтъ представляетъ людей, неумѣющихъ цѣнить подвиги такого великаго человѣка какъ Петръ. Въ прологѣ поэмы Пушкинъ изображаетъ основаніе Петербурга и потомъ состояніе столицы по прошествіи ста лѣтъ, дѣлая это съ тою цѣлью, чтобы показать значеніе дѣйствій Петра, который, основывая Петербургъ при морѣ, имѣлъ намѣреніе сблизить Россію съ Западомъ, распространить успѣхи цивилизаціи въ отечествѣ и тѣмъ принести пользу своему народу. Евгеній, о судьбѣ котораго разсказывается въ поэмѣ, бѣдный чиновникъ; онъ сходитъ съ ума отъ потери невѣсты, которая погибла отъ наводненія, и, бродя по улицамъ приходитъ на площадь, гдѣ воздвигнутъ памятникъ Петру Великому, изображенному въ видѣ Всадника. Евгеній укоряетъ строителя Петербурга, побужденный къ тому своимъ личнымъ несчастіемъ. Общая мысль поэмы та, что люди обыкновенные могутъ производить оцѣнку и свой судъ надъ геніальными дѣятелями только въ томъ состояніи, въ которомъ находится Евгеній. Въ противномъ случаѣ всякій сознается, что Петръ своимъ поступкомъ удовлетворялъ интересамъ общественнымъ, за что и оставилъ по себѣ великую память. Описаніе наводненія—одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы—сдѣлано согласно съ дѣйстви-

тельностью, что можно легко провѣрить по тѣмъ запискамъ, которыя остались у насъ съ того времени.

Пушкинъ глубоко интересовался эпохой Екатерины II и серьозно изучалъ то событіе, которое извѣстно въ нашей исторіи подъ именемъ пугачевскаго бунта. Онъ написалъ исторію этого событія и оставилъ довольно значительное количество матерьяловъ, собранныхъ имъ самимъ изъ разныхъ архивовъ. Но какъ поэтъ Пушкинъ не могъ упустить изъ виду и частную жизнь людей, жившихъ во времена пугачевскаго бунта, и вотъ у него возникаетъ цѣлая повѣсть «Капитанская дочка», изображающая эту частную жизнь. Герой повѣсти молодой офицеръ Гриневъ, служащій въ Бѣлогорской крѣпости. Сюжетъ отличается нѣсколько романтическимъ характеромъ. Гриневъ влюбляется въ Марью Ивановну, дочь капитана Миронова, которую преслѣдуетъ и оскорбляетъ на каждомъ шагу офицеръ Швабринъ, впослѣдствіи вступившій въ шайку Пугачева. Нападаетъ на крѣпость Пугачевъ, приказываетъ казнить коменданта и его жену. Марья Ивановна спасается въ домѣ крѣпостнаго священника. Гриневъ отказывается отъ присяги Пугачеву, и только потому, что этотъ послѣдній былъ когда-то имъ облагодѣтельствованъ, спасается отъ висѣлицы. Пугачевъ дѣлается менторомъ и покровителемъ Гринева, совершающаго теперь цѣлый рядъ подвиговъ, чтобы только спасти невѣсту отъ преслѣдованій злодѣя Швабрина. Между тѣмъ правительство подозрѣваетъ Гринева съ сношеніяхъ съ Пугачевымъ; обвиненный въ преступленіи, Гриневъ подвергается аресту и наконецъ суду. Марья Ивановна еще раньше переселилась въ усадьбу родителей Гринева, но, узнавъ о несчастной судьбѣ жениха, отправляется въ Царское Село, является тамъ передъ лицомъ императрицы Екатерины II и, разсказавъ все, что случилось, испрашиваетъ помилованіе Гриневу. Особенное вниманіе поэтъ обращаетъ на Гринева, и исторической стороны тогдашней жизни касается на столько, на сколько она необходима для обрисовки характера главнаго героя и положеній, въ которыхъ онъ находится. Мы не узнаемъ изъ повѣсти подробностей относительно Пугачева; сначала онъ является праздношатающимся, бродягой и встрѣчается съ Гриневымъ, когда тотъ ѣхалъ въ Оренбургъ на службу, а потомъ мы видимъ его уже начальникомъ шайки, грабежамъ и злодѣйствамъ которой нѣтъ никакого предѣла. Обративши исключительное вни-

маніе на характеръ Гринева, Пушкинъ подробно описываетъ обстановку, при которой развивался Гриневъ, а затѣмъ обстоятельства жизни, сдѣлавшія изъ него человѣка, способнаго на самопожертвованія изъ любви къ дѣвушкѣ. Въ повѣсти находится очень много подробностей, рисующихъ нашу старинную жизнь съ ея патріархальными нравами и обычаями, съ ея странными понятіями и взглядами на людей и явленія. Въ лицѣ Василисы Егоровны, жены коменданта, весьма хорошо изображенъ типъ простой, необразованной женщины; она женщина съ характеромъ и, забравши всю власть въ свои руки, чрезвычайно своеобразно понимаетъ эту власть. Когда Гриневъ является въ первый разъ къ коменданту и не находитъ его дома, то Василиса Егоровна прямо говоритъ, что она здѣсь всѣмъ руководитъ и надъ всѣмъ начальствуетъ. Савельичъ, дядька Гринева, типъ двороваго человѣка: любовь къ барину вмѣстѣ съ рабскою ему покорностью — вотъ тѣ основныя черты, которыя свойственны были этому типу во времена крѣпостнаго права. Повѣсть Пушкина отличается необыкновенною простотою въ изложеніи — черта, вообще свойственная этому поэту. Наравнѣ съ «Капитанской дочкой» стоятъ и другія произведенія въ повѣствовательномъ родѣ. Таковы: «Лѣтопись села Горохина», проникнутая нерѣдко остроуміемъ и неподдѣльной шуткой; небольшіе разсказы: «Выстрѣлъ», «Мятель», «Барышня-крестьянка», «Станціонный Смотритель», «Дубровскій», «Пиковая дама» и другіе. Большимъ объемомъ изъ нихъ отличается повѣсть «Дубровскій» гдѣ съ поразительной вѣрностью представлены бытъ стариннаго дворянства въ лицѣ помѣщика Троекурова, подъячіе и судопроизводство. Всматриваясь въ содержаніе повѣстей Пушкина, мы замѣчаемъ значительный поворотъ въ его литературной дѣятельности. Поэтъ обращается къ русской жизни и въ цѣломъ рядѣ простыхъ разсказовъ изображаетъ различныя стороны стариннаго нашего быта. Ознакомленіе же съ прошедшимъ весьма важно для изученія того, что происходитъ передъ нашими глазами, такъ какъ всегда настоящее есть результатъ прошедшаго. Прежняя критика, развившаяся у насъ въ 40-хъ годахъ, отнеслась не весьма сочувственно къ повѣствовательнымъ произведеніямъ Пушкина и даже признала ихъ недостойными таланта этого поэта. Подобный взглядъ очевидно возникъ подъ вліяніемъ особенной эстетической теоріи, съ точки зрѣнія которой критика искала всегда въ произведеніи глубокой идеи. Безъ сомнѣнія

глубокихъ идей мы не найдемъ въ повѣстяхъ Пушкина; онѣ представляютъ собою простые разсказы о русской жизни, въ явленіяхъ которой поэтъ и не видѣлъ никакой глубокой идеи.

Во всѣ періоды своей поэтической дѣятельности Пушкинъ написалъ множество лирическихъ произведеній, число которыхъ простирается до 600 слишкомъ. Уже первыя произведенія Пушкина въ лирическомъ родѣ при всей подражательности ихъ содержанія, обнаружили въ немъ необыкновенную легкость стиха и рѣдкую въ то время простоту выраженія. Чѣмъ болѣе развивался талантъ Пушкина, тѣмъ болѣе усовершенствовалась основная черта его поэзіи, т. е. сближеніе съ дѣйствительностью. Правда, мы не найдемъ въ стихотвореніяхъ Пушкина изображенія какихъ нибудь явленій современной жизни, но выраженіе чувствъ и ощущеній есть та же дѣйствительность. Не всякій изъ поэтовъ выражалъ свои чувства такъ, какъ Пушкинъ. Онъ умѣлъ сдѣлать ихъ общечеловѣческими и изображалъ въ такихъ формахъ, въ какихъ онѣ обнаружились бы у всякаго, находящагося въ одинаковыхъ съ поэтомъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, чувство, воспѣваемое поэтомъ, всегда гуманно; оно бываетъ нерѣдко проникнуто грустью, но эта грусть всегда кончается мыслью о примиреніи съ жизнью. Кромѣ простоты, стихотворенія Пушкина отличаются еще однимъ изъ самыхъ выдающихся достоинствъ красотою формы и ея художественностью. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слѣдующія: «Я помню чудное мгновенье», «Брожу ли я вдоль шумныхъ», «Разлука» (Для береговъ отчизны дальной) и другія. Во многихъ стихотвореніяхъ Пушкина находятся ясныя картины русской природы и жизни (Утопленникъ, Бѣсы), и въ этомъ отношеніи литература и общество справедливо признали Пушкина поэтомъ народнымъ. Безъ сомнѣнія, Пушкинъ не могъ еще понимать русскую народность такъ, какъ понимала ее послѣдующая литература наша, но это конечно объясняется съ одной стороны общимъ положеніемъ тогдашней образованности, съ другой обстоятельствами жизни и происхожденіемъ поэта. Чтобы изображать внутреннюю жизнь народа — надо жить съ нимъ, надо прочувствовать все, что испытываетъ народъ въ своихъ радостяхъ и печаляхъ, но это было недоступно для Пушкина, какъ человѣка, вышедшаго совершенно изъ иной среды. Для глубокаго пониманія народной жизни недостаточно одной природной геніальности: тутъ нужно еще изученіе явленій

народной жизни, но во времена Пушкина эта область оставалась еще нетронутою. Во всякомъ случаѣ Пушкинъ, какъ мы видѣли изъ его біографіи, старался изучать народную поэзію, понималъ ее лучше многихъ своихъ современниковъ и подражалъ ей весьма удачно въ своихъ народныхъ сказкахъ. Въ ряду лирическихъ произведеній есть нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ Пушкинъ касается вопроса о значеніи искусства и поэзіи и о призваніи поэтическомъ вообще. Таковы стихотворенія: «Эхо», «Поэтъ», «Поэту», «Чернь». Общая мысль всѣхъ этихъ стихотвореній слѣдующая: Поэтъ— человѣкъ, владѣющій вдохновеніемъ, произведенія свои онъ создаетъ поволѣ своего вдохновенія и не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ въ окружающей его жизни.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ
Мы рождены для вдохновенья
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Обращаясь къ черни, поэтъ очевидно разумѣетъ окружавшее его общество, которое мало-по-малу стало охладѣвать къ поэту и налагало на него извѣстныя требованія. Но взглядъ Пушкина на поэзію не былъ самобытнымъ, онъ, очевидно, возникъ подъ вліяніемъ тѣхъ идей объ искусствѣ, которыя занесены были къ намъ чрезъ посредство нѣмецкой философіи. Явились двѣ теоріи: одна признавала существованіе искусства для искусства, другая требовала, чтобы искусство и поэзія имѣли реальное значеніе, т. е. чтобы поэтъ не отдалялся отъ окружающей его жизни и былъ руководителемъ народа въ его нуждахъ. Въ указанныхъ стихотвореніяхъ Пушкинъ является пропагандистомъ теоріи искусства для искусства, но не для жизни. Пушкинъ желалъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т. е. свободнымъ художникомъ, творящимъ не для реальныхъ интересовъ жизни. Мнѣніе толпы ему казалось ничтожнымъ и онъ считалъ самого себя лучшимъ цѣнителемъ своихъ произведеній. Мысль эта выражена въ слѣдующемъ стихотвореніи «Поэту»:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь; живи одинъ; Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? — Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Произведенія Пушкина остаются знаменательнымъ фактомъ въ исторіи нашей литературы. Подъ вліяніемъ его дѣятельности и таланта русская поэзія во первыхъ получила вполнѣ художественную форму, во вторыхъ сблизилась съ дѣйствительностью, чего не могли достигнуть предшествовавшіе Пушкину поэты. «Пушкинъ, говоритъ Бѣлинскій въ заключеніи своихъ статей о немъ, былъ по преимуществу поэтъ, художникъ, и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. И потому, онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человѣкомъ». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и нѣжнаго. И все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ. Прійдетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только, эстетическое но и нравственное чувство....»

Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ періодовъ русской литературы не являлось такого числа поэтовъ, какое было вызвано дѣятельностью Пушкина. Можно даже сказать, что эпоха Пушкина была единственною, когда поэзія получила преимущественное право граж-

данства въ ряду литературныхъ произведеній вообще. Безъ сомнѣнія не число писателей возвышаетъ литературу извѣстнаго періода, хотя и оно въ свою очередь говоритъ за ея богатство. Въ ряду послѣдователей Пушкина стоятъ имена Веневитинова, Козлова, Баратынскаго — имена, которыя своими трудами содѣйствовали развитію въ нашемъ обществѣ вкуса къ изящнымъ произведеніямъ, знакомили его съ поэтическими образцами литературы западной. Почти всякій писатель, явившійся тогда на литературномъ поприщѣ, писалъ стихами, что конечно объясняется тою выработанностью слога, которую произвелъ въ русской поэзіи Пушкинъ. Какъ поэтическая форма, такъ и направленіе поэзіи введены были Пушкинымъ, который въ этомъ отношеніи можетъ стать въ ряду цѣлаго періода русской поэзіи. Разсмотримъ вкратцѣ литературную дѣятельность ближайшихъ послѣдователей Пушкина.

Дмитрій Влад. Веневитиновъ родился въ Москвѣ (1805—1827). Принадлежа къ богатой дворянской фамиліи, Веневитиновъ получилъ блестящее образованіе, которое не многимъ доставалось тогда на долю. Уже въ дѣтствѣ онъ изучилъ въ совершенствѣ древніе языки, занимался живописью, музыкою и тогда уже сталъ обнаруживать свои артистическія наклонности. Будучи 16-ти лѣтъ, Веневитиновъ написалъ прекрасное стихотвореніе «Къ друзьямъ», гдѣ и высказываетъ мысль, что занятія поэзіею замѣняетъ для него всѣ приманки жизни. Черезъ годъ Веневитиновъ, серьозно подготовленный поступаетъ въ Московскій университетъ, славившійся тогда именами Мерзлякова, Давыдова и Павлова. Веневитиновъ часто посѣщалъ частныя бесѣды, устраиваемыя Мерзляковымъ, и тутъ удивлялъ всѣхъ остротою и оригинальностью ума, которыя обнаруживаются не разъ и въ прозаическихъ статьяхъ молодого писателя. Къ этому времени относится сочиненіе нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній, каковы напр.: «Смерть Байрона», «Пѣснь Грека», два отрывка изъ неоконченной поэмы, сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, изъ преданія о князѣ Ѳеодорѣ и его женѣ Евпраксіи. Окончивъ блистательно университетскій курсъ, Веневитиновъ поступилъ на службу въ Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Поэтъ не особенно любилъ свѣтскую жизнь и предпочиталъ ей занятіе наукою. Тогда въ Москвѣ образовался кружокъ писателей, увлекшихся философіею Шеллинга, Веневитиновъ тотчасъ примкнулъ къ нему какъ одинъ

изъ страстныхъ поклонниковъ философіи вообще. Часто друзья собирались и бесѣдовали, на этихъ бесѣдахъ Веневитиновъ прочитывалъ свои разсужденія, какъ напр. «Скульптура, живопись и музыка», «Анаксагоръ» и др. Тогда же была имъ написана небольшая статья: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», по программѣ которой сталъ впослѣдствіи издаваться журналъ «Московскій Вѣстникъ». Въ Москвѣ же Веневитиновъ влюбился, но не могъ найти полнаго сочувствія къ себѣ въ предметѣ своей страсти, и отсюда произошло то элегическое настроеніе, какимъ проникнуты многія изъ его поэтическихъ произведеній. Переселившись въ Петербургъ, Веневитиновъ продолжалъ высказывать недовольство жизнью и этой мыслью проникнуто стихотвореніе «Жизнь».

Сначала жизнь плѣняетъ насъ;
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой-что страшитъ издалека,
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньи
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривой!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ на все глядимъ лѣниво,
Потомъ и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и развязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Не долго пришлось Веневитинову прожить въ Петербургѣ: получивъ жесточайшій тифъ онъ скончался 15 марта 1827 года, горько оплаканный и друзьями и тогдашними писателями. Тѣло Веневитинова перевезено было въ Москву, гдѣ и предано землѣ на кладбищѣ Симонова монастыря. Всѣ журналы отозвались съ глубокою скорбью по поводу кончины юноши. Одинъ изъ критиковъ журнала «Телескопъ» Н. И. Надеждинъ въ своей статьѣ пишетъ слѣдующее: «Необыкновенный юноша былъ созданъ поэтомъ и душа его, рано угадавшая свое

призваніе, высказала себя мелодическими прелюдіями, которымъ судьба, по неисповѣдимымъ своимъ совѣтамъ, не дала разрѣшиться въ полную гармонію. Но и тѣхъ недоконченныхъ звуковъ, которые первенцами срывались съ его дѣвственной лиры, слишкомъ достаточно, чтобы дать почувствовать цѣну утраты, понесенной съ его преждевременной смертью. Веневитиновъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гармонію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи».

Несмотря на кратковременность своей жизни, Веневитиновъ успѣлъ достигнуть возможно-всесторонняго образованія и принадлежалъ къ числу писателей, которые должны быть поставлены въ руководители умственнаго движенія. Недаромъ Веневитиновъ былъ центромъ впервые возникшаго въ Россіи философскаго кружка. Философія была любимою отраслью знанія для молодаго поэта; она же оказала вліяніе и на его критическія воззрѣнія. Въ своихъ прозаическихъ статьяхъ по поводу первой главы Евгенія Онѣгина, Веневитиновъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію. Сущность поэзіи, по его мнѣнію, заключается нестолько въ описаніи картинъ, сколько въ гармоніи чувства и мысли. Одного чувства недостаточно для истинной поэзіи, и вотъ почему истинные поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ были въ тоже время и глубокими мыслителями. Всякое чувство можетъ быть предметомъ поэтическаго созданія, но только тогда, когда поэтъ продумалъ его въ долгой и упорной борьбѣ съ самимъ собою. Веневитиновъ глубоко цѣнилъ поэзію Гете именно потому, что въ ней онъ находилъ желанную гармонію мысли и чувства. Какимъ видимъ мы Веневитинова въ его прозаическихъ отрывкахъ, такимъ онъ является и въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Несмотря на немногочисленность его стихотвореній, всѣ они изображаютъ чувства поэта, продуманныя имъ, и выраженныя всегда съ глубокою искренностью, такъ что каждое стихотвореніе можетъ имѣть біографическое значеніе. Поэзія Веневитинова проникнута грустью, но эта грусть, происходя отъ несогласія жизни съ идеаломъ поэта, никогда не отдаляетъ его отъ жизни. Интересъ жизни заключается не въ однихъ внѣшнихъ ея проявленіяхъ, но также и во внутренней борьбѣ мыслей и чувствъ, совершающейся въ душѣ человѣка. Вотъ эта внутренняя борьба, составляющая сущность поэзіи Веневити-

нова и была тѣмъ обстоятельствомъ, которое примиряло его съ жизнью.

Опредѣляя значеніе поэтическаго призванія Веневитиновъ видитъ въ поэзіи выраженіе явленій жизни, что онъ и высказываетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Есть черта въ поэзіи Веневитинова, отличающая ее отъ поэзіи Пушкина. Веневитиновъ больше мыслитель, въ его стихахъ нѣтъ такой роскошной фантазіи, которая можно сказать бьетъ ключемъ въ произведеніяхъ геніальнаго поэта. Во многихъ стихотвореніяхъ Веневитинова замѣтно также отсутствіе окончательной внѣшней отдѣлки, но оно можетъ быть произошло отъ того, что большая часть произведеній этого поэта была напечатана уже послѣ его смерти безъ предварительной обработки самимъ авторомъ. Съ одной стороны подъ вліяніемъ личныхъ обстоятельствъ, съ другой вслѣдствіе появившагося на русской почвѣ отраженія байроновской поэзіи, русскіе поэты, примыкающіе къ разматриваемому періоду, стали высказывать идеи о недовольствѣ жизнью, что повлекло за собою и элегическій тонъ, которымъ проникнуты ихъ поэтическія произведенія. Эту черту мы замѣчаемъ и въ произведеніяхъ Козлова. Ив. Ив. Козловъ родился въ 1774 году въ Москвѣ, воспоминанія о которой сохранилъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ. На 29 году жизни Козловъ потерялъ зрѣніе и тогда-то пустился въ литературу. Раньше этого Козловъ уже въ совершенствѣ изучилъ французскій и итальянскій языки и восхищался талантомъ Карамзина. Другимъ руководителемъ Козлова былъ В. А. Жуковскій, человѣкъ всегда сочувствовавшій всему прекрасному. Въ теченіе пяти лѣтъ послѣ потери зрѣнія Козлову пришлось много выстрадать, испытать нищету и только заботы о немъ преданной ему жены да усердныя занятія поэзіей облегчали его страданія. Несмотря на слѣпоту, Козловъ выучился по нѣмецки и по англійски и твердо помнилъ все, что ему читали на этихъ языкахъ. Особенно онъ любилъ англійскихъ поэтовъ. Въ посланіи къ Вальтеръ-Скотту Козловъ благодаритъ Шотландскаго романиста за доставленное наслажденіе и воображаетъ себя въ кругу его семьи.

Иль вдругъ, вечернею порою,
Въ привѣтномъ замкѣ мы съ тобою;
Тамъ дѣти, внуки, вся семья —
Отрада милая твоя —
Бѣгутъ, шумятъ, тебя встрѣчая,
И мѣста нѣтъ почти друзьямъ,
А дочь — хозяйка молодая,
Янтарный чай готовитъ намъ;
Всё нѣгой, радостью свѣтлѣетъ.
Кто здѣсь съ весельемъ не знакомъ?
И ты, пѣвецъ, предъ камелькомъ,
Гдѣ уголь дымный жарко тлѣетъ,
Въ красѣ серебряныхъ кудрей,
Сидишь съ дѣтьми твоихъ дѣтей;
То учишь ихъ, то забавляешь,
Имъ сказки, были поминаешь,
То рѣчь ведешь о мертвецахъ,
О вѣдьмахъ, о ворожеяхъ; —
Иль, въ знакъ безцѣнной имъ награды,
Поешь родимыя баллады; —
Иль вдругъ уже, не тратя словъ,
Рѣзвиться съ ними ты готовъ;
На ихъ весёлыхъ, ясныхъ лицахъ
Ты видишь счастье вкругъ себя, —
И блещутъ слезы на рѣсницахъ,
Почтенный старецъ, у тебя.
Но ужъ предъ сномъ, въ часъ тихой лѣни,
Къ тебѣ взобравшись на колѣни,
Младенцы начали дремать;
Будь съ ними Божья благодать!
Тогда бесѣдуешь съ друзьями,
Съ пріѣзжимн: — твой умъ живой
Дивитъ небрежной остротой,
Плѣняетъ сладкими рѣчами.
О, какъ благословенъ твой вѣкъ,
Великій.... добрый человѣкъ!

Кромѣ Вальтеръ-Скотта, Козловъ хорошо былъ знакомъ съ поэзіею Байрона, Борнса, Тасса, Манцони и своими превосходными переводами нѣкоторыхъ изъ произведеніи ознакомилъ русскую публику съ

лучшими представителями западной поэзіи. Приводимъ здѣсь переводъ Козлова стихотворенія Роберта Бориса къ «Полевой маргариткѣ», которую англійскій поэтъ, обрабатывая поле, нечаянно срѣзалъ желѣзомъ своей косы.

Цвѣтокъ пунцовый, полевой!
Ты, бѣдный, встрѣтился со мной
Не въ добрый часъ; тебя въ красѣ
Подрѣзалъ я.
Жемчугъ долинъ, не можно мнѣ
Спасти тебя!

Не пёстрый, рѣзвый мотылекъ
Теперь твой нѣжный стебелёкъ
На дёрнъ, увлаженный росой
Порхая, гнётъ;
Къ тебѣ, румяною зарёй,
Онъ не прильнётъ.

Въ холодномъ полѣ вѣтръ шумѣлъ,
И дождикъ лилъ, и громъ гремѣлъ;
Но туча мрачная прошла,
Межъ тѣмъ въ глуши
Ты нѣжно, тихо разцвѣла,
Цвѣтокъ любви.

Сады даютъ цвѣтамъ своимъ
Пріютъ и тѣнь — и любо имъ,
Но сироту, красу полянъ,
Кто сбережётъ?
Отъ зноя туча, иль курганъ
Отъ непогодъ.

Изъ-подъ травы едва видна,
Цвѣла ты, прелести полна,
И солнца лучъ съ тобой игралъ;
Но тайный рокъ
Желѣзо острое наслалъ —
Погибъ цвѣтокъ...

Таковъ удѣлъ, Мальвина, твой,
Когда невинною душой

Ты ловишь нѣжныя мечты;
Любовь страшна:
Какъ мой цвѣтокъ, увянешь ты
Въ тоскѣ одна.

Пѣвцу удѣлъ такой же данъ:
Бушуетъ жизни океанъ,
Не видно звѣздъ, а онъ плывётъ,
Надежда мчитъ;
Онъ простъ душой, онъ счастья ждётъ...
Челнокъ разбитъ.

И добрый, злыми утѣснёнъ,
Тому жъ удѣлу обречёнъ:
Никто ни чѣмъ не упрекнётъ,
А жилъ въ слезахъ;
Пріюта нѣтъ; онъ отдохнётъ
На небесахъ!

И я горюю о цвѣткѣ,
А, можетъ быть, не вдалекѣ
Мой чёрный день—и какъ узнать,
Что Богъ велѣлъ?
Не о себѣ ли горевать
И мой удѣлъ?...

Простота поэзіи Борнса и другихъ подобныхъ поэтовъ была подъ силу таланту Козлова. Но нельзя того же сказать относительно его переводовъ изъ Байрона. Козловъ благоговѣлъ передъ геніемъ англійскаго поэта, произведенія котораго, можно сказать произвели переворотъ въ европейскихъ литературахъ. Поэзія Байрона прежде всего проникнута энергіею и силою выраженія, которыхъ недоставало русскому переводчику и вотъ почему переводы «Абидосской Невѣсты, и отрывковъ изъ Чайль-Гарольда кажутся блѣдными въ сравненіи съ оригиналомъ. Владѣя все-таки значительнымъ поэтическимъ талантомъ, Козловъ стремился создать картины русской жизни въ двухъ своихъ большихъ поэмахъ «Чернецъ» и «Наталья Долгорукая». Поэма «Чернецъ» начинается описаніемъ монастыря на берегу Днѣпра. Въ кельѣ этого монастыря умираетъ чернецъ и передъ смертью разсказываетъ игумену исторію своей жизни. Съ дѣтства

онъ испытывалъ много горестей, жилъ бездомной сиротой, не видя ласки родителей,—а когда сталъ юношей, бродилъ по берегу Днѣпра, занимаясь охотой. Скоро въ эти края пріѣхалъ старикъ съ семействомъ. Дочь красавица прельстила юношу. Чернецъ разсказываетъ далѣе исторію своей любви, какъ невѣсту его похитилъ какой-то хорунжій, котораго онъ убилъ. При всемъ желаніи Козлова придать русскій колоритъ поэмѣ, ему не удалось этого достигнуть; байроновская поэзія, увлекая его воображеніе, мѣшала слиться съ русской жизнью. Матерьяломъ для Козлова послужила поэма Байрона «Гяуръ», въ которой разсказывается, какъ молодой европеецъ влюбляется въ женщину изъ гарема паши, за что она, зашитая въ мѣшокъ, брошена въ море. Юноша мститъ за нее, и умирая разсказываетъ исторію своей любви. Въ поэмѣ Козлова, правда, много поэтическихъ мѣстъ, но все таки содержаніе ея далеко отъ дѣйствительности и притомъ проникнуто мелодраматическимъ характеромъ. Болѣе самостоятельности въ другой указанной нами поэмѣ Козлова. Въ этомъ произведеніи Козловъ воспользовался историческимъ сюжетомъ, именно судьбою знаменитой дочери боярина Шереметьева, которая была замужемъ за княземъ Долгорукимъ, казнен имъ во времена Бирона. Сюжетъ поэмы заключается въ слѣдующемъ: Наталья Борисовна, потерявъ любимаго мужа, пробирается въ Москву, одѣтая въ простое платье крестьянки; на рукахъ у нее сынъ—грудной младенецъ. Дорогой ей приходится проходить мимо села, принадлежавшаго боярину Шереметьеву. Наступаетъ ночь. Бѣдная женщина заходитъ въ домъ священника, который ласково принявъ странницу, разсказываетъ ей о жизни боярина и о его дочери Натальи, которая выросла на его рукахъ. Священникъ не могъ узнать, кто была путница, онъ утѣшалъ ее, говорилъ ей, чтобы она смирилась передъ Богомъ, съ любовью принимала тяжелый крестъ, молилась и терпѣла. Разсказы священника возбудили въ душѣ Натальи цѣлый рой воспоминаній. Въ словахъ ея видна честная и правдивая женщина. Она готова была раздѣлить съ любимымъ мужемъ и другомъ всякое горе, но судьба отняла его и ей пришлось теперь страдать одиноко. Во второй части поэмы авторъ разсказываетъ о прибытіи Натальи Борисовны въ Москву. Здѣсь ей вспомнилась та пора, когда отецъ ея велъ мудрыя бесѣды съ Петромъ, когда она сама, будучи молодой невѣстой, являлась красою двора. Невольно вспоминаетъ она о мужѣ

и слезы ручьями полились изъ ея очей. Разстроенное воображеніе беретъ свои права: ей кажется, что будто предъ нею стоитъ ея мужъ, омраченный глубокой думой, она падаетъ на камень; и внѣ себя показываетъ ему соннаго младенца. Приводимъ это мѣсто поэмы.

Уныло путница младая,
Младенца къ персямъ прижимая,
Сходила съ Краснаго Крыльца,
Дрожала, плакала, блѣднѣла,
И робкая на камень сѣла
У озареннаго дворца.
Невольно душу волновали,
И блескъ минутный юныхъ дней,
И тѣ святые дни печали,
Которыхъ память намъ милѣй...
Въ грозѣ, ничѣмъ неотразимой,
Темницу друга раздѣлять,
Съ нимъ вмѣстѣ плакать, съ нимъ страдать,
Ея надеждою любимой.
Но сердце, сжатое тоской,
Тонуло въ думѣ роковой.
На вѣкъ-ли небо омрачилось?
Гдѣ онъ? что съ нимъ? Ужель свершилось?
И въ немъ забывъ людей и свѣтъ,
Съ душой усталою отъ бѣдъ,
Она сидѣла, чуть дышала,
Одну мечту другой смѣняла,
Томяся въ смутной тишинѣ,
Не на яву и не во снѣ.
Къ ней что-то льнетъ, къ ней что-то вьется...
Она вздрогнула; сердце бьется;
По жиламъ холодъ пробѣжалъ,
Сквозь сонъ младенецъ закричалъ,
И что-то будто-бы мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло...
«Ты здѣсь? Творецъ! какой судьбой?
«О ты-ли, другъ, опять со мной!...»
И прежнихъ дней товарищъ милый
Предъ ней, встревоженный, унылый,
На свѣтлой площади стоитъ.

Онъ къ ней нейдетъ, не говоритъ
И зорко на нее глядитъ.
Онъ завернулся въ плащъ широкій,
Онъ въ думѣ мрачной и глубокой
И чуденъ блескъ его очей.
И блѣденъ ликъ, и видъ смущенный,
И кольца черныя кудрей
Не вьются къ шеѣ обнаженной.
Сковалъ ее внезапный страхъ;
Встаетъ; нѣтъ силъ; на камень пала
И внѣ себя, ему, въ слезахъ,
Младенца сонного казала.
Какъ будто содрогнулся онъ,
Какъ будто непонятный стонъ
Въ устахъ сомкнутыхъ раздавался;
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чѣмъ-то омраченъ.
Она глядитъ, дохнуть не смѣетъ...
А полная луна свѣтлѣетъ —
И плащъ откинулся слегка,
Выходитъ медленно рука,
Грудь обнажилась, кровь чернѣетъ
Рубашки бѣлой на краю;
Онъ тихо сталъ передъ женою
И, волосы собравъ рукою,
Съ плечъ поднялъ голову свою,
И ярко озаренъ луною,
На шеѣ признакъ роковой
Темнѣлъ багровой полосой.

Прошло много лѣтъ. Наталья рѣшается оставить Москву; приходитъ въ Кіевъ и, бросая въ Днѣпръ свое вѣнчальное кольцо, поступаетъ въ монахини. Поэма дышетъ красками чисторусской поэзіи, но недостатокъ заключается въ подражаніи Байрону, откуда и длинныя разсужденія, задерживающія движеніе поэмы. Кромѣ того современная критика находила изысканность въ разсказѣ и отсутствіе вполнѣ вѣрнаго изображенія героини. Несмотря на недостатки, поэма Козлова исполнена сердечной теплоты и глубокаго сочувствія къ судьбѣ героини и потому она произвела на читателей сильное впеча-

тлѣніе. Кромѣ указанныхъ двухъ поэмъ есть еще у Козлова повѣсть въ стихахъ «Безумная», но она далеко ниже первыхъ, за исключеніемъ превосходнаго вступленія, въ которомъ поэтъ описываетъ Москву и ея окрестности. Козловъ подражалъ и Жуковскому, который былъ однимъ изъ любимыхъ друзей поэта. Онъ написалъ нѣсколько балладъ; изъ нихъ большимъ объемомъ отличается «Венгерскій Лѣсъ», подобныя піэсы, съ ихъ обычной фантастической обстановкой далеко уже потеряли свой интересъ послѣ поэзіи Пушкина. Въ балладахъ Козлова сохраняется тѣ же черты, что и у Жуковскаго и блѣдный свѣтъ луны и вой мертвецовъ и т. п.

Кромѣ указанныхъ писателей русская поэзія, современная Пушкину, имѣетъ цѣлый рядъ представителей, болѣе или менѣе оказавшихъ вліяніе на развитіе стихотворнаго языка и въ свое время пользовавшихся извѣстностью. Къ нимъ мы относимъ Дельвига, Языкова, Баратынскаго, Давыдова, кн. Вяземскаго и др. Ихъ произведенія, отличающіяся несомнѣнными поэтическими чертами, указываютъ на то, что въ то время поэзія вообще привлекала вниманіе общества и цѣнилась выше, чѣмъ въ другой какой нибудь періодъ нашей образованности. Дельвигъ Ант. Ант. (1798—1831) былъ товарищемъ Пушкина по лицею и однимъ изъ любимыхъ его друзей. Пятнадцати лѣтъ Дельвигъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы оду «На взятіе Парижа» и съ тѣхъ поръ не покидалъ поэтическаго поприща. Особенною извѣстностью пользовались его романсы и пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторые поются и въ настоящее время. Пѣсни «Ахъ ты ночь-ли ноченька, Пѣла, пѣла Пташечка, Соловей, мой Соловей, и др.; при всѣхъ достоинствахъ языка, обличающаго въ авторѣ поэтическій талантъ, все таки были слабымъ подражаніемъ народной поэзіи. Чувство, которымъ проникнуты пѣсни Дельвига, вызывалось не обстоятельствами жизни самого поэта, а простымъ желаніемъ поддѣлаться подъ народный тонъ. Для образца слога Дельвига приводимъ здѣсь романсъ его.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть-можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно, но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердце таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись, и свѣжій вѣнецъ,
На кудри мои надѣвая,
«Стыдись», восклицали, «мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ-ли жизнь молодая!»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли —
Я съ ними; но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
И славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды:

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла: гдѣ-жъ други? лежатъ на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ-поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ всё мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

Съ біографіею Пушкина тѣсно связывается имя Ник. Мих. Языкова (1803—1846). Его произведенія по характеру своему лирическія: въ нихъ онъ воспѣваетъ пиры, дружбу, веселье вообще тѣ явленія жизни, которыя составляютъ главные мотивы такъ называемой анакреонтической поэзіи. Но Языковъ не ограничивался только этими мотивами; онъ писалъ еще патріотическія и религіозныя пѣсни, которыя обнаруживаютъ въ поэтѣ сильный талантъ. Правда, произведеній послѣдняго рода не много; большая часть стихотвореніи Языкова проникнуты анакреонтическимъ характеромъ, но это объясняется духомъ времени и тою обстановкою, среди которой вращались тогда многіе изъ нашихъ поэтовъ. Программа поэзіи Языкова лучше всего выражается въ слѣдующихъ стихахъ:

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали,
Свободу нашего житья
И цѣлый міръ позабывали!
Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи свѣтлыя виномъ
Они плѣнительно блистали.

Есть у Языкова нѣсколько піэсъ, навѣянныхъ чтеніемъ исторіи Карамзина, каковы напр.: Пѣснь Барда, Пѣснь баяна, Усладъ Куде-сникъ, Ливонія и др., но въ нихъ только мѣстами проглядываетъ изящество формы, въ цѣломъ-же онѣ обличаютъ въ авторѣ скорѣе ловкаго версификотора чѣмъ поэта художника.

Весельемъ и разгульнымъ характеромъ отличаются и стихотворенія Ден. Вас. Давыдова (1784—1839), извѣстнаго партизана во время отечественной войны 12-го года. Давыдовъ служилъ въ военной службѣ и потому хорошо знакомъ былъ съ частною жизнью военныхъ людей, изъ которыхъ многіе проводили время въ кутежахъ и попойкахъ. Таланты Давыдова, какъ человѣка военнаго, оцѣниваются въ исторіи. Что-же касается его поэтическаго дарованія, то оно не было развито на столько, чтобы Давыдовъ могъ занять видное мѣсто въ исторіи нашей литературы. Его пѣсни какъ напр.: Бурцовъ, пѣсня стараго гусара, «Современная пѣсня» и т. п., правда, пользовались популярностью и заучивались наизусть, но это объясняется довольно гладкимъ стихомъ и еще болѣе живымъ ихъ содержаніемъ и неподдѣльнымъ остроуміемъ. Общество наше вообще требовало легкой поэзіи, какова и была поэзія послѣдователей Пушкина, угождавшая вкусу большинства. Но не всѣ поэты слѣдовали этому направленію, нѣкоторые стремились придать серьезный характеръ своей поэтической дѣятельности и вносить въ нее возвышенныя мысли. Пользуясь этой точкой зрѣнія на поэзію, они отчасти отдалились отъ того пути, по которому шелъ Пушкинъ. Послѣдній, несмотря на свой односторонній взглядъ на задачу поэзіи, сблизилъ ее съ современной дѣйствитель-

ностью, изображалъ въ своихъ произведеніяхъ картины русской жизни и природы. Совершенно не то мы видимъ въ поэзіи Баратынскаго (1800—1844). Онъ считается у насъ поэтомъ-мыслителемъ, но вопросы, какіе входятъ въ его произведенія, почти не имѣютъ никакого отношенія къ русской жизни. Главными произведеніями Баратынскаго являются три поэмы: «Эда, Балъ и Цыганка». Во всѣхъ трехъ произведеніяхъ поэтъ изображаетъ любовь какъ общечеловѣческое чувство, притомъ ея несчастную сторону. Въ первой поэмѣ, написанной авторомъ во время пребыванія въ Финляндіи, героиней является простая наивная финляндка, умирающая отъ разлуки съ любимымъ человѣкомъ. Въ поэмѣ «Балъ» авторъ переносить читателя въ аристократическій кругъ, оставляя тотъ же мотивъ съ небольшими его измѣненіями. Молодая княгиня, жена картежника князя, влюбляется въ молодаго человѣка, но, узнавъ, что этотъ послѣдній ухаживаетъ за одной дѣвушкою, она отправляется на балъ; разряженная на славу, она думаетъ склонить Арсенія на свою сторону, но терпитъ полное фіаско. Обиженная и взволнованная она уѣзжаетъ съ бала и, пріѣхавъ домой, изъ ревности отравляется ядомъ. Наконецъ въ послѣдней поэмѣ Баратынскаго опять та же мысль, только страдающимъ лицомъ является не женщина, а свѣтскій франтъ, измѣняющій своей любовницѣ цыганкѣ.

Баратынскій приходилъ въ восторгъ отъ геніальныхъ произведеній Гете, на смерть котораго написалъ слѣдующее стихотвореніе, проникнутое глубокою мыслью:

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На всё отозвался онъ сердцемъ своимъ;
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Всё духъ въ нёмъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ времёнъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье:
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждётъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Всё дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному лёгкой душой возлетитъ —
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Изъ лирическихъ произведеній Баратынскаго больше всего извѣстны были его элегіи, которыя всегда проникнуты глубиною мысли и самымъ тонкимъ анализомъ чувства. Таковы: «Разувѣреніе», положенное на музыку знаменитымъ нашимъ композиторомъ Глинкой, «Черепъ», гдѣ мысль о смерти вызываетъ поэта на глубокія размышленія. Приводимъ здѣсь это послѣднее стихотвореніе:

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья.

Ужасный видъ! какъ сильно поражонъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины, извѣстныя гробамъ,
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитъ;
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

Стихотворенія Баратынскаго высоко цѣнились поэтами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, но съ появленіемъ новой литературной школы, когда мѣсто поэзіи заняла проза, обратившаяся къ изображенію русской жизни, дѣятельность разбираемаго поэта потеряла уже прежнее значеніе. По словамъ Лонгинова, когда въ 1842 году вышла книжка стихотвореній Баратынскаго подъ названіемъ «Сумерки», то она произвела впечатлѣніе привидѣнія, поставившаго въ недоумѣніе современный читающій міръ.

Къ старѣйшимъ поэтамъ пушкинскаго періода принадлежитъ и

кн. Петръ Андр. Вяземскій, род. въ 1792 году. Стихотворенія его отличаются по большей части шутливымъ и сатирическимъ характеромъ, какъ напр.: слѣдующее стихотвореніе «Масляница на чужой сторонѣ».

Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыплённыя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебёдка,
Здраствуй, матушка зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты не взначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ басурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не понутру;
Нѣтъ приличнаго пріёма,
И народъ не на юру.
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не съумѣть имъ, нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой!
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для русскаго здорово,
То для нѣмца карачунъ!»
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ—батюшка морозъ
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.
Ты у насъ
Наша сн

Молодецкая зима!
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещёный міръ.
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышутъ бѣшенныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ.
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ, горитъ.
Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.
И бѣлѣе и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утреней зарей.
Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабытъ;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,

Сердце любо веселитъ.
Разгулялись городъ, села—
Загуляли старъ и младъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.
Нѣтъ конца веселымъ кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ нѣмцамъ—горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?
Сани здѣсь — подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ, не обиходъ:
Снѣгъ здѣсь — рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку?
Развѣ кружкою пивной,
Да копѣечной сигаркой,
Да копченой колбасой?
Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ — и лицо —
Толи дѣло какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо?
Какъ шепнетъ оно въ догадку
Ретивому на ушко —
Не споетъ, ей-ей такъ сладко
Хоть бы вдовушка клико!
Выпьетъ чарку-чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ:
Жизнь копѣйка! смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ...
Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;
Но по нашему покрою,
Если нѣмца взять въ расплохъ,
А особенно зимою —
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

Вяземскій, по словамъ А. Д. Галахова, по праву своего таланта и образованности занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ лучшими людьми онъ во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенью и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства». Какъ критикъ Вяземскій особенно извѣстенъ замѣчательною монографіею о Ф. Визинѣ, въ которой онъ разбираетъ не только его литературную дѣятельность, но характеризуетъ и эпоху, когда жилъ этотъ писатель.

Почти всѣ поэты, современные Пушкину, происходили отъ дворянскихъ фамилій. Образованіе, которое такъ или иначе вліяетъ на развитіе поэтическаго таланта, сосредоточивалось преимущественно въ высшихъ классахъ общества и почти недоступно было для массы. Но природныя дарованія обнаруживаются въ человѣкѣ при всѣхъ даже повидимому неблагопріятныхъ условіяхъ. Такъ случилось и съ однимъ поэтомъ, вышедшимъ изъ мѣщанской среды и занимающимъ не послѣднее мѣсто въ ряду поэтовъ, современныхъ Пушкину. Это былъ Ник. Ст. Цыгановъ (1833 г.). Окончивъ курсъ въ театральномъ училищѣ въ Москвѣ, Цыгановъ выпущенъ былъ второстепеннымъ актеромъ съ низшимъ окладомъ жалованья. Нужда была причиною его страсти къ разгульной жизни; въ кутежахъ онъ думалъ заглушить свое горе, подобный образъ жизни свелъ его въ могилу. Часто Цыгановъ присутствовалъ на литературныхъ вечерахъ у извѣстнаго уже намъ кн. Шаховскаго, гдѣ каждый изъ присутствовавшихъ стремился заявить себя чѣмъ нибудь. Здѣсь то пришло на мысль Цыганову писать пѣсни въ русскомъ народномъ духѣ. Первыя его произведенія, впрочемъ довольно слабыя, были напечатаны въ сборникѣ «Литературный кабинетъ», составленномъ изъ трудовъ артистовъ московскаго театра. Съ тѣхъ поръ пѣсни Цыганова становились все лучше и лучше и наконецъ стали распространяться по всей Россіи. Лучшими пѣснями Цыганова были: «Не шей ты мнѣ матушка красный сарафанъ, Ахъ, чарка моя серебрянная, По полю, полю чистому Полетай, Соловушка и Что ты рано травушка». Пѣсни Цыганова образецъ простоты и безискусственности; онѣ всегда проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ, источникомъ котораго была, можетъ быть

горькая судьба автора. По всѣмъ концамъ Россіи распѣваютъ пѣсни Цыганова; народъ любитъ ихъ; хотя и не знаетъ часто, кто былъ ихъ создателемъ. Не говоря о задушевности пѣсень Цыганова, онѣ выражаютъ вѣрно всѣ оттѣнки народнаго духа, изображаютъ черты народнаго быта въ рельефныхъ краскахъ. Видно, что жизнь народа, близкая сердцу поэта, не была чужда ему и какъ предметъ серьезнаго изученія, безъ котораго невозможно правильное ея возсозданіе. Говоря о Цыгановѣ, упомянемъ еще имя Ершова, автора всѣмъ извѣстной сказки «Конекъ-Горбунокъ». П. П. Ершовъ (1815—1869) по окончаніи университетскаго курса все время своей жизни провелъ на педагогическомъ поприщѣ, занимая въ Тобольскѣ должность учителя Латинскаго языка. Сказку свою Ершовъ написалъ въ 1834 году, еще будучи студентомъ. Когда она появилась въ печати, критика въ лицѣ Бѣлинскаго отнеслась къ ней не совсѣмъ сочувственно, Бѣлинскій находилъ, что произведеніе Ершова есть поддѣлка, а слѣдовательно и не художественное созданіе. Критикъ призналъ за Ершовымъ талантъ писать недурными стихами, но сомнѣвался вообще въ его сильныхъ поэтическихъ способностяхъ. И дѣйствительно послѣ появленія сказки Ершовъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній и затѣмъ уже не появлялся на литературномъ поприщѣ. Сказка Конекъ-Горбунокъ расходится и теперь въ массѣ экземпляровъ и многіе знаютъ ее наизусть. Кулаки торговцы часто издаютъ подъ ея именемъ совершенно уродливыя произведенія и потому многіе ошибкой читаютъ произведеніе не Ершова, а какого нибудь досужнаго риѳмоплета.

Литературная дѣятельность Лермантова, являющагося главнымъ послѣдователемъ Пушкина, представляетъ собою одинъ изъ моментовъ нашей образованности, когда вліяніе западной поэзіи въ лицѣ Байрона вызвало въ писателяхъ стремленіе отрѣшиться отъ общихъ отвлеченныхъ идей и стать лицомъ къ лицу съ русскимъ обществомъ. Явившись сначала подражателемъ Пушкина, Лермантовъ весьма скоро вступилъ на самобытный путь и далъ образцы оригинальнаго поэтическаго творчества. Личный характеръ самого поэта, черты идеальныхъ типовъ, которые мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ, очевидно отражаютъ на себѣ тѣ понятія и воззрѣнія, которыя мало-по-малу развивались въ незначительномъ меньшинствѣ русскаго общества. Такимъ образомъ личность Лермантова дѣлается

ніемъ настроенія общества, явившагося какъ результатъ посторонняго вліянія и условій русской жизни.

Михаилъ Юрьевичъ Лермантовъ (1815 — 1841), рано лишившись матери, жилъ и воспитывался въ домѣ своей бабушки. Е. А. Арсеньевой. Отецъ держалъ себя вдали отъ сына и только изрѣдка бралъ его къ себѣ. Домъ, въ которомъ жилъ нашъ поэтъ, принадлежалъ къ аристократическимъ и довольно богатымъ домамъ. Лермантовъ съ дѣтства былъ окруженъ гувернерами-иностранцами и впослѣдствіи жаловался, что ему не удалось тогда-же ознакомиться съ народною русскою литературой, въ которой, по его мнѣнію, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности. Послѣ довольно основательнаго домашняго образованія Лермантовъ поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ. Уже въ то время въ немъ была развита страсть къ поэзіи: онъ часто, удаляясь отъ своихъ товарищей, съ жадностью читалъ Байрона и увлекался энергіею его слога и мрачнымъ тономъ поэзіи англійскаго писателя. Тогдашняя молодежь, принадлежавшая къ свѣтскому обществу, восхищалась военной службой, и по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ, Лермантовъ, чтобы неотставать отъ своихъ сверстниковъ и блистать въ высшемъ обществѣ, оставилъ университетъ и поступилъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ. Черезъ два года онъ былъ опредѣленъ въ офицеры въ гусарскій полкъ. Юнкера держали себя очень свободно, проводили время нерѣдко среди кутежей и полнаго разгула. Лермантовъ, несмотря на свой талантъ, неотставалъ отъ товарищей: онъ сталъ писать скабрезные стихи въ родѣ «Уланьши» и «Петергофскаго Праздника», которые пользовались громкою извѣстностью среди тогдашней молодежи. Въ періодъ школьной жизни въ Лермантовѣ стала обнаруживаться заносчивость и стремленіе укорить другаго изъ самолюбія; отчего многіе и не любили поэта.

Въ 1837 году убитъ былъ Пушкинъ и смерть его поразила многихъ. Лермантовъ написалъ по этому поводу прекрасное стихотвореніе, въ которомъ оплакалъ кончину геніальнаго поэта. Между тѣмъ въ обществѣ оставалось много враговъ Пушкина и среди ихъ продолжали распространяться несправедливые толки о характерѣ поэта, нѣкоторые даже покушались защищать Дантеса, убійцу Пушкина. Лермантовъ оскорбленъ былъ глубоко подобными поступками и прибавилъ къ своему стихотворенію, извѣстные стихи, начинающіеся

словами: «а вы надменные потомки». Это и послужило поводомъ къ ссылкѣ Лермонтова на Кавказъ. Скоро однакожъ ему разрѣшено было вернуться въ столицу. Тамъ онъ погрузился въ свѣтскія удовольствія, блисталъ въ высшемъ обществѣ, противъ предразсудковъ котораго не разъ возставалъ въ своихъ сатирахъ. Преобладающею чертою въ характерѣ Лермонтова было самолюбіе, происходившее конечно изъ полнаго сознанія своихъ достоинствъ. Но это самолюбіе, часто выражалось въ такихъ формахъ, которыя многимъ ненравились и вели къ дурнымъ послѣдствіямъ. Сосланный второй разъ на Кавказъ за дуэль съ Барантомъ, сыномъ извѣстнаго писателя, Лермонтовъ изучалъ нравы и обычаи страны, которая изображена имъ во многихъ его. произведеніяхъ. Лермонтовъ, подобно Пушкину, убитъ былъ на дуэли. Тѣло, сначала схороненное въ Пятигорскѣ, впослѣдствіи перевезено было въ село Тарханы, Пензенской губерніи.

Съ именемъ Лермонтова тѣсно связывается вліяніе на русскую поэзію произведеній англійскаго поэта Байрона. Лордъ Байронъ оставилъ много поэтическихъ созданій, проникнутыхъ безпощаднымъ отрицаніемъ и мрачнымъ колоритомъ картинъ. Отрицательное отношеніе поэта къ явленіямъ человѣческой жизни имѣетъ своимъ источникомъ тотъ скептицизмъ, который положенъ былъ философіею прошлаго вѣка и долго еще сохранялся въ настоящемъ столѣтіи. Байронъ и былъ поэтомъ, выразившимъ въ своихъ созданіяхъ скептическій умъ человѣка, ненаходящій довольства въ окружающей жизни и въ тѣхъ условіяхъ послѣдней, которыя мѣшаютъ свободѣ. Рѣзкость сатиры поэта, съ какою онъ осмѣиваетъ человѣческія злоупотребленія, мрачность изображаемыхъ картинъ, сила и выразительность стиха,— вотъ тѣ черты, которыя отличаютъ поэзію Байрона. Сочиненія Байрона проникнуты лирическимъ характеромъ; даже въ своихъ поэмахъ «Чайльдъ-Гарольдъ» и «Донъ-Жуанъ» поэтъ выражаетъ свои понятія и воззрѣнія на міръ и его явленія. Индивидуальность, какъ преобладающая черта поэзіи Байрона, сообщаетъ ей то очарованіе, которое возбуждалъ поэтъ въ читателяхъ своими созданіями. Романтизмъ Байрона отличается отъ нѣмецкаго романтизма тѣмъ, что постоянно обращается къ дѣйствительности. Герои, изображеные Байрономъ, всегда натуры гигантскія и эксцентрическія: они тратятъ свою богатую жизнь на борьбу съ какимъ нибудь исключительнымъ направленіемъ, которое вкоренилось въ ихъ сердце, и падаютъ жертво

этой борьбы, (Гонеггеръ). Мы знаемъ уже, что Лермонтовъ страстно увлекался Байрономъ и это увлеченіе объясняется не только простымъ интересомъ, но также и сходствомъ настроеній, въ которыхъ находились оба поэта. Вотъ почему въ произведеніяхъ Лермонтова больше всего отразился байронизмъ, черта, явившаяся не по одному только подражанію. Главный мотивъ лирическихъ произведеній Лермонтова — разладъ между жизнью и идеаломъ, откуда и тотъ рѣзкій тонъ и злобная сатира, которые характеризуютъ лермонтовскую поэзію. Въ характерѣ Лермонтова было много сходнаго съ Байрономъ. Лордъ и денди Байронъ ненавидѣлъ аристократическое общество, но самъ съ гордостью называлъ себя аристократомъ. Отрицая существующія условія общественной жизни, великій поэтъ самъ былъ нечуждъ присущихъ ей недостатковъ. То же самое мы можемъ сказать и относительно личности Лермонтова. Но не нужно думать, что отрицаніе, которымъ проникнута поэзія Лермонтова, было внушено ему исключительно вліяніемъ Байрона. Общество русское дѣйствительно страдало недостатками, на которые указываетъ поэзія Лермонтова. Вліяніе Байрона на Лермонтова особенно полно выразилось въ поэмѣ «Демонъ», надъ которою авторъ трудился пять лѣтъ, прежде чѣмъ выпустить ее въ свѣтъ. Въ сочиненіяхъ Байрона мы находимъ мистерію «Каинъ»; въ лицѣ Люцифера, дѣйствующаго лица драмы, поэтъ очевидно представилъ мистическія воззрѣнія на начало добра и зла въ человѣческомъ мірѣ. Идея Байрона та, что благо, которое сулитъ намъ жизнь, есть призракъ и что самая жизнь только пустая игра. Мысли англійскаго поэта являются и въ произведеніи Лермонтова. Демонъ — это олицетвореніе зла, онъ ненавидитъ и презираетъ все существующее на землѣ, но, пролетая надъ вершинами Кавказа, встрѣчаетъ красавицу Тамару, дочь грузинскаго князя Гудала, и въ восторгѣ отъ ея чудной красоты. Тамара невѣста, она ждетъ къ себѣ жениха, но демонъ разрушаетъ ея счастье, насылая смерть ея любимому предмету. Тамара идетъ въ монастырь, но демонъ и тамъ ее преслѣдуетъ, являясь духомъ разрушителемъ въ ея келью, охраняемую херувимомъ. Отрицая все существующее на землѣ, демонъ снова клянется Тамарѣ въ своей любви къ ней; онъ говоритъ, что, увидѣвъ ее, невольно позавидовалъ неполной земной радости и готовъ для нея отречься отъ безконечности своихъ владѣній. Въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ демонъ клянется

въ своей любви къ Тамарѣ, Лермонтовъ приводитъ мысль о томъ, что на землѣ нѣтъ истиннаго и долговѣчнаго счастья, что здѣсь не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить. Демонъ сулитъ Тамарѣ всевозможныя блага, чтобы она удалилась съ нимъ въ надзвѣздный край. Поцѣлуй демона погубилъ Тамару: она умираетъ, но ея душу ангелы несутъ въ рай. Демонъ проклинаетъ свои безумныя мечты и вновь остается въ мірѣ одинъ безъ любви и надежды. Недолговѣчность земнаго счастья—вотъ общая мысль поэмы. Все произведеніе Лермонтова исполнено восточнаго колорита и изобилуетъ роскошными описаніями картинъ кавказской природы, которою поэтъ восхищался еще въ дѣтствѣ. Еще болѣе художественныхъ описаній природы Кавказа въ поэмѣ Мцыри. Въ исповѣди грузинскаго юноши, безъ своей воли попавшаго въ монастырь, очевидно проглядываютъ воззрѣнія самого автора и поэма невольно обращается въ произведеніе лирическое. Лермонтовъ является здѣсь проповѣдникомъ свободной жизни, сочувствующимъ энергіи человѣка въ его борьбѣ съ окружающей обстановкой. Мцыри скучалъ въ уединенной монастырской кельѣ и, бѣжавъ оттуда, вынесъ много испытаній, безъ которыхъ не могутъ закалиться силы человѣка. Изображая борьбу Мцыри съ встрѣтившимся съ нимъ барсомъ, поэтъ, конечно, намекаетъ на необходимость внутренней борьбы, отсутствіе которой дѣлаетъ жизнь однообразною и пустою. Такимъ образомъ уже въ первыхъ произведеніяхъ Лермонтова обнаружились свойства его дальнѣйшаго поэтическаго творчества. Эти свойства яснѣе всего выражаются въ сатирахъ Лермонтова, каковы: «Дума», «Первое Января» и др. Въ «Думѣ» поэтъ возстаетъ противъ общества и высказываетъ свою скорбь при видѣ всего окружающаго. Бремя познанія и сомнѣнія тяготитъ общество, идущее до старости по пути бездѣйствія. Оно богато ошибками отцовъ и ихъ позднимъ умомъ, а жизнь идетъ безъ всякой цѣли. Поэтъ сравниваетъ ее съ пиромъ на чужомъ праздникѣ, показывая этимъ отсутствіе разумной и самостоятельной дѣятельности въ обществѣ. Затѣмъ поэтъ подробно исчисляетъ недостатки современнаго ему поколѣнія: постыдное равнодушіе и къ хорошему и къ дурному, безсиліе и вялость при самомъ началѣ всякаго труда, малодушіе. Противовѣсъ этому можно найти въ наукѣ и искусствѣ, но общество и къ нимъ равнодушно. Поэтъ находитъ, что люди, его окружающіе, изсушили умъ безплодной наукой,

а для пониманія творческихъ созданій не умѣли развить въ себѣ энергіи чувства. Осмѣивая прошлую жизнь, мы ничего не создали своего и также умремъ безъ счастія и славы. Общество проживетъ, не оставивъ никакой мысли, никакого возвышеннаго труда и потомство будетъ съ укоромъ говорить о немъ, посмѣется надъ нимъ также, какъ обманутый сынъ надъ промотавшимся отцомъ. Сатира Лермонтова отличается рѣзкимъ тономъ и напоминаетъ собою «Ямбы» французскаго писателя Барбье, произведенія котораго поэтъ изучалъ. Въ стихотвореніи «Первое Января» Лермонтовъ осмѣиваетъ бездушіе окружающихъ его людей, сравнивая жизнь свѣтскую съ маскарадомъ, гдѣ видимъ мы маски, стянутыя приличіемъ. Чтобы успокоить себя, поэтъ переносится въ тотъ моментъ жизни, когда онъ былъ еще ребенкомъ, жилъ въ деревнѣ и, наслаждаясь природою, не имѣлъ понятія о недостаткахъ свѣтской жизни. Подобно Байрону, Лермонтовъ любилъ описывать красоты природы, и, недовольный жизнью, находилъ примиреніе въ чудныхъ явленіяхъ природы. Мысль объ этомъ выражается въ небольшихъ, но художественныхъ стихотвореніяхъ. «Когда волнуется желтѣющая нива», «Выхожу одинъ я на дорогу» и др. Мысль о томъ, что люди, вступившіе въ жизнь, теряютъ свою простоту въ соприкосновеніи съ свѣтскимъ обществомъ, выражено Лермонтовымъ въ стихотвореніи «Памяти А. И. Одоевскаго». Поэтъ видитъ въ своемъ другѣ человѣка, который любитъ природу и ея чудныя явленія, шумъ моря, молчанье синей степи, зубчатые хребты мрачныхъ горъ Востока. Бросившись въ море шумной жизни, онъ не нашелъ себѣ пощады отъ свѣта, хотя и до смерти среди людской толпы и безлюдныхъ пустынь съумѣлъ сохранить въ себѣ пламень чувства и вѣру въ иную лучшую жизнь. Почти каждое стихотвореніе Лермонтова проникнуто глубокою грустью. Пустота окружающей жизни возбуждала въ немъ недовольство, весьма естественное въ человѣкѣ, обладавшемъ громадными нравственными силами, чувствовавшемъ въ душѣ своей потребность къ возвышенной цѣли. Но съ другой стороны и для самого поэта идеалъ имъ созданный не совсѣмъ былъ ясенъ, что видно лучше всего въ главномъ его произведеніи «Герой нашего времени», гдѣ авторъ уже рисуетъ намъ подробную картину окружающей его жизни, въ лицѣ героя романа Печорина. Романъ Лермонтова состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ разсказовъ: Бэла, Максимъ Максимычъ, Тамань, Княжна Мери и Фата-

листъ. Но эти отдѣльные разсказы связываются между собою личностью Печорина, которая во всѣхъ частяхъ произведенія является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Печоринъ свѣтскій человѣкъ. Онъ гордится своимъ превосходствомъ надъ окружающими его людьми, и чувствуя въ себѣ необъятныя силы, презираетъ ничтожное лицемѣрное общество. Печоринъ, узнавъ людей, потерялъ въ нихъ вѣру и не жалѣлъ своего остроумія для злобной и рѣзкой насмѣшки надъ ними. Въ немъ проглядываетъ та же разрушительная сила, которую Лермонтовъ представилъ въ своемъ «Демонѣ». Печоринъ, хотя и чувствуетъ въ себѣ силы, но не находитъ имъ исхода и, вотъ, вмѣсто дѣятельности, онъ ведетъ разсѣянную жизнь, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, наслаждается тѣмъ, что старается разрушать мечты людей, смѣется надъ ихъ пошлыми и мелкими интересами. Убѣжденный въ томъ, что владѣетъ громадными силами, онъ однакожъ самъ не сознаетъ, въ чемъ заключаются эти силы и какое полезное приложеніе можно изъ нихъ сдѣлать. Лермонтовъ изображаетъ намъ извѣстный характеръ, но не объясняетъ какимъ образомъ развился онъ, что побудило Печорина враждовать съ обществомъ, какія цѣли онъ считаетъ возвышенными въ противоположность мелкимъ интересамъ общества. Въ характерѣ Печорина нельзя не замѣтить нѣкотораго дуализма. Онъ является врагомъ общества и, смѣясь надъ нимъ, самъ, въ свою очередь, проводитъ жизнь праздно. Въ этомъ случаѣ авторъ вложилъ въ типъ Печорина и тѣ свойства, которыя мы замѣчаемъ въ его собственномъ характерѣ. Лермонтовъ самъ чувствовалъ въ себѣ потребность дѣятельности широкой, но не находилъ возможности проявить ее въ обществѣ, которое съ раннихъ лѣтъ онъ привыкъ считать ничтожнымъ. Невыработавъ себѣ твердаго принципа, исходя изъ котораго человѣкъ можетъ болѣе или менѣе правильно оцѣнивать общественные нравы, Лермонтовъ даже впадаетъ въ фатализмъ, высказанный въ видѣ анекдота о Вуличѣ, записаннаго Печоринымъ. Разочарованность Печорина опять напоминаетъ намъ характеръ Лермонтова. Но эта разочарованность—великосвѣтская, съ примѣсью дендизма, который въ русскихъ людяхъ, подобныхъ Печорину, граничилъ нерѣдко съ самою пошлою наглостью. Печоринъ любитъ только самого себя и потому всегда готовъ оскорблять и презирать другихъ, показывая свое превосходство. Онъ ухаживаетъ

за женщиной, но, насладившись первой любовью, бросаетъ предметъ своей любви. Ему какъ будто пріятны страданія женщины, которая не въ состояніи любить только въ половину. Поступокъ съ Бэлою — верхъ бездушія и свѣтской пошлости. Печоринъ по своему положенію принадлежалъ къ высшему обществу, онъ получилъ образованіе, но это образованіе отличалось свѣтскимъ характеромъ и потому не оказывало вліянія на нравственное развитіе. Въ отношеніяхъ къ женщинѣ, какъ и во всемъ другомъ, онъ ищетъ только удовлетворенія своимъ ощущеніямъ, и какъ только ощущеніе удовлетворено, то Печоринъ съ презрѣніемъ отзывается о томъ лицѣ, которое доставило ему наслажденіе. Такимъ образомъ Печоринъ, какъ общественный типъ, задуманъ весьма глубоко и дѣйствительно выражаетъ собою извѣстную степень нашего общественнаго развитія. Начиная съ романа Пушкина «Евгеній Онѣгинъ», литература выражаетъ собою извѣстныя явленія въ послѣдовательномъ развитіи типа, мѣняющагося подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни. Печоринъ — продолженіе Онѣгина съ тѣмъ только различіемъ, что въ лицѣ перваго выражается болѣе глубокая идея. Мы видимъ, что Онѣгину надоѣла жизнь, что онъ ко всему сталъ равнодушно относиться. Печоринъ въ этомъ случаѣ не таковъ. Онъ ведетъ борьбу съ общественными предразсудками, но въ то же время не щадитъ и себя, незабываетъ и своихъ заблужденій. Душа Печорина ищетъ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ, дѣлаетъ самое себя предметомъ своихъ наблюденій. Какъ апатичность была результатомъ разочарованія у Онѣгина, такъ энергія является главнымъ свойствомъ характера Печорина, отчаявающагося найти примиреніе съ жизнью среди пустого и легкомысленнаго общества. Та сторона въ характерѣ Печорина, по которой онъ является человѣкомъ, анализирующимъ общественныя отношенія, очевидно, отражаетъ на себѣ вліяніе западныхъ идей, перешедшихъ къ намъ еще отъ просвѣтительной литературы XVIII столѣтія. Въ жизни, современной Лермонтову, можно было уже встрѣтить людей, подобно Печорину, относившихся критически ко всему ихъ окружающему, а потому и названіе романа совершенно согласно съ дѣйствительностью. Лермонтовъ не ограничился въ своемъ романѣ изображеніемъ великосвѣтскаго общества: въ противоположность княжнѣ Мери и Печорина являются непосредственныя натуры Бэла и

Максимъ Максимычъ. Развитіе этого типа людей совершается безъ всякаго участія образованности и предоставлено одной природѣ. Максимъ Максимычъ офицеръ, всю жизнь проведшій на Кавказѣ и хорошо знакомый съ этою страною. Простота съ примѣсью нѣкоторой грубости, неразлучной съ службою на Кавказѣ, добродушіе и откровенность—вотъ черты, которыя невольно возбуждаютъ сочувствіе къ Максиму Максимычу. Кромѣ Бэлы и Максима Максимыча, Лермонтову весьма удались типы подобные Азамату и Казбичу. Это совершенно дикія натуры, но невольно возбуждающія сочувствіе своею энергіею, силою въ борьбѣ съ обстоятельствами.

Лермонтовъ по преимуществу поэтъ лирическій. Но это не мѣшало ему обнаружить способность къ эпическому разсказу, что рельефнѣе всего выразилось въ его «пѣсни про Іоанна Васильевича Грознаго, молодого опричника и удалаго купца Калашникова». Исключая народныя произведенія Пушкина, русская литература впервые обогатилась превосходнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ. Не говоря о содержаніи «Пѣсни» Лермонтова, вполнѣ выражающемъ описываемый періодъ русской жизни, языкъ пѣсни, ея изложеніе удивительно вѣрны былинной поэзіи русскаго народа. Поэтъ сохранилъ не только размѣръ народный, но и всѣ тѣ особенности языка, которыя отличаютъ устную словесность отъ поэзіи художественной. Читая пѣсню Лермонтова, совершенно забываешь личность автора, который до такой степени проникся въ духъ народнаго слога, что въ состояніи былъ отрѣшиться отъ своихъ личныхъ воззрѣній. Мы знаемъ уже взглядъ Лермонтова на народную поэзію. Несмотря на то, что онъ росъ подъ вліяніемъ аристократической обстановки, въ немъ однакожъ не искоренилась любовь къ своей родинѣ и къ народной жизни. Поэма раздѣляется на три пѣсни. Первая пѣсня начинается описаніемъ царскаго пира, на которомъ присутствуютъ опричники, князья и бояре. Одинъ опричникъ Кирибѣевичъ «не мочилъ усовъ въ золотѣ ковшѣ». На вопросъ Грознаго, отчего онъ не принимаетъ участія въ общемъ весельи, опричникъ разсказываетъ ему о своей любви къ Аленѣ Дмитріевнѣ и такъ описываетъ красоту этой женщины:

На святой Руси, нашей матушкѣ:
Не найдти, не сыскать такой красавицы:

Ходитъ плавно, будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки смѣлыя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые.
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужь сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское,
И раздѣлютъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельцо браное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется....

Царь подсмѣивается надъ опричникомъ и говоритъ, что этому горю очень легко помочь, но Кирибѣевичъ объясняетъ царю, что любимая имъ женщина перевѣнчана съ молодымъ купцомъ. Первая пѣсня оканчивается превосходнымъ припѣвомъ въ народномъ духѣ:

Ай, ребята, пейте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!

Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Во второй части описывается главное событіе всей піэсы. Кирибѣевичъ поцѣлуемъ обезчестилъ Алену Дмитріевну, когда она возвращалась вечеромъ изъ церкви. Калашниковъ, узнавъ объ этомъ оскорбленіи, бранитъ жену, грозитъ запереть ее, чтобы она не видѣла свѣту Божьяго и не порочила его честнаго имени, а между тѣмъ готовитъ мщеніе опричнику, разсказывая братьямъ, что онъ намѣренъ биться съ врагомъ на кулачномъ бою. Начало третьей пѣсни заключается въ описаніи кулачнаго боя, которые часто устраивались въ Москвѣ для потѣхи царя. Калашниковъ убиваетъ опричника, но и самъ гибнетъ жертвою гнѣва грознаго царя. Лермонтовъ исторически вѣрно изобразилъ характеръ Іоанна Грознаго и тѣ черты, которыя отличаютъ нашу древнюю жизнь съ ея патріархальными и часто своеобразными понятіями.

Лермонтовъ, подобно Пушкину, оставилъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ касается вопроса о поэтическомъ призваніи и о цѣли поэзіи, таковы: Пророкъ, Журналистъ, читатель и писатель и друг. Стихотвореніе «Пророкъ» было послѣднимъ произведеніемъ Лермонтова; поэтъ изображаетъ въ немъ человѣка съ возвышенной душой, выходящаго на борьбу съ обществомъ съ цѣлью проповѣдывать въ немъ ученіе о любви и правдѣ. Общество отвергаетъ пророка, потому что живетъ совершенно иною жизнью и довольно тѣми понятіями, какія издавна развились въ его средѣ. Изъ числа всѣхъ послѣдователей Пушкина Лермонтовъ первый высказалъ мысль о призваніи поэта карать неправду и быть провозвѣстникомъ новыхъ лучшихъ идей. При громадномъ поэтическомъ талантѣ Лермонтовъ дѣйствительно обладалъ способностью рѣзко выставлять на видъ общественные недостатки, которые слишкомъ сильно вліяли на его воспріимчивую натуру. Лермонтовъ написалъ весьма не много, но изъ того, что было имъ написано, можно видѣть силу его таланта, дающую ему полное право стать во главѣ послѣдователей Пушкина.

Втеченіе пушкинскаго періода русской литературы положено было начало того рода произведеній, который называется романомъ.— Подъ вліяніемъ произведеній Вальтеръ Скотта, имя котораго было извѣстно повсюду, русскіе писатели обратились къ формѣ истори-

ческаго романа и стали изображать прошлую жизнь Россіи. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность двухъ писателей: Лажечникова и Загоскина, романы которыхъ до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ, несмотря на богатую современную литературу. Историческій романъ возникъ въ европейской литературѣ въ тотъ моментъ, когда представители образованности, стремясь объяснить настоящее, обратились къ изученію исторіи; философіи, развившейся въ прошломъ столѣтіи, было недостаточно для образованія принциповъ, необходимыхъ при оцѣнкѣ современныхъ явленій жизни. Прошедшее стало предметомъ не только науки, но и искусства, и вотъ представителемъ этого историческаго движенія является Вальтеръ-Скоттъ (1771—1832). Въ молодыхъ лѣтахъ Вальтеръ-Скоттъ изучалъ юридическія науки и чрезъ то, конечно, знакомился какъ съ различными проявленіями жизни, такъ и съ исторіею, которая была любимою отраслью знанія и которую онъ зналъ въ совершенствѣ. Такъ какъ во времена Вальтеръ-Скотта въ литературѣ господствовалъ романтизмъ, то не мудрено, что онъ обратился къ исторіи среднихъ вѣковъ, которая и фигурируетъ главнымъ образомъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта, каковы напр.: Айвенго, Квентинъ Дорвардъ и другіе. Съ основательнымъ знаніемъ историческихъ подробностей, Вальтеръ-Скоттъ соединялъ еще громадный талантъ къ поэтическому творчеству, что конечно и содѣйствовало популярности его романовъ, переводившихся на всѣ европейскіе языки. Литературное движеніе, начало котораго положено было англійскимъ романистомъ, безъ сомнѣнія, оказало вліяніе и на нашу литературу, но оно не было исключительнымъ толчкомъ, побудившимъ Лажечникова и другихъ обратиться къ воспроизведенію прошедшей жизни Россіи. Политическія событія, подобныя войнѣ 12-го года, пробудили самосознаніе русскаго общества и невольно заставили представителей литературы отнестись сочувственно къ прошедшему. Появленіе исторіи Карамзина еще болѣе содѣйствовало патріотизму и послѣ его добросовѣстнаго труда очень возможно было отнестись здраво къ прошедшимъ событіямъ русской исторіи. Ив. Ив: Лажечниковъ (1794—1869) воспитывался подъ руководствомъ французскаго гувернера и уже съ дѣтства сталъ обнаруживать непреодолимую страсть къ чтенію Любимыми его писателями были: Тацитъ, Титъ Ливій, Плутархъ, произведенія которыхъ изучалъ онъ по французскимъ переводамъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ Лажечниковъ служилъ въ военной службѣ и принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ во время знаменитой Отечественной войны. Въ 1817 году онъ издалъ сборникъ своихъ произведеній «Первые опыты въ стихахъ и прозѣ», но эти сочиненія, хотя и пользовались въ свое время извѣстностью, не внесены были авторомъ въ полное собраніе его сочиненіи, изданное въ 1858 году. Въ 1823 году Лажечниковъ опредѣленъ былъ директоромъ казанской гимназіи въ то время, когда попечителемъ округа былъ знаменитый М. Л. Магницкій, службу съ которымъ нашъ романистъ называлъ въ шутку «Казанскимъ плѣномъ». Къ этому періоду относится сочиненіе романа «Послѣдній Новикъ», съ котораго и началась слава Лажечникова, какъ историческаго романиста. Переселившись въ Тверь на должность директора училищъ, Лажечниковъ продолжалъ серьозно заниматься русскою исторіею и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издалъ два историческіе романа: Ледяной домъ и Басурманъ. Кромѣ романовъ, онъ написалъ еще нѣсколько драматическихъ произведеній, изъ которыхъ лучшимъ считается драма «Опричникъ». Она написана была въ 1842 году, но не одобренная для печати тогдашнею цензурою, оставалась въ рукописи до 1859 года, когда появилась въ журналѣ «Русское Слово». «Опричникъ» — драма историческая изъ временъ Іоанна Грознаго. Главный мотивъ піэсы — борьба между жаждой мести и чувствомъ любви къ матери въ лицѣ Андрея Морозова—разработанъ превосходно, но нельзя того же сказать относительно характеристики Іоанна, въ уста котораго авторъ влагаетъ нерѣдко свои собственныя мысли. Вообще драматическія произведенія неудавались Лажечникову; онъ пробовалъ писать и комедіи, какъ напр.: комедія «Окопировался», заимствованная изъ чиновничьяго быта, но онѣ выходили неудачны за отсутствіемъ юмористическаго таланта. Главное значеніе литературной дѣятельности Лажечникова заключено въ его историческихъ романахъ. Въ романѣ «Послѣдній Новикъ» авторъ изображаетъ эпоху Петра Великаго, въ моментъ борьбы русскихъ со шведами. Онъ долго изучалъ эпоху и людей того времени, самую мѣстность, обычаи и нравы и вотъ почему въ его романѣ мы встрѣчаемъ подробныя и вѣрныя описанія людей и событій. Кромѣ художественной отдѣлки и строгаго изученія историческаго матерьяла, романъ отличается еще патріотическимъ направленіемъ. Это направленіе выраждается въ геройскомъ

подвигѣ Вульфа, умирающаго отъ пороховаго взрыва, приготовленнаго для шведовъ, въ энергическихъ поступкахъ Паткуля, защитника правъ Лифляндіи, и наконецъ полнѣе всего патріотизмъ обнаруживается въ характерѣ героя Владиміра, давшаго названіе самому роману. Преступникъ, неимѣющій права открыто жить въ отечествѣ, онъ любитъ его безпредѣльною любовью, скрывается въ образѣ странствующаго нищаго, испытываетъ всѣ бѣдствія, неразлучныя съ его положеніемъ, но не отказывается служить родинѣ, защищать ее отъ враговъ. Но романъ Лажечникова не чуждъ и недостатковъ. При объясненіи историческихъ судебъ войны романистъ часто прибѣгаетъ къ случайнымъ фактамъ, и кромѣ того неправильно характеризуетъ историческія личности. Такъ напр. въ Петрѣ онъ представляетъ слишкомъ человѣколюбивую и сердобольную натуру, что очевидно противорѣчитъ исторіи, которая указываетъ намъ на примѣры жестокости этого царя. Энтузіамъ, съ которымъ принятъ былъ романъ при его появленіи въ 1831 году, объясняется интереснымъ его содержаніемъ, а также и тою задушевностью и гуманностью, которыя разлиты во всемъ произведеніи. Черезъ три года послѣ «Новика» вышелъ въ свѣтъ «Ледяной домъ». Въ этомъ романѣ значительно преобладаетъ романтическій элементъ надъ историческимъ, и читатель, невольно оставляя въ сторонѣ политическія событія, увлекается судьбою цыганки Маріорицы и ея отношеніями къ Волынскому. Впрочемъ и здѣсь Лажечниковъ весьма подробно рисуетъ картину народной жизни во время владычества временщиковъ. Жестокости Бирона, страданія народа, казни и преслѣдованія— вотъ тѣ темныя стороны, которыя составляютъ предметъ исторической части романа. При всей гуманности взглядовъ романиста какъ то странны кажутся его преслѣдованія Тредьяковскаго, котораго онъ рисуетъ самыми мрачными красками. Этотъ неутомимый труженикъ, оказавшій большія услуги русскому языку и словесности, представленъ въ романѣ подлымъ льстецомъ за то только, что онъ воспѣвалъ сильныхъ людей своего времени, т. е. поступалъ такъ какъ поступали по обычаю и многіе другіе писатели. Лучше всего удался Лажечникову характеръ Маріорицы, Молдаванской княжны, дочера цыганки, воспитанной въ роскошномъ гаремѣ и погибающей на дальнемъ сѣверѣ трагическою смертью. Маріорица воспитывалась сначала въ цыганскомъ таборѣ и потомъ продана была хотинскому

пашѣ. Фатализмъ былъ источникомъ ея любви къ Волынскому. Паша часто въ шутку говорилъ, что онъ уступитъ ее Волынскому. Когда Хотинъ былъ взятъ русскими, то Минихъ взялъ съ собою Маріорицу и подарилъ Государынѣ. Первый изъ мужчинъ, съ которымъ она встрѣтилась во дворцѣ, былъ Волынскій. «При имени Волынскаго, говоритъ авторъ, Маріорица затрепетала» и съ той поры страстно полюбила знатнаго вельможу. Это обстоятельство и служитъ такъ сказать канвою, на которой построенъ весь романъ Лажечникова. Въ 1838 году появился третій историческій романъ Лажечникова, «Басурманъ», въ которомъ опять на первомъ планѣ стоитъ интересъ историческій. Здѣсь изображается эпоха Іоанна III, столь подробно и сочувственно описанная въ трудѣ Карамзина. Вымышленная часть романа не совсѣмъ ловко связывается съ историческимъ его содержаніемъ, разсказъ начинается издалека и состоитъ изъ множества подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ главному сюжету. Въ идеализаціи лицъ романа снова проглядываютъ личныя воззрѣнія автора: онъ заставляетъ извѣстнаго архитектора Аристотеля Фіоравенти высказывать взгляды, которые доступны развѣ только историкамъ настоящаго столѣтія. Романъ получилъ свое названіе оттого, что главнымъ героемъ является иностранецъ Антонъ Эренштейнъ. Лучшимъ характеромъ долженъ считаться бояринъ Образецъ, защитникъ всего патріархальнаго и непримиримый врагъ иноземщины. Съ появленіемъ Басурмана Лажечниковъ оставилъ поприще историческаго романа и обратился къ изображенію современной жизни. Но тутъ талантъ романиста оказался несостоятельнымъ: романы его «Не много лѣтъ назадъ» (1862), и «Внучка панцырнаго Боярина», не вызвали сочувствія въ литературѣ, и общество относилось къ нимъ холодно. Въ этихъ произведеніяхъ Лажечникова нѣтъ живыхъ лицъ, нѣтъ реальности, необходимой въ романѣ изъ современной будничной жизни. Къ этому періоду дѣятельности Лажечникова относятся его прозаическія статейки, въ которыхъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о знаменитыхъ лицахъ: таковы: Знакомство мое съ Пушкинымъ, Какъ я зналъ Магницкаго, Матерьялы для біографіи Бѣлинскаго; первыя двѣ статьи напечатаны были въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», а послѣдняя въ Московскомъ Вѣстникѣ.

Соперникомъ Лажечникова на поприщѣ историческаго романа былъ Мих. Ник. Загоскинъ (1789—1852). Тринадцати лѣтъ Загос-

кинъ поступилъ въ гражданскую службу, но когда насталъ 1812-й годъ, онъ тотчасъ оставилъ ее, записался въ петербургское ополченіе, и принималъ участіе въ сраженіи подъ городомъ Полоцкомъ. По окончаніи войны Загоскинъ снова поступаетъ въ гражданскую службу. Къ этому времени относится начало литературной дѣятельности Загоскина. Прежде всего онъ сталъ извѣстенъ своими комедіями, изъ которыхъ весьма многія ставились на императорскомъ театрѣ и пользовались всегда большимъ успѣхомъ. Съ осени 1828 года Загоскинъ принялся за изученіе историческихъ документовъ и черезъ годъ издалъ знаменитый свой романъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году», появленіе котораго, по словамъ С. Т. Аксакова, составило эпоху какъ въ жизни самого автора, такъ и въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Послѣ того вышли другіе романы Загоскина: Рославлевъ или русскіе въ 1812 году, Аскольдова Могила, повѣсть изъ временъ Владиміра I, Кузьма Петровичъ Мирошевъ, Москва и Москвичи, Брынскій Лѣсъ и друг. — Романъ Загоскина «Юрій Милославскій» былъ первымъ историческимъ романомъ, но въ немъ слишкомъ мало историческаго; авторъ, вмѣсто того чтобы изображать взятую имъ эпоху, переноситъ свои понятія на характеръ дѣйствующихъ лицъ. Увлекшись подражаніемъ Вальтеръ-Скотту, Загоскинъ основалъ завязку на любви, что какъ-то не вяжется съ бытомъ древней Руси. Главный герой романа Милославскій очерченъ какими-то отвлеченными чертами; вы не видите въ немъ представителя извѣстнаго времени, мѣста и сословія. Несмотря на недостатки, романъ Загоскина пріобрѣлъ популярность какъ по новости самой формы, такъ по легкости разсказа, по тону, исполненному, теплоты и добродушія. Покончивъ съ романомъ историческимъ, Загоскинъ обратился къ роману изъ частной жизни, но тутъ обнаружились въ немъ недостатки, отличающіе вообще эпическую литературу до Гоголя. Отъ романа требовались запутанность фабулы и мораль, обращавшаяся нерѣдко въ рядъ истертыхъ нравоученій. Лица у Загоскина, какъ и у многихъ другихъ писателей, дѣлятся обыкновенно на добродѣтельныхъ и злодѣевъ, причемъ каждое отдѣльное лицо не оттѣняется индивидуальными чертами, откуда совершенное сходство между ними, а слѣдовательно и полное несогласіе съ дѣйствительностью. Русская литература пушкинскаго періода можно сказать затоплялась массою подобныхъ романовъ. Въ

этомъ случаѣ извѣстна дѣятельность Ѳ. В. Булгарина, Полевого и другихъ. Булгаринъ вовсе не былъ художникъ; онъ писалъ свои произведенія безъ всякаго къ тому призванія, и если его романы, подобные знаменитому «Ивану Выжигину», пользовались расположеніемъ публики, то это объясняется отчасти невзыскательностью послѣдней. Булгаринъ пробовалъ свои силы и на поприщѣ историческаго романа, но его «Дмитрій Самозванецъ» только тѣмъ и отличается, что заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки историческаго романа Загоскина. Изъ романовъ Полеваго, дѣятельность котораго какъ журналиста мы разсмотримъ ниже, особенною извѣстностью пользовалась его «Абаддона», идея котораго основана на борьбѣ художника, человѣка возвышеннаго, съ мелочами жизни и ничтожностью людей. Хотя въ этомъ романѣ и замѣтно вліяніе Шиллера, но оно нисколько не лишаетъ произведеніе Полевого интереса въ изображеніи характеровъ и судьбы главныхъ героевъ: Вильгельма, Элеоноры, и Генріэтты. Полевой дѣйствительно обладалъ талантомъ, но его произведенія этого рода скорѣе обличаютъ въ немъ человѣка съ умомъ и здравымъ смысломъ, чѣмъ истиннаго художника, созданія котораго долго живутъ въ памяти потомства.

Историческіе романы Загоскина и Лажечникова вызвали собою множество подражаній, изъ которыхъ нѣкоторые по времени относятся уже къ гоголевскому періоду, но по существу дѣла принадлежатъ къ настоящей эпохѣ: Являлись люди совершенно бездарные; искажая исторію и не понимая сущности художественной идеализаціи. Они составляли свои романы безъ всякаго искусства и уже въ то время наводили скуку на своихъ читателей. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на К. Масальскаго, который, несмотря на свое образованіе, написалъ: Регенство Бирона, Осада Углича, Стрѣльцы и произведенія, которыя давно уже сдѣлались достояніемъ архивной пыли.

Кромѣ Лажечникова и Загоскина, въ ряду романистовъ пушкинскаго періода литературы не послѣднее мѣсто занималъ Ал. Бестужевъ, писавшій подъ фамиліею Марлинскаго. Марлинскій родился въ 1795 году. Разжалованый въ солдаты въ 1825 году, онъ сосланъ былъ въ Якутскъ. Въ 1830 году онъ получилъ позволеніе вступить въ кавказскую армію и убитъ былъ въ стычкѣ близъ Екатеринодара въ 1837 году. Литературная дѣятельность Марлинскаго пользовалась большимъ успѣхомъ: его повѣсти и романы увеличи-

вали число подписчиковъ на журналы, въ которыхъ они помѣщались; современная критика относилась къ нимъ не иначе какъ съ похвалою, нерѣдко крайне преувеличенною. Авторъ романовъ дѣйствительно обладалъ необыкновеннымъ талантомъ къ живому разсказу, къ увлекательному изображенію человѣческихъ страстей, но эти романы и повѣсти часто лишены идеи и изобилуютъ такими героями и героинями, въ которыхъ не видно даже и признаковъ человѣческаго существа. Лучшими произведеніями Марлинскаго считались въ свое время: Испытаніе, Лейтенантъ Бѣлозоръ, Фрегатъ Надежда, Амалатъ - Бекъ, Мулла Нуръ, и цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ, отличающихся веселостью, каковы напр.: «Военный Антикварій» и «Мореходъ Никитинъ». Повѣсти и романы Марлинскаго заключаютъ въ себѣ много остроумныхъ сценъ, обличающихъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ разскащика съ большимъ умомъ и образованіемъ, но въ то же время изложеніе ихъ нерѣдко изобилуетъ множествомъ пышныхъ трескучихъ фразъ безъ всякой мысли, отзывающихся риторикою и слишкомъ уже свободнымъ выборомъ словъ. Такъ напр. въ письмахъ княгиня Вѣры — героини романа «Фрегатъ Надежда» встрѣчаются подобныя выраженія: вздуть сравненіе до гиперболы, вплетать въ гирлянду разсказа кой какіе вопросы и т. д. По словамъ Вѣры капитанъ Фрегата это такой человѣкъ, одно слово, одинъ взглядъ котораго двигали громады корабля—эту геніальную мысль, одѣтую въ дубъ и желѣзо и окрыленную полотномъ». На каждомъ шагу вы встрѣчаете у Марлинскаго подобныя фразы, но часто эти фразы если онѣ касались изображенія страстей, возбуждали интересъ въ тогдашнихъ читателяхъ, и поэтому немудрено, что Марлинскій пользовался въ свое время огромною популярностью. Марлинскій писалъ повѣсти изъ русской жизни, каковы напр.: Наѣзды, Романъ и Ольга, Измѣнникъ, но въ нихъ русскаго только имена, да описаніе нѣкоторыхъ повѣрій и обычаевъ. Кромѣ беллетристическихъ сочиненій Марлинскому принадлежатъ еще слѣдующія критическія статьи: Взглядъ на русскую словесность 1823 и 1824 годовъ (двѣ статьи), Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи и Разборъ романа Полевого: Клятва при Гробѣ Господнемъ. Критическія воззрѣнія Марлинскаго отличались мѣткостью и пониманіемъ изящнаго въ томъ или другомъ литературномъ произведеніи. Онъ вѣрно оцѣнилъ романъ Булгарина «Дмитрій Самозванецъ»,

сказавъ, что Годуновъ очерненъ авторомъ, что похожденія героя отличаются романическимъ и таинственнымъ характеромъ. Разсуждая о представителяхъ русской поэзіи, Марлинскій весьма справедливо указываетъ имъ то или другое мѣсто въ исторіи нашей литературы.

Въ каждый періодъ литературы господствуютъ воззрѣнія, съ точки зрѣнія которыхъ и оцѣниваются произведенія писателей. Литературная критика выражаетъ всегда направленіе умственнаго движенія и вотъ почему эта область знанія обязательно должна входить въ исторію литературы. Въ періодъ Пушкина главнымъ представителемъ литературной критики является Полевой, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей какъ по своему значенію, такъ и по разнообразію своей дѣятельности. Ник. Алекс. Полевой (1796—1846) по происхожденію принадлежалъ къ купеческому сословію и родился въ Иркутскѣ, гдѣ отецъ его занимался торговыми дѣлами. По словамъ самого Полеваго, съ шести лѣтъ онъ сталъ учиться грамотѣ и черезъ два три года прочиталъ всѣ книги, какія находились въ библіотекѣ отца; человѣка хотя и не получившаго образованія, но довольно начитаннаго. До 18 лѣтъ Н. А. Полевой занимался чтеніемъ безъ всякой системы, съ жаромъ бросаясь на каждую попавшуюся книгу, но въ то же время долженъ былъ помогать отцу въ его торговыхъ дѣлахъ. Съ 1814 года Полевой сталъ систематически заниматься, изучилъ русскую грамматику, кромѣ того при помощи итальянца, пьянаго цирюльника, выучился произносить французскія буквы. Черезъ два года семейство Полевыхъ переселилось въ Курскъ. Николай Алексѣевичъ постоянно былъ занятъ однимъ желаніемъ учиться и, усердно изучая науки, пріобрѣлъ массу свѣдѣній почти безъ всякаго руководителя. Собственно литературная дѣятельность Полеваго началась съ 1822 года со смертью его отца. Еще ранѣе этого времени, поселившись въ Москвѣ, Ник. Алекс. познакомился съ извѣстнымъ тогда ученымъ Каченовскимъ, редакторомъ журнала «Вѣстникъ Европы». Сначала Полевой принялъ участіе въ этомъ журналѣ, но такъ какъ редакція состояла изъ людей, державшихся старой классической теоріи, то молодой писатель сошелся съ кружкомъ писателей романтической школы, органомъ которыхъ былъ журналъ «Сынъ Отечества» и альманахъ «Полярная звѣзда» издававшійся Марлинскимъ. Въ Москвѣ существовалъ тогда кружокъ образованныхъ людей, который старался проводить въ литературѣ идеи

философа Шеллинга, что намъ извѣстно уже изъ біографіи Веневитинова, бывшаго дѣятельнымъ членомъ этого кружка. Полевой примкнулъ къ этому кружку, хотя, правда, отвлеченная германская философія была не подъ силу человѣку, не получившему систематическаго образованія. Любимымъ предметомъ изученія была для Полевого философія французскаго писателя Кузена, идеи котораго онъ и проводилъ въ своей литературной дѣятельности. Въ 1824 году Полевой, рѣшившись издавать литературный журналъ, составилъ программу его и отправилъ ее на разсмотрѣніе къ адмиралу Шишкову, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Разрѣшеніе было получено очень скоро и Полевой сталъ издавать «Московскій Телеграфъ», высказавъ предварительно, что въ журналѣ его будетъ обращено особенное вниманіе на литературную критику. Въ числѣ сотрудниковъ Полевого были: М. А. Максимовичъ, кн. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, а впослѣдствіи и Пушкинъ. Журналъ Полевого встрѣченъ былъ обществомъ съ большимъ сочувствіемъ; въ немъ помѣщались извѣстія и статьи по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ; здѣсь впервые русское общество познакомилось съ представителями политико-экономической науки, наконецъ въ этомъ журналѣ явилась первый разъ серьезная эстетическая критика - отдѣлъ, находившійся въ рукахъ самого издателя. Кромѣ журнальной дѣятельности, Полевой писалъ множество повѣстей, драматическихъ сочиненій, издалъ Исторію русскаго народа, имѣя отчасти въ виду указать на тѣ недостатки, которыми отличался взглядъ Карамзина на исторію вообще. Журналъ Полевого проводилъ новыя идеи и самостоятельно отзывался на всѣ явленія умственной жизни Европы. Скоро явилось множество враговъ изъ представителей старой школы, они старались подорвать журналъ Полевого, находя его либеральнымъ, но издатель смѣло дѣйствовалъ противъ тѣхъ патріотовъ, которыхъ онъ весьма удачно назвалъ «квасными». Въ 1834 году появилась драма Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», и критическая статья, написанная на эту драму, была поводомъ къ прекращенію «Телеграфа». Послѣ того Полевой прожилъ еще 12 лѣтъ въ Петербургѣ, но этотъ періодъ его дѣятельности, уже ни чѣмъ не замѣчателенъ, такъ какъ на поприще литературной критики выступили другіе дѣятели, проводившіе новую систему воззрѣній.

«Московскій Телеграфъ», по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, былъ необыкновеннымъ явленіемъ въ то время. Это было первое

періодическое изданіе, отличавшееся разнообразіемъ содержанія, вкусомъ ко всему изящному и вѣрностью принятому принципу. Издатель главное вниманіе обратилъ на литературную критику, задачею которой было указать каждому писателю надлежащее мѣсто въ литературѣ. Будучи послѣдователемъ романтической школы, Полевой вооружался противъ всего, что намекало на ложноклассическую теорію и тѣмъ самымъ водворялъ въ нашемъ обществѣ здравыя понятія о представителяхъ новой поэзіи. Въ 1839 году онъ издалъ лучшія свои критическія статьи въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Очерки русской литературы». Въ первомъ томѣ помѣщены статьи о произведеніяхъ Державина, Жуковскаго, Пушкина о басняхъ Хемницера, о поэмѣ Козлова «Наталья Долгорукова», о пѣсняхъ Мерзлякова и о другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ явленіяхъ русской литературы. Во второмъ томѣ главною статьею является критика на исторію Карамзина, которую Полевой оцѣнивалъ съ точки зрѣнія современныхъ ему западныхъ историковъ, и потому во многомъ находилъ ее неудовлетворительною. Полевой, увлеченный поэтическимъ талантомъ Державина, Жуковскаго, Пушкина, въ то же время указывалъ справедливо и на недостатки ихъ произведеній, что конечно возбуждало гнѣвъ въ его врагахъ, которые считали дерзостью отзывы самоучки объ авторитетахъ русской поэзіи. Многія сужденія Полевого повторялись и въ послѣдующіе періоды русской критики. Такъ напр. онъ совершенно справедливо высказалъ мнѣніе, что драма Пушкина «Борисъ Годуновъ» есть только рядъ историческихъ сценъ; что драматической борьбѣ, которая всегда лежитъ въ основаніи драмы, значительно повредило рабское подражаніе Карамзину и его ложному изображенію характера Бориса Годунова.

Какъ видно изъ біографій нѣкоторыхъ писателей пушкинскаго періода, русское образованное общество мало-по-малу подвергалось вліянію нѣмецкой философіи. Составлялись даже кружки, члены которыхъ посвящали себя этому роду занятій. Философское направленіе отразилось и на литературѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Одоевскаго, о которомъ мы упоминали выше. Изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей 20-хъ и 30-хъ годовъ кн. В. О. Одоевскій отличался необыкновенною обширностью своихъ знаній по различнымъ отраслямъ наукъ философскихъ и естественныхъ. Онъ былъ

изъ числа самыхъ ярыхъ приверженцевъ Шеллинга, идеи котораго проводились въ тогдашней литературѣ многими нашими писателями. Кн. Одоевскій выступилъ на литературное поприще въ 1824 году; первымъ его произведеніемъ была повѣсть «Элладій», картина свѣтской жизни, напечатанная въ альманахѣ «Мнемозина». Повѣсть эта замѣчательна тѣмъ, что она была первымъ произведеніемъ, въ которомъ изображалась русская жизнь совершенно согласно съ дѣйствительностью. Къ этому же времени относятся его апологи или аллегорическія повѣсти, имѣвшія тогда многихъ почитателей. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей: Бригадиръ, Балъ, Насмѣшка мертвеца, Послѣдній квартетъ Бетховена, Импровизаторъ, Себастьянъ Бахъ. Въ послѣднихъ трехъ произведеніяхъ Одоевскій проводитъ или психологическую мысль или взглядъ на искусство и художника. Такъ въ Импровизаторѣ развита мысль о безплодности знанія, пріобрѣтеннаго безъ труда. Свѣтская жизнь превосходно изображается Одоевскимъ въ повѣстяхъ: Княжна Мими и княжна Зизи. Главнымъ произведеніемъ этого писателя считаются «Русскія ночи», написанныя въ подражаніе «Серапіоновымъ братьямъ» нѣмецкаго писателя Гофмана, гдѣ изображены ночныя бесѣды молодыхъ людей о различныхъ вопросахъ жизни, науки и искусства. Въ «Русскихъ ночахъ» Одоевскій вполнѣ обнаружилъ свои обширныя познанія и глубину научныхъ воззрѣній. Въ лицѣ Фауста, главнаго героя повѣсти, авторъ изображаетъ человѣка, находящагося въ періодѣ скептицизма, и, подъ вліяніемъ этого скептицизма, отрицающаго многія явленія въ жизни и наукѣ человѣчества. Но Фаустъ, опровергая тѣ или другія воззрѣнія, самъ нерѣдко высказываетъ ложныя идеи. Такъ онъ находитъ, что древніе народы и потомъ средневѣковые философы владѣли большими знаніями, чѣмъ новѣйшіе ученые; что исторія есть только хаосъ фактовъ, которые каждый разумѣетъ по своему.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (гоголевскій).

Н. В. Гоголь, его жизнь и сочиненія.—Поэзія, современная Гоголю: Кукольникъ, Губеръ и Майковъ.—Художественно-народная поэзія и А. В. Кольцовъ.—Послѣдователи Гоголя: Даль, Григоровичъ, Достоевскій и Тургеневъ.—Славянофильское ученіе и его представители: братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и К. Аксаковъ.—Вліяніе славянофильскаго ученія на изящную литературу.—Повѣсть Соллогуба «Тарантасъ».—Западники.—Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго.—Другіе представители критики: Сенковскій и Шевыревъ.—Переводные и историко-литературные труды.

Разсматривая произведенія нашихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ одно время съ Пушкинымъ, легко замѣтить, что преобладающей формой сочиненій была лирика, въ которой поэты и выражали свои воззрѣнія на явленія жизни. Пушкинская эпоха литературы была можно сказать эпохой чистаго творчества, когда поэты вращались въ области своего вдохновенія и слишкомъ мало касались того, что ихъ окружало. Въ ихъ сочиненіяхъ мы не видимъ еще стремленія изображать тѣ недостатки, которые накопились въ русской общественной жизни втеченіе ея развитія со временъ реформы Петра Великаго. Правда, Пушкинъ сблизилъ поэзію съ дѣйствительностью, но, за исключеніемъ Евгенія Онѣгина, произведенія его по большей части отличаются общимъ характеромъ: онъ рисуетъ въ нихъ картины жизни, изображаетъ проявленіе человѣческихъ чувствъ, но эти картины и эти чувства слишкомъ мало связываются съ русскою дѣйствительностью, слишкомъ мало знакомятъ насъ съ различными сторонами жизни русскаго общества въ его разнообразныхъ слояхъ. Какъ въ произведеніяхъ самого Пушкина, такъ и многочисленныхъ его послѣдователей, поэзія преобладаетъ надъ прозою, выраженіе

собственныхъ ощущеній по поводу тѣхъ или другихъ явленій замѣняетъ собою объективное изображеніе русской жизни. Сатира Лермонтова, правда, коснулась вопросовъ русской жизни, но она опять подверглась сильному вліянію Байрона, изъ за котораго нерѣдко весьма трудно наблюдать развитіе русскаго общества, притомъ сатира Лермонтова ограничивается только высшимъ слоемъ общества. Въ ряду послѣдователей Пушкина мы не можемъ указать ни одного писателя, который бы всецѣло предался изученію русской жизни и изобразилъ бы намъ русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. И вотъ является Гоголь съ совершенно новымъ направленіемъ, измѣняющимъ и содержаніе литературы и воззрѣнія критики, которая въ этотъ періодъ впервые заговорила о поэзіи какъ о воспроизведеніи общественныхъ явленій русской жизни. Не отдаляясь отъ чисто художественной стороны поэзіи, которая проводилась писателями предшествовавшаго періода, Гоголь въ то же время придаетъ ей характеръ жизненной правды, и въ своихъ произведеніяхъ является поэтомъ-юмористомъ, отъ котораго не ускользаетъ ни одна повидимому мелочная черта русской жизни. Со времени Гоголя право гражданства получаетъ романъ изъ современной жизни, и писатели, пользуясь этою формою анализируютъ русскую жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Было время, когда на Гоголя смотрѣли только какъ на остроумнаго писателя, умѣющаго поразсмѣшить и повеселить своихъ читателей; но такой взглядъ далеко не справедливъ. Несмотря на простую и доступную форму произведеній этого писателя, они всегда проникнуты глубокою идеею, отсутствіе которой при одномъ только званіи веселаго разсказщика, не могло бы дать Гоголю права стать во главѣ цѣлаго періода, продолжающагося даже до настоящаго времени.

Н. В. Гоголь-Яновскій (1809—1852) родился въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ Полтавской губерніи и высшее образованіе получилъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, теперь преобразованномъ въ филологическій институтъ. Въ лицеѣ Гоголь не особенно усердно занимался уроками, но взамѣнъ этого много читалъ, чувствуя особенную любовь къ словесности. Воспитанники лицея издавали журналъ, редакторомъ котораго былъ Гоголь; кромѣ того нерѣдко устраивались домашніе спектакли и такимъ образомъ подобнаго рода развлеченія оказывали здоровое вліяніе на юношество. Еще на школьной скамейкѣ Гоголь

обнаруживалъ не разъ свой юмористическій даръ, всегда выдавался изъ товарищей по своему остроумію, по умѣнью замѣтить смѣшную сторону въ какомъ. нибудь лицѣ или явленіи. Окончивъ курсъ довольно посредственнымъ ученикомъ, Гоголь рѣшился отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вступить въ государственную службу. Еще во время пребыванія въ Нѣжинѣ, онъ мечталъ о какихъ то великихъ подвигахъ, которые предстоитъ ему совершить, но на первый разъ мечты его разсыпались, когда пришлось поэту долго искать мѣста. Въ это время онъ напечаталъ свое стихотвореніе «Италія» затѣмъ издалъ отдѣльно поэму Гансъ-Кихелгартенъ, написанную еще во время пребыванія въ лицеѣ. Первые шаги на поприщѣ литературы для Гоголя были неудачны. Полевой осмѣялъ поэму его, что и заставило автора собрать всѣ экземпляры, отданные на комиссію книгопродавцамъ, и сжечь ихъ. Гоголь тогда рѣшается поступить въ актеры, но игра его на домашнемъ испытаніи была признана неудовлетворительною. Въ 1830 году онъ опредѣляется на службу въ Министерство Удѣловъ, но черезъ годъ оставляетъ и это поприще. Въ этомъ же году Гоголь напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» первый разсказъ изъ Малороссійскаго быта: «Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», а затѣмъ послѣдовали и другіе. Гоголь писалъ тогда подъ разными псевдонимами. Между тѣмъ онъ сблизился съ В. А. Жуковскимъ, Плетневымъ и по ходатайству послѣдняго поступилъ учителемъ словесности въ женскій Патріотическій институтъ. Плетневъ же доставлялъ Гоголю и частные уроки во многихъ аристократическихъ домахъ, хотя и педагогическое поприще было не подъ силу писателю. Въ концѣ 1834 года Гоголь издаетъ цѣлый радъ повѣстей подъ названіемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и по совѣту Плетнева называетъ себя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Въ этотъ сборникъ входятъ слѣдующіе разсказы: 1) Сорочинская ярмарка, 2) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, 3) Майская Ночь или Утопленница, 4) Пропавшая грамота 5) Ночь предъ Рождествомъ, 6) Страшная месть, 7) Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка, 8) Заколдованное мѣсто. Всѣ эти повѣсти весьма подробно описываютъ бытъ малороссовъ, ихъ характеръ и суевѣрныя понятія, при чемъ авторъ повсюду высказываетъ свою любовь къ родинѣ и приправляетъ разсказъ добродушнымъ юморомъ, невольно возбуждающимъ веселый смѣхъ въ душѣ читателя. «Вечера на хуторѣ» составили первую

изъ числа самыхъ ярыхъ приверженцевъ Шеллинга, идеи котораго проводились въ тогдашней литературѣ многими нашими писателями. Кн. Одоевскій выступилъ на литературное поприще въ 1824 году; первымъ его произведеніемъ была повѣсть «Элладій», картина свѣтской жизни, напечатанная въ альманахѣ «Мнемозина». Повѣсть эта замѣчательна тѣмъ, что она была первымъ произведеніемъ, въ которомъ изображалась русская жизнь совершенно согласно съ дѣйствительностью. Къ этому же времени относятся его апологи или аллегорическія повѣсти, имѣвшія тогда многихъ почитателей. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей: Бригадиръ, Балъ, Насмѣшка мертвеца, Послѣдній квартетъ Бетховена, Импровизаторъ, Себастьянъ Бахъ. Въ послѣднихъ трехъ произведеніяхъ Одоевскій проводитъ или психологическую мысль или взглядъ на искусство и художника. Такъ въ Импровизаторѣ развита мысль о безплодности знанія, пріобрѣтеннаго безъ труда. Свѣтская жизнь превосходно изображается Одоевскимъ въ повѣстяхъ: Княжна Мими и княжна Зизи. Главнымъ произведеніемъ этого писателя считаются «Русскія ночи», написанныя въ подражаніе «Серапіоновымъ братьямъ» нѣмецкаго писателя Гофмана, гдѣ изображены ночныя бесѣды молодыхъ людей о различныхъ вопросахъ жизни, науки и искусства. Въ «Русскихъ ночахъ» Одоевскій вполнѣ обнаружилъ свои обширныя познанія и глубину научныхъ воззрѣній. Въ лицѣ Фауста, главнаго героя повѣсти, авторъ изображаетъ человѣка, находящагося въ періодѣ скептицизма, и, подъ вліяніемъ этого скептицизма, отрицающаго многія явленія въ жизни и наукѣ человѣчества. Но Фаустъ, опровергая тѣ или другія воззрѣнія, самъ нерѣдко высказываетъ ложныя идеи. Такъ онъ находитъ, что древніе народы и потомъ средневѣковые философы владѣли большими знаніями, чѣмъ новѣйшіе ученые; что исторія есть только хаосъ фактовъ, которые каждый разумѣетъ по своему.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (гоголевскій).

Н. В. Гоголь, его жизнь и сочиненія.—Поэзія, современная Гоголю: Кукольникъ, Губеръ и Майковъ.—Художественно-народная поэзія и А. В. Кольцовъ.—Послѣдователи Гоголя: Даль, Григоровичъ, Достоевскій и Тургеневъ.—Славянофильское ученіе и его представители: братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и К. Аксаковъ.—Вліяніе славянофильскаго ученія на изящную литературу.—Повѣсть Соллогуба «Тарантасъ».—Западники.—Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго.—Другіе представители критики: Сенковскій и Шевыревъ.—Переводные и историко-литературные труды.

Разсматривая произведенія нашихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ одно время съ Пушкинымъ, легко замѣтить, что преобладающей формой сочиненій была лирика, въ которой поэты и выражали свои воззрѣнія на явленія жизни. Пушкинская эпоха литературы была можно сказать эпохой чистаго творчества, когда поэты вращались въ области своего вдохновенія и слишкомъ мало касались того, что ихъ окружало. Въ ихъ сочиненіяхъ мы не видимъ еще стремленія изображать тѣ недостатки, которые накопились въ русской общественной жизни втеченіе ея развитія со временъ реформы Петра Великаго. Правда, Пушкинъ сблизилъ поэзію съ дѣйствительностью, но, за исключеніемъ Евгенія Онѣгина, произведенія его по большей части отличаются общимъ характеромъ: онъ рисуетъ въ нихъ картины жизни, изображаетъ проявленіе человѣческихъ чувствъ, но эти картины и эти чувства слишкомъ мало связываются съ русскою дѣйствительностью, слишкомъ мало знакомятъ насъ съ различными сторонами жизни русскаго общества въ его разнообразныхъ слояхъ. Какъ въ произведеніяхъ самого Пушкина, такъ и многочисленныхъ его послѣдователей, поэзія преобладаетъ надъ прозою, выраженіе

собственныхъ ощущеній по поводу тѣхъ или другихъ явленій замѣняетъ собою объективное изображеніе русской жизни. Сатира Лермонтова, правда, коснулась вопросовъ русской жизни, но она опять подверглась сильному вліянію Байрона, изъ за котораго нерѣдко весьма трудно наблюдать развитіе русскаго общества, притомъ сатира Лермонтова ограничивается только высшимъ слоемъ общества. Въ ряду послѣдователей Пушкина мы не можемъ указать ни одного писателя, который бы всецѣло предался изученію русской жизни и изобразилъ бы намъ русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. И вотъ является Гоголь съ совершенно новымъ направленіемъ, измѣняющимъ и содержаніе литературы и воззрѣнія критики, которая въ этотъ періодъ впервые заговорила о поэзіи какъ о воспроизведеніи общественныхъ явленій русской жизни. Не отдаляясь отъ чисто художественной стороны поэзіи, которая проводилась писателями предшествовавшаго періода, Гоголь въ то же время придаетъ ей характеръ жизненной правды, и въ своихъ произведеніяхъ является поэтомъ-юмористомъ, отъ котораго не ускользаетъ ни одна повидимому мелочная черта русской жизни. Со времени Гоголя право гражданства получаетъ романъ изъ современной жизни, и писатели, пользуясь этою формою анализируютъ русскую жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Было время, когда на Гоголя смотрѣли только какъ на остроумнаго писателя, умѣющаго поразсмѣшить и повеселить своихъ читателей; но такой взглядъ далеко не справедливъ. Несмотря на простую и доступную форму произведеній этого писателя, они всегда проникнуты глубокою идеею, отсутствіе которой при одномъ только званіи веселаго разскащика, не могло бы дать Гоголю права стать во главѣ цѣлаго періода, продолжающагося даже до настоящаго времени.

Н. В. Гоголь-Яновскій (1809—1852) родился въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ Полтавской губерніи и высшее образованіе получилъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, теперь преобразованномъ въ филологическій институтъ. Въ лицеѣ Гоголь не особенно усердно занимался уроками, но взамѣнъ этого много читалъ, чувствуя особенную любовь къ словесности. Воспитанники лицея издавали журналъ, редакторомъ котораго былъ Гоголь; кромѣ того нерѣдко устраивались домашніе спектакли и такимъ образомъ подобнаго рода развлеченія оказывали здоровое вліяніе на юношество. Еще на школьной скамейкѣ Гоголь

обнаруживалъ не разъ свой юмористическій даръ, всегда выдавался изъ товарищей по своему остроумію, по умѣнью замѣтить смѣшную сторону въ какомъ. нибудь лицѣ или явленіи. Окончивъ курсъ довольно посредственнымъ ученикомъ, Гоголь рѣшился отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вступить въ государственную службу. Еще во время пребыванія въ Нѣжинѣ, онъ мечталъ о какихъ то великихъ подвигахъ, которые предстоитъ ему совершить, но на первый разъ мечты его разсыпались, когда пришлось поэту долго искать мѣста. Въ это время онъ напечаталъ свое стихотвореніе «Италія» затѣмъ издалъ отдѣльно поэму Гансъ-Кихелгартенъ, написанную еще во время пребыванія въ лицеѣ. Первые шаги на поприщѣ литературы для Гоголя были неудачны. Полевой осмѣялъ поэму его, что и заставило автора собрать всѣ экземпляры, отданные на комиссію книгопродавцамъ, и сжечь ихъ. Гоголь тогда рѣшается поступить въ актеры, но игра его на домашнемъ испытаніи была признана неудовлетворительною. Въ 1830 году онъ опредѣляется на службу въ Министерство Удѣловъ, но черезъ годъ оставляетъ и это поприще. Въ этомъ же году Гоголь напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» первый разсказъ изъ Малороссійскаго быта: «Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», а затѣмъ послѣдовали и другіе. Гоголь писалъ тогда подъ разными псевдонимами. Между тѣмъ онъ сблизился съ В. А. Жуковскимъ, Плетневымъ и по ходатайству послѣдняго поступилъ учителемъ словесности въ женскій Патріотическій институтъ. Плетневъ же доставлялъ Гоголю и частные уроки во многихъ аристократическихъ домахъ, хотя и педагогическое поприще было не подъ силу писателю. Въ концѣ 1834 года Гоголь издаетъ цѣлый радъ повѣстей подъ названіемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и по совѣту Плетнева называетъ себя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Въ этотъ сборникъ входятъ слѣдующіе разсказы: 1) Сорочинская ярмарка, 2) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, 3) Майская Ночь или Утопленница, 4) Пропавшая грамота 5) Ночь предъ Рождествомъ, 6) Страшная месть, 7) Иванъ Өедоровичъ Шпонька и его тетушка, 8) Заколдованное мѣсто. Всѣ эти повѣсти весьма подробно описываютъ бытъ малороссовъ, ихъ характеръ и суевѣрныя понятія, при чемъ авторъ повсюду высказываетъ свою любовь къ родинѣ и приправляетъ разсказъ добродушнымъ юморомъ, невольно возбуждающимъ веселый смѣхъ въ душѣ читателя. «Вечера на хуторѣ» составили первую

славу Гоголя какъ писателя съ замѣчательнѣйшимъ талантомъ. Онъ сближается съ кружкомъ литераторовъ, во главѣ котораго стоялъ тогда А. С. Пушкинъ; послѣдній былъ въ восторгѣ отъ разсказовъ и вполнѣ вѣрно оцѣнилъ достоинство ихъ и талантъ Гоголя. Самъ Гоголь всегда благоговѣлъ передъ талантомъ и геніальностью Пушкина; онъ считалъ послѣдняго своимъ руководителемъ, подъ вліяніемъ котораго какъ самъ Гоголь говоритъ въ Авторской Исповѣди, создались Ревизоръ и Мертвыя души. Пушкинъ угадалъ призваніе Гоголя и совѣтовалъ ему приняться за большое сочиненіе, приводя въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ много небольшихъ повѣстей, но если бы не принялся за Донъ-Кихота, то никогда не занялъ бы мѣста, занимаемаго имъ теперь между писателями. Пушкинъ, предложивъ сюжетъ Мертвыхъ Душъ Гоголю, находилъ, что подобный сюжетъ хорошъ для него тѣмъ, что даетъ полную возможность автору изъѣздить всю Россію и вывести множество разнообразныхъ характеровъ. По содѣйствію Пушкина, Жуковскаго и друг. Гоголь получилъ мѣсто адъюнкта исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но его професорская дѣятельность была совершенно неудачна, такъ что онъ вскорѣ ее оставилъ и окончательно посвятилъ себя литературѣ. Въ 1834 году Гоголь издалъ новый сборникъ разсказовъ подъ названіемъ «Миргородъ», куда вошли: Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Віи, Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Въ этотъ періодъ дѣятельности замѣтенъ уже нѣсколько иной тонъ въ юморѣ Гоголя. Онъ касается пошлыхъ сторонъ жизни и осмѣиваетъ ихъ, изображая тѣ мелочи жизни, которыя, хотя не замѣтно, но все таки уродуютъ человѣческую личность. Обстановка разсказовъ заимствуется также какъ и прежде изъ нравовъ малороссійскаго быта, современнаго автору, исключая повѣсти Тарасъ-Бульба, сюжетъ которой отличается историческимъ характеромъ.

Въ лицѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголь изображаетъ добрыхъ и честныхъ людей, погибшихъ отъ недостатка умственной жизни. Рисуя уединенную жизнь Аѳанасія Ивановича и его жены Пульхеріи Ивановны, авторъ видитъ въ ней отсутствіе высшихъ интересовъ, мертвящее однообразіе, способное всегда оказывать на людей вредное вліяніе. Жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ ограничивалась только самыми естественными потребностями: они пили, ѣли, спали,

вполнѣ обезпеченные матерьяльнымъ довольствомъ, ниспосланнымъ имъ благословеннымъ климатомъ Малороссіи. Эти люди и не имѣли понятія о жизни общественной и только случайно отъ пріѣзжавшихъ гостей они узнавали конечно въ превратномъ видѣ о томъ, что дѣлается внѣ ихъ околодка. Самый разсказъ о смерти Пульхеріи Ивановнѣ кажется какъ будто неестественнымъ, но сравнивъ обѣ части повѣсти, онъ получаетъ правдоподобіе. Вслѣдствіе однообразія жизни всякое мелочное обстоятельство производитъ вліяніе на человѣка, лишеннаго образованія, отсутствіе котораго даетъ пищу суевѣрнымъ понятіямъ, доставшимся по наслѣдству отъ дѣдовъ. Такимъ образомъ немудрено, что Пульхерія Ивановна пропажу кошечки, ея одичалость приписала какому-то предзнаменованію о своей близкой смерти. Повѣсть Гоголя исполнена необыкновеннаго комизма, но въ то же время, авторъ невольно сочувствуетъ добрымъ и гостепріимнымъ старичкамъ и втеченіе разсказа не разъ высказываетъ это сочувствіе. Тонъ повѣсти въ двухъ ея главныхъ частяхъ различенъ: въ первой части, гдѣ описывается жизнь помѣщиковъ, преобладаетъ комическая сторона; напротивъ того, при чтеніи второй части въ душѣ читателя невольно возбуждается сожалѣніе къ дѣйствующимъ лицамъ разсказа. Мыслью о мелочахъ жизни, дѣлающихъ человѣка существомъ ничтожнымъ, проникнута повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Причина ссоры лежитъ въ характерахъ этихъ людей. Иванъ Ивановичъ захотѣлъ имѣть ружье Ивана Никифоровича, но почему, онъ самъ этого не знаетъ; Иванъ Никифоровичъ не отдаетъ ружья, хотя Иванъ Ивановичъ предлагаетъ ему за него бурую свинью и мѣшокъ гороха. Иванъ Никифоровичъ назвалъ своего сосѣда гусакомъ—и вотъ изъ за этого слова затѣялось цѣлое тяжебное дѣло. Вы видите людей пустыхъ, которые, не зная чѣмъ наполнить свою животную жизнь, проводятъ время въ подобныхъ исторіяхъ.

Главнымъ произведеніемъ въ сборникѣ «Миргородъ» является историческая повѣсть «Тарасъ Бульба», сохранившаяся въ двухъ редакціяхъ. Гоголь какъ извѣстно, весьма добросовѣстно изучалъ исторію Малороссіи, намѣреваясь издать ученое сочиненіе большаго объема. Но результатомъ занятій явилось глубоко поэтическое созданіе «Тарасъ Бульба», проникнутое драматическимъ характеромъ. Въ лицѣ героя повѣсти малороссійскаго полковника Бульбы поэтъ изображаетъ намъ типъ казака, выработавшійся подъ вліяніемъ историческихъ

условій. Тарасъ, это грубая, деспотическая натура, но въ то же время глубоко проникнутая сознаніемъ своего долга быть защитникомъ родины и православія. У него два сына Остапъ и Андрей. Несмотря на одинаковую обстановку, въ которой они воспитывались, ихъ характеры сложились разнообразно. Остапъ — это тотъ же Тарасъ Бульба, для него недоступны никакія чувства, кромѣ страсти идти по стопамъ своего отца. Въ натурѣ Андрея, также храбраго и мужественнаго, есть какая-то нѣжность, подъ вліяніемъ которой онъ напримѣръ больше привязанъ къ своей бѣдной матери, чѣмъ Остапъ. Андрей влюбляется въ дочь польскаго воеводы и во время осады города, когда казаки вели войну съ поляками, онъ передается на сторону враговъ; увлеченный любовью къ прекрасной полячкѣ, онъ измѣняетъ своему долгу и гибнетъ жертвою своей страсти, убитый роднымъ отцомъ. Тарасъ не щадитъ сына, для него нѣтъ ничего священнаго, кромѣ исполненія долга казака; душа Тараса чужда нѣжныхъ родительскихъ чувствъ: убивъ сына, онъ жалѣетъ его, но не какъ сына, а какъ казака, навсегда погибшаго для общаго дѣла. Неговоря о художественности цѣлаго произведенія, оно изобилуетъ превосходными описаніями (напр. описаніе степи) и частными подробностями, рисующими стародавнюю жизнь. Гоголь описываетъ Запорожскую сѣчь со всѣми ея обычаями и нравами, удалую жизнь казака, во время мира проводящаго жизнь въ кутежахъ и въ безшабашномъ пьянствѣ, изображаетъ намъ жалкое положеніе женщины въ лицѣ бѣдной, страдающей жены Тараса, обреченной на уединенную жизнь въ разлукѣ съ семьею. Тарасъ грубо обращается съ женой, но при отъѣздѣ въ Сѣчь онъ заставляетъ сыновей принять благословеніе матери, вѣруя, что оно спасаетъ ото всѣхъ опасностей военной жизни. Такимъ образомъ смѣшеніе нравственныхъ свойствъ съ грубыми деспотическими инстинктами составляетъ характерную черту, образовавшуюся очевидно подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій Общая мысль всей повѣсти Гоголя—представить прошлую жизнь людей, владѣвшихъ исполинскою силою и проявляющихъ ее въ отчаянномъ удальствѣ во время войны и въ бѣшеномъ разгулѣ во время мира, потому что иной дѣятельности и не понимало то поколѣніе.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Гоголь обратилъ свое вниманіе преимущественно на жизнь бѣдныхъ чиновниковъ, живописцевъ и другихъ подобныхъ людей, и представилъ картину этой

жизни въ цѣлой серіи такъ называемыхъ петербургскихъ повѣстей какъ-то: Шинель, Портретъ, Невскій проспектъ, Носъ, Записки Сумасшедшаго и др. Юморъ Гоголя получаетъ совершенно иное направленіе. Поэтъ возстаетъ противъ гнетущаго вліянія среды, которая, благодаря неправильному своему развитію, унижаетъ нерѣдко нравственное достоинство человѣка, и глушитъ въ немъ тѣ силы, которыя могли бы благодѣтельно проявиться при лучшей обстановкѣ жизни. Поэтъ является защитникомъ слабыхъ угнетенныхъ людей, которые, при всей ихъ комичности, порожденной пошлою обстановкою, становятся людьми достойными сожалѣнія. Лучшими типами, въ которыхъ выразилось направленіе таланта Гоголя въ эту эпоху его творчества, должны считаться: Акакій Акакіевичъ, художникъ Чартковъ и чиновникъ Поприщинъ. Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ, герой повѣсти Шинель, бѣдный чиновникъ безъ всякаго образованія. Вся жизнь его заключалась въ каждодневномъ хожденіи въ департаментъ, гдѣ занимался онъ простымъ переписываніемъ бумагъ. Скудость матерьяльнаго обезпеченія не давала ему возможности носить приличную одежду; его изношенная шинель служила предметомъ насмѣшекъ со стороны его сослуживцевъ, которые, по своей безнравственности, позволяли себѣ постоянно подсмѣиваться надъ бѣднымъ Акакіемъ Акакіевичемъ. Но онъ всегда былъ безотвѣтенъ, никогда не сказалъ никому грубаго слова, что еще болѣе влекло чиновниковъ къ безпрестаннымъ оскорбленіямъ своего сослуживца. Гоголь особенно подробно описываетъ тотъ моментъ изъ жизни Башмачкина, когда онъ сшилъ себѣ новую шинель, которую мошенники сняли съ него, когда онъ ночью возвращался домой съ имянинъ своего сослуживца. Новая шинель озарила нѣсколько скучную томительную жизнь бѣднаго чиновника; онъ какъ будто оживился. Законы чувствъ для всѣхъ одинаковы, хотя предметы, вызывающіе то или другое чувство, разнообразны. Акакій Акакіевичъ былъ человѣкъ необразованный, по своему развитію и обстановкѣ онъ чуждъ былъ высшихъ интересовъ жизни. Немудрено, что новая шинель сдѣлалась его мечтою, оживившею его однообразную жизнь. Характеръ повѣсти измѣняется съ того момента, когда Акакій Акакіевичъ теряетъ шинель; бѣдный чиновникъ является къ значительному лицу, суровый пріемъ котораго поражаетъ его; онъ возвращается домой какъ ошеломленый, заболѣваетъ горячкой и умираетъ одиноко въ

своей жалкой каморкѣ. Но повѣсть не оканчивается смертью героя. Гоголь прибавляетъ къ ней фантастическій эпилогъ съ цѣлью показать, что гибель ничтожнаго человѣка не безслѣдна для того общества, которое оцѣниваетъ человѣка только по положенію, а не по нравственнымъ его качествамъ. Такія же мрачныя картины жизни Гоголь рисуетъ и въ Запискахъ Сумасшедшаго и въ повѣсти «Портретъ». Бѣдный чиновникъ Поприщинъ, влюбившись въ дочь начальника, сходитъ съ ума и воображаетъ себя испанскимъ королемъ Фердинандомъ. Его увозятъ въ сумасшедшій домъ гдѣ онъ испытываетъ тяжкія страданія. Повѣсть «Портретъ» отличается фантастическимъ характеромъ. Художникъ Чартковъ покупаетъ на Щукиномъ дворѣ портретъ старика; совершенно случайно въ рамѣ этого портрета оказывается тысяча червонцевъ; Чартковъ изъ бѣднаго человѣка дѣлается богачемъ; прежде, когда онъ жилъ въ душной каморкѣ иногда даже безъ куска хлѣба, его никто не зналъ. Теперь же сдѣлался онъ моднымъ живописцемъ и покинулъ искусство, которому такъ страстно былъ преданъ. Портретъ старика заваленъ былъ множествомъ другихъ предметовъ, но однажды взглянувши на него случайно, Чартковъ смутился; въ немъ пробудилось горькое сознаніе того, что онъ погубилъ свой талантъ, принесъ его въ жертву роскоши и удобству блестящей обстановки. Чартковъ сталъ задумываться хирѣть физически и наконецъ умеръ. Во второй части повѣсти мы узнаемъ, что портретъ изображалъ одного ростовщика, о которомъ ходила молва, что всякій кто бралъ у него деньги взаймы, непремѣнно кончалъ жизнь самымъ ужаснымъ образомъ. При всей фантастичности произведеніе Гоголя заключаетъ въ себѣ множество сценъ, исполненныхъ жизненной правды и ознакомляющихъ читателей съ тѣми углами и захолустьями, въ которыхъ обитало бѣдное населеніе столицы.

Съ 1835 года дѣятельность Гоголя принимаетъ болѣе серьезный общественный характеръ. Къ этому году была окончена знаменитая его комедія «Ревизоръ», принадлежащая къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній въ исторіи нашей литературы. Въ своей комедіи Гоголь переноситъ читателя въ провинціальную глушь уѣзднаго города. Передъ нами, какъ живые, являются городничій и вся ватага подчиненныхъ ему чиновниковъ, продажныхъ людей, живущихъ взяточничествомъ. Хотя они и сознаютъ противозаконность своихъ дѣй-

ствій, но думаютъ, что законъ можно всегда обойти и тѣмъ избавить себя отъ страха наказанія. Главнымъ героемъ взяточникомъ является городничій Сквозникъ-Дмухановскій. Онъ человѣкъ практическаго ума, умѣющій хоронить концы въ воду. Это совершенно грубая, неотесанная натура, неспособная удерживать свои грубые инстинкты и деспотически обращаясь съ людьми, ему подчиненными, онъ мгновенно обращается въ существо снисходительное и приниженное, когда входитъ въ сношеніе съ человѣкомъ выше себя чиномъ. Онъ ухаживаетъ за Хлестаковымъ, лицемѣритъ, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы пріобрѣсть расположеніе ревизора, даетъ ему деньги съ цѣлью подкупить его въ свою пользу. Что городничій принялъ Хлестакова за ревизора, въ этомъ ничего нѣтъ мудренаго. Манера Хлестакова, его модный костюмъ и свободное обращеніе могли сильно подѣйствовать на городничаго, проведшаго всю жизнь въ уѣздной глуши. Полученіе письма отъ пріятеля и разсказы Бобчинскаго о томъ, что Хлестаковъ живетъ въ гостинницѣ, ничего не платитъ и обнаруживаетъ во всемъ наблюдательность, вполнѣ подтверждали догадку городничаго, который, находясь въ страхѣ за свое будущее положеніе, готовъ былъ признать за ревизора всякаго маломальски отличавшагося отъ уѣздной молодежи. Вранье Хлестакова въ 3-мъ дѣйствіи комедіи городничій и всѣ чиновники принимаютъ за чистую монету тѣмъ болѣе, что Хлестаковъ лжетъ съ увлеченіемъ, лжетъ такъ сказать по профессіи, а не по какому нибудь задуманному плану. Всѣ маневрированія городничаго относительно подкупа ревизора остались напрасными. Хлестаковъ вовсе не ревизоръ, а просто шалопай, живущій на счетъ другихъ и проводящій жизнь среди картъ и тому подобныхъ развлеченій. Городничій обманутъ, какъ оказалось изъ письма Хлестакова; до того исполненный комизма, городничій, ошеломленный неожиданнымъ извѣстіемъ, моментально обращается въ лицо трагическое. А тутъ еще является жандармъ и объявляетъ о пріѣздѣ настоящаго ревизора, комедія становится драмой и въ заключительной нѣмой сценѣ производитъ на зрителя потрясающее внечатлѣніе. Комедія Гоголя принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ русской литературы во 1) по изображенію характеровъ, во 2) по внутренней связи частей и въ 3) по идеѣ. Всѣ лица исполнены комизма и представляютъ собою отрицательную сторону жизни, т. е. невѣжество, взяточничество, самодурство и т. п.

черты, образовавшіяся въ обществѣ подъ вліяніемъ различныхъ условій Каждое лицо комедіи есть типъ, чуждый карикатуры, до чего не достигала наша старая комедія, за исключеніемъ безсмертнаго созданія Грибоѣдова. Все произведеніе Гоголя основано на ожиданіи и пріѣздѣ ревизора; каждое явленіе комедіи вытекаетъ изъ общаго основанія, а не совершается по волѣ автора, что такъ сильно господствовало въ предшествовавшей драматической литературѣ. Такая естественная и гармоническая связь частей съ цѣлымъ и даетъ намъ право назвать произведеніе Гоголя художественнымъ созданіемъ. Содержаніе комедіи указываетъ на обличительную цѣль ея: авторъ караетъ безпощадною сатирою тѣхъ людей, которые, для удовлетворенія своего эгоизма, нарушаютъ законъ, идутъ противъ правилъ общественной нравственности. Люди безнравственные думаютъ, что все дѣло во внѣшности, но правосудіе наказываетъ ихъ за несправедливые поступки, караетъ ихъ за то, что они, пользуясь властью, губятъ людей слабыхъ, не могущихъ дать отпоръ. Идея «Ревизора» прекрасно выражается въ послѣднемъ монологѣ городничаго, гдѣ онъ ругаетъ писателей, называя ихъ бумагомарателями. Безпощадный смѣхъ и сатира заставляетъ людей безнравственныхъ оглянуться на самихъ себя, подумать о томъ, что законъ караетъ тѣхъ, которые не хотятъ сознать его нравственной силы. Что касается до изображенія характеровъ, то Гоголь не ограничился однимъ главнымъ лицомъ, но въ различныхъ второстепенныхъ лицахъ онъ представилъ весьма разнообразные типы провинціальной жизни. Судья Ам. Ѳедор. Ляпкинъ-Тяпкинъ хотя и говоритъ, что онъ беретъ взятки борзыми щенками, но все-таки человѣкъ безчестный. Онъ прочиталъ нѣсколько книгъ и сдѣлался нѣсколько вольнодуменъ: уѣздное общество считаетъ его за либерала не послѣдней руки. Почтмейстеръ человѣкъ простодушный, онъ преспокойно распечатываетъ письма изъ наивнаго любопытства найти въ нихъ что нибудь интересное и поучительное. Бобчинскій и Добчинскій уѣздные сплетники, они чувствуютъ, что общество относится къ нимъ съ презрѣніемъ и, чтобъ найти сочувствіе къ себѣ, они собираютъ всевозможныя новости и сплетни и распространяютъ ихъ по городу. Типъ провинціальныхъ женщинъ весьма удачно воспроизведенъ въ лицѣ Анны Андреевны, жены городничаго. Гоголь, какъ и во всемъ другомъ, является истиннымъ художникомъ, который не расплывается въ подробностяхъ, но довольствуется часто

одною характеристическою чертою, чтобы изъ обыкновеннаго лица сдѣлать лицо типическое. Анна Андреевна мало появляется на сцену, но каждая фраза, ею сказанная, обличаетъ въ ней устарѣлую кокетку, женщину, для которой вся суть жизни въ нарядахъ. Она сама ухаживаетъ за Хлестаковымъ и сердится на дочь, когда та осмѣлилась сказать, что ревизоръ больше смотрѣлъ на нее, чѣмъ на мать.

Въ 1836 году въ апрѣлѣ комедія Гоголя была съиграна на петербургской сценѣ, и бщество вооружилось противъ автора, замѣтивъ, что онъ осмѣиваетъ не только уѣздную жизнь, но и тѣ свойства, которыя проявлялись на всѣхъ концахъ нашего отечества. «Всѣ противъ меня, пишетъ Гоголь къ актеру М. С. Щепкину, чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піесу, на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, піэса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, еслибъ я взялъ что нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей, тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью». Подъ вліяніемъ впечатлѣній, высказанныхъ въ этомъ письмѣ, Гоголь написалъ небольшую піесу, подъ названіемъ: «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», гдѣ изобразилъ всѣ тѣ мнѣнія, которыя высказаны были противъ его піесы. Гоголя главнымъ образомъ упрекали въ томъ, что его піеса крайне одностороння, что въ ней изображается только одна пошлая сторона жизни, что нѣтъ въ ней ни одной свѣтлой идеальной личности, безъ которой немыслима никакая жизнь. Въ концѣ піесы выведенъ авторъ; въ его монологѣ Гоголь проводитъ ту мысль, что смѣхъ, проникнутый любовью къ людямъ, и есть тотъ идеалъ, котораго ищутъ въ его комедіи. Положительная сторона произведенія выясняется сама собою при помощи отрицательнаго изображенія дѣйствительности. Всякій человѣкъ, искренно смѣющійся надъ поступками городничаго, очевидно, хорошо сознаетъ, во имя чего онъ готовъ поднять на смѣхъ

этого пошлаго взяточника «Странно, говоритъ Гоголь: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное благородное лицо—былъ—смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить несмотря, на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ и служилъ ему честно, и потому долженъ встать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся родникъ его: но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло-бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрагаясь: «неужели есть такіе люди», тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ! Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей, но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко-добрая душа».

Разстроенный и физически и нравственно, Гоголь лѣтомъ 1836 года оставилъ Россію и уѣхалъ за границу. Большую часть жизни провелъ онъ въ Римѣ, изрѣдка пріѣзжая въ Москву, гдѣ жили его друзья Погодинъ, Шевыревъ, Аксаковъ, Щепкинъ и друг. Живя за-границей онъ, какъ самъ сознается, лучше могъ изучать Россію, которая только вдали вставала предъ нимъ въ живыхъ образахъ. За-границей же онъ началъ въ 1837 году писать послѣднее и самое лучшее изъ произведеній,—именно поэму «Мертвыя Души», подробно изображающую темныя стороны русской жизни, которыя хорошо изучены были авторомъ. Гоголь предполагалъ издать поэму въ нѣсколькихъ частяхъ, но по обстоятельствамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, отъ поэмы сохранилась только первая часть вполнѣ и вторая въ неоконченномъ видѣ. Героемъ поэмы является Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Въ концѣ послѣдней главы авторъ объясняетъ намъ происхожденіе своего героя, описываетъ его дѣтскіе годы, первоначальную службу. Изъ этого описанія мы узнаемъ, что Чичиковъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ склоненъ къ наживанію денегъ, дѣйствуя такъ, какъ совѣтовалъ ему отецъ. Сидя на школьной скамейкѣ, Чичиковъ уже изобрѣталъ различные способы, чтобы поживиться у товарищей и потомъ, когда ему пришлось поступить на службу, страсть къ пріобрѣтенію не уменьшилась, а напротивъ увеличивалась болѣе и болѣе. Въ лицѣ Чичикова Гоголь изображаетъ типъ пріобрѣтателя, ловкаго мошенника, умѣющаго скрыть свои плутни тонкимъ обращеніемъ съ людьми, деликатностью и занимательностью разговора съ ними. Узнавъ, что по ревизскимъ сказкамъ числятся и тѣ крестьяне, которые уже умерли, Чичиковъ рѣшается скупать этихъ умершихъ съ тѣмъ, чтобы потомъ заложить ихъ въ Опекунскій совѣтъ и сдѣлаться богатымъ человѣкомъ. Поѣздка Чичикова по усадьбамъ помѣщиковъ расположенныхъ не вдалекѣ отъ губернскаго города N, даетъ возможность Гоголю изобразить русскаго человѣка въ различныхъ проявленіяхъ его характера. Предъ нами являются Маниловъ, Собакевичъ, Коробочка, Ноздревъ, Плюшкинъ и многіе другіе типы провинціальнаго общества. Въ каждомъ изъ указанныхъ типовъ Гоголь изобразилъ какую нибудь черту, которую и теперь можно встрѣтить въ предѣлахъ нашего отечества. Маниловъ — это сантиментально-нѣжный помѣщикъ, онъ живетъ только чувствомъ и на соображеніе не быстръ. Для него всѣ люди хороши и на жизнь смотритъ онъ съ довольст-

вомъ, представляя все въ розовомъ свѣтѣ. Обезпеченный вполнѣ, Маниловъ проводитъ время въ томъ, что строитъ воздушные замки; несбыточныя пустыя мечты вотъ его сфера. Несмотря на продолжительную жизнь семейную, Маниловъ обращается съ женою, какъ какой нибудь аркадскій пастушокъ. Говоря о женѣ Манилова, Гоголь касается тогдашняго образованія, которое получала большая часть русскихъ женщинъ. Въ пансіонѣ, гдѣ училась Манилова, три главные предмета считались основою всѣхъ добродѣтелей: французскій языкъ, фортепьяно и хозяйственная часть, т. е. вязанье кошельковъ и сюрпризовъ. Самъ Маниловъ человѣкъ безъ всякаго образованія и это было одною изъ главныхъ причинъ его бездѣятельности и сантиментальничанія съ супругою. Чувствительность приняла у Манилова большіе размѣры: когда Чичиковъ разсказалъ ему о преслѣдованіяхъ, какія онъ испыталъ въ жизни за то что соблюдалъ правду, то Маниловъ растрогался и заплакалъ, не подумавъ о томъ, что нашъ герой притворно выставляетъ на видъ свои добродѣтели. Совершенно противоположныя черты мы видимъ въ помѣщикѣ Собакевичѣ. Это грубая неотесанная натура, въ которой развита одна черта — кулачество. Несмотря на такой странный товаръ, каковы мертвыя души, кулакъ Собакевичъ не приходитъ въ смущеніе, онъ даже и тутъ плутуетъ, помѣщая въ списокъ мужиковъ бабу Елизавету и увѣренъ въ томъ, что Чичиковъ этого не замѣтитъ. Собакевичъ не стѣсняется при сужденіи о людяхъ, онъ преспокойно называетъ подлецами всѣ губернскія власти и въ этомъ случаѣ поступаетъ противоположно Манилову, который всегда деликатенъ, когда говоритъ о комъ нибудь. Въ Коробочкѣ мы видимъ опять новую черту. Она необразованная женщина, проведшая всю жизнь въ своей усадьбѣ. Чичикову долго пришлось объяснять Коробочкѣ въ чемъ состоитъ покупка мертвыхъ душъ; она воображала, что покупщикъ будетъ выкапывать изъ земли покойниковъ, и чтобъ не потерять прибыли, говоритъ ему, что она справится по какой цѣнѣ ходятъ мертвыя души. Чичиковъ понялъ, что старухи любятъ деньгу, и вотъ онъ обѣщаетъ ей брать въ казну пеньку и сало изъ ея усадьбы. Скопидомство главная черта характера Коробочки. Скопидомство и кулачество нерѣдко обращаются въ страсть, которая овладѣваетъ человѣкомъ до такой степени, что онъ дѣлается чуждымъ всему и сосредоточивается исключительно на своей страсти, становится скуп-

цомъ и доходитъ до полнаго ничтожества. Это и выражено Гоголемъ въ лицѣ Плюшкина, который, не смотря на свое состоянie, является намъ въ образѣ оборванца-нищаго, невольно возбуждающаго сожалѣнie. Страсть довела Плюшкина до полнаго безобразія, лишила его всѣхъ человѣческихъ чувствъ, сосредоточивъ ихъ въ одномъ стремленiи копить всякую дрянь. Ноздревъ—опять противоположный типъ. Онъ проводитъ время въ кутежахъ, въ карточной игрѣ и тратитъ все до послѣдней копѣйки. Буйство и русская удаль—вотъ главныя свойства Ноздрева, котораго Гоголь называетъ человѣкомъ историческимъ въ томъ смыслѣ, что гдѣ присутствуетъ Ноздревъ, тамъ дѣло не обойдется безъ какой нибудь исторiи. Кромѣ указанныхъ типовъ, въ поэмѣ мы встрѣчаемъ еще изображенie провинцiальнаго города, гдѣ на сцену выступаетъ уже чиновный служилый классъ, провинцiальныя женщины, занимающiяся пересудами и сплетнями. Въ поэмѣ «Мертвыя души» Гоголь изобразилъ намъ русское общество въ извѣстный моментъ его развитiя. Всѣ типы, имъ представленные, указываютъ на то, что условiя жизни сильно влiяютъ на господство тѣхъ или другихъ уродливыхъ явленiй. Гоголь, правда, не объясняетъ прямо причинъ этихъ явленiй, но о нихъ легко судить по самому изображенiю. Пустота представленной жизни объясняется крайнимъ невѣжествомъ—съ одной стороны и господствомъ крѣпостнаго права—съ другой. При всѣхъ заботахъ просвѣщеннаго русскаго правительства объ образованiи, это послѣднее, къ сожалѣнiю, въ тѣ времена далеко не проникало въ отдаленныя отъ столицъ мѣстности, а отсутствie его и было причиною того, что русскie люди ограничивались только тѣми ничтожными интересами, которые описаны въ поэмѣ Гоголя. Авторъ не отрицаетъ въ русскомъ человѣкѣ благодѣтельныхъ силъ, онъ только указываетъ на то, что эти силы безплодно гибнутъ подъ влiянiемъ различныхъ условiй жизни. Ноздревъ натура энергическая, но, обезпеченный крѣпостнымъ правомъ, при которомъ не могла развиться никакая самодѣятельность, притомъ человѣкъ безъ всякаго образованiя, онъ тратитъ свою энергiю на кутежи и на безпрерывное пьянство. То-же самое видимъ и въ главномъ героѣ поэмы. Чичиковъ—человѣкъ умный и ловкiй по природѣ, но положенie въ родительской семьѣ, совѣты отца уже съ малолѣтства направили его силы на совершенно ложный путь, на которомъ онъ и вращался всю свою [illegible] смыслъ произведе-

нія Гоголя. Но достоинство поэмы не ограничивается только временнымъ ея интересомъ. Гоголь съумѣлъ подмѣтить черты, которыя долго еще сохранятся въ русскомъ человѣкѣ, притомъ онъ, какъ поэтъ-художникъ, искусно возсоздалъ въ своихъ типахъ неуловимые изгибы человѣческой души. Гоголь не только нравоописатель, но и тонкій психологъ; въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы нравиться намъ теперь, такъ какъ съ того времени литература сдѣлала значительные успѣхи.

«Мертвыя души» принадлежатъ къ отдѣлу эпическихъ произведеніи, но авторъ не разъ дѣлаетъ отступленія отъ разсказа и высказываетъ свои собственныя впечатлѣнія. Въ особенности важно то отступленіе, которымъ начинается седьмая глава первой части поэмы. Гоголь высказываетъ свои мысли о призваніи комическаго писателя и о различіи его положенія отъ положенія писателя, изображающаго въ своихъ произведеніяхъ свѣтлую сторону жизни. Комическій писатель рисуетъ мрачную картину мелочей, опутавшихъ жизнь и общество, являясь судьею его произведеній, ненавидитъ его, отводитъ ему мѣсто въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество. Современный судъ, по словамъ Гоголя, не понимаетъ, что высокій восторженный смѣхъ стоитъ на-ряду съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и, оцѣнивая произведенія комическаго писателя, сравниваетъ ихъ съ кривляньями балаганнаго скомороха. Несмотря на то что комическому писателю приходится озирать міръ сквозь смѣхъ и незримыя и невѣдомыя для другаго слезы, общество все таки бросаетъ въ него грязью. Такимъ образомъ, уже при созданіи первой части поэмы Гоголь задумывается о тѣхъ вопросахъ, которые впослѣдствіи, въ періодъ его нравственной борьбы съ самимъ собою, неотвязно носились въ его душѣ.

По окончаніи первой части «Мертвыхъ душъ», которыя вышли въ 1842 году, Гоголь сталъ болѣе и болѣе задумываться о своемъ призваніи и о призваніи всякаго писателя, изображающаго недостатки и злоупотребленія жизни. Задумчивость скоро стала обращаться въ меланхолію, соединенную притомъ съ крайнимъ разстройствомъ нервовъ, которыми страдалъ Гоголь въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни. Ему стало представляться, что писатель, прежде чѣмъ изображать недостатки людей, долженъ заглянуть въ свою душу, увѣриться точно ли онъ достоинъ быть цѣнителемъ окружающей

его жизни, нѣтъ ли въ немъ самомъ недостатковъ, которые онъ видитъ въ другихъ. Гоголь бросается на изученіе психологіи, читаетъ отцовъ церкви, признаетъ необходимость аскетизма и, усвоивъ себѣ мистическія возрѣнія на жизнь и природу, обнаруживаетъ религіозность, обратившуюся скоро въ святошество. Продолжая заниматься окончаніемъ своей поэмы, Гоголь нѣсколько разъ принимается за трудъ, но, недоводя его до конца, сжигаетъ его. У него является мысль создать типы людей, годныхъ для подражанія; онъ создаетъ Муразова, Костанжогло, но подобные типы, отличаясь положительными сторонами, неудаются поэту, призванному отъ природы къ сатирѣ. Современное общество и критика ждали съ нетерпѣніемъ продолженія Мертвыхъ душъ, но вмѣсто него Гоголь издалъ книгу, въ которой узнали о перемѣнѣ, происшедшей съ любимымъ поэтомъ. Эта книга вышла въ 1847 году подъ названіемъ «Выбраныя мѣста изъ переписки съ друзьями», въ концѣ которой приложена и Авторская Исповѣдь. Вотъ заглавія отдѣльныхъ писемъ: Женщина въ свѣтѣ, Значеніе болѣзней, О помощи бѣднымъ, Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ, Христіанинъ идетъ впередъ, Русскій помѣщикъ и др. Гоголь сталъ смотрѣть на себя какъ на избраннаго человѣка, посланнаго самимъ Провидѣніемъ; онъ проповѣдуетъ аскетизмъ, чтобъ усовершенствовать лживую природу человѣка. Книга Гоголя была принята враждебно тогдашней литературой, особенно рѣзко возсталъ противъ нея Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю, недавно напечатанномъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы». При всемъ видимомъ разстройствѣ умственныхъ силъ, Гоголь невольно возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ какъ человѣкъ, для котораго благотворительность сдѣлалась главною цѣлью послѣднихъ лѣтъ жизни. Что касается до его сужденій, которыя онъ высказываетъ въ своей перепискѣ, то, несмотря на весь мистицизмъ, характеризующій эти сужденія, они всетаки обнаруживаютъ въ авторѣ пониманіе жизни и вѣрные взгляды его на многіе литературные вопросы.

Въ 1848 году Гоголь совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и, вернувшись обратно въ Москву, проводилъ тамъ время въ постѣ, изнуряя и безъ того разстроенный организмъ. Въ 1852 году онъ окончательно слегъ и умеръ отъ нервной горячки на 43 году жизни. Обозрѣвая главнѣйшія произведенія Гоголя, не трудно замѣтить въ чемъ ихъ различіе отъ предшествовавшей литературы, что было внесено

новаго этимъ писателемъ, юмористомъ. Во всѣ періоды наша литература, за весьма немногими исключеніями, отличалась подражательнымъ характеромъ и хотя стремилась къ самобытности, но окончательно достигла этого въ произведеніяхъ Гоголя. Гоголь первый своими художественными созданіями, безъ всякаго вліянія какой нибудь теоріи, показалъ, что искусство и поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ. Русская беллетристика въ первый разъ получила то направленіе, о которомъ она не имѣла понятія раньше Гоголя. Даже такіе талантливые личности, какъ Карамзинъ, всегда находились подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, между тѣмъ Гоголь создавалъ свои произведенія силою своего художническаго инстинкта, не подчинялся никакому вліянію, а самъ напротивъ сталъ во главѣ цѣлой школы писателей.

Литературная дѣятельность Гоголя оказала вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашей литературы и выдвинула цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ многіе дѣйствуютъ и въ настоящее время. Но прежде чѣмъ обозрѣвать произведенія этихъ писателей, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ дѣятельности и такихъ, произведенія которыхъ хотя и не относятся, по направленію, къ новой литературной школѣ, но появляются въ разсматриваемый періодъ. Къ нимъ принадлежатъ Кукольникъ, Губеръ и Майковъ.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809—1868) воспитывался въ Нѣжинскомъ лицеѣ и былъ товарищемъ Гоголя, вмѣстѣ съ которымъ онъ принималъ участіе въ изданіи школьнаго журнала и въ домашнихъ спектакляхъ. Кукольникъ шелъ первымъ ученикомъ и всегда отличался многосторонностью своихъ познаній, которая впослѣдствіи пригодилась ему въ литературной дѣятельности. По выходѣ изъ лицея, Кукольникъ сначала былъ учителемъ русской словесности, а потомъ перешелъ нс службу въ министерство финансовъ. Первымъ его произведеніемъ, написаннымъ еще во время пребыванія въ лицеѣ, была драматическая фантазія въ стихахъ «Торквато Тассо», напечатанная въ 1833 году отдѣльной книжкой. Литературная критика съ большими похвалами отнеслась къ дѣйствительно лучшему произведенію Кукольника, и съ той поры, ободренный такими успѣхами, молодой писатель посвятилъ себя литературѣ, не бросая однакожъ государственной службы. Имя Кукольника стало извѣстно всей Россіи съ 1834 года, когда на сценѣ была поставле-

на его всѣмъ извѣстная піэса «Рука Всевышняго отечество спасла»; за этой піэсой послѣдовали и другія историческія драмы, изъ которыхъ лучшею была «Кн. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій»; эта піэса до сихъ поръ ставится на столичныхъ, а преимущественно на провинціальныхъ сценахъ. Самый плодотворный періодъ дѣятельности Кукольника былъ съ 1840—1845 года въ это время онъ написалъ пять романовъ въ 17 томахъ, пять драмъ и двадцать шесть повѣстей и разсказовъ. Изъ романовъ Кукольника большею популярностью пользовались два: «Эвелина де Вальероль и Альфъ и Альдона». Первое произведеніе по сюжету относится ко временамъ кардинала Ришелье, характеристика котораго заимствована русскимъ авторомъ изъ романа французскаго писателя Альфреда де Виньи «Сенъ-Маръ». Въ другомъ своемъ романѣ Кукольникъ имѣлъ намѣреніе изобразить картину нравственнаго и политическаго состоянія Литвы въ половинѣ XIV столѣтія. Произведеніе наполнено множествомъ литовскихъ названій мѣстъ, урочищъ, притомъ изображенія часто не соотвѣтствуютъ духу времени; такъ Ольгердъ представленъ цивилизованнымъ человѣкомъ нашего времени, сантиментальнымъ героемъ, немыслимымъ въ тотъ суровый вѣкъ, изъ котораго взятъ сюжетъ романа. Вообще романы Кукольника отличаются только временнымъ интересомъ, но не художественнымъ; на первомъ планѣ стоятъ запутанность и разнообразіе сюжета, а не художественное изображеніе характеровъ и вѣрность дѣйствительности. Въ 1836 году Кукольникъ началъ издавать журналъ подъ названіемъ «Художественная газета», которая наполнялась исключительно сочиненіями самого редактора. За этими изданіями слѣдовали и другія, каковы: Иллюстрація и сборники: Новогодникъ и Сказка за Сказкой. Въ сборникѣ «Новогодникъ» Кукольника было напечатано одно изъ первыхъ произведеній Губера. Сынъ пастора одной изъ саратовскихъ колоній, Э. И. Губеръ (1814—1847), воспитываясь въ нѣмецкой семьѣ, до 11 лѣтняго возраста совершенно не зналъ русскаго языка. Поступивъ въ саратовскую гимназію, онъ скоро овладѣлъ русскимъ языкомъ и тогда же сталъ писать русскія стихотворенія. Обладая многосторонними научными свѣдѣніями, Губеръ однако какъ самобытный поэтъ, не имѣлъ въ нашей литературѣ никакого значенія. Главнымъ трудомъ его, за который имя Губера должно войти въ исторію нашей поэзіи, былъ переводъ «Фауста» драматиче-

ской поэмы знаменитаго писателя Гете; Губеръ, несмотря на свои усердныя занятія русскимъ языкомъ, не могъ однако овладѣть всею его гибкостью. Вслѣдствіе этого произошли и недостатки его перевода въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было выразить иронію, шутливость или юморъ. Губеръ основательно изучилъ твореніе Гете, и если Маргарита (героиня Фауста) потеряла свою наивность и обратилась въ какую-то горничную или мѣщанку въ переводѣ Губера, то это произошло вслѣдствіе отсутствія тонкаго знанія русскаго языка.

Изъ поэтовъ, дѣйствующихъ и въ настоящее время и начавшихъ свою дѣятельность еще при жизни Гоголя, особенною извѣстностью пользуется А. Н. Майковъ (род. въ 1821 году). Чтеніе классическихъ писателей, изученіе живописи и т. п. занятія, съ дѣтства развили въ немъ любовь къ поэзіи и вообще къ искусству. Майковъ извѣстенъ въ нашей литературѣ такъ называемыми антологическими стихотвореніями, мотивы которыхъ взяты изъ древней классической жизни. Въ концѣ 1842 года стихотворенія Майкова, прежде печатавшіяся въ журналахъ, вышли отдѣльной книжкой. Бѣлинскій встрѣтилъ съ восторгомъ это новое явленіе въ нашей поэзіи, посвятилъ ему подробный разборъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Многія стихотворенія Майкова обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣку съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства-стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; и это великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ!» Такой отзывъ вполнѣ оправдался въ послѣдующей дѣятельности Майкова. Изъ числа капитальныхъ его произведеній, мы упомянемъ поэмы: «Три Смерти», «Саванароль», «Дурочка Дуня», «Рыбная ловля» и другія,

Въ Гоголевскій періодъ русская литература обогатилась произведеніями, изображавшими русскую народную жизнь. Въ числѣ поэтовъ первое мѣсто принадлежитъ Кольцову, какъ человѣку съ самобытнымъ поэтическимъ талантомъ. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ (съ 1809—1842 г.) родился въ Воронежѣ. Отецъ его былъ мѣщанинъ, занимавшійся доставкою матерьяла на салотопенные заводы, и принадлежалъ конечно къ числу людей необразованныхъ. Уже съ самаго

ранняго дѣтства, Кольцовъ долженъ былъ помогать отцу, цѣлые дни и часто ночи проводилъ въ степи, охраняя стада барановъ, принадлежавшія отцу. Отецъ не обращалъ никакого вниманія на развитіе своего сына, и такимъ образомъ воспитаніе Кольцова предоставлено было одной природѣ. На 10-мъ году, Кольцовъ началъ учиться грамотѣ, подъ руководствомъ одного семинариста, и такъ какъ грамота далась ему, то его отдали въ воронежское уѣздное училище, въ которомъ онъ пробылъ только всего четыре мѣсяца: этимъ и покончилось все образованіе Кольцова. Но страсть къ ученію не могла уничтожиться, несмотря на всѣ препятствія. Получая отъ отца деньги на игрушки, Кольцовъ покупалъ себѣ сказки, которыя составляли для него одно изъ любимыхъ чтеній. Еще во время пребыванія въ училищѣ, Кольцовъ сблизился съ однимъ изъ своихъ товарищей, сыномъ богатаго купца, и бралъ у него для чтенія романы французскихъ писателей, которые по своей фантастичности, напоминали собою Бову Королевича и Еруслана Лазаревича. Постоянное чтеніе возбудило въ Кольцовѣ охоту написать самому что нибудь, и вотъ, взявши стихи Дмитріева, онъ скропалъ стихотвореніе «Три видѣнія», стараясь подражать размѣру Дмитріева; въ скоромъ времени онъ обратился къ единственному тогда въ Воронежѣ книгопрадавцу, и, показавъ ему свое стихотвореніе, просилъ у него совѣта. Книгопродавецъ подарилъ Кольцову «Русскую Просодію», сказавъ, что по этой книжкѣ онъ можетъ выучиться писать хорошіе стихи. Кольцовъ тотчасъ же принялся за изученіе этой книги, но главнымъ толчкомъ къ его поэтической дѣятельности была страстная любовь къ дѣвушкѣ, служившей въ ихъ домѣ. Родители опасались этой любви и, во избѣжаніе опасности, отправили дѣвушку въ казачью станицу, гдѣ она и умерла. Кольцовъ пораженъ былъ этимъ обстоятельствомъ и, подъ вліяніемъ чувства разлуки, написалъ нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ своей первой любви. Таковы его піэсы: «Если встрѣчусь съ тобой», «Первая любовь», «Не шуми ты рожь», и другія. Съ той поры Кольцовъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя онъ встрѣчалъ въ своей семьѣ, усердно сталъ заниматься литературой, сблизился съ Серебрянскимъ, ученикомъ воронежской семинаріи, который указывалъ Кольцову на недостатки его стихотвореній, и читалъ вмѣстѣ съ нимъ сочиненія Шекспира. Такимъ образомъ несмотря на отсутствіе элементарнаго, образованія, которое значительно затр [illegible] Кольцовъ

старался достигнуть до всего исключительно путемъ самообразованія. Въ Воронежъ часто пріѣзжалъ сынъ тамошняго помѣщика Станкевичъ, учившійся въ московскомъ университетѣ. Онъ сблизился съ Кольцовымъ и, замѣтивъ несомнѣнное поэтическое дарованіе въ его стихахъ, предложилъ ему издать на свой счетъ его стихотворенія. Въ 1835 году вышла небольшая книжка стихотвореній Кольцова и тотчасъ же обратила на себя вниманіе тогдашняго общества и литературной критики. Безъ сомнѣнія, произведенія Кольцова возбудили это вниманіе не своимъ внутреннимъ достоинствомъ, а скорѣе тѣмъ, что авторомъ ихъ былъ поэтъ-самоучка, не получившій никакого образованія. Между тѣмъ Кольцовъ, по торговымъ дѣламъ отца, пріѣзжалъ иногда въ Москву и въ Петербургъ, и тамъ мало-по-малу сблизился съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и другими тогдашними писателями. Жизнь среди образованнаго общества невольно возбудила въ себѣ сочувствіе Кольцова, какъ человѣка съ возвышенными стремленіями, и заставила съ отвращеніемъ относиться къ той мѣщанской средѣ, гдѣ господствовали низкое торгашество и стремленіе удовлетворять инстинкты пошлаго эгоизма. Вернувшись на родину, онъ снова вступаетъ въ общество грубыхъ людей и, не будучи въ состояніи примкнуть къ интересамъ окружающаго общества, начинаетъ задумываться о своемъ положеніи, и только изрѣдка посвящая себя занятію поэзіею, забываетъ всю грязную обстановку жизни. Недовольство окружающей жизнью, постояные упреки со стороны родителей, совершенно непонимавшихъ призваніе ихъ сына, мало-по-малу развивали въ Кольцовѣ болѣзнь, которая и довела его до смерти въ 1842 году.

Стихотворенія Кольцова раздѣляются обыкновенно на три разряда. Къ первому относятся тѣ стихотворенія, которыя написаны правильнымъ размѣромъ и составляютъ подражаніе другимъ поэтамъ; ко второму—оригинальныя пѣсни и къ третьему думы. Славу Кольцова преимущественно составили его народныя пѣсни, въ которыхъ онъ является совершенно самобытнымъ поэтомъ. Тѣсно связанный съ жизнію простаго народа, поэтъ довольно рано ознакомился съ его бытомъ и умѣлъ подмѣтить основныя черты этого быта. Главными мотивами поэзіи Кольцова являются: нужда и бѣдность, жалкая участь молодой дѣвушки, выходящей замужъ по принужденію и т. п. Особенно хороши тѣ пѣсни, въ которыхъ Кольцовъ проводитъ мысль о трудѣ и благосостояніи земледѣльца, каковы напр. «Урожай», «Пѣсня

Пахаря, Что ты спишь мужичекъ», «Крестьянская пирушка» и другія. Благосостояніе крестьянина, по его словамъ, зависитъ какъ отъ труда такъ и отъ благодѣтельныхъ силъ природы. Трудолюбивый крестьянинъ всегда можетъ наслаждаться удовольствіями спокойной жизни, онъ всюду находитъ почетъ; напротивъ, лѣниваго крестьянина всегда ожидаетъ жалкая участь. Пѣсня Колцова, какъ художественное произведеніе, несравненно выше народной пѣсни по глубинѣ своей идеи. Возьмемъ стихотвореніе «Косарь». Героемъ его является здоровый и сильный молодецъ, у котораго спорится всякое дѣло. Онъ любитъ дочь старосты, Груню; но старикъ-отецъ не хочетъ выдать замужъ за косаря, человѣка бѣднаго. Неудача молодца весьма обыкновенный мотивъ безъискусственной народной лирики, но тамъ молодецъ не находитъ другаго исхода, какъ идти во царевъ кабакъ и заливать свое горе виномъ. У Кольцова мы видимъ совершенно иную картину. Косарь, какъ ни горько ему было слышать грубый отказъ со стороны старосты, не унываетъ, идетъ въ степь, работаетъ и накопленными деньгами намѣревается разжалобить старосту и достичь этимъ желаемаго счастія. Такимъ образомъ, въ стихотвореніи поэта трудъ является началомъ, примиряющимъ человѣка съ тѣми несовершенствами жизни, которыя нерѣдко разрушаютъ земное счастіе людей. Пѣсни Кольцова, подобно лирическимъ произведеніямъ народнаго творчества, проникнуты часто элегическимъ тономъ, какъ напр.: «Грусть дѣвушки», «Доля бѣдняка», «Тоска по волѣ», и другія. Мы знаемъ, что еще въ періодъ Карамзина являлись поэты, старавшіеся подражать народнымъ пѣснямъ, но эти подражанія всегда отличались приторною сантиментальностью и притомъ написаны были искусственнымъ языкомъ. Пѣсни Кольцова совершенно въ другомъ родѣ: поэтъ не только зналъ бытъ простаго народа, но и сердцемъ любилъ русскую жизнь и природу, сочувствовалъ горестямъ и радостямъ народа, не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Воспѣвая чужую ниву, онъ смотрѣлъ на нее какъ на что-то родное, какъ на плодъ своихъ собственныхъ трудовъ. Кольцовъ никогда не украшаетъ бытовую сторону крестьянской жизни и въ этомъ заключается главное достоинство его пѣсенъ въ сравненіи съ предшествовавшими ему поэтами. Что касается до языка пѣсенъ Кольцова, то въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ подражателей и въ послѣдующей литературѣ. Въ своихъ думахъ Кольцовъ стремился разрѣшить тѣ вопросы, которые

невольно возбуждались въ его умѣ, но рѣшеніе вопросовъ бываетъ всегда неяснымъ и часто проникнуто мистическимъ направленіемъ, которое не согласуется съ простымъ и свѣтлымъ умомъ поэта.

Начиная съ Кантемира, русская литература постепенно стремилась къ тому, чтобы сблизить поэзію съ дѣйствительною жизнію. Это стремленіе замѣтно въ сочиненіяхъ Державина, Карамзина, Пушкина и его послѣдователей; но полное достиженіе цѣли выразилось въ юмористическихъ произведеніяхъ Гоголя. Подъ вліяніемъ дѣятельности послѣдняго, въ литературѣ образовалась такъ называемая натуральная школа писателей. Представители этой школы, вполнѣ признавая важное значеніе идеализаціи въ поэзіи, навсегда отвергнули прежнее опредѣленіе искусства, какъ украшенной природы, и стали изображать жизнь не такъ, какъ представлялась она воображенію, а такою, какою она была въ дѣйствительности. По слѣдамъ Гоголя пошли многіе писатели, изъ которыхъ нѣкоторые и до настоящаго времени подвизаются на литературномъ поприщѣ. Одни изъ писателей изучаютъ и изображаютъ жизнь народную, другіе берутъ предметомъ своихъ сочиненій средній классъ нашего общества и по преимуществу бытъ чиновничій, третьи изображаютъ жизнь свѣтскую. Анализъ явленій жизни, вѣрное воспроизведеніе ея бытовой стороны, гуманныя отношенія къ человѣку какъ къ нравственному существу,—вотъ главныя черты, которыми характеризуется общее направленіе литературы, непосредственно примыкающей къ дѣятельности Гоголя.

Изъ писателей, изображавшихъ народную жизнь, особенною извѣстностью пользовались Даль, писавшій подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго, и Григоровичъ. Влад. Ив. Даль (1801 — 1872) родился въ Екатеринославской губерніи, въ Луганѣ, гдѣ отецъ его состоялъ докторомъ при литейномъ заводѣ. Мать его была нѣмка, происходившая по женскому колѣну отъ французскихъ протестантовъ. По окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Даль опредѣленъ былъ на службу въ черноморскій флотъ, но скоро оставилъ это поприще и, переселившись въ Дерптъ, окончилъ тамъ курсъ со степенью доктора медицины. Часто перемѣняя мѣсто служенія, Даль ознакомился хорошо съ бытомъ и языкомъ русскаго народа въ различныхъ мѣстахъ Россіи и плодомъ этого ознакомленія была небольшая книжка русскихъ сказокъ, изданная въ 1832 году, бывшая началомъ его литературной дѣятельности. Служебныя занятія не мѣ-

шали Далю дѣлать основательныя наблюденія надъ языкомъ русскимъ, надъ нравами и обычаями русскаго народа. По словамъ біографовъ, Даль такъ хорошо изучилъ нарѣчія и говоры русскаго языка, всѣ оттѣнки произношенія, что, находясь въ толпѣ народа, могъ отличать по звукамъ, кто откуда уроженецъ. Результатомъ такого глубокаго знанія языка были два замѣчательные труда Даля: Толковый словарь живаго великорусскаго языка и Сборникъ пословицъ. На литературномъ поприщѣ Даль извѣстенъ своими повѣстями и физіологическими очерками, которые всегда отличались разнообразіемъ содержанія, вѣрностью изображенія жизни и обличали въ авторѣ человѣка бывалаго, стоявшаго лицомъ къ лицу съ народною жизнью, а не изучившаго ее по книжкамъ. Въ своихъ физіологическихъ очеркахъ, каковы напр.: Деньщикъ, Дворникъ, Колбасники и Бородачи,—Даль обнаружилъ не только простую наблюдательность, но съумѣлъ воспроизвести жизнь въ живыхъ типахъ. По примѣру Даля, Григоровичъ писалъ также разсказы изъ народной жизни, каковы напр.: Деревня, Антонъ Горемыка и два большихъ романа: Рыбаки и Переселенцы; но произведенія Григоровича, проникнутыя также любовью и сочувствіемъ къ народной жизни, отличаются сантиментальностью, а слѣдовательно не всегда вѣрнымъ воспроизведеніемъ характера русскаго народа и его быта. Въ свое время произведенія Григоровича, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, имѣли значеніе для нашего общества именно потому, что русская народная жизнь была для многихъ terra incognita. Большинство изъ нашего образованнаго общества воспиталось на иностранной литературѣ и, не зная русскаго народа, его быта и нравовъ, относилось ко всему этому скептически. Такимъ образомъ литература настоящаго періода, обратившись къ изображенію народной жизни, принесла двоякую пользу: во 1) ознакомила общество съ народомъ и во 2) возбудила въ немъ сочувствіе къ нуждамъ и потребностямъ массы, для которой была чужда западная цивилизація. Въ ряду писателей Гоголевскаго періода стоитъ и Тургеневъ, главныя произведенія котораго примыкаютъ уже къ современной эпохѣ нашей литературы.

Ив. Серг. Тургеневъ (род. 1818 году) началъ свою литературную дѣятельность мелкими стихотвореніями и стихотворными поэмами: Параша, Андрей. Съ 1847 года Тургеневъ сталъ печатать рядъ разсказовъ изъ крестьянской жизни, проникнутыхъ глубокимъ со-

чувствіемъ къ крестьянскому быту; эти разсказы сначала печатались въ журналахъ и въ 1852 году изданы въ двухъ книжкахъ, подъ заглавіемъ «Записки охотника». Лучшими изъ этихъ разсказовъ были: «Хорь и Калинычъ, Ермолай и Мельничиха, Пѣвцы, Бѣжинъ Лугъ» и другіе. Въ Запискахъ охотника Тургеневъ описываетъ намъ русскаго крестьянина, отношеніе къ нему помѣщика, сопровождая свои разсказы превосходными описаніями картинъ русской природы. Въ 1857 году «Записки Охотника» переведены были на французскій языкъ подъ названіемъ Recits d'un chasseur. Къ этому же періоду дѣятельности Тургенева относятся и его повѣсти: «Андрей Колосовъ, Три портрета, Жидъ, Бретеръ и Дневникъ лишняго человѣка». Первая повѣсть Тургенева «Андрей Колосовъ», не совсѣмъ сочувственно принята была читателями. Въ ней дѣйствительно, при всемъ художественномъ описаніи, которымъ вообще владѣетъ этотъ писатель, встрѣчаются недостатки, указанные критикою. Авторъ имѣлъ намѣреніе представить намъ въ лицѣ героя повѣсти человѣка смѣлаго, открытаго и честнаго въ своихъ увлеченіяхъ, но самый разсказъ состоитъ изъ описанія простого волокитства, негармонирующаго съ идеею, положенною въ основаніе всей повѣсти. Несравненно болѣе достоинствъ въ повѣсти «Бретеръ», гдѣ Тургеневъ обнаружилъ уже самостоятельность своихъ воззрѣній, какъ мыслитель. Въ сороковыхъ годахъ печоринскій типъ продолжалъ еще играть роль въ нашемъ обществѣ: многіе изъ молодыхъ людей разыгрывали изъ себя людей озлобленныхъ на свѣтъ и на пустоту общественной жизни, но никто изъ нихъ не замѣчалъ за собою слабыхъ сторонъ. Тургеневъ въ названной повѣсти въ лицѣ Лучкова изображаетъ намъ озлобленнаго героя, который въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ постоянно обнаруживаетъ грубость своей натуры. Авдей Лучковъ—Печоринъ на изнанку—онъ озлобляется противъ общества только изъ зависти и изъ сознанія своей ничтожности, ненавидитъ женщинъ не изъ пресыщенія и разочарованія, а потому, что ненаходитъ особы, которая была бы достойна его любви. Лучковъ, подобно Печорину, считаетъ себя выше другихъ, но его самолюбіе, несглаженное воспитаніемъ и обстановкой, высказывается всегда въ грубыхъ формахъ. Съ легкой руки Гоголя русская литература не разъ обращалась къ изображенію людей, обреченныхъ судьбою влачить свое жалкое существованіе. Такихъ людей мы видимъ и въ разсказѣ Тургенева «Дневникъ

лишняго человѣка»; Чулкатуринъ ведущій дневникъ человѣкъ умный, но лишенный энергіи; онъ всю жизнь свою домогался успѣховъ, но по своей непрактичности не могъ достичь цѣли и, называя себя человѣкомъ лишнимъ, сознается, что причина неуспѣха заключалась въ томъ, что онъ искалъ себѣ мѣста не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Чулкатуринъ пришелъ къ мысли, что онъ человѣкъ неспособный, но эта неспособность мнимая: она произошла только отъ недостатка воли, какъ такого орудія, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ всегда найти свое призваніе. Въ изображеніи характера героя замѣтна неполнота, разсказъ сосредоточивается преимущественно на исторіи любви Чулкатурина въ Лизѣ Ожогиной и мы не видимъ почти никакихъ другихъ сторонъ жизни, въ борьбѣ съ которыми могъ бы вполнѣ выразиться типъ лишняго человѣка.—Такимъ образомъ Тургеневъ обратился къ изученію русской жизни и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени является единственнымъ писателемъ, который, прислушиваясь къ явленіямъ жизни нашей, умѣетъ выразить ихъ въ своихъ художественныхъ созданіяхъ.

Главнымъ послѣдователемъ Гоголя былъ Достоевскій, одинъ изъ современныхъ писателей. Свое литературное поприще Достоевскій началъ двумя повѣстями: Бѣдные люди» и «Двойникъ». Первое произведеніе изложено въ формѣ писемъ; героемъ его является бѣдный чиновникъ Макаръ Дѣвушкинъ, личность котораго напоминаетъ собою героя повѣсти Гоголя «Шинель». Достоевскій, изображая бытъ бѣднаго чиновничества въ лицѣ Макара Дѣвушкина, проводитъ ту мысль, что въ средѣ людей забитыхъ, искалѣченныхъ подъ вліяніемъ мелочной и ограниченной жизни, могутъ проявляться возвышенныя и благородныя чувства. Бѣдный пожилой чиновникъ,—человѣкъ безъ всякаго образованія, но съ безконечно доброй душой, стремится улучшить положеніе бѣдной дѣвушки, находящейся среди развратныхъ людей. Помогая своей Варинкѣ (героинѣ романа), Дѣвушкинъ забираетъ впередъ жалованье, входитъ въ долги и, испытывая страшную нужду, ищетъ забвенія въ пьянствѣ. Самъ авторъ глубоко сочувствуетъ положенію своихъ героевъ, обреченныхъ на забитую жизнь вслѣдствіе неправильныхъ условій, сложившихся въ самой общественной средѣ. Въ этомъ случаѣ Достоевскій вполнѣ выразилъ тѣ гуманныя отношенія къ людямъ, которыми характеризуется литература, возникшая подъ вліяніемъ Гоголя. Какъ «Бѣдные люди

напоминаютъ намъ Шинель Гоголя, такъ другое произведеніе Достоевскаго, о которомъ мы упомянули выше, тѣсно связывается съ «Записками Сумасшедшаго». Герой романа Голядкинъ—самый обыкновенный человѣкъ, притомъ очень обидчивый и подозрительный. Ему все кажется, что его всѣ обижаютъ и желаютъ ему наносить всякаго рода оскорбленія, что очевидно указываетъ намъ на умственное разстройство героя. Названіе свое романъ получилъ отъ того го, что Голядкинъ въ своемъ помѣшательствѣ воображаетъ въ себѣ самомъ присутствіе другой личности, въ которой авторъ олицетворяетъ тѣ практическія средства для успѣха въ жизни, которыя недоступны были для Голядкина. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ критиковъ главнымъ недостаткомъ романовъ Достоевскаго считали ихъ растянутость, но источникомъ этой растянутости было стремленіе подробнѣе анализировать явленіе жизни. Произведенія Достоевскаго на первый разъ покажутся какъ будто вялыми по изложенію своему, но чѣмъ глубже вникать въ ихъ сущность, тѣмъ ярче обнаруживается талантъ автора подмѣчать въ жизни неуловимыя ея черты, воспроизводить душевный міръ героевъ и героинь. Психологическая сторона романовъ Достоевскаго особенно хорошо выразилась въ «Преступленіи и Наказаніи», принадлежащемъ къ такъ называемымъ уголовнымъ романамъ.

Подробнымъ-же анализомъ жизни отличается и первый романъ Гончарова «Обыкновенная исторія», сюжетъ котораго взятъ изъ жизни помѣщиковъ и чиновниковъ высшаго класса. Въ лицѣ героя Александра Адуева, авторъ изобразилъ намъ типъ мечтательнаго юноши, который повидимому стремится къ высокой цѣли, а на самомъ дѣлѣ является эгоистомъ. Адуевъ живетъ только чувствомъ, и хотя онъ получилъ университетское образованіе, но оно крайне мало подготовило его къ жизненной дѣятельности. Пріѣхавъ въ Петербургъ изъ деревни, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ матери, значительно поизнѣжился, Адуевъ разсчитываетъ составить себѣ карьеру, но всегда старается скрыть это подъ видомъ какихъ-то для него самого непонятныхъ возвышенныхъ цѣлей. Авторъ очевидно подсмѣивается надъ тѣми мечтательными юношами, которые, вычитавши изъ книгъ массу выспреннихъ фразъ, воображаютъ себя великими людьми, признанными къ какой-то возвышенной миссіи. Въ лицѣ Петра Иваныча, дяди молодого Адуева, Гончаровъ изображаетъ практическаго

человѣка, который хотя и не можетъ считаться идеаломъ, но во всякомъ случаѣ выше молодаго Адуева въ томъ отношеніи, что онъ не обманываетъ ни себя, ни другихъ и откровенно сознается въ своихъ практическихъ стремленіяхъ. «Цѣль моей жизни, говоритъ онъ племяннику, успѣхъ, выгода, та же, что у тебя, Александръ, но ты не сознаешься въ этомъ, а я сознаюсь». Праздная мечтательность молодаго Адуева особенно обнаруживалась въ его любви къ Надинькѣ; они проводятъ время въ постоянныхъ свиданіяхъ, которыя сопровождаются безконечными разговорами о любви, и такъ какъ человѣкъ не можетъ исключительно ограничиться одною жизнію чувства, то разумѣется влюбленные надоѣли другъ другу. Надинька хотѣла, чтобы Адуевъ занималъ не только ея чувство, но и умъ, но къ этому герой романа былъ совершенно неспособенъ: онъ могъ мечтать, могъ воображать себя философомъ, но на самомъ дѣлѣ являлся въ этомъ случаѣ крайне несостоятельнымъ. Романъ Гончарова положительно принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей беллетристики; разговоры между дядей и племянникомъ, несмотря на свою длинноту, представляютъ собою страстные драматическіе споры, въ которыхъ хорошо выражаются характеры дѣйствующихъ лицъ; языкъ романа отличается необыкновенною чистотою и правильностью.

Литературное движеніе сороковыхъ годовъ обнаружилось не только въ беллетристикѣ, но и въ дѣятельности тѣхъ писателей, которые старались проводить новыя идеи путемъ критики и научной оцѣнки общественныхъ явленій современной и прошлой русской жизни. Къ періоду сороковыхъ годовъ относится полное развитіе двухъ литературныхъ партій: Славянофиловъ и Западниковъ. Эти партіи существовали и раньше, но ихъ полемика ограничивалась только вопросомъ о языкѣ и изрѣдка касалась внѣшнихъ сторонъ жизни. Какъ та, такъ и другая партія воспитывалась сначала на одномъ и томъ же принципѣ, который возникъ подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Идеи этого философа о томъ, что у каждаго народа есть свое самобытное призваніе, заставили русскихъ дѣятелей обратиться къ изученію своей народности. Начиная съ реформы Петра, русское общество развивалось подъ вліяніемъ западноевропейской цивилизаціи, которая совершенно была чужда народной жизни. Высшіе классы отдѣлились отъ народа, развитіе котораго шло своимъ путемъ. Пред-

ставители славянофильскаго ученія находили, что этотъ разладъ произошелъ вслѣдствіе реформы Петра, и что цивилизація Запада оказывала при этомъ весьма вредное вліяніе на развитіе русской жизни вообще. Они обратились къ изученію до-Петровской старины и стали въ ней искать идеаловъ для разумнаго развитія жизни. Къ партіи славянофиловъ принадлежали многіе изъ просвѣщенныхъ людей Россіи, которые, несмотря на свои нѣкоторые ложные взгляды, справедливо оцѣнивали вредную сторону русскаго европеизма и оказали громадное вліяніе на развитіе русской литературы и науки. Болѣе замѣчательными изъ представителей славяно-фильскаго ученія были: братья Кирѣевскіе Иванъ и Петръ, К. Аксаковъ и Хомяковъ. Иванъ Кирѣевскій въ нашей литературѣ извѣстенъ какъ авторъ статей, въ которыхъ онъ проводитъ общія начала славяно-фильскаго ученія. Петръ Кирѣевскій избралъ предметомъ изученія русскую исторію и народный бытъ: ему принадлежитъ собраніе произведеніи народной литературы, которое издается еще и въ настоящее время. Хомяковъ (1804—1860) извѣстенъ не только своими научными трудами, но и поэтическою дѣятельностью. Кромѣ значительнаго числа стихотвореній, Хомяковъ написалъ еще двѣ историческія драмы: Ермакъ и Дмитрій Самозванецъ, въ которыхъ мѣстами встрѣчаются вполнѣ художественныя сцены. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній Хомяковъ приводитъ чисто славянофильскія мысли, какъ напр.: въ піесѣ Мечта, гдѣ поэтъ оплакиваетъ близкую гибель Запада. Хомяковъ былъ можно сказать главою школы. Владѣя энциклопедическими познаніями, онъ былъ притомъ замѣчательнымъ діалектикомъ и принадлежалъ къ самымъ дѣятельнымъ членамъ общества. Представители славянофиловъ касались въ своихъ разсужденіяхъ и вопросовъ относящихся къ исторіи литературы, такъ напр.: Аксаковъ написалъ довольно объемистое сочиненіе о Ломоносовѣ, въ которомъ и разсмотрѣлъ подробно его поэтическую дѣятельность. Славянофильское ученіе оказало вліяніе и на изящную литературу сороковыхъ годовъ; подъ вліяніемъ этого ученія была написана повѣсть Сологуба «Тарантасъ», вышедшая отдѣльной книгой въ 1845 году. Дѣйствующими лицами повѣсти являются два помѣщика: Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ, характеры совершенно противоположные. Иванъ Васильевичъ, сынъ богатыхъ родителей, воспитывался подъ руководствомъ иностраннаго гувернера и ничего не вынесъ изъ этого воспитанія. Иванъ Васильевичъ изъ числа романтиковъ, онъ воображаетъ

себя человѣкомъ, назначеннымъ для возвышенной цѣли; владѣя состояніемъ онъ ѣдетъ за-границу; посѣтивъ Германію, начинаетъ ругать нѣмцевъ, отправляется въ Парижъ, проводитъ тамъ время въ удовольствіяхъ шумной жизни, но скоро все это ему надоѣдаетъ. Непріязненые взгляды иностранцевъ на Россію заставляютъ И. В. обратиться къ своему отечеству и полюбить его. Онъ возвращается на родину, въ Москвѣ встрѣчается съ Васильемъ Ивановичемъ и они вмѣстѣ ѣдутъ въ тарантасѣ въ деревню. Авторъ приводитъ всѣ разговоры двухъ помѣщиковъ изъ которыхъ видно, что Вас. Ив. человѣкъ съ здравымъ смысломъ и хорошо понимаетъ, что Ив. Вас. мечтатель; что эти мечты о различныхъ усовершенствованіяхъ крестьянскаго быта такъ и останутся мечтами и не обратятся въ дѣло. Хотя Василій Ивановичъ не получилъ блестящаго образованія и не можетъ выражаться возвышенно и изящно, но его сужденія образецъ самостоятельнаго мышленія. Когда замечтавшійся Иванъ Васильевичъ говоритъ, что онъ намѣренъ изучать Россію въ отношеніи ея древности и народности, то простакъ Василій Ивановичъ совѣтуетъ ему бросить это занятіе, жениться и жить въ свое удовольствіе въ деревнѣ. Конечно, въ словахъ Василія Ивановича проглядываетъ иронія, но иронія безсознательная, высказанная просто въ силу здраваго смысла, а вовсе не съ преднамѣренною цѣлью поострить надъ мечтательнымъ романтикомъ. Въ самомъ дѣлѣ можетъ-ли человѣкъ, подобный Ив. Васильев. изучать Россію? Для этого нужно было учиться, нужно было пріучить себя къ труду, къ систематическому чтенію, а между тѣмъ въ Ив. Вас. ничего подобнаго не было и не могло быть Повѣсть Сологуба отличается необыкновенною живостью и умѣніемъ автора заинтересовать читателя разсказомъ о различныхъ приключеніяхъ, но его собственныя мысли отзываются враждебнымъ отношеніемъ ко всему иностранному и сантиментальнымъ взглядомъ на русскую народность. Говоря о томъ, что любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая, авторъ очевидно впадаетъ въ тотъ сантиментализмъ, въ который нерѣдко впадали славянофилы.

Партія, противоположная славянофиламъ, обратившись также къ изученію русской литературы и жизни, глубоко сочувствовала реформѣ Петра, находя, что сближеніе съ Европой было единственнымъ

средствомъ для будущаго развитія Россіи. Главнымъ представителемъ теоріи западниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературной критики сороковыхъ годовъ былъ Бѣлинскій. Его сочиненія, вышедшія въ 12 томахъ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка, одареннаго глубокимъ эстетическимъ чувствомъ и основательно изучившаго всю исторію нашей литературы. Дѣятельность его не прошла безслѣдно для дальнѣйшаго литературнаго развитія; онъ имѣлъ многихъ послѣдователей, которые, воспитавшись на его идеяхъ, проводили ихъ въ своей литературной дѣятельности. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1811—1847 г.) родился въ городѣ Чембарѣ, Пензенской губерніи, гдѣ отецъ его былъ уѣзднымъ лекаремъ. Во время пребыванія своего въ уѣздномъ училищѣ, и потомъ въ гимназіи, Бѣлинскій, хотя и мало успѣвалъ въ наукахъ, но былъ выше многихъ своихъ товарищей по развитію и уже тогда обращалъ на себя вниманіе, какъ юноша чрезвычайно начитанный и умѣвшій критически отнестись къ тому, что было предметомъ его изученія. Такъ отзываются о немъ бывшіе его наставники, такой же отзывъ о немъ былъ данъ и Лажечниковымъ, когда этотъ послѣдній по обязанностямъ службы ревизовалъ Чембарское уѣздное училище. Поступивъ въ Московскій университетъ, Бѣлинскій долженъ былъ скоро оставить его съ весьма неблаговидной аттестаціей. Это произошло въ 1832 году. Между тѣмъ онъ примкнулъ къ кружку молодыхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный намъ уже Станкевичъ. Философскія и литературныя бесѣды, часто устраиваемыя въ квартирѣ Станкевича, оказали вліяніе на Бѣлинскаго, который, не зная нѣмецкаго языка, изучалъ философію подъ руководствомъ Станкевича, принадлежавшаго къ образованнѣйшимъ людямъ того времени. Въ 1834 году Бѣлинскій написалъ первую свою критическую статью подъ названіемъ «Литературныя мечтанія», которая и была напечатана въ журналѣ Молва, издававшемся Надеждинымъ. Статья эта сразу обнаружила критическій талантъ автора, который, хотя и слѣдовалъ сначала Полевому, и другимъ предшествовавшимъ критикамъ, но скоро однакожъ пошелъ по новому, самостоятельному пути. Съ этой поры Бѣлинскій принималъ постоянное участіе въ тогдашнихъ журналахъ, но никогда не подписывалъ подъ статьями своей фамиліи. Еще до появленія Бѣлинскаго на литературномъ поприщѣ русская критика имѣла своимъ представителемъ Полеваго, который, какъ извѣстно, съ запрещеніемъ

«Московскаго телеграфа» долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. Въ тотъ же годъ началось изданіе журнала Библіотеки для чтенія, редакторомъ котораго долгое время состоялъ Ос. Ив. Сенковскій извѣстный въ нашей беллетристикѣ подъ именемъ барона Брамбеуса.

Сенковскій (1800—1858 г.) принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени; помимо глубокаго знанія восточныхъ и новѣйшихъ языковъ, онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ, и такимъ образомъ эта многосторонность свѣдѣній давала ему возможность быть редакторомъ журнала. Библіотека для чтенія имѣла громадный успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ; въ этомъ журналѣ читатели находили массу статей разнообразнаго содержанія, но критическій отдѣлъ далеко былъ неудовлетворительный. Сенковскій, какъ критикъ, пользуется несовсѣмъ лестною для него извѣстностью: его статьи, отличаясь большимъ остроуміемъ, неправильно оцѣниваютъ произведенія современныхъ русскихъ писателей. Не обладая эстетическимъ талантомъ, Сенковскій вооружался въ своихъ статьяхъ противъ такихъ писателей какъ Гоголь и напротивъ чуть не обоготворялъ Кукольника, находя, что драмы послѣдняго даютъ ему полное право стать наравнѣ съ Шекспиромъ. Высказывая подобныя мнѣнія, Сенковскій нерѣдко мотивировалъ эти мнѣнія просто расположеніемъ духа, а вовсе не убѣжденіемъ. Вотъ что говоритъ о Сенковскомъ Гоголь въ своей статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 году»: Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпиской двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ: надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣсто-

именіяхъ, сей и оный, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія сей и оный совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятеричное і, который въ послѣдствіи еще не такъ давно поддерживалъ одинъ професоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ».

Отзывы Сенковскаго о русской литературѣ распространяли въ обществѣ неправильное пониманіе поэзіи, какъ искусства, и такимъ образомъ необходимо было явиться человѣку, который бы разсѣялъ это непониманіе. Такимъ человѣкомъ и былъ Бѣлинскій. Несмотря на всѣ свои заблужденія, въ которыхъ очень легко впасть человѣку, занятому непрерывной умственной работой, Бѣлинскій первый далъ образецъ правильнаго пониманія поэзіи, первый ознакомилъ русское общество съ историческимъ ходомъ нашей литературы, наконецъ первый истолковалъ смыслъ произведеній: Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Въ дѣятельности Бѣлинскаго главнымъ образомъ замѣчается два періода. Сначала, подчинившись вліянію философіи Гегеля, онъ является проповѣдникомъ такъ называемаго чистаго искусства; во второй періодъ своего развитія, Бѣлинскій приходитъ къ той мысли, что поэзія, не переставая быть художественнымъ творчествомъ, въ то же время должна тѣсно связываться съ жизнію. Эта точка зрѣнія на поэзію и выражена Бѣлинскимъ въ статьяхъ о знаменитыхъ представителяхъ современной литературы. Относясь всегда съ глубокимъ сочувствіемъ къ поэзіи Пушкина, онъ однакожъ опровергаетъ взглядъ послѣдняго на искусство, какъ на область, для которой должна быть чужда окружающая жизнь. Когда журналистика сороковыхъ годовъ стала нападать на Гоголя и его послѣдователей, Бѣлинскій явился ярымъ защитникомъ натуральной школы въ своей статьѣ «Русская литература въ 1847 году», напечатанной въ Современникѣ. Кромѣ рецензій, которыя всегда были въ рукахъ Бѣлинскаго, онъ оставилъ массу большихъ статей по поводу явленій современной литературы. Ежегодно Бѣлинскій давалъ статью, въ которой дѣлалъ обозрѣніе литературы за протекшій годъ, и надо сказать, что со смертью Бѣлинскаго наши журналы окончательно не видали на своихъ страницахъ

подобныхъ обозрѣній. Бѣлинскій не ограничивался одними литературными вопросами; такъ, по поводу выходившихъ тогда дѣтскихъ книжекъ, онъ высказалъ много дѣльныхъ мыслей о воспитаніи. Просматривая критическія статьи Бѣлинскаго, мы замѣчаемъ, что онъ часто повторялъ въ нихъ одну и ту же мысль, но подобныя повторенія были необходимы, такъ какъ ему приходилось давать совершенно новый взглядъ на литературныя явленія. Критическія статьи Бѣлинскаго, помимо ихъ образцоваго изложенія, всегда проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ дѣлу и потому онѣ оставили слѣды и въ послѣдующемъ развитіи русской критики. Вліяніемъ Бѣлинскаго вызвана была литературная дѣятельность А. В. Дружинина (1824—1864 г.), который выступилъ на литературное поприще съ повѣстью «Полинька Саксъ», напечатанною въ Современникѣ за 1847 годъ. Дружининъ, кромѣ того, извѣстенъ, какъ знатокъ англійскаго языка и литературы, какъ переводчикъ нѣсколькихъ трагедій Шекспира и, наконецъ, какъ авторъ многочисленныхъ критическихъ статей о русской литературѣ. Полное собраніе сочиненій Дружинина издано было въ 8-ми томахъ въ 1865 году.

Въ періодъ сороковыхъ годовъ русская литература значительно обогатилась переводными сочиненіями. Въ это время переведена большая часть романовъ: Вальтеръ-Скотта, Купера и Диккенса. Изъ переводчиковъ особенною извѣстностью пользуется Введенскій, переводившій романы Дикенса: Записки Пиквикскаго Клуба, Давидъ-Коперъ-Фильдъ, Домби и сынъ и другіе. Романы эти печатались преимущественно въ Отечественныхъ Запискахъ, издателемъ которыхъ былъ А. А. Краевскій. Переводы драматическихъ произведеній Шекспира печатались тогда въ журналѣ, издававшемся подъ названіемъ «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ». Изъ повременныхъ изданій замѣчательны: «Москвитянинъ» главнымъ сотрудникомъ котораго былъ професоръ С. Шевыревъ, авторъ «Исторіи русской словесности преимущественно древней». С. Шевыревъ (1806—1864) извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ критическихъ статей, которыя помѣщалъ онъ еще до изданія Москвитянина въ журналѣ «Московскій Наблюдатель». Дѣлая оцѣнку сочиненіямъ Гоголя, Шевыревъ находилъ, что главное ихъ свойство комизмъ и совершенно опускалъ изъ виду достоинство дѣятельности Гоголя, какъ писателя, воспроизводившаго жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Слог-

Шевырева всегда почти отличался возвышеннымъ и притомъ крайне риторическимъ характеромъ. Вотъ напр.: одно мѣсто изъ его статьи по поводу драмы Кукольника «Кн. Скопинъ Шуйскій»: Какъ часто, дочитывая послѣднюю страницу XII тома, которая такъ чудно рисуетъ русскій хаосъ междуцарствія, при послѣднихъ словахъ «Орѣшекъ не сдавалься», вмѣстѣ съ картиною эпохи я воображалъ картину самого историка. Представьте себѣ его въ двадцатипятилѣтнихъ креслахъ, свидѣтеляхъ его труда неутомимаго; одинъ чуждый помощи, сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ хартій, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нея живую картину, возвращая минувшее настоящему.... и внезапно хладная коса смертная касается неутомимой руки писателя на самомъ широкомъ ея разбѣгѣ... перо выпало изъ перстовъ, вслѣдъ за тѣмъ свинцовая завѣса закрыла отъ насъ Исторію Россіи — свинцовая, потому что, послѣ могучей руки Карамзина, никто до сихъ поръ не осмѣлился достойно поднять ее, хотя и были нѣкоторыя усилія... Славныя кресла Карамзина до сихъ поръ еще праздны, къ стыду нашей литературы».

Статьи Шевырева по поводу современныхъ явленій литературы встрѣчали оппозицію со стороны редакціи Отечественныхъ Записокъ, и эта журнальная полемика въ свое время оказывала вліяніе на литературное движеніе сороковыхъ годовъ. — Исторія Литературы также была предметомъ изученія въ то время; въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Никитенко и Плетнева. Въ 1845 году Ал. Вас. Никитенко (род. 1805 г.), извѣстный русскій ученый, академикъ издалъ «Опытъ исторіи русской литературы», сочиненіе, къ которому сочувственно отнеслась современная критика. П. А. Плетневъ (1792 — 1865) вступилъ на литературное поприще въ 1818 году и, вскорѣ сблизившись съ представителями литературы Карамзинымъ и Жуковскимъ, преимущественно писалъ стихотворенія. Въ 1838 году онъ принялъ на себя редакцію журнала «Современникъ» и съ той поры окончательно посвятилъ себя наукѣ и критикѣ. Изъ большихъ сочиненій Плетнева извѣстны: Біогра[illegible] Жуковскаго, остающіяся единственными въ этомъ родѣ литературы.

Конецъ.

Stanford University Libraries
3 6105 005 913 855

